

Ирина Фронкина

Снежный Барс

Текстовый сериал в духе аниме

От автора

Эпизод 1. Собеседование

Эпизод 2. Слуга для шести господ

Эпизод 3. Братя Накадзима

Эпизод 4. Тучи сгущаются

Эпизод 5. Истинная форма

Эпизод 6. Оборона

Эпизод 7. На осадном положении

Эпизод 8. Семейные сцены

Эпизод 9. Исповедь отца семейства

Эпизод 10. Первый раз в старший класс

Эпизод 11. Первый раз в старший класс (продолжение)

Эпизод 12. В домашней атмосфере

Эпизод 13. Наедине с отцом

Эпизод 14. Наследник хранителей забытого святилища

Эпизод 15. Бакэнэко vs инугами

Эпизод 16. Семейные истории

Эпизод 17. Капканы на лис

Эпизод 18. Бессонная ночь, тревожное утро

Эпизод 19. Охота на лис

Эпизод 20. Переполюх в лисьем поместье

Эпизод 21. Семейное совещание

Эпизод 22. Разгадать стратегию врага

Эпизод 23. Без масок и барьеров

Эпизод 24. Оммёджи наносит первый удар

Эпизод 25. Всем миром

Эпизод 26. Накадзима и сыновья

Пояснения к эпизодам

Примечания

Несколько слов об авторе

От автора

Новеллы серии «На Дальнем Пограничье» – это сказки, а герои – русские сказочные персонажи и персонажи японской мифологии. Предполагалось, что открывать серию будет одноименная новелла. Но творческая муза – дама капризная, потому текстовое воплощение проекта началось с третьей задуманной истории «Снежный Барс». Объединяющие персонажи серии – полковник баба Яга, русский вампир Андрей Михайлович, японский ворон-оборотень карасу тэнгу, серый волк Станислав Волков – упоминаются в тексте новеллы «Снежный Барс» как уже знакомые читателю, однако это пока условное знакомство.

Новелла «Снежный Барс» создана в духе японских аниме с соблюдением законов жанра. Аниме – не мультфильмы! Это анимированная манга – традиционные японские комиксы – уникальный вид литературно-визуального искусства. Новелла «Снежный Барс» структурирована по принципу аниме-сериала – не рисованного, но текстового.

Текстовый массив сопровождается заметками, где даны пояснения к некоторым действиям героев, к их поведению, речи и к окружающей обстановке. Информация собрана из литературы, а также из рассказов наших соотечественников, проживающих в Японии. Комментарии по языковой тематике составлены на основе справочников, словарей и учебников японского языка. На культурологическое исследование автор, разумеется, не претендует, но советует прежде, чем приступать к чтению очередного «эпизода», просмотреть раздел «Пояснительные заметки». Интерактивная связь в тексте обеспечивается программными средствами.

Пантеон японских мифических существ огромен и многообразен. Свойства и качества одного и того же бакэмоно – монстра – в различных современных произведениях представлены, порой, с диаметрально противоположных позиций. Опять же без претензий на какую-либо универсальность в новелле «Снежный Барс» мифический мир показан так, как представляет себе автор.

В интерактивных примечаниях и в разделе «Пояснения» даются определения японских мифических существ. Однако в переводах с японского нет общей терминологической концепции по теме демонического пантеона Японии. Наименования мифических субъектов в этой новелле – это, в основном, японские наименования, транслитерированные по правилам русского языка. И ни в коем случае не калька англоязычных переводов с японского, где, например, ёкаев, аякаси, они, мадзоку огулом называют «демонами».

Дабы у читателей, хорошо знакомых с аниме и мангой, не возникало недоумений по поводу кириллической записи японских слов, названий и имен, следует пояснить, что здесь, в тексте, используется транскрипция по системе Поливанова, принятая во всех русскоязычных изданиях. Бессмысленно спорить о корректности буквосочетаний «дз», «си», «ся» и т.п. в приложении к фонетическим особенностям речи японцев, ибо система Поливанова – это правила текстовой записи звука средствами русского языка, а не учебник по японской фонетике.

Рекомендуется прочитать [общие пояснения](#) к тексту.

Эпизод 1. Собеседование

Пояснения к эпизоду 1.

Тора шел на собеседование и размышлял о всех тех странностях, которые окружали его с сегодняшнего утра. Впрочем, нет – не с утра. Странности начались раньше, в тот совершенно обычный день, когда в кафе вошел молодежавый седовласый господин в традиционной японской одежде. Такой визит сам по себе был странностью. Ведь никогда доселе – а Тора работал в кофе более двух лет – в маленький невзрачный подвальчик, где подавали легкие закуски, коктейли, кофе и сладости, не заглядывал никто выше менеджера соседнего магазинчика. Тогда Тора первым делом подумал, что где-то рядом снимают фильм на историческую тему, и актер в перерыве решил перекусить, не потрудившись переодеться. Но присмотревшись внимательнее, он уверился в ошибочности первого впечатления: кафе почтил своим визитом некто очень высокого полета. Хозяин – он же бармен – сумел выдавить лишь «добро пожаловать» и надолго застыл в глубоком поклоне. Торе пришлось брать инициативу в свои руки, дабы не упустить представительного посетителя.

Посетитель с удовольствием принял приглашение расположиться за столиком и извинения за то, что в заведении наличествует европейский интерьер. Усевшись, он заявил, что кофе, на запах которого он пришел, подразумевает только такой интерьер, и именно такой интерьер соответствует заморскому напитку. Полная достоинства горделивая осанка, изысканные манеры и витиеватая речь окончательно вогнали хозяина в ступор, зато почему-то вдохновили Тору. Это была вторая странность, поскольку Тора обычно чувствовал себя скованно перед новыми людьми.

Респектабельный господин заказал кофе с сахаром и сливками, а также фирменный десерт. По причине несколько неадекватной реакции хозяина Тора взялся сам готовить этот десерт, что можно было считать третьей странностью: обычно сие блюдо, во-первых, хозяин творил собственноручно, а во-вторых, десерт заказывали только девушки, так как назывался он «Кошачья нежность» и в дизайне своем имел «нэко-мими» – кошачьи ушки, – вырезанные из ломтиков белой груши.

Тора сам не заметил, как странный посетитель втянул его в разговор, но не почувствовал ни толики стеснения, отвечая на ненавязчивые вопросы о кафе и о кофе. При всем при этом он не забывал о своих обязанностях официанта. Успел обслужить двух старшекласниц – постоянных клиентов заведения – и заготовил ингредиенты для коктейля, который обязательно закажет менеджер магазина через десять минут, когда заглянет сюда в обеденный перерыв. А также выполнил все те обычные действия, которые между делом должен выполнять обычный официант. И тут услышал в адрес хозяина – какой же ловкий и расторопный ваш работник!

Однако на сём странности не закончились. В кафе буквально ворвался незнакомый господин в строгом черном костюме. Тора не удивился бы, если за столь стремительным появлением последовало бы что-то типа – «всем лечь на пол, это ограбление!» Но опять не угадал. Господин в строгом костюме увидал господина в традиционном костюме и кратко излил свои эмоции: «Как хорошо, что с вами все в порядке, босс». А Тора ничтоже сумняшеся подскочил к новому гостю и пригласил его присоединиться к «сладкой трапезе». Господин в костюме откровенно растерялся, а его босс от души рассмеялся. Тора воспользовался моментом по своему – изобразил свою коронную обворожительную улыбку, от который не устоял пока ни один посетитель...

Тора огляделся по сторонам, прочел на табличке название улицы и убедился, что двигается

в верном направлении согласно адресу с визитки. В больших городах он бывал редко, но любоваться многолюдными улицами сейчас не было ни желания, ни настроения. Лишь одно будоражило неуместное любопытство: господин Накадзима – тот самый респектабельный посетитель – обмолвился, что живет в Токио, в таком случае что он делает здесь и сейчас в стольких километрах от столицы, и зачем ему понадобился «ловкий и расторопный» официант из маленького кафе? Неужели у столичного бизнесмена не достаточно расторопных официантов в его фирменных владениях?

Тора приостановился и оглянулся назад, будто отсюда, из-за частокола небоскребов, мог разглядеть оставшийся за горой городок. Там, в тихом привычном городишке, состоялась ещё одна странность, но уже не столь безобидная, как случайно забредший в кафе токийский бизнесмен, у которого по дороге из бизнес-пункта «А» в бизнес-пункт «Б» сломалась автомашина.

О том, что фундамент здания, где хозяин кафе арендовал помещение, находится в аварийном состоянии, стало известно всего два дня назад. А предписание срочно, в течении суток, освободить подвальные помещения хозяин получил лишь вчера после полудня, равно как владельцы парикмахерской и галантерейного магазинчика. Пришлось сворачиваться в режиме небывалого аврала. Всю ночь Тора помогал хозяину размонтировать, паковать и грузить оборудование, мебель, посуду и всевозможные мелочи, которых на удивление оказалось весьма немало. Убитый горем хозяин только и твердил о том, что обязательно найдет новое место и обязательно позовет Тору на работу в новое кафе. Утром спохватился – мол, обязан компенсировать незаемимому и единственному работнику моральный ущерб, а потому сейчас же пойдет на квартиру Тору, чтобы лично доставить его больной матери фрукты и продукты. Тора хотел было отказаться по крайней мере от визита, поскольку мать избегала встречаться с посторонними людьми, тем более в их маленькой убогой квартирке. И тут откуда ни возьмись появился господин в строгом костюме, тот самый, который на прошлой неделе ворвался в кафе в поисках своего босса.

Увидав разгромленное помещение, он откровенно удивился и сообщил, что намеревался прибыть к открытию. Выслушав извинения хозяина вперемишку с невразумительными объяснениями ситуации, он выразил ему сочувствие и обратился к Торе. Выяснилось, что визитера зовут Инукай, и прибыл он по поручению своего босса: босс – то бишь господин Накадзима – имеет для Тору особое предложение, которое требуется обсудить с Торой сегодня в 13:00. Инукай-сан намекнул, что предложение будет касаться разовой работы с определенными перспективами и что отказываться от встречи было бы крайне неразумно. Тора понял же, что встреча – уже предложение, от которого нельзя отказаться. Инукай-сан вручил ему визитку с адресом офиса, где Тору ожидают ровно в 13:00, а также билет на поезд в один конец. Затем Инукай-сан вскользь сообщил, что здесь и сейчас он находится проездом, посоветовал не задерживаться, коротко распрощался и удалился также неожиданно, как появился. А Тора остался стоять посреди пустого зала с визиткой в одной руке и билетом в другой.

Тора тяжело вздохнул и потянулся за мобильником, одиноко ютившимся в кармане легкой куртки. Коснулся аппарата пальцами и передумал. Что толку от звонка сейчас? Позвонит, когда закончится собеседование, чем бы оно ни закончилось. Но подкатила тоска: он не видел маму более суток – с того момента, как вчера утром ушел на работу, ничего не подозревая о грядущих проблемах. Как она себя чувствует? Как отреагировала на визит хозяина кафе? Ведь сын, когда звонил ей с вокзала, просто поставил ее перед фактом, да еще и без пространных объяснений – к тебе обязательно зайдут сегодня – это было всё, что он успел сказать, стоя перед открывавшимися дверями вагона.

«А может надо было наплевать на все «столичные» предложения? Что если мама уже..?» –

Тора оборвал коварную мысль. Он прекрасно понимал, что время матери в этом мире неумолимо заканчивается. Понимал, что несмотря на всю ее могучую волю и обещание дожить до его совершеннолетия, жизненные силы ее тела стремительно угасают. Недавно, после очередной месячной оплаты по счетам, она тихо сказала: а что если мне все-таки уйти уже сейчас, ведь ты теперь большой и опытный мальчик, тебе будет легче прожить одному. В ответ Тора устроил ей искреннюю сыновью выволочку, нечаянно закончившуюся слезами с обеих сторон...

Он решительно повернул на перекрестке, быстро прошел по узкой улочке и остановился перед стеклянными дверями офисного здания. Двери открылись автоматически. Просторный холл. Лифтовая кабина. Девятый этаж.

Тора ступил на мягкий бледно-рыжий ковер и поднял взгляд на табло часов под потолком. 12:58. Чувство времени не подвело – пришел ровно в срок.

– Ватанабэ Тора, не так ли?

Субъект в черном костюме с галстуком вежливо улыбнулся посетителю из-за секретарского стола. Тора собирался ответить – «да, так» – и тут вспомнил по этикет. Однако ничего не ответил, ибо следующая мысль сжала его холодными тисками: откуда здесь знают его фамилию? Он не представлялся странному столичному посетителю как «Ватанабэ Тора», и никто его не называет по фамилии с тех пор, как он закончил среднюю школу два года назад.

Секретарь, очевидно, решил, что юноша растерялся в непривычной обстановке, улыбнулся на порядок приветливее и пошел к дверям кабинета, за которыми Тору ожидал столичный бизнесмен.

Кабинет был небольшой, но просторный и абсолютно современный. И хозяин кабинета оказался абсолютно современным, что вызвало у Тора секундное замешательство. Потребовалось определенное усилие, чтобы отождествить этого подтянутого высокого господина в черном костюме «тройке» со странным седовласым посетителем в изысканных традиционных одеждах.

– Тора-кун, я очень рад, что ты согласился приехать ко мне, несмотря на бессонную рабочую ночь, – объявил господин Накадзима и приветливо улыбнулся.

«Неужели, уже доложили?» – подумал Тора без особых эмоций; эмоции были старательно зажаты в кулаке, ибо после прозвучавшего «Ватанабэ» Тора рефлекторно переключился в режим «ушки на макушке» – так с подачи матери он называл состояние души и тела, в котором должно было пребывать перед лицом любой, даже гипотетической опасности.

Тора поздоровался по всем правилам общения с высокопоставленным человеком. Однако скованность юного гостя от господина Накадзимы не ускользнула.

– Располагайся, – он показал на кресло перед т-образным столом, ближайшее к креслу босса. – Полагаю, ты не завтракал и, очевидно, не обедал.

Тора хотел сказать «я не голоден, спасибо», но решил не врать столь уж откровенно даже из соображений деликатности, поэтому только смущенно кивнул.

– Разговор предстоит обстоятельный и важный, – улыбаясь, продолжал токийский бизнесмен. – Поэтому прежде подкрепимся.

И сделал какой-то знак своему секретарю. Буквально в ту же минуту в кабинет были доставлены чай, сэндвичи и аппетитные кексы-печенье. Господин Накадзима веселым тоном объявил обеденный перерыв и непринужденно взялся за еду, причем начал со сладких кексов, начисто проигнорировав конвертики-бутерброды с рыбой. Тора решил, что повторять действия хозяина сейчас неуместно, и взял бутерброд. Он никогда не слышал, чтобы соискателей работы встречали столь радушно, да еще и угощали обедом в начальственном кабинете, поэтому уровень настороженности его только повысился.

Рыба оказалась наисвежайшая и прекрасно приготовленная, что Тора и отметил вслух, когда господин Накадзима, умудрявшийся разговаривать о сладостях в процессе еды, незаметно организовал диалог с юным гостем. Тора постарался продемонстрировать полное доверие к собеседнику, и, видимо, в какой-то степени это ему удалось – столичный бизнес-босс заметно обрадовался.

– Я знаю, Тора-кун, ты тоже прекрасно готовишь еду, – вдруг сообщил он.

Тора уставился в стол, ибо не знал, нужно ли отвечать на такого рода ремарки. Оказалось – не нужно, так как господин Накадзима сделал паузу только для того, чтобы прожевать надкушенный кекс.

– Твоя манера работы мне очень понравилась тогда, в том миленьком кафе, – продолжал он. – Поэтому я навел о тебе кое-какие справки, Ватанабэ Тора. Ты не в обиде за мое любопытство?

– Ни в коей мере, Накадзима-сама, – пробормотал Тора в ответ, а сам подумал: «Теперь ясно, почему знают фамилию. Но что еще он выяснил?.. Умею готовить. Значит, узнал, что я посещал курсы за счет заведения, когда хозяин планировал расширять свой бизнес. Наверняка знает и о материальном положении... Лишь бы про маму...»

– Как поживает уважаемая Ватанабэ-сан?

У Торы внутри всё опустилось: про беспомощную мать здесь тоже уже знали.

– Всё в порядке. Большое спасибо, Накадзима-сама, – пробормотал он по-настоящему дрогнувшим голосом.

– Не волнуйся, пожалуйста, Тора-кун. Собственно, суть моего к тебе предложения такова: три дня работы в маленьком уединенном рёкане на горячих источниках. Всего три дня, включая сегодняшний. А на это время я направляю к твоей маме очень хороших, профессиональных сиделок.

Вот теперь Тора испугался.

– Си-сиделок? – автоматически переспросил он.

– Я обещаю заботиться о твоей маме, пока ты выполняешь работу, которую я тебе поручаю. По-правде говоря, – в голосе господина Накадзимы шаркнула хитринка, – медсестра и санитарка почти... – он бросил взгляд на наручные часы, – или даже уже на месте.

– Спасибо... большое... – выдавил Тора и опять уставился в стол.

Шантаж – это было единственное, что пришло ему на ум как объяснения благодеяниям токийского бизнесмена.

«Не подавать виду! – жестко приказал Тора себе и, дабы немного успокоиться, продолжил свою мысль для себя. – Если он навредит маме, порву на тряпочки. Вместе со всеми телохранителями и секретарями. И никакая печать меня не остановит».

Тут Тора почувствовал, что волосы на затылке медленно, но неуклонно встают дыбом, и поспешно зажался, дабы печать не рухнула здесь и прямо сейчас от одной только мысли об угрозе, нависшей над матерью.

Господин Накадзима не понял, почему юный гость ссутулился, как обиженный ребенок, и поспешно заговорил.

– Ты можешь сейчас позвонить своей маме, узнать ее мнение о медперсонале. Я уверен, что ей уже все объяснили и...

Тора выпрямился. На лице сияла счастливая улыбка. Сделанная, но сделанная настолько искусно, что токийский босс прямо-таки опешил от неожиданности.

– Большое вам спасибо, Накадзима-сама, – произнес Тора тщательно контролируемым голосом. – Я позвоню маме обязательно, но потом. После... Я полагаю, будет какой-то контракт, верно?

– О! Ты действительно очень сообразительный мальчик, как про тебя и говорили твои

учителя, – обрадовался бизнесмен. – Давай перейдем непосредственно к делу. Работа будет несколько непривычной для тебя и непростой. Но на эту работу у меня единственный кандидат – это ты, Тора-кун. Вот договор. Услуги медперсонала включены в сумму аванса. Итоговая сумма прописана чуть ниже.

Тора бегло просмотрел печатный лист и застыл, увидав число, указанное в качестве денежного гонорара.

– Это за три дня или..? – выговорил он.

– Понимаю, ты удивлен, – с удовольствием отметил щедрый бизнесмен. – Но да будет тебе известно, что я, глава Дома Накадзима, высоко ценю качественные услуги и профессионально выполненную работу. Особенно когда услуги предназначаются моим дорогим сыновьям. У меня шесть прекрасных мальчиков. Кстати, двое – твои ровесники. И именно для них шестерых я и решил организовать два дня незабываемых каникул в лоне нетронутой природы. Рёкан, которой я арендовал для этой цели, расположен в великолепном горном лесу по соседству с чудесными горячими источниками. Мои мальчики придут туда завтра утром. Твоя задача – обеспечить им полный комфорт. Продукты в изобилии, гурманские пристрастия каждого описаны здесь.

Перед Торой очутилась папка-досье. Он осторожно, двумя пальцами приподнял гибкий корешок, но вместо списка «гурманских пристрастий» увидел руководство по эксплуатации электрогенератора.

– Инструкции, а также реестры материалов, продуктов и инвентаря прилагаются, – добавил господин Накадзима. – Бригада местных работников уже готовит помещения. К твоему приезду, то есть к шести вечера, они управятся. Думаю, ты их даже не заставишь. Сложность твоей работы заключается в том, что завтра ты будешь работать один. Фактически, ты поступаешь в полное распоряжение моих сыновей на время их пребывания в рёкане. Это прописано в контракте. Я и мой помощник приедем послезавтра около полудня. Я планирую поговорить с моими мальчиками в непринужденной обстановке. Хотелось бы увидеть их всех в хорошем настроении и добром расположении духа. Уверен, тебе удастся обеспечить и первое, и второе.

– Я буду стараться, Накадзима-сама, – вставил Тора.

– Я верю в тебя, Тора-кун. Ах, да, чуть не забыл. Моя маленькая прихоть. Соблюдение традиций, так сказать. В доме Накадзима принято... Хотя это не важно. Буду краток: ты не должен удаляться от рёкана более чем на... на полтора километра.

– Как вам будет угодно, Накадзима-сама. Полтора километра. Я запомнил.

Тора постарался выглядеть невозмутимым, но сам окончательно уверился, что его взяли в оборот ради какой-то махинации. И не потому, что условие «привязки к местности» выглядело по меньшей мере странно, а потому, что господин Накадзима, силясь развеять «странность», неприкрыто лгал. Ложь Тора чуял всегда и безошибочно. И никакие психологические ходы и ухищрения не могли скрыть от него факт прозвучавшей лжи. Другое дело – недоговорки или сокрытие информации. Тут уже природный «детектор лжи» был бессилен. Однако информация о некой традиции была преподнесена устно, и то была ложь. Следовательно, и условие, и «полтора километра», явно придуманные на ходу, – некая тайна, которую следует не пускать из вида.

Тем временем многодетный бизнесмен продолжал осыпать Тору словами, но на сей раз кристально правдивыми:

– Прекрасно. Как я уже сказал, всё необходимое для обеспечения отдыха доставлено в кладовые гостиницы. Тебе не придется бегать по магазинам. Впрочем, ближайший населенный пункт в десяти километрах. Очевидно, что «шопинг», – он ловко вплел в свою речь английское слово, – не предусматривается. Я предупредил моих мальчиков специально: отдых только в рёкане и вблизи него, и никаких дальних походов. И, наконец, личная

просьба, Тора-кун. Очень прошу тебя особо тщательно присмотреть за Хирото. Мальчику всего 12 лет. И он впервые отправляется в дальнюю поездку без своих няней и своего воспитателя.

– Конечно, Накадзима-сама, я обязательно буду хорошо присматривать за Хирото-доно.

– Спасибо, Тора-кун. Осталось лишь подписать контракт.

И господин Накадзима протянул Торе авторучку.

Копию контракта Тора сложил вчетверо и убрал в нагрудный карман куртки, а папку с инструкциями засунул подмышку, намереваясь на выходе упаковать ее под ремень на поясище. Но в холле перед кабинетом улыбочивый секретарь выдал ему тонкий пластиковый портфель и, пока Тора втискивал в этот портфель полученные бумаги, сообщил, что возле подъезда Тору ожидает машина.

Автомобиль оказался буквально перед дверями офисного здания, и Торе ничего не оставалось как забраться в салон. Таким образом, времени за звонок домой ему не оставили, а разговаривать с мамой в присутствии шофера, наверняка являвшегося одним из бесчисленных осведомителей своего босса, Тора не мог.

В первые полчаса поездки Тора занял себя изучением инструкций и списков. Самым коротким оказался список «гурманных пристрастий» сыновей токийского бизнесмена. Тора уяснил, что некий Юдзо – его имя стояло первым – любит сакэ, однако тут же было подчеркнуто, что алкогольные напитки во время отдыха в рёкане категорически запрещены. К тому же алкоголя не было в обширном реестре пищевых продуктов, доставленных в гостиницу. Напротив второго имени – Рику – стоял прочерк, что, очевидно, означало, неприязнательность этого самого Рику в вопросах питания. Третьим значился некто Ичиро, который, согласно составленному документу, предпочитал европейскую кухню, чего тоже не предусматривалось условиями отдыха, ибо в любом рёкане – традиционной японской гостинице – по определению не могло быть «европейской» кухни.

На четвертой позиции были прописаны два имени – Като и Фума. Эти двое уважали всё рыбное и ненавидели мясное. Тора решил про себя, что Като и Фума – близнецы и, скорее всего, очень похожие друг на друга. Последним значился уже названный Хирото. Описания его любимых и нелюбимых блюд оказалось самым длинным, из чего Тора заключил, что младший наследник токийского бизнесмена весьма капризен и привередлив. В конце перечисления от руки было приписано: «мечтает попробовать десерт «Кошачья нежность».

Тора искренне улыбнулся. Польстило и то, что глава семейства рассказал сыну о своем посещении провинциального кафе, и то, что запомнил название фирменного десерта.

«Кошачья нежность». «Нэко-мими» из белой груши... Тора подавил тяжелый вздох и, спохватившись, остановил руку, едва ли ни самостоятельно нырнувшую в карман, где лежал мобильник.

– Тора-кун, что-то не так? – вдруг спросил шофер, слегка обернувшись к пассажиру, расположившемуся на заднем сидении.

– Нет-нет. Всё порядке. Простите, я не знаю вашего имени.

– Симада. Просто Симада.

Шофер дружелюбно улыбнулся.

– Очень приятно, Симада-сан, – поспешно ответил Тора в зеркало над лобовым стеклом, где хорошо видел морщинистое лицо собеседника.

– Взаимно. Боишься?

– Чего боюсь? – осторожно уточнил Тора.

– Новой работы.

– А зачем работы бояться? – искренне изумился Тора.

На сей раз Симада-сан рассмеялся.

– «Шустрый, ловкий, неунывающий», – произнес, как процитировал он. – Теперь я вижу, почему про тебя говорили именно так. Босс поручил мне ответить на твои вопросы. Я давно служу в Доме, поэтому смело спрашивай.

Тора призадумался на пару секунд. Если он начнет расспрашивать о завтрашних постояльцах рёкана, это может быть расценено как излишнее любопытство. Касательно непосредственно рёкана и особенностей обслуживания шофер наверняка ничего не знает, а выданные инструкции худо-бедно обрисовывают стандартные функции обслуживающего персонала и традиционные правила поведения. Странное условие – не удаляться от здания – является из ряда вон выходящим, и лучше не заострять на нём внимание. С другой стороны отказаться от помощи доброжелательного Симады-сана было бы неэтично.

– Ну... это... – Тора сделал вид, что пребывает в нерешительности. – Мне бы уточнить, чтобы не ошибиться.

– Давай-давай, – подбодрил шофер.

– Като-доно и Фума-доно – близнецы?

Тора выбрал самый простой и безобидный вопрос в качестве толчка. Если Симада-сан уполномочен рассказать временному наемному работнику что-либо о семье Накадзима, он расскажет сам. Если нет, тема закроется.

– О, да. Те еще близнецы! – Симада-сан широко улыбнулся, от чего его маленькие узкие глаза утонули в толстых складках морщинистых щек. – Неотличимые друг от друга. Всегда вдвоем. И бедокурят тоже дружной парой.

– Бедокурят? – переспросил Тора.

– Частенько. Но слово отца для них закон, поэтому из гостиницы они не убегут. А вот с Ичиро будь очень осторожен. Босс не уверен, что он приедет на этот пикник. Но если все-таки он появится в рёкане, имей в виду: Ичиро – взрывной парень, может распустить кулаки, а кулаки у него крепкие. Поэтому не допускай ни малейших поводов для конфликтов, а если вдруг дело обернется худо, сделай всё, чтобы оказаться в поле зрения Рикю. Рикю способен остановить своего брата.

– Спасибо. Я запомню. У меня есть вопрос про Хирото-доно. Меня предупредили, что он впервые уезжает из дома один. Я подумал, хорошо бы его развлечь. Какие игры он предпочитает? Быть может у него есть какое-то хобби?

– Честно говоря, я никогда не возил Хирото. У него отдельный штат прислуги, а в школу его возит сам Акияма-сан. Это старший дворецкий. Вся прислуга и сотрудники поместья подчиняются ему. Ты не желаешь завернуть в магазин, Тора-кун?

– Магазин? – Тора удивился, но не смене темы – этого он ожидал, ибо Симада-сан уже рассказал ему достаточно много – а новой теме как таковой.

– Мне сказали, ты со вчерашнего утра не был дома. Не нужно ли прикупить сменную одежду, бритву, мелочи всякие?

– Я еще не бреюсь, – сообщил Тора, сделав невинные глаза.

Симада-сан удивленно посмотрел на пассажира через зеркало.

– Да, и вправду, – он признал очевидный факт. – Тебе сколько лет?

– 16.

– Всего 16? – теперь Симада-сан нахмурился.

Тора понимал, что правомерность его подписи на контракте стоит под большим вопросом как раз по причине возраста. Это, очевидно, заметил и шофер. Но господина Накадзиму не остановил юный возраст нанятого работника, а сие означало, что столичный бизнес-воротила решал юридические вопросы как-то по-своему. Чтобы не заострять внимание на щекотливой теме, Тора поспешил вернуться к теме покупок и магазина.

– В инструкции написано, что я могу пользоваться предметами гигиены и продуктами,

которые привезли в гостиницу. А одеваться мне положено, как прислуге рёкана – в кимоно. В списке инвентаря это строка есть. Свою одежду постираю сегодня, к концу работы всяк высохнет.

– Деловой ты парень, – шофер усмехнулся. – Но подумай хорошенько. У меня есть кредитная карточка, специально для командированных. Твои растраты за счет Дома Накадзима, это оговорено.

Тора в этот момент думал о своих волосах, которые давно собирался очередной раз покрасить, чтобы истинный цвет, проступавший на корнях, не бросался в глаза. На случай обнаружения необычного явления была заготовлена отговорка – мол, седой с детства, генетическая особенность такая. Отговоркой приходилось пользоваться не раз, но сейчас Тора просто постеснялся заводить разговор о покупке краски для волос.

– Спасибо. Мне действительно ничего не нужно, – уверенно ответил он.

Диалог прервался, поскольку шоферу предстояло выруливать на очередную автостраду. А после маневра – не возобновился. Тора чувствовал, что Симада-сан поглядывает на него через зеркало, но продолжал смотреть в окно.

Через два часа с начала путешествия Симада-сан вывел машину на широкое шоссе, обогнул какой-то поселок и свернул на узкую пустую трассу, уводящую в гору.

– Если нужно куда-то позвонить, остановлюсь, – вдруг сказал он.

– Да не... я... – начал Тора и опять обнаружил свою руку в кармане с телефоном.

– Дальше связи не будет, – предупредил Симада-сан. – Я уже тут катался, знаю.

– Мне позвонить маме нужно, – поспешно сообщил Тора.

Симада-сан удовлетворенно кивнул и свернул на обочину.

Тора заставил себя спокойно выйти, а не сломя голову выскочить, из машины. Отошел на пару шагов и достал телефон. Непринятых вызовов не было. Значит, мама не пыталась связаться с ним, а терпеливо ждала результатов собеседования. Тора живо оглянулся на машину. Сентябрь нынче радовал теплом, погода стояла прекрасная, и стекла в передней части салона были опущены, следовательно, телефонный разговор будет слышен водителю.

«Ушки на макушке», – мысленно подбодрил себя Тора и нажал кнопку вызова.

Ответили после второго сигнала – мама держала свой мобильник буквально под рукой.

– Мам, ты как? – негромко произнес Тора.

В динамике послышался треск помех, затем далекий слабый голос матери – «Где ты, сынок? Не слышу тебя». Тора повторил свою реплику вдвое громче и опять почувствовал на себе взгляд шофера. Ответ – «всё хорошо, не волнуйся» – он услышал четко, а затем уловил незнакомый женский голос со стороны: сиделка интересовалась, не требуется ли подопечной помощь.

«Нет-нет, всё в порядке, большое спасибо», – произнесла мать так, чтобы сын услышал ее ответ санитарке.

«Значит, и мама не может сейчас свободно говорить», – с сожалением понял Тора.

– Мам, я вернусь через три дня. Я взялся за хорошую работу, – сообщил он в телефон. – Но я волнуюсь за тебя.

– Всё хорошо, мне объяснили, – ответила мать и вдруг сказала. – А помнишь, когда мы с тобой были на горячих источниках, я купила тебе очаровательную шапочку с кошачьими ушками. Она так прелестно смотрелась на твоей головке!

По спине Торы пробежали мурашки. Он никогда не бывал с мамой на горячих источниках и никакой шапочки в подарок не получал. Но прекрасно знал, что мама очень любила кошачьи ушки на его голове.

– Помнишь? – необычно глухо раздалось в динамике, прилипшем к уху.

На спине защекотало, а в области поясницы появился давно забытый мягкий зуд.

– Помню, – выговорил Тора. – Мам. Ты только держись, ладно?

– Мы с тобой обязательно увидимся.

– Мама?

– Не беспокойся за меня. Работай добросовестно и будь внимателен. Ты большой сильный мальчик и теперь всё в твоих руках. Я уверена, что ты справишься с любыми неожиданностями.

Короткие гудки возвестили об окончании разговора, но Тора еще долго стоял на обочине дороги с телефоном, приложенным к виску. Он понятия не имел, что такое «печать» в материальном отображении, как она ставится и как снимается. Но после разговора с матерью осталось ощущение, будто что-то ушло, растворилось, сползло и исчезло с тела, с души, из сознания.

Через четверть Симада-сан высадил пассажира возле едва заметной тропинки, уводившей в лес на крутом склоне горы, и сообщил, что до рёкана можно добраться только пешком по этой дорожке. Тора распрощался с водителем и отправился вверх по тропе. За спиной он слышал, как взревел мотор автомашины, слышал, как шины шипят на потрескавшемся асфальте, но вскоре все техногенные звуки исчезли под покровом глухого шелеста вековых деревьев.

Путешествие по величественному лесу заняло у Тора тридцать минут и закончилось перед неказистыми деревянными воротами, за которыми скособоилось двухэтажное строение весьма непрезентабельного вида. Бригада работников, нанятых для уборки помещений и территории, давно покинула вверенный участок работ, оставив за собой неряшливо подметенный двор и кучу мусора, сваленную за углом здания. Тора тоскливо оглядел результаты деяний предшественников и беззвучно посмеялся. Он-то наивно надеялся быстренько познакомиться с новой рабочей площадкой, включая кухню, опробовать горячую купальню и хорошенько выспаться перед трудным днем. Вряд ли бригада получила специальные указания от хозяина, дабы создать дополнительные сложности новоиспеченному зрителю рёкана, скорее уж работники просто недобросовестно выполнили свою задачу.

Осмотрев маленькую гостиницу, Тора убедился, что выспаться ему не удастся. В комнатах было прибрано столь же небрежно, как и во дворе, а кроме того бригада не удосужилась или не имела указаний распаковывать вещи. Коробки со скоропортящимися продуктами были буквально распаханы по полкам огромного холодильника. Сам холодильник стоял сикось-накось, разве что не по середине кухни, а ближе к стене. И в довершение картины беспорядка Тора учуял в кладовке стаю голодных мышей.

– С вас и начну, – объявил он притихшим грызунам и взялся за уборку.

Эпизод 2. Слуга для шести господ

[Пояснения к эпизоду 2.](#)

Громкие голоса в лесу Тора услышал загодя, благо слух всегда отличался особой чувствительностью. Он живо расправил ладонями слегка помявшиеся складки [хакама](#) и пошел в холл. К непривычной одежде он успел приспособиться за прошедшую деятельную ночь и теперь с удовольствием отметил, что не напрасно заставил себя облачиться в кимоно прежде, чем приступить к массовой уборке.

В справочных материалах, приложенных к инструкциям, говорилось, что хозяйка рёкана встречает гостей в холле, а горничные выходят в холл по ее требованию, чтобы проводить прибывших в их номера. Подогнать нынешнюю ситуацию под традиционные правила не

представлялось возможным, ибо в арендованном рёкане хозяйки не было и в помине, а функции горничных и прочего обслуживающего персонала выполнял один единственный работник. Поэтому Тора решил действовать рационально – раздвинул входные сёдзи и встал так, чтобы те, кто вот-вот должны были появиться в воротах, увидели встречавшего уже со двора.

С новой своей позиции Тора чётко расслышал реплики приближавшихся, а кроме того определил по звуку шагов, что первыми двигаются два легких, энергичных и явно молодых человека. На значительном отдалении от них идет кто-то высокий и медлительный. Далеко внизу на тропе находится обладатель обиженного мальчишеского голоса и оттуда же доносится неразборчивый, будто усталый, мужской голос.

Тора заметил, что слух многократно обострился, и успел подумать, что причина тому – величественный горный лес. Но мысли о собственной персоне он поспешно отогнал. Сейчас начнется его непосредственная работа, которой нужно отдавать все силы, всё внимание и все свои способности безотносительно причин их возникновения.

– Фига себе, развалюха!..

– И это – гостиница?!

Голоса и интонации были совершенно идентичными, и если бы говорившие не появились на последних ступенях земляной лестницы перед воротами, можно было бы подумать, что обе реплики принадлежат одному человеку. Но в воротах стояли двое: абсолютно одинаковые подростки в абсолютно одинаковой одежде, одинаково узкоплечие, вертлявые и невысокие, с одинаковыми длинными рыжими челками в черных растрепанных волосах. Портретное сходство с господином Накадзимой прослеживалось, однако ни движения, ни манеры, ни фигуры на отцовские не походили.

– Добро пожаловать в рёкан, Като-доно, Фума-доно, – объявил Тора и поклонился, как подобает прислуге.

Близнецы недоуменно переглянулись. Но замешательство было коротким. На одинаковых лицах появилось одинаково надменно-пренебрежительное выражение.

– Эй, ты! Это ты тут будешь нас обслуживать? – крикнул один.

– Можешь начинать уже! – поддержал второй и бросил на чисто вымытую веранду тощую спортивную сумку.

Вторая такая же сумка плюхнулась рядом с первой с секундным опозданием.

Тора не повел и бровью, но для себя лишний раз отметил: работа будет очень непростой.

Доставив багаж в холл, Тора вежливо попросил гостей подождать, пока соберутся все прибывшие. Один из близнецов перебил:

– Пока они там тщатся сзади, покажи горячие источники!

– И где тут привидения водятся? – немедленно подхватил второй.

Тора почувствовал, что еще минута, и ему придется каким-то образом разорваться на несколько частей, ибо казалось нереальным в одиночку обеспечить достойную встречу пятерых гостей. Присутствие поблизости шестого он на слух не обнаружил.

Кое-как уговорив энергичных господ-ровесников подождать, Тора кинулся на крыльцо, поскольку третий гость уже поднялся на двор.

Красавец – это было единственное полное и точное определение для молодого господина, изучавшего строение напряженно-озадаченным взглядом. Тора поприветствовал его в стандартной вежливой форме, не назвав имя, так как не понял, какой из старших сыновей Накадзимы стоит перед ним.

– Ты здесь один? Вообще один работаешь? – произнес молодой человек вялым бесцветным голосом, несколько несоответствующим его прямо-таки божественному облику.

Тора был избавлен от лихорадочного поиска подходящего обращения, поскольку гость продолжал:

– Я могу увидеть хозяйку этого уродства?

– Простите, хозяйки здесь нет.

– Ну а горничные где? – раздраженно выплеснул молодой человек и изволил опустить взгляд на стоявшего перед ним Тору.

– Прошу прощения, но я единственный работник в этом рёкане, – повторил Тора.

– Эй, Юдзо!! – раздался из недр гостиницы голос одного из близнецов – Тора определил: со второго этажа. – Интернета тут тоже нет! И мобильники не ловят!

Юдзо скривился так, будто в рот ему попала горькая пилюля, и, проигнорировав прислугу, быстро прошел в тамбур. Тора ловко опередил гостя, пока тот снимал обувь, и встал перед незадействованным столом администратора.

– Позвольте показать вам вашу комнату, Юдзо-доно.

– И побыстрее!

Это требование вполне устраивало Тору, так как прибытие последних двоих оттягивалось. Причину упрямства самого младшего Накадзимы он не определил, но по уровню звука детского и мужского голосов давно понял, что подъем в гору заstopорился приблизительно в трехстах метрах от цели.

Юдзо окинул номер оценивающим взглядом, заметил легкий завтрак, приготовленный по всем правилам встречи прибывших, бросил – меня не беспокоить! – и задвинул сёдзи.

Тора успел доставить сумки близнецов в комнату, которую близнецы выбрали самостоятельно, осторожно предложил вторую, услышал ожидаемый отказ и попросил разрешения принести столик с заготовленным завтраком.

– Давай сюда! – сподобился разрешить один из них.

И Тора, наконец, управился с беспокойной парой.

Чтобы встретить капризного мальчика и его сопровождающего, Торе пришлось очень поторопиться, поскольку ребенок бегом преодолел оставшееся расстояние по дорожке и земляную лестницу. Полностью проигнорировав встречавшего, мальчик резко развернулся спиной к рёкану и крикнул:

– Вот видишь? Всё! Я пришел. Я здесь. Чего еще надо?!

– Добро пожаловать, Хирото-доно, – начал Тора в рыжий аккуратно стриженный затылок.

– Здесь и буду ждать папу! – продолжал ребенок своему невидимому пока собеседнику.

– Хирото-доно, позвольте, я провожу вас в вашу комнату, – дружелюбно продолжал Тора, слегка наклонившись к мальчику.

Тот обернулся. Точная копия столичного бизнесмена, разве что омоложенная на четыре десятка лет. Попутно Тора отметил про себя, что необычно яркая седина Накадзимы-старшего, вероятно, есть ни что иное, как рано поседевшие рыжие волосы, что нечасто встретишь в Японии. Тут Тора некстати вспомнил про собственную белую шевелюру, коварно блестящую в корнях давно некрашенных волос. «Здесь не заметят», – успокоил он сам себя.

Ребенок подозрительно оглядел работника, задержав взгляд на криво завязанном оби.

– Веди, – скомандовал он тоном, претендующим на приказной.

Тора протянул руку, дабы забрать багаж юного господина – небольшой матерчатый чемоданчик, но юный господин шарахнулся от руки, как от огня.

– Я сам, – заявил он. – Куда мне идти?

Заметно было, что ребенок пытается выглядеть самостоятельным, но при этом не имеет ни малейшего представления о том, как себя вести.

– Сюда, пожалуйста, – Тора с поклоном отвел руку, указывая на холл.

Мальчик, не оглядываясь, зашел в тамбур, а Тора обернулся к последнему гостю, подходившему к крыльцу.

Дымчатые прямоугольные очки на тонком бледном лице. Это было первое, что приковало

внимание Тору. Показалось, что взгляд из-под дымчатых стекол, проникает прямо в его душу. Второе заставило зажаться от макушки до пяток: отчетливый запах запекшейся крови. Тора сделал всё, чтобы не продемонстрировать второе открытие и, проговаривая стандартное вежливое приветствие, осторожно принялся. Да, безусловно кровь. И больничный дух, исходивший от тора.

«Ичиро? – насторожился Тора, продолжая приветливо улыбаться гостю. – Взрывной. Крепкие кулаки. Ранен в драке?..»

Гость ответил на приветствие и вдруг спросил:

– Тора-сан?

– Д-да, – вымолвил Тора от неожиданности невнятно, а с небольшим опозданием подумал: нет ничего особенного в том, что Накадзима-старший заочно представил работника рёкана своим сыновьям.

Тора пригласил гостя пройти в здание гостинцы.

«Нет, это не взрывной Ичиро, – решил он про себя. – Это тот самый Рику, который способен остановить брата. Но что с ним случилось?.. Бледный. Говорит тихо. Двигается медленно. Бережет корпус. Наверное, на теле повязки. Зачем же он приехал сюда в таком состоянии?»

Тора принялся поспешно перебирать свои скромные знания по медицинской тематике. До того, как в маленькой семье Ватанабэ начались фатальные неприятности, он мечтал стать врачом и лечить людей. Обладая фотографической памятью, Тора пролистал массу медицинских книг. Часть информации со временем забылась за ненадобностью, но кое-что из фитотерапии он не только прекрасно помнил, то и лично применял для мамы под ее чутким руководством. Но что толку от его познаний сейчас, когда он простой работник рёкана?

Тем временем Хирото, сидя на входной ступеньке холла, с пренебрежительной миной на лице рассматривал тапочки-шлепанцы, предлагаемые согласно современным правилам в качестве гостиничной обуви. Тапочки были изготовлены с учетом персональных размеров каждого гостя, поэтому Тора предположил, что заминка вызвана внешним видом типового изделия.

– Хирото-доно, что-то не нравится? – осторожно осведомился он.

– Дзори, пожалуйста, – потребовал юный господин.

И Тора с непростительным опозданием заметил, что на ногах мальчика, уже освобожденных от ботинок, красуются не обычные носки, а беленькие таби.

– Один момент, – улыбнулся он, сбегал к хозяйственному шкафу и достал пару сандалий дзори соответствующего размера.

– Спасибо, – буркнул мальчик, получив желаемое, покосился на Тору и заявил. – Ты неправильно завязал оби.

Тора опешил.

– Хирото уважает традиционный стиль, – подсказал его старший брат и, заметив, что Тора замешкался, добавил. – Меня зовут Накадзима Рику. Тора-сан, проводите Хирото в комнату, пожалуйста. Я подожду.

Тора молча поклонился в знак понимания и благодарности, но сам при этом бегло оглядел входной тамбур. Из утренних заготовок остались две пары обычных тапочек мужского размера, а результатом встречи гостей стали четыре пары уличной обуви. В этот ряд Хирото только что аккуратно установил свои ботиночки. И Тору сейчас очень беспокоило, сможет ли Рику переобуться самостоятельно. Снять штилеты и вставить ноги в тапки можно было, не нагибаясь. Но любой уважающий себя японец никогда не передвинет обувь ногой, а обязательно возьмет в руки, чтобы переставить с места на место. А для этого действия неизбежно придется наклониться. Однако предлагать свою помощь Тора побоялся. Он и так чувствовал себя как живой манекен на витрине под взглядом, скрытым за дымчатыми

очками.

Увидав на полке шкафа пеструю юката, Хирото, как показалось Торе, облегченно вздохнул и даже как будто улыбнулся. Но повелел – игра в самостоятельность набирала обороты – оставить его одного и без предупреждения не входить в комнату.

За задвинутыми сёдзи комнаты близнецов раздавался смех вперемешку с глухими хлопками и смачными шлепками. Тора догадался, что на татами разгорелся бой подушками и прочими спальными принадлежностями, и отметил для себя объем предстоящей уборки. Из комнаты Юдзо не доносилось ни звука. И Тора с чистой совестью поспешил назад, в холл.

Пять пар уличной обуви строго в рядок. Тора осторожно покосился на Рику, стоявшего к нему спиной перед входом на боковую веранду. Всё по-прежнему. Если физические движения типа наклонов и доставляли ему боль, он тщательно это скрывал.

«Наверное, никто вообще не знает, что он ранен», – решил Тора про себя.

– Извините, – позвал Тора вслух и, когда гость обернулся, продолжал. – Рику-доно, есть одна комната на втором этаже и две комнаты на первом, здесь, – он показал рукой в коридор жилого крыла. – Какой этаж предпочитаете?

Он умышленно акцентировал внимание на количестве оставшихся свободных комнат в каждой названной части гостиницы, рассудив так: если приезд Ичиро не ожидается, Рику наверняка выберет оставшийся номер на втором этаже.

– Мне было бы удобнее здесь, – Рику взглядом показал в сторону жилого крыла первого этажа.

Пока последний из прибывших гостей осматривал номер, Тору так и подмывало предложить ему свои услуги – раскатать футон и таким образом подготовить место для отдыха. Но не повернулся язык. Показалось, что подобного рода заботу о себе этот безусловно волевой и сильный молодой господин воспримет как оскорбление. Тора отважился лишь спросить, что гость желает на обед и когда обед подать. И услышал в ответ:

– К часу дня, пожалуйста. Меню – согласно здешним порядкам.

Тора оставил гостя в комнате одного, а сам направился на кухню с намерением приготовить говядину – лучшее блюдо для человека, которому необходимо восстановить значительную кровопотерю. Но не прошел он и трех шагов, как истощенный мальчишеский вопль потряс весь рёкан. Тора во мгновение ока очутился на лестнице, а в следующий миг – в коридоре второго этажа.

– Хирото-доно! – крикнул он и метнулся к комнате юного Накадзимы.

Сёдзи раздвинули с внутренней стороны, и на пороге появился потрясенный Хирото.

– Он... он... он сломался!!

Слезы градом покатались по нежному детскому лицу.

Тора с натугой выдохнул и поспешно сжал кулаки, так как чувствовал, что ногти на руках вдруг стали подозрительно длинными. Рядом очутился Рику. Из соседней комнаты, повиснув друг на друге высунулись близнецы.

– Сломался!! – сквозь надрывные всхлипы сообщил Хирото и дрожащей рукой поднял сжатую в кулаке пластмассовую фигурку, изображавшую боевого робота.

Близнецы дружно икнули и расхохотались. Юдзо, изволивший выглянуть в коридор, произнес что-то вроде «какая глупость!» и смачно захлопнул дверь. За спиной Торы раздался то ли сдавленный стон, то ли облегченный вздох и последовал некий приказной жест в сторону икавших от смеха близнецов, после чего оба скрылись в своей комнате.

– Хирото-доно, пожалуйста, – начал Тора, осторожно приближаясь к рыдающему ребенку.

– Он сломался! Сломался в сумке!

Тора приблизился еще на шаг и, наконец, разглядел игрушку. У пластикового робота отломилась рука с мечом, поднятая над головой.

– Пожалуйста, не плачьте...

Тора чуть не ляпнул Хирото-тян, ибо в этой обстановке суффикс «доно» никак не клеился к имени нежного двенадцатилетнего мальчика, рыдавшего над сломанной игрушкой, как первоклашка младшей школы.

– Хирото-доно, это можно починить. Я подклею, и всё будет в порядке.

– П-правда? – мальчик поднял на Тору полный надежды взор.

– Конечно.

– Обещаешь? – Хирото как будто подозрительно присмотрелся к работнику.

– Обещаю. Прямо сейчас и почию.

Хирото перевел взгляд на игрушку, надул губки и заявил.

– Я буду за ним присматривать, пока ты чинишь.

– Эй ты, горничная! – окликнули Тору из комнаты близнецов. – А обед?

– Обед в час дня, – тут же нашелся Тора, посчитав, что такого рода график имеет права назначать самостоятельно.

Обещая починить игрушку, Тора упустил из виду реестр инвентаря, которым располагал – в рёкане не оказалось клея. Он подумал уже использовать пластырь из аптечки, но посмотрев на фигурку робота, от этой идеи отказался. Столь грубый крепеж здесь был недопустим. Озадаченность Тора от мальчика не ускользнула.

– Ты пообещал, – напомнил он тоном, который в его представлении должен был обозначать строгость.

– Всё будет сделано, не сомневайтесь, Хирото-доно. Но мне потребуется чуть больше времени, чем я думал. Я сейчас быстренько пройду тут в округе по лесу и...

– Зачем? – перебил юный господин.

– Найду смолу. Потом согрею ее на огне, слегка подточу и подплавлю излом, и всё соединю. После этого вашему роботу нужно будет два-три часа носить повязку. Потом повязку снимем, и он будет, как новенький. А пока подождите меня в гостинице, хорошо?

– Нет. Я буду ходить с тобой, – отрубил мальчик.

– Вы опасаетесь, что я не выполню обещание? – Тора слегка разыграл удивление.

– Я верю обещаниям, которые дают слуги, нанятые папой, – заявил Хирото. – Но я... – он сконфузился. – Мне интересно, как ты будешь искать смолу.

– Что ж, тогда пойдем в лес вместе, – с удовольствием постановил Тора и, спохватившись, добавил. – Хирото-доно.

Поход за смолой обернулся самой настоящей экскурсией, когда Тора почувствовал, что мальчику интересно слушать его неказистые комментарии по теме растений и насекомых, попадавшихся по пути. Тора двигался кругами, постоянно сохраняя в поле зрения здание рёкана или забор, огораживавший горячую купальню. Через четверть часа полезной прогулки Хирото непринужденно смеялся, называл Тору по имени, рассказывал про родительское поместье, про занятия рисованием, про сёги, и про то, как всего один раз, но обыграл отца. Однако при всём при этом юный Накадзима ни разу не упомянул кого-либо из братьев.

Прогулка завершилась на кухне рёкана, ибо Хирото пожелал наблюдать за починкой игрушки до конца. Впрочем, как заметил Тора, игрушка теперь была только поводом – Хирото использовал любой предлог, чтобы познакомиться с неведомым ему миром.

Одновременно выполнять несколько функций Тора умел, любил и иначе не мыслил своей работы. Поэтому починка пластмассового робота проходила параллельно с приготовлением обеда, оформлением блюд и замешиванием ингредиентов для коктейлей и десертов. На изготовление «нэко-мими» Хирото смотрел как на чудо невиданное, хотя ничего экстраординарного в фигурной нарезке груш не было и в помине. Тора позволил мальчику продегустировать десерт, предварительно взяв с него слово, что тот не испортит аппетит

перед обедом.

Когда практически всё было готово, а на склеенную руку робота наложили фиксирующую повязку из пластыря, Хирото вдруг спросил.

– Тора, где будешь обедать ты?

– Тут где-нибудь. В подсобке, – ответил Тора, удивленный вопросом.

– Тогда и я буду обедать в твоей подсобке. Вместе с тобой.

Тора растерялся.

– Хирото-доно, я должен разнести обед по комнатам, так что...

– Я подожду, – безапелляционно заявил маленький господин. – Сейчас сбегая к себе, это отнесу, – он показал Торе склеенного робота, – и вернусь сюда. Я... я очень не люблю кушать один. Правда, обычно так и получается.

– Хорошо. Пообедаем вместе, Хирото-доно, – согласился Тора.

Это нарушало правила гостиницы наигрубейшим образом, однако Тора посчитал, что его приоритетной задачей является обеспечение комфорта посетителей, следовательно, нет ничего зазорного в том, чтобы составить компанию за обедом человеку, который не любит обедать в одиночестве.

Мальчик удовлетворенно кивнул и направился к дверям, но на пороге остановился и, не оборачиваясь, сказал:

– Тора, зови меня Хи-тян, как папа зовет.

Тора очередной раз был поставлен в неловкое положение.

– Но мне нельзя так вас называть.

– Можно. Ты очень похож на моего папу. Поэтому зови меня, как зовет он, – вдруг выдал Хирото, сделал шаг вперед, опять остановился и решительно развернулся лицом к собеседнику; на лице застыла мина суровой решительности: – а будешь называть Хирото-доно, я тебя буду называть Тора-сэмпай!

Тора натурально поперхнулся, а Хирото, очень довольный произведенным эффектом, наконец, вышел из кухни.

Юдзо возмутился из-за двери, услышав про обед, абстрактно обругал тупую прислугу, но в конце монолога распорядился оставить столик в коридоре. Когда Тора вернулся на второй этаж с обедом для близнецов, возле двери последней комнаты столика не оказалось.

В номере Като и Фумы царил настоящий погром, что, собственно, Тора и ожидал увидеть. Однако никак не выразил своих эмоций, чем весьма раздосадовал озорников.

– Уберешь, когда мы уйдем гулять, – нагловатым тоном распорядился один.

Тора почему-то решил, что это Фума.

– Горничная, – особо внятно добавил второй.

– Как вам будет угодно, – преспокойно ответил Тора.

Обед для Рику Тора доставил в 13:00, секунда в секунду. С разрешения хозяина вошел и, не поднимая головы, очень быстро и незаметно оглядел комнату. Молодой господин стоял у окна в пол-оборота к вошедшему. Он был в гостиничной юката, тщательно запахнутой и подвязанной поясом. По складкам на материи Тора определил, что гость долго сидел на татами и, возможно, прислонившись спиной к стене. Застарелый больничный запах и дух крови сконцентрировались в небольшом помещении, что позволило Торе оценить приблизительное время происшествия – не ранее двух суток назад. «Приехал сюда прямо с больничной койки», – с тоской подумал он.

Тора выполнил все требуемые от него действия и снова очень аккуратно и быстро посмотрел на молодого господина. Как он и предполагал, Рику внимательно наблюдал за ним краем глаза, причем особо всматривался в руки и пальцы. Торе опять стало не по себе от этого взгляда. Дабы не выдать нервозность нечаянным движением, он сделал на лице

невинную мину и, соблюдая все правила речевого этикета, осведомился, не допустил ли по неопытности какую-либо оплошность в отношении гостя.

– Нет-нет, Тора-сан. Всё замечательно, – ответил Рику.

Тора обострил все фибры своего природного «детектора лжи». Вроде бы фраза была сказана искренне, однако нечто неуловимое, непонятное и подозрительное сквозило между слов.

«Я дал ему понять, что чувствую его взгляд. Он, наверное, удивился. Или... закрылся», – решил Тора.

Теперь предстояло организовать обеденную компанию Хирото. Тора мысленно несколько раз проговорил «Хи-тян» и тяжело вздохнул. Называть юного господина детским именем в общении с глазу на глаз он мог без проблем, ибо мальчик ему приглянулся. Но произнести «Хи-тян» в присутствии других Накадзима!

Тора передернулся от макушки до поясицы. В спине опять зазудело от этого спонтанного движения.

«Я вспомню жизнь без печати. Но только не здесь», – постановил он.

Мысли плавно перетекли к образу матери. «Мы обязательно увидимся...» – эти ее слова вдруг предстали в иной оболочке. Увидимся где? Когда? Как? С какими неожиданностями он, Тора, должен справиться? До сих пор со всеми бедами и проблемами они справлялись вместе – мама и сын, дружная маленькая семья, затерявшаяся среди человеческих жизней.

Тора посмотрел на свои руки. Ногти – крепкие, тонкие, но всегда тщательно подстриженные и вычищенные – показались значительно длиннее обычного, а на правом указательном пальце ноготь слегка изогнулся на манер крючка. Этим ногтем он обтачивал излом на фигурке робота, поскольку подходящего инструмента не нашлось.

Плавное течение мыслей остановила закрытая дверь кухни, в которую Тора чуть было не воткнулся лбом. Усталость давала себя знать, поскольку сорок минут сна сегодня утром не компенсировали две рабочие ночи и вчерашний напряженный день.

«Не раскисать!» – приказал себе Тора, раздвинул сёдзи и вошел на кухню.

Никого.

Тора огляделся, слегка потянул носом и улыбнулся. Хирото прятался возле холодильника.

– Хи-тян, я знаю, что ты здесь, – негромко позвал Тора.

– А я знаю, что ты знаешь! – объявил мальчик. – Папа тоже всегда меня находит. Вот, гляди.

Хирото вскочил на ноги и водрузил на стол толстенький альбом для рисования, открытый на середине. Тора посмотрел на рисунок и ошеломился. Мальчик не хватал, когда рассказывал о своих художественных успехах, но не качество графического портрета шокировало Тору.

– Это ты, – гордо сообщил Хирото. – Похож, правда?

– А... а почему у меня кошачьи уши на голове?

– Потому что тебе идет.

– А почему полосатые?

– Потому что ты – тигр. Тора – тигр.

– Тора – просто моё имя, – возразил Тора.

– Нет. Не просто. Это твой тотем!

Представление Хирото о тотемах явно отличалось от общепринятого, но Тора не стал заострять внимание на некорректности использования иностранного понятия.

– Тигр? Ну, может быть, – он отвел взгляд.

– Тебе не нравится? – испугался Хирото.

– Нет-нет. Нравится. Правда, нравится. Ты очень хорошо рисуешь, Хи-тян. У тебя, наверное, тоже есть свой тотем?

Тора задал вопрос только для того, чтобы отвлечь внимание ребенка от своей персоны. Но задав, почувствовал, что ему по-настоящему любопытно узнать ответ.

– Конечно есть. Кицунэ! – бодро доложил мальчик.

Тора глянул на собеседника и про себя согласился: и Хирото, и его отец действительно имели нечто общее с лисам – в облике, в глазах, в манерах.

Мальчик в этот момент придирчиво рассматривал рисунок.

– И все-таки полоски тут не то, что надо, – подытожил он свои изыскания.

– Пятна, – вдруг подсказал Тора и поспешно прикусил язык.

Но идея была мигом принята.

– Точно! Пятна, а не полосы! – Хирото живо стер ластиком изображение и в два взмаха карандаша изобразил объявленный элемент. – Вот так. Теперь всё правильно.

Тора поспешил переключить разговор на другую тему:

– Хи-тян, а ты когда-нибудь рисовал себя?

– Да. Только... – Хирото смутился. – Папа не велел показывать никому... О, придумал. Я сейчас заново нарисую.

– Подожди. Но тебе же не велели...

– Папа не велел показывать тот рисунок, который я сделал раньше. Но новый никто не запрещал показывать.

И Хирото премило улыбнулся.

«Точно – лисица», – подумал Тора.

Пока Тора в подсобке кухни накрывал два маленьких обеденных стола с полным соблюдением национальных традиций, юный художник закончил авторский повтор автопортрета. Тора полюбовался на лисьи уши и хвост, изображенные очень натурально, и чистосердечно признал, что перед ним действительно «тотем» Хи-тяна.

– Хочешь посмотреть мои рисунки? – спросил Хирото.

Тора конечно же согласился. В тайне он надеялся увидеть среди графических творений портреты других членов семьи Накадзима, но в альбоме оказались только натюрморты, пейзажи и несколько набросков лис, собак и тануки – енотовидных собак – в нормальной зоологической форме.

Закончив с обедом, Хирото вспомнил про горячие источники, но Тора предупредил.

– После еды сразу в купальню – будет нехорошо. Давай часика через два. А после бани я сделаю тебе фруктовый коктейль. Идет?

– Угу! – безоговорочно согласился мальчик и с трудом подавил зевок.

Тора, естественно, зевок заметил.

– Не хочешь поспать немного? Ты, наверное, очень рано сегодня поднялся.

– Ага. Аж в половине шестого разбудили. А потом целых три часа в машине, – пожаловался Хирото. – Достанешь мне футон? Тот пестрый с верхней полки у меня в комнате?

– Достану, конечно. Но это запасной. Я приготовил по два во всех комнатах на всякий случай.

– Однотонное не люблю. Мне нравится пестрое.

– Значит, будет пестрый футон, – улыбнулся Тора.

Ему никогда в жизни не приходилось укладывать детей спать, но сейчас он постарался сделать для Хирото то, что раньше делала мама для него самого. Раньше – когда была молода и полна сил...

Эпизод 3. Братья Накадзима

Пояснения к эпизоду 3.

Следующий этап работы начался для Тора сразу, как только он покинул комнату уснувшего Хирото: близнецы оставили сёдзи раздвинутыми в качестве распоряжения прибраться. Тора быстро управился с постельными принадлежностями, успел собрать с пола содержимое разорванной подушки, и тут уловил из холла звук осторожных шагов – кто-то на цыпочках подбирался к столу администратора. Тора совершенно бесшумно и быстро вышел в коридор, на слух определил, что к рецепшену на первом этаже крадутся двое, и опять бесшумно спустился по лестнице.

– Като-доно, Фума-доно, могу я чем-то помочь? – спросил он достаточно громко.

Оба вздрогнули от неожиданности.

– А.., – неуверенно начал один – очевидно, специальной заготовки вопроса не было.

Второй сориентировался быстрее:

– Где здесь телевизор?

– Сожалею, телевизора нет.

– Это почему еще?! – искренне возмутился первый.

– Это место не попадает в зону действия ретрансляторов, – нашелся Тора.

– Ксо! – высказались близнецы дуэтом и повернули к выходу на веранду.

Тора подождал, не придумают ли они по дороге следующий вопрос или распоряжение, но таковых не последовало, и он вернулся к прерванной уборке.

Следующий заход к рецепшену застал Тору на кухне, где он мыл посуду. Звуки из холла он теперь отслеживал специально и тщательно, поэтому явление неутомонной пары его ничуть не смутило. На сей раз близнецов интересовали горячие источники. Тора ответил то, что знал из инструкций и добавил собственные наблюдения, сделанные ночью по итогам осмотра: здесь источник небольшой и мелкий, но чистый и уютный. После чего предложил гостям воспользоваться купальней. Близнецы переглянулись и отказались, а один из них добавил – потом искупаемся.

Третье явление озорников состоялось буквально через пять минут. Тора находился в этот момент в их комнате – принес новые подушки и дополнительное одеяло. Он уже догадался, что господа-ровесники решили досадить прислуге и, возможно, вызвать ответные недовольства. Однако работник рёкана не имел никакого права выражать своё негодование поведением гостей, а общие правила проживания в традиционной японской гостинице близнецы не нарушали – честно терпели непривычные обоим юката, по татами ходили босиком, по помещениям – в гостиничной обуви. На вопрос о теннисном столе Тора ответил отрицательно, пояснил, что отдых в рёкане не предусматривает спортивных развлечений, и предложил обоим расположиться в зале для встреч, где имелся столик для игры в сёги. Юные господа дружно скривились, на том общение и закончилось.

Четвертую коррекцию в рабочие планы Тора внес Юдзо. Тора из кухни слышал, что гость покинул свою комнату, спустился вниз, но возле рецепшена не задержался, а сразу направился на ту сторону веранды, где находился выход к онсэн. Тора выждал пару минут и пошел за ним, полагая, что сейчас от него потребуются обеспечить обслуживание душевой – перед входом в купальню горячих источников посетителями полагалось вымыться с мылом в бане или под душем. Однако до принятия душа дело не дошло. Юдзо прошел прямо к источнику, несколько секунд неподвижно рассматривал обложенную камнями купальню, затем громко обозвал ее грязной лужей и, проигнорировав прислугу, удалился широким нервным шагом. Тора промолчал, однако про себя обиделся за тех, кто тщательнейшим

образом чистил водоем, шлифовал камни, ремонтировал душевую и обновлял забор. Следы ремонтной деятельности были незаметны для беглого взгляда – очевидно, специалисты, реставрировавшие этот онсэн, получили указание завуалировать срок реставрации. Однако Торе еще вчера стало ясно, что ремонт проводили всего несколько дней назад, причем делали это добросовестно и профессионально с использованием хороших качественных материалов. Запах свежего дерева и вычищенных камней до сих пор витал в воздухе в бледных клубах пара, поднимавшегося над маленькой купальней.

Воспользовавшись случаем, Тора быстро разложил на скамье в душевой банные полотенца для Хирото и близнецов, проверил показания температуры воды на специальном щитке, и направился к электрогенератору, установленному в отдельном помещении рядом с онсэном. Но до аппарата не дошел, поскольку услышал, что кто-то опять подходит к рецепшену из недр рёкана. Пришлось бежать в холл бегом.

– То-ра! Я выпался! Пойдем купаться!

Хирото стоял лицом к проходу, ведущему на кухню.

– Я тут, – окликнул мальчика Тора с веранды. – Онсэн готов.

– А коктейль?

– А коктейль после купания.

– Угу! – Хирото бодро кивнул.

Мальчик разделся самостоятельно, и Тора про себя восхитился, как ловко ребенок управляет с оби и фундоси. Но кроме того отметил, что Хирото для заявленных 12-ти лет выглядит слишком маленьким и нежным. «Исдержки домашнего воспитания, – подумал он с сожалением. – Сынок в золотой клетке. Любимая игрушка всемогущего папы-бизнесмена».

– А ты почему не раздеваешься, Тора? – удивился Хирото. – Давай искупаемся, а потом я научу тебя правильно завязывать оби.

– Спасибо, Хи-тян, – негромко ответил Тора с улыбкой, – но купаться мне нельзя. Я на работе.

– Ты вообще без перерыва работаешь? – невинные детские глаза – светло-карии, почти рыжие – изумленно округлились.

– Так получилось.

– А ночью? Ты же не собираешься работать ночью? Давай ты будешь спать со мной в моей комнате!

– Ты боишься спать один, Хи-тян?

– Нет. Ну... не очень боюсь. Просто хочу с тобой спать сегодня.

– Не могу обещать, но постараюсь закончить дела к вечеру.

Мальчик надул губки, подумал, неожиданно для Тора улыбнулся и заявил:

– Я буду надеяться, что ты закончишь свои дела.

Хирото спустился в воду, цепко держась за руку Тора, и расположился возле берега горячего водоема на подводном камне. Ночью Тора специально промерил глубину купальни, памятуя о присутствии ребенка в числе гостей, и убедился, что погрузиться с головой здесь способен разве что пятилетний малыш. Он предложил Хирото пройти на глубину, где мальчику будет по грудь, но тот отрицательно помотал головой.

– Я останусь здесь, чтобы тебе было спокойнее, – объяснил он.

– Мне? – изумился Тора.

– Ведь если я поскользнусь, ты же за мной прыгнешь, а ты в одежде.

Тора был искренне тронут такой заботой.

– Спасибо, Хи-тян.

– Тора, я могу тебе чем-то помочь на кухне? Чтобы ты успел закончить дела. Например, посуду расставлять. Или чистить что-нибудь. Я ножами никогда не работал, но холсты всегда чищу сам. Шпателем. А это почти как нож.

Тора несколько секунд обескураженно взирал на ребенка прежде, чем нашел подходящий ответ.

– Хи-тян, спасибо, но так будет неправильно.

– Почему?

– Ты гость в рёкане. Что твой папа подумает про меня, если узнает, что ты мне помогал?

Хирото смутился.

– Наверное, плохо подумает, – признал он и вдруг заявил. – Но я не понимаю, что папа думал, когда нанял тебя одного на эту работу. И я его завтра обязательно серьезно спрошу.

Тора улыбнулся мальчику, дабы скрыть напряженную работу мысли. Действительно, почему господин Накадзима отправил в рёкан единственного работника? Неужели он настолько невнимателен к детям, что не учел озорства близнецов, недовольства Юдзо, не оценил времени и внимания, необходимого маленькому Хирото? Не говоря уже о том, что выдернул Рику из больницы с незажившими ранами. Когда он с любовью и нежностью говорил о своих сыновьях, Тора ни на мгновение не усомнился в его искренности. Или же токийский бизнесмен виртуозно скрывал свои истинные мысли и чувства? И зачем вообще этот «уикэнд по приказу»? Теперь, когда Тора познакомился со всеми постояльцами гостиницы, он был уверен, что все они приехали сюда не по собственной воле, а исключительно по распоряжению отца. Приказать детям весело отдыхать в стенах гостиницы – абсурдно, глупо, неестественно. Значит, есть какая-то особая причина, побудившая Накадзиму-старшего собрать своих наследников именно здесь и именно сейчас. Ради этого мероприятия были потрачены немалые средства на аренду земли и заброшенного строения, на реставрацию и ремонт, на новое оборудование и обслуживание.

И что за странное условие, поставленное единственному работнику – не уходить от рёкана дальше чем на полтора километра? Вчера, поднимаясь по горной тропинке, Тора специально засекал ориентиры относительно времени в пути, и теперь знал, где проходит заданная граница – приблизительно на середине маршрута, там, где начинается наиболее крутой участок подъема. Заминка в речи господина Накадзимы, чем он назвал численные значения, была вызвана грубым подсчетом общего расстояния. «Он оценил длину пути по собственным ощущениям, а затем задал дистанцию так, чтобы гарантированно поставить запрет на спуск до дороги, – решил Тора. – А запрет нужен, чтобы кто-нибудь вроде Юдзо не вздумал отправить меня в поселок. Например, за сакэ, которого ему, похоже, очень не хватает».

– А тут уже мелочь плавает!

Тора развернулся на голос. За напряженными размышлениями он упустил из внимания шаги приближавшихся близнецов Накадзимы.

Хирото сморщил нос и ссутулился так, будто собирался опустить подбородок в воду.

«Они совершенно не дружат между собой, – дополнительно подытожил Тора. – Только близнецы. Эти двое живут как одно целое. Остальные не питают друг к другу братских чувств. Разве что Рику из соображений долга или опять же по приказу, сопровождал Хирото по пути. Но как только сдал его мне, посчитал свою «братскую» миссию законченной. Что за семейка!»

– Эй, горничная! Пошел вон отсюда! – искусственно грубым тоном распорядился один из близнецов.

– Нам няньки не нужны, – подхватил второй.

И тут вскочил Хирото.

– Тора останется со мной! – выпалил он, сжав кулаки.

Тора оказался в самой неприятной для себя ситуации – конфликт интересов хозяев положения.

– Тора? – повторил тот из близнецов, кто стоял справа от брата.

– Эй, ты! Тебя зовут Тора? – со смехом в голосе уточнил второй, обращаясь к работнику.

– Да, Фума-доно, – ответил Тора.

Имя он назвал исключительно интуитивно, но, судя по реакции, попал в точку. Близнецы изумленно переглянулись и одинаково озадаченно усмехнулись.

«Попались, голубчики, – с удовольствием отметил Тора. – Теперь, сколько ни крутитесь, я вас не перепутаю. Между вами полно различий, и я эти различия чую».

– Угадал, – сообщил Фума.

– И все равно проваливай отсюда, – добавил Като.

– Я выхожу! – вдруг объявил Хирото и решительно ступил на камень из числа обрамлявших купель.

Тора понял, что произойдет в следующую секунду, ибо ребенок в этот момент совершенно не контролировал материальную обстановку. Во мгновение ока он очутился над купальней и подхватил Хирото за руку до того, как тот осознал, что падает. Мальчика трясло от негодования, но в сторону обидчиков он бросил лишь – ненавижу! – и прошествовал в душевую онсэнэ. Тора пошел за ним, сделав вид, что не заметил потрясенный взор двух пар одинаковых глаз, проводивших его от купальни до закрывшейся за спиной сёдзи.

«Ничего страшного: стоял я близко, а людей с хорошей реакцией полно», – успокоил себя Тора.

Хирото остановился перед скамьей, на которой лежала его одежда.

– Тора, – тихо позвал он. – Извини. Я...

– Хи-тян, это не твоя вина, – вполголоса поспешно вставил Тора. – Мне очень жаль, что ты не успел вдоволь накупаться.

– Не. Всё в порядке. Я горячую воду не особо люблю. А эти придурки!..

– Они имели полное право попросить меня удалиться. Это нормально, – Тора постарался придать своему голосу максимум мягкости.

– Они не попросили, а нагрубили! Дураки! Дураки!..

– Пойдем, я сделаю тебе коктейль, Хи-тян.

– Угу... Можно, я с тобой на кухню пойду, Тора? Мне интересно за тобой наблюдать. Ты так быстро работаешь руками! Ты, наверное, и рыбу можешь поймать рукой в пруду. Да?

– Не знаю, не пробовал.

Тора искренне улыбнулся: он был рад, что Хирото так быстро успокоился после инцидента в купальне. Но в следующую секунду мальчик огорошил его в очередной раз.

– Точно можешь. Как кот! Нет, как... как бакэнэко – огромный волшебный кот!

Улыбка сползла с лица Тора, но Хирото одевался, стоя к нему спиной, поэтому лица не видел.

Хирото с удовольствием выпил фруктовый коктейль, попросил себе целое яблоко, и, надкусив, надолго застыл перед открытым посудным шкафом. Не обнаружив среди посуды ничего интересного, он принялся задумчиво прохаживаться по кухне и вдруг сказал.

– Сделай мне, пожалуйста, столик с едой. Только не на ужин. А прямо сейчас.

– Хи-тян, ты проголодался? – осторожно осведомился Тора.

– Не... Столик. Чтобы было два разных горшочка – черный и коричневый. Чашка с рисом. Во-он те приправы прямо в бутылочках и тарелка с креветками. Большими. Как ты на обед делал. На листе салата.

– Будешь рисовать с натуры? – догадался Тора.

– Угу. Акварелью. Я взял с собой краски. А еще вода нужна. Для кистей.

Тора живо приготовил всё, что просил юный художник, и понес столик в его комнату. Хирото шел за ним с чашками для промывки кистей в руках и – Тора чувствовал это затылком – пребывал уже в своем творческом мире.

– Вечером покажу тебе, что получилось, – пообещал Хирото напоследок.

Близнецы все еще плескались в горячей купальне, и Тора понадеялся, что теперь у него есть немного времени, чтобы без помех загодя начистить овощи на ужин. Но не тут-то было. Не прошло и пяти минут, как сёдзи комнаты Юдзо гулким хлопком возвестили о выходе разгневанного хозяина. Тора живо вытер руки, сбросил фартук и поспешил к рецепшену.

– В этой убогой гостинице есть хоть одна электрическая розетка?! – прогремело с лестницы.

Тора дождался, когда постоялец спустится в холл, и сделал шаг к нему навстречу.

– Прошу прощения, но в номерах только потолочное освещение и розеток для электроприборов нет.

– Что за идиотизм! Я хочу зарядить мой айпэд!

– Юдзо-доно, – Тора покосился на планшет, которым гость яростно тряс в воздухе. – Я очень сожалею, но розеток в номерах нет. Я могу предложить вам электрическую панель, которая расположена на кухне. Она напрямую соединена с генератором и...

– Да как ты смеешь!!

Тора отшатнулся, ибо показалось, что его того гляди стукнут айпэдом по голове, и успел подумать, что не один лишь отсутствующий Ичиро обладает взрывным нравом.

– Немедленно сделай нормальное цивилизованное электричество в моей комнате! – распорядился Юдзо. – Немедленно!

Тора призадумался. Чинить розетки, менять лампочки и даже паять провода он умел. Но как без каких-либо удлинителей сделать портативную розетку в комнате рёкана, не имел ни малейшего понятия. Осенило: отыскать кусок кабеля в неотремонтированной части здания, отсоединить провода от потолочной лампы, сделать двойную скрутку, спустить провод прямо с потолка.

– Юдзо-доно. Я сделаю временку и...

– Стоп.

Тора медленно выдохнул: подошедшего на шум Рику он не заметил, а сие означало, что режим «ушки на макушке» дал серьезный сбой.

– Тора-сан, у вас есть лицензия на проведения электромонтажных работ внутри помещения? – спокойно осведомился Рику, но при этом смотрел не на работника – это Тора отслеживал боковым зрением, – а в упор на своего старшего брата.

– Нет, Рику-доно. Лицензии у меня нет, – признался Тора.

– Вопрос закрыт. Юдзо, если тебе так необходим твой айпэд, дай аппарат смотрителю гостиницы. Он включит его в розетку на кухне.

– Ни за что! Ты вообще..?

Рику перебил:

– В таком случае, пожалуйста, постарайся обойтись без своего айпэда в ближайшие сутки. Других вариантов нет.

– Проклятье! – выкрикнул Юдзо, но теперь гнев его был порожден бессилием. – Папаша еще ответит за этот новый «необитаемый остров»! Меня достали его причуды!

– Юдзо! – Рику повысил голос.

Юдзо окатил брата полным ненависти взглядом, круто развернулся и стремительно ушел на второй этаж. Через несколько секунд хлопок раздвижных дверей возвестил об окончании семейной сцены. Но акт еще не закончился, и Тора это отлично чувствовал.

– Тора-сан, – голос Рику на сей раз был абсолютно спокоен. – Полагаю, у вас сохранилась копия договора, который вы подписали. Пожалуйста, принесите документ в зал.

И он направился в самое просторное и до сих пор незадействованное помещение гостиницы.

Торе потребовалось менее минуты, чтобы заскочить в комнату – вернее, каморку без окон

– позади рецепшена, где вчера по прибытии он переодевался и где оставил свою одежду. Однако несмотря на оперативность он застал молодого господина уже зале – Рику сидел в сэйдза перед одним из столиков. Следуя безмолвному знаку, Тора разместился напротив. Тоже в сэйдза, что было почему-то особо отмечено взглядом из-под дымчатых очков.

Пока Рику изучал контракт, Тора, не поднимая ни глаз, ни головы, боковым зрением изучал молодого господина с близкого расстояния. Очки без диоптрий – это было наиболее важное открытие на данный момент. Тора попытался, не двигаясь, разглядеть, что скрывают затененные стекла, но не сумел.

– Личные документы? – продолжая читать, произнес Рику.

– Простите. С собой нет. Меня вызвали на собеседование прямо с работы.

– Понятно. Сколько вам лет, Тора-сан?

– Шестнадцать. С половиной.

Рику поднял взгляд, и Тора решил, что тоже имеет право посмотреть на собеседника.

Разрез глаз. Вот что прятали дымчатые стекла. Тора не стал бы называть такую форму глаз европеоидным, но и на типичные японские глаза Рику ничуть не походили.

«Полукровка?.. Странно. У Хирото и близнецов нормальный для японцев облик. За исключением цвета волос. Но Юдзо... – Тора постарался в деталях воссоздать в мыслях портрет буйного постояльца. – Пожалуй, между Юдзо и Рику много общего... Им около тридцати лет. Наверное, погодки. А Като и Фума – 15-16, не больше. Видимо, разные матери. Рику имеет влияние на Ичиро. Скорее всего, Ичиро его родной брат. И мать троих старших – не японка».

– Тора-сан, – Рику отодвинул лист на центр маленького стола и опустил руки на бедра. – Контракт заключен вчера, не так ли?

– Да.

– Данные о ваших персональных документах отсутствуют.

– Да.

– Вы не достигли совершеннолетия.

– Да.

– Вы понимаете, что означают мои вопросы?

– Да, Рику-доно.

– То есть вы понимаете, что эта бумага, – Рику легким кивком указала на копию контракта, – фикция.

– Понимаю, Рику-доно.

– В контракте поистине рабовладельческие условия найма. А указанный гонорар будет выплачен, только если работодатель проявит великодушие, закроет глаза на юридические ошибки и рискнет в обход налогового закона выдать сумму наличностью.

– Я понимаю, Рику-доно.

– В таком случае, почему вы согласились на эту работу?

Тора посмотрел на свою подпись, ярко пропечатанную на листе.

– Вас привлекла эта волшебная сумма? – опять задал вопрос молодой господин.

Тора спешно сочинял ответ, когда вдруг понял, что врать бессмысленно. Перед ним сидел человек, не хуже него самого умевший отличать правду от лжи.

«Что делать? Рассказать о маме? – Тора незаметно следил за выражением лица собеседника, однако Рику не позволял себе какой-либо эмоциональной мимики. – А если Накадзима не планировал никаких махинаций и шантажа и искренне полагал, что устраивает детям веселый уикэнд с помощью «шустрого и расторопного» работника, которого по итогам работы собирался озолотить?»

– Вы получили на руки сумму аванса, указанную в этом документе?

Тора невольно нахмурился. Создалось впечатление, что Рику задает вопросы так, чтобы

найти оправдание как поступку отца, так и поведению нанятого работника.

«Рискну», – решил Тора.

– Нет, не получил. Эта сумма потрачена на оплату услуг медперсонала. Моя мама тяжело больна.

– Понятно. Она в больнице?

– Нет. Дома. На съёмной квартире.

– Мой отец нанял персонал до того, как вы подписали контракт, не так ли? – вдруг спросил Рикю.

– Да.

Рикю качнулся вперед, повел правым плечом, но поднял к столу левую руку. Легко, пальцем потянул документ к себе и вновь углубился в чтение.

У Торы появилась минута на раздумья.

«Он сказал «мой отец», а не «работодатель». Вызывает меня на доверительный разговор? Или хочет подчеркнуть, что семейные узы для него превыше всего и «его отец» в любом случае окажется прав в его глазах?.. Скорее первое. Я ему нужен, как источник информации. Точно. Никто из сыновей Накадзимы не понимает, зачем их собрали в этом рёкане... Дочитал до конца. Сейчас начнет расспрашивать о том, что в контракт не попало».

– Тора-сан, были ли какие-либо условия, поставленные устно?

Тора нечаянно упустил свою неподвижную маску, и движение губ – что-то вроде мимолетной улыбки – было замечено: Рикю чуть-чуть улыбнулся в ответ.

– Вы ждали этого вопроса, не так ли? – как бы между прочем поинтересовался он.

– Да.

– Вы честный человек.

– Не вижу смысла лгать, Рикю-доно.

– Вот как? – Рикю медленно, будто раздумывая, поднял руку к виску и взялся за душку очков. – Похвально.

Очки бесшумно опустились на стол.

– Было одно устное условие, – заговорил Тора без дополнительных вопросов. – Я не имею права удаляться от рёкана более чем на полтора километра.

– Понятно. Отец предупредил, чтобы никто из нас не пытался отправить работника с поручениями, так как работник обязался не покидать гостиницу. Что-то еще?

– Накадзима-сама просил присматривать за Хирото-доно.

– Я заметил, вы хорошо ладили друг с другом. Мои поздравления, Тора-сан.

– Поздравления? – удивился Тора.

– Хирото не подпускает к себе посторонних людей. Он недружелюбен, замкнут, предпочитает одинокое созерцание любым детским играм. Вы отыскиали к нему ключ за пару минут.

– Я ничего специального не искал, – проговорил Тора – характеристика Хирото, данная его старшим братом, шокировала до глубины души.

– Да, я видел. Думаю, в этом и весь секрет. Еще несколько вопросов, если не возражаете.

Тора продемонстрировал готовность согласным кивком.

– Что вы знаете об этом рёкане?

– Землю и здание арендовал Накадзима-сама, это его слова. Здесь делали ремонт – поднимали сваи и латали крышу. Но крышу – наспех. Правое крыло осталось ветхим. Косметический ремонт делали только в шести гостевых комнатах, в зале, холле и на кухне. Другие помещения закрыты. Кое-где даже полы проваливаются. Большое внимание было уделено реставрации онсэна и чистке источника. Кухонное оборудование, предметы быта, продукты, посуду и всякие мелочи доставили вчера утром. Часть – днем раньше. Когда и что делали с генератором, не знаю, не разбираюсь в таких агрегатах. Проверил по инструкции,

всё работает. Запас топлива рассчитан на четыре дня – так записано в реестре продуктов.

– Когда вы прибыли в рёкан?

– Вчера. Без десяти шесть вечера.

– Всё, что вы перечислили, это...?

– Наблюдения. Мне пришлось тут кое-что убирать, расставлять. Вот и заметил.

– Какое у вас образование, Тора-сан?

– Закончил среднюю школу два года назад.

– В четырнадцать лет?

– Пришлось экстерном, чтобы больше времени уделять работе. Мама уже тогда болела.

– Понятно. Я оставлю ваш контракт у себя.

Тора осторожно покосился на бумагу. С одной стороны этот скопированный лист был его единственным худо-бедно официальным доказательством найма, и расставаться с документом не хотелось. Но с другой стороны не доверять Рику после состоявшегося разговора было бы глупо.

– Поясню, – заговорил Рик, заметив неуверенность собеседника. – Я – юрист. У меня своя адвокатская контора, но часто я выступаю в роли юрисконсульта в спорных вопросах компаний моего отца. Я хочу забрать этот документ как юрисконсульт Дома Накадзима. Обещаю, что в случае каких-либо юридических проблем, я буду вашим адвокатом, причем абсолютно бесплатно.

– Спасибо, Рик-доно, – Тора низко поклонился, разве что не уперся лбом в столик.

Собеседник сделал движение, будто собирается встать, но Тора поспешил воспользоваться случаем, чтобы выяснить то, что беспокоило его с утра.

– Рик-доно, могу я спросить?

– Да, разумеется.

– По моим данным в рёкане должно быть шестеро гостей. До сих пор не приехал Ичиро-доно.

– Он придет, – отрезал Рик, посмотрел на Тору и добавил мягче. – Я уверен, придет. И скоро. Мой вам совет: обращайтесь к нему «Ичиро-сан». Он крайне отрицательно относится к традиционным формальностям.

– Спасибо. Я запомню.

Тора живо встал на ноги и повернул к выходу, но на полпути приостановился. Как будет подниматься с колен человек, у которого насквозь прострелено правое легкое? Во время этого разговора Тора узнал достаточно много о физическом состоянии собеседника по запаху и ритму дыхания, и в своих выводах теперь ничуть не сомневался.

«Повязка на торсе давно ослабла и фиксирующих функций не выполняет. Он опять разбередит раны, когда начнет встать! Что же делать? – Тора судорожно искал приемлемый вариант. – Предложить помощь? Ждет, когда я уйду. Но нельзя же так!»

– Рик-доно, – Тора развернулся кругом до того, как успел принять сознательное решение. – Позвольте мне вам помочь.

Пробила нервная дрожь, от холки до кончиков пальцев. Однако Тора заставил себя прямо посмотреть на молодого господина. «Он наверняка еще в обед понял, что я догадался. Но он не знает, как догадался...», – подумал он, наблюдая за бесстрастным тонким лицом, на котором сейчас, в отсутствие очков, хорошо прослеживалось портретное сходство с главой семейства.

– Спасибо, Тора-сан, – произнес Рик, и в его глазах промелькнул блик любопытства.

Тора вернулся к столу, зашел со спины сидящего, подставил свое предплечье под его левую руку, как перила, а правой поддержал под локоть. Таким образом, он обеспечил раненому подъем на ноги без наклона корпуса.

– Спасибо, – повторил Рик. – Это досадное ранение не связано ни с Домом Накадзима,

ни, тем более, с поездкой в рёкан. Отец не в курсе дел моей адвокатской конторы.

– Я понимаю, – Тора опустил взгляд в пол и постарался скрыть облегченный вздох: он был бы очень раздосадован, если бы выяснилось, что Накадзима-старший знал о ранении сына и несмотря на это заставил его ехать на горячие источники.

– Тора-кун.

Тора взглядом дал понять, что с удовольствием принял переход на более свойский стиль обращения. Рику дружески улыбнулся.

– Тора-кун, мне было бы полезно узнать, каким образом ты не только определил наличие раны, но и вычислил ее локализацию.

– Почувствовал запах крови. У меня тонкое обоняние.

– Вот как?

Тора заметил, что неполный ответ собеседника не удовлетворил, и поспешил добавить:

– Еще на слух. Дыхание. Правое легкое насквозь. Воспаления нет. Но это я только здесь, сейчас понял.

– Потрясающе... Да, и спасибо за персональное меню. Обед был великолепный.

Тора, наконец, позволил себе облегченный вздох и низко поклонился в знак благодарности за похвалу.

– Теперь, – невозмутимо продолжал Рику, – когда я убедился, что ты знаешь мою маленькую тайну, я попрошу твоей помощи, Тора-кун. Уверен, для тебя не составит сложностей помочь с перевязкой. Но я хочу, чтобы тайна осталась между нами.

– Конечно, Рику-доно.

Эпизод 4. Тучи сгущаются

Рику направился напрямик в свою комнату. Тора шел за ним, рассчитывая по пути завернуть к хозяйственному шкафу за аптечкой. Он был в двух шагах от рецепшена, когда с веранды раздались звонкие восторженные голоса:

– Снег! Фума, гляди!

– Настоящий снег!

Тора метнулся к дверям и рывком раздвинул сёдзи. Открывшаяся картина на несколько секунд пригвоздила его к полу: на двор рёкана, на кустарник, на деревья нескончаемым потоком сыпались крупные белые хлопья. Шорох шагов рядом возвестил о том, что и Рику заинтересовался неординарным явлением. Тора быстро, краем глаза, глянул на него, убедился, что сентябрьский снегопад приковал его внимание, и выскочил на веранду. Близнецы толкались на углу террасы и, держась друг за друга, норовили высунуться наружу так, чтобы разглядеть небо за козырьком крыши. Тора посмотрел на небо вдаль и почувствовал, как волосы на затылке неприятно зашевелились. Всего полчаса назад ничто не предвещало изменений погоды на ближайшие сутки, за это он мог поручиться чем угодно. И вот сейчас весь обозримый небосвод затянут густыми свинцовыми тучами, а воздух наполнен холодным дыханием зимы.

Тора встал на самый край деревянного настила и вытянул руку из-под козырька крыши. В ладонь тут же попались несколько пушистых конгломератов снежинок. Он быстро поднес ладонь к лицу. Настоящий снег – белый, крупный, как птичий пух. Он понюхал и осторожно лизнул подтаявшую снежинку. Первозданная чистота – будто капля из дикого горного родника. Ни единой частички техногенных продуктов, неотъемлемого элемента атмосферы человеческих городов.

– Вау!

– Круто!

– Сейчас весь двор завалит!

– Пошли посмотрим, как он в паре будет таять!

И близнецы скрылись за углом открытой веранды – очевидно, побежали обратно, в онсэн.

Тора вернулся к Рику и встал поодаль. Он изо всех сил старался выглядеть невозмутимым, но ощущение притаившейся в снегу угрозы не отступало, а наоборот, окутывало тело и рассудок холодным покрывалом, вызывая мелкую дрожь сжатых как пружина мышц.

– Заметил что-то интересное в запахе и вкусе снега? – поинтересовался Рик, продолжая любоваться снегопадом.

– Н-нет. Наоборот. То есть... – Тора чувствовал, что язык заплетается от напряжения.

– Тора-кун? – Рик посмотрел на собеседника сверху вниз, ибо был заметно выше ростом.

– Снег необычно чистый, – сформулировал, наконец, Тора. – Наверное, тучи пришли из гор.

Рик кивнул, чем дал понять, что ответом удовлетворен, и направился дальше по коридору в свою комнату.

Перевязка заняла больше времени, чем предполагали пациент и его самостоятельный лекарь, поскольку старые тампоны пришлось отмачивать, а затем тщательно дезинфицировать послеоперационные швы и на груди, и на спине под лопаткой. В какой-то момент Тора очень пожалел, что в аптечке нет обезболивающих средств, ибо ему показалось, что Рик вот-вот потеряет сознание. Стерильные салфетки и пластырь пришлось кстати, но необходимого количества бинтов не оказалось, и Тора использовал в качестве фиксирующей повязки длинную широкую ленту, отрезанную от чистой простыни. Затем он уложил раненого на татами, подсунув под его голову подушку, и укрыл двумя одеялами. Нужно было бы расстелить фuton, но в начале процедуры Рик от постели отказался, а теперь Тора побоялся его тревожить.

– Рик-доно, я сделаю для вас горячий чай, – осторожно предложил он.

– Через час, – тихо отозвался тот и, открыв глаза, улыбнулся Торе. – Не беспокойся, пожалуйста. Понимаю, со стороны это выглядит страшно, но уверяю тебя: ничего серьезного нет. Это не первый раз, когда я допустил ошибку. Скоро всё заживет. Спасибо тебе. Ты мне действительно очень помог.

Прежде, чем вернуть аптечку в шкаф, Тора проверил, не осталось ли внутри огрызков вскрытых пакетов и чего-либо, указывавшего на использование лечебного инвентаря. Но запах йода и спиртового раствора истекал теперь от одежды, и Тора решил, что имеет право сменить кимоно, благо в его распоряжении было три комплекта специфической униформы. Оби поверх новых хакама он опять подвязал абы-как и улыбнулся, вспомнив про намерение Хирото обучить его правильному облачению в традиционную одежду. Появилась мысль заглянуть к юному художнику, чтобы сообщить ему про снегопад, но поразмыслив, Тора решил не нарушать уединение творчески настроенного мальчика.

На дворе в это время бушевала снежная баталия – близнецы, захлебываясь хохотом, играли в снежки. Тора видел их из-за приоткрытой сёдзи, когда заходил в свою каморку, и прекрасно слышал постоянно. По изменившемуся направлению звука сейчас он определил, что битва перекочевала на дорожку перед центральным входом в рёкан. Он достал из шкафа два полотенца и направился в тамбур, где гости переодевали обувь, с намерением оставить полотенца на видном месте, ибо было ясно, что в гостиницу близнецы вернутся мокрыми с головы до ног.

«Не простудились бы. После горячей бани – под холодный снег», – подумал Тора и тут почувал, что со двора целятся в него.

Снежок он перехватил в полёте, но холодное белое крошево посыпалось между пальцев –

снег лепился плохо, а это означало, что наколенного в земле тепла не хватает, чтобы растопить нежданного зимнего гостя.

Второй снежок Тора отбил локтем, но так, чтобы снежная мука полетела наружу. От третьего рефлекторно увернулся, и метательный снаряд оставил на полу холла длинную белую дорожку.

– Эй, ты! Ты чем занимаешься?

Тора выпрямился и посмотрел на близнецов. Раскрасневшиеся от беготни, в небрежно запахнутых юката и ботинках, надетых на голые ноги, они стояли перед крыльцом по щиколотку в снегу каждый.

«Снег не тает, значит, температура воздуха опустилась до минусовой, – окончательно убедился Тора. – Если снегопад не закончится вскорости, завалит и тропу, и двор, и, в конце концов, это здание. Как бы крышу не проломило».

– Эй! Тебя спрашиваю: ты что, кендо занимаешься?

– Или ниндзюцу каким-нибудь?

Тора спохватился и поспешно состроил на лице вежливую улыбку.

– Нет, кендо и ниндзюцу я не занимаюсь, – ответил он.

Близнецы переглянулись.

– Да ладно врать-то, – снисходительно бросил Като. – Колись, в какой клуб ходишь.

– Такая реакция, как у тебя, – подхватил Фума, – из ничего не получится.

– К сожалению, у меня нет времени на спортивные занятия.

Теперь Като и Фума переглянулись с нескрываемой хитрецой на обеих физиономиях.

– А как насчет твоего брата? – вкрадчивым тоном спросил Фума и сделал шаг к крыльцу.

– Брата? – откровенно изумился Тора.

– Опять прикидывается, – подытожил Като со смехом и пошел к дверям. – Всё, гейм-овер! Нам уже давно всё ясно. Один из вас на рецепшене и в комнатах, другой вкалывает на кухне.

Тора несколько секунд оторопело смотрел автора фантастического вывода и, не сдержавшись, рассмеялся.

– Като-доно, вы ошибаетесь, – поспешно приглушив смех, ответил он. – Я работаю один.

– Врешь! – крикнул Фума и тоже пошел на крыльцо. – У того, кто обслуживает кухню и онсэн, штаны темнее, чем у тебя.

– Я только что переоделся, Фума-доно, – сообщил Тора, протянул гостю полотенце, второе вручил Като и добавил. – Вам не помешало бы сменить юката, а также надеть хаори. В вашей комнате в шкафу есть запасная одежда.

Като хотел что-то ответить, но заметил напряженный взгляд Торы, устремленный в снежную завесу, закрывавшую двор: сейчас из тамбура не видно было даже деревянной арки ворот. Фума тоже проследил за его взглядом и совершенно серьезно спросил:

– Это надолго, как думаешь?

– Не знаю, – механически отозвался Тора и нечаянно продолжил вслух то, что крутилось в голове. – Изменений атмосферного давления не было. Здесь стоял устойчивый антициклон.

– Антициклон – это типа шторма в море? – заинтересовался Като.

– Нет. Антициклон – это область повышенного атмосферного давления. Хорошая безоблачная погода. А штормовые явления происходят при понижении давления, и это называется циклон. Между циклоном и антициклоном проходит фронт. Как правило, сопровождаемый затяжными осадками. А тут... Эти тучи, будто пришли из ниоткуда.

– У-у, дом с привидениями, – замогильным голосом объявил Фума и натянуто рассмеялся.

Тора пропустил ремарку мимо ушей: сложившаяся ситуация не внушала ему никакого оптимизма.

На кухне Тора едва не уронил чайник с кипятком и просыпал сахар. То были явные признаки переутомления, но он опять заставил себя сосредоточиться. Предстояло сделать горячий десерт близнецам по их заказу, затем заглянуть к Хирото, а после принести чай для Рику и приниматься за приготовления ужина. Но мысли вопреки воле витали далеко от кухонных дел. Не давал покоя этот странный снегопад. Тора убедил себя, что резкое понижение давления просто не заметил в чехарде дел и событий. Но запах чистого снега, просачивавшийся снаружи несмотря на плотно сдвинутые сёдзи, будоражил воображение и настойчиво стучался в спящую память, будто норовил разбудить то, глубокое, что дремало под осколками печати.

Брякнула тарелка. Тора рефлекторно поймал предмет, вернул на стол и решил, что если он сейчас же не даст себе хотя бы пять минут передышки, то дело кончится какой-нибудь глупейшей ошибкой. Он сел на пол возле огромного холодильника – там, где днем сидел Хирото, – обхватил руками поджатые к груди колени и низко опустил голову. Тут же потянуло в сон. Причем так, что Торе показалось, будто он мгновенно заснул и ему снится, что он отчаянно хочет спать. «Ничего. Через три минуты засвистит чайник, проснусь», – подумал он.

Перед закрытыми глазами завертелись образы огромных ярких снежинок. Белые-белые, они падали на камни, на сухую траву, и исчезали, опустившись в белую-белую шерсть на материнской груди. Снежинки сверкали на самых кончиках шерстинок, от чего вся шкурка как будто сияла серебром. А он лежал, свернувшись клубком, под маминым боком и одним глазом наблюдал за этим сиянием, как за волшебством... Мирные беззаботные дни...

«Где ты, сынок? Не слышу тебя...»

Тора вздрогнул и судорожно ухватился за рассыпавшийся сон. «Где ты, сынок?..» – голос матери, пришедший из сна, звучал едва слышно.

– Мама? – шевельнулись его губы. – Я здесь... Мама...

За закрытым окном мелькнула белая тень – огромная кошка с двумя длинными хвостами.

– Мама!

Тора проснулся, стоя на ногах. По щекам катились слезы, руки дрожали, по спине волнами прокатывались теплые шершавые мурашки.

– Мама! Зачем ты сейчас? Мама!!

Он осекся, сообразив, что кричит вслух. Испуганно застыл и прислушался...

Тишина. Крик остался не замеченным.

На плите засвистел чайник.

Тора еще несколько секунд неподвижно стоял перед окном. За бумажными ставнями мелькали причудливые тени – снегопад усиливался. Опомившись, он поспешно вытер глаза широкими рукавами кимоно, несколько раз глубоко вздохнул и вернулся к своей работе.

Като и Фума засыпали Тору вопросами о снегопадах и штормах, когда он принес им горячие напитки, и в комнате близнецов ему пришлось задержать почти на четверть часа. Таким образом, он потерял время, запланированное для общения с Хирото, и, поскольку назначенный Рику час уже истек, поспешил на первый этаж. Рику откликнулся на осторожный призыв из-за двери не сразу, но пригласил Тору в комнату, поблагодарил за чай и сказал, что на ужин ему достаточно будет легкой закуски. Затем спросил про обстановку снаружи. Тора постарался тщательно скрыть свои тревоги и просто ответил, что снегопад продолжает. На сём разговор закончился.

Хирото, когда Тора постучал в его номер, из-за двери торопливо ответил: «Еще не готово! Подожди, я сам тебя позову!» Тора не стал обращать внимания мальчика на то, что творилось за окном, и отправился на улицу. Следовало в первую очередь проверить генератор, а по ходу дела придумать, как обеспечить обогрев комнат на ночь, ибо было ясно, что тонкие стены и

бумажные сёдзи не удержат накопленное в помещениях тепло и до середины ночи.

К сарайчику, примыкавшему одной стеной к душевой онсэнэ, Тора пробивался по самым настоящим сугробам по колено в снегу. Открыть дверь – это была единственная дверь во всём комплексе, крепившаяся на петлях – оказалось непросто, поскольку открывалась она наружу, а там вырос добротный сугроб. Тора кое-как справился с этой проблемой, осмотрел генератор, убедился, что датчики, указанные в инструкции, говорят о нормальной работе системы, забрал лопату, хранившуюся здесь же, в сарае, и пошел назад, в здание гостиницы.

Ветер отчаянно завывал между высоченных деревьев, но и сквозь этот надрывный вой Тора расслышал громкие голоса из-за стен строения, и в числе прочих – звонкий голос Хирото. Он опрометью кинулся в рёкан, распознав, что некое шумное действие происходит на втором этаже. Но уже на веранде понял причину: в здании погас свет. «Я же не трогал ничего. И кабель был в порядке!» – испугался он.

Ворвавшись в холл через боковой вход с веранды, Тора метнулся напрямик к лестнице, но затормозил, увидав на последней ступеньке Рику, а в коридоре перед ним – нечто большое и белое.

– То-ра! – дребезжащим от обиды голосом выкрикнул Хирото. – Они свет выключили!

– Это не мы! – выкрикнули близнецы дуэтом.

– Всё. Достаточно! – грозно распорядился Рику, очевидно, не в первый раз. – Като, Фума, немедленно уберите это безобразие! И запомните: с этой минуты смотритель гостиницы в вашу комнату не заходит до вашего отъезда. Ясно?

– Это не мы вырубili свет! – искренне возмутился Като.

Рику начисто проигнорировал реплику и повернулся лицом к Торе.

– Тора-кун, пожалуйста, подносы с едой оставляй возле двери этого номера. Всё остальное юноши будут делать самостоятельно.

– Я из-за этих придурков воду на рисунок пролил! – едва сдерживая слезы, громко пожаловался Хирото.

Тора, наконец, разглядел то, белое и большое, что не идентифицировал сразу: широкая простыня, накинутая на плечи обоих близнецов, призвана была обеспечить образ привидения. А для усиления эффекта под тканью светились два дисплея бесполезных здесь мобильных телефонов.

– Я сейчас восстановлю освещение, – торопливо объявил Тора и побежал в дальнюю часть коридора мимо всех участников разборки.

Щиток оказался в полном порядке. Тора на всякий случай дважды перецелкнул все тумблеры, но безрезультатно. Попутно он сделал еще одно неожиданное открытие: сёдзи комнаты Юдзо, последней в ряду занятых, оказались слегка раздвинуты. Он прислушался – комната пустовала.

– Тора! – громко позвал Фума. – Что ты видишь в этой темнотище? Стой там, я сейчас подсвечу тебе!

Он принялся выпутываться из простыни, и тусклый квадрат света от дисплея мобильного, заматался по стенам в такт его суматошным движениям.

Тора поспешил вмешаться:

– Фума-доно, спасибо, я нормально вижу. Рику-доно, щиток действительно никто не трогал. Наверное, предохранители вылетели на основном. Я проверю.

– Хирото. Като. Фума. Вернитесь в свои комнаты, – безапелляционно распорядился Рику и, взявшись за перила, начал осторожно спускаться в холл.

Тора нагнал его на полпути, но не рискнул обгонять, ибо не знал, как сие действие выглядело бы относительно этикета.

– Ты действительно видишь без освещения? – негромко, будто между прочем, поинтересовался Рику, не оглядываясь.

- Да.
- Обострение органов чувств обеспечено тренировками?
- Нет. Это генетическое.
- Понятно.

Рику отступил в сторону. Тора воспользовался приглашением и проскочил вперед. Не хотелось очередной раз демонстрировать работу своих уникальных «органов чувств», но присутствие на кухне Юдзо, а также неприятный душок подгорелого пластика, он почувал еще с лестницы.

– Здесь есть фонари? – спросил Рику.

– Есть. Один момент! – Тора кинулся к шкафу, где вчера ночью сложил все те хозяйственные мелочи, которые теоретическим могли бы пригодиться посетителям.

Юдзо был обнаружен в подсобке кухни в тщетных поисках рубильника. Тора специально подгадал момент, чтобы первым его увидел Рику. Закрывшись локтем от света фонаря, вонзившегося в лицо, Юдзо принялся поносить на чем свет стоит дряхлый рёкан и ленивую прислугу, и в процессе своего словоизлияния невольно объяснил и свое присутствие на кухне, и причину отключения электричества. Оказалось, что он всё-таки снизошел до посещения служебных помещений гостиницы, дабы воспользоваться электрической розеткой. Однако прислугу дожидаться не стал – Тора в это время как раз раскапывал дверь генераторной – и вставил зарядное устройство своего айпэда в первую попавшуюся на глаза розетку. Розетка оказалась специальной, предназначенной только для электрической плиты. Оставалось лишь дивиться упорству, с которым молодой господин впихнул вилку зарядника в неподходящий разъем. Зарядник вместе с подсоединенным к нему планшетом, мигом перегорели, а на центральном электрощитке сработала автоматическая защита.

Тора принялся, было, извиняться за вынужденное отсутствие, но Рику его остановил, спросил, где именно находился «смотритель гостиницы», а, получив ответ, бесстрастно извинился перед ним за необоснованные обвинения и почти насильно увел старшего брата из кухни.

Позднее, когда настало время ужина, Тора видел Юдзо в его комнате, но тот вел себя нейтрально вежливо, из чего Тора заключил, что Рику провел со старшим братом разъяснительную беседу.

Бурный день подошел к концу. Тора заканчивал уборку на кухне, механически расставлял по местам посуду, а сам упрямо перебирал в уме список дел, составленный перед ужином. Вроде бы ничего не упущено. Все гости снабжены дополнительными одеялами, хаори есть в шкафах в каждом номере, фонари и лампы на аккумуляторах проверены все до единого и разложены на видных доступных местах на случай, если генератор не выдержит натиска стихии. Кроме того Тора успел собрать в аварийной части здания все деревяшки и доски, пригодны для растопки очага на кухне.

Однако оставалось ощущение чего-то неучтенного или забытого.

Тора мысленно прошелся по комнатам. О Юдзо он не беспокоился: как-никак взрослый человек – догадается и укрыться дополнительным одеялом, и одеться, если замерзнет. Хирото и близнецов Тора худо-бедно примирил еще перед ужином, причем Като и Фума извинились перед младшим братом по собственной инициативе. Загубленный водой акварельный рисунок юный художник решил повторить завтра и после ужина практически сразу уснул. Тора собственноручно укутал спящего ребенка в два широких мужских хаори. Нянчиться с господами-ровесниками он, разумеется, поостерегся, но через едва-едва приоткрытые сёдзи их комнаты, проверил, нет ли в комнате явных сквозняков.

Осталось найти предлог, чтобы заглянуть к Рику и удостовериться, что рана его больше не

беспокоит.

Подумав про Рику, Тора вдруг понял, что упустил из виду: Рику был уверен, что его брат Ичиро скоро приедет в рёкан. Прошло почти шесть часов. Ичиро не появился.

«Он не пройдет сюда по таким сугробам. Да и всё шоссе наверняка замело. Скорее всего он остался в поселке, даже если и приехал», – попытался успокоить себя Тора.

Из холла раздался приглушенный звук шагов. Тора выскочил из кухни, можно сказать – уже по привычке – и с разгону едва не врезался в шедшего навстречу Рику.

– Рику-доно, – начал он, поднимая голову и осекся.

Рику был в обычном костюме, но в хаори, надетом поверх пиджака, и в гостиничных тапочках.

– Тора-кун, мне нужно с тобой поговорить, – произнес Рику.

И Тора понял, что он по-настоящему взволнован, хотя ни в голосе, ни в мимике не было ни единого признака напряжения.

– Давай пройдем в зал, – продолжал Рику по-прежнему спокойно.

Сёдзи за собой он задвинул с особой тщательностью, и Тора не удержался от подсказки.

– Рику-доно, все крепко спят уже.

– Слышишь?

– Да.

– Хорошо. У тебя уникальные органы чувств, а у меня есть натренированная способность чувствовать моего брата Ичиро. Я уверен, что он где-то поблизости. Здесь. В этом лесу. Я нарушу условие, поставленное отцом – не покидать рёкан. Ситуация экстраординарная. Прошу тебя сохранить в тайне мой поступок.

– Рику-доно...

– Я верю в твои удивительные слух и обоняние, а ты, пожалуйста, поверь моему чутью.

– Я верю! – воскликнул Тора и торопливо продолжал. – Но почему вы? Вы видели, какие там сугробы? Вы представляете, что сейчас творится в лесу? Как вы собираетесь искать брата в кромешной темноте под этим ужасным снегопадом? Я пойду!

– Тора-кун..? – Рику нахмурился.

– Ичиро-сан ваш родной брат, верно? Значит, его запах похож на ваш.

– В этом я сильно сомневаюсь, но Ичиро мой родной брат, это так. Однако, Тора-кун, я не могу позволить тебе рисковать...

– Рику-сан, – забыв про всякий этикет, перебил Тора. – Единственный, кто тут рискует, это вы. Я не пушу вас за ворота в такую погоду. А вашего брата найду сам. Ведь мне с моими зрением, слухом и обонянием гораздо проще это сделать.

Рику отвернулся и долго смотрел в стену так, чтобы Тора не видел его лица.

– Я не могу сказать, в каком именно направлении находится сейчас Ичиро, – тихо произнес он, наконец.

– Сколько ему лет? – Тора в упор смотрел в затылок собеседника.

– 25. Он на три года младше меня. И я не буду утверждать, что мы с ним похожи внешне.

– А Юдзо-доно?

– Юдзо 29 лет. Мы трое – Юдзо, я и Ичиро – родные братья. Однако между Юдзо и Ичиро еще меньше сходства, чем между Ичиро и мной.

– Всё равно найду, – уверенно пообещал Тора. – Просто подождите меня здесь, Рику-сан. Он решительно направился к двери.

– Тора-кун.

Тора оглянулся, и Рику поклонился ему.

– Спасибо тебе.

Эпизод 5. Истинная форма

Пояснения к эпизоду 5.

Снег. Тьма. Черный завывающий лес. Тора повел плечами. Хаори, которую Рику заставил его надеть поверх кимоно, не стесняла движения, но мешала своей непривычностью. «Лучше бы я все-таки переоделся в нормальную одежду», – мелькнуло у Торы после того, как он очередной раз зацепился широченной штаниной хакама за утопленный в снегу куст.

Ощущение угрозы не покидало. Где-то там, на заваленных снегом склонах горы, находился человек, которому угрожала смертельная опасность. Это Тора ощущал всем своим существом. Однако где именно «где-то» и какая именно опасность, не мог определить вот уже более часа. Про собственную усталость он давно забыл, но сосредоточиться не давал страх от мысли – вдруг не успею? И вот в момент, когда душевное смятение достигло уровня внутренней паники, в сознании вспыхнуло: «Я уверена, ты справишься с любыми неожиданностями...»

– Мама, – прошептал Тора еле слышно.

Уже несколько часов к ряду он гонял от себя мысли о матери, ибо чувствовал, что стоит чуть-чуть приоткрыться, осознание истиной картины реальности поглотит его как лавина, и в этой истинной пугающей реальности ему предстоит существовать впредь. Одному.

Однако сейчас от скорости и полноты его осознания зависела жизнь человека. Постороннего, незнакомого. Но близкого и родного тем людям, ответственность за которых он взял на себя, когда подписал подозрительный контракт. Сегодня вечером, бегая между комнатами с одеялами, куртками и фонарями, он понял, что его поспешный вывод – братья Накадзима безразличны друг к другу – был неверным. Пусть не явно, без слов и какой-либо демонстрации, они ценили и уважали нерушимые узы, связавшие их еще до рождения – узы крови. И именно это вызывало у Торы неопределенное, теплое чувство, похожее на симпатию.

Повеяло едва различимым особым духом. Тора напрягся и наострил оба уха. Сквозь завывания ветра ничего нового он не услышал, но запах уловил – очень необычный запах и почему-то неприятно знакомый. Он уже встречался с носителями такого запаха, но не здесь, а намного раньше, в далеком безмятежном детстве.

– Ичиро-сан? – одними губами позвал Тора.

Порыв ветра бросил в лицо сорванный с ветки комок снега, будто отвесил оплеуху. Тора отер щеку тыльной стороной ладони и задержал взгляд на своей руке. Длинные крепкие ногти похожи на когти, но на дерево на таких ногтях не забраться. Ушные раковины человеческой формы не способны развернуться на звук. Нос улавливает лишь малую часть тех запахов, которые нужно обнаружить сейчас, чтобы спасти человека.

«Я должен это сделать. Я могу, – мысленно произнес Тора и решился. – Я знаю, что тебя больше нет среди людей, мама. Мы увидимся потом, обязательно. А сейчас распечатай мои силы, прошу! Мама! Мне есть, кого защищать!»

Спина сама собой изогнулась, россыпь знакомых мурашек пронеслась по коже и застыла густой шерстью по всему телу. Взыбились волосы на голове, и над висками поднялись два больших округлых уха. Лопнули поношенные ботинки под прессингом мощных когтей. И из-под складок криво подвязанных хакама вырвался на свободу длинный пятнистый хвост.

Тысячи новых запахов и звуков хлынули в распахнувшееся сознание. И первое, что расшифровал мозг, был еле заметный запах крови.

Тора мчался по стволам и веткам деревьев, не заботясь о целостности ни когтей, ни одежды. Но когти – мощные, будто стальные – легко выдерживали вес тела, а многократно

обострившееся чувство пространства помогало избегать контакта широких одеяний с растительностью. Тора сделал всего одну короткую остановку – на стволе большой пихты, – когда вдруг понял, кому принадлежит неприятный запах, сопутствующий запаху человеческой крови. «Аякаси? Здесь, в людском мире?» – мелькнуло в голове. Но из проснувшейся памяти тут же всплыли наставления матери: «Мы будем жить среди людей как люди, Тора. Но помни, мы – не единственные ёкаи, явившиеся в людской мир под человеческой личиной. Я сделаю так, чтобы никто – ни человек, ни ками, ни самый могучий аякаси – не распознал твою истинную сущность. Это называется – печать. Но и ты не сможешь определить, кто перед тобой – человек или же житель нашего мира. Печать – твой щит. Она будет с тобой до тех пор, пока ты не станешь большим, сильным ёкаем...»

Тора развернулся в полете, оттолкнулся от древесного ствола и спрыгнул в снег. Деревья дальше на первый взгляд казались такими же деревьями, что и все вокруг, но то была иллюзия, Тора почуял это особым, едва-едва пробудившимся чувством, аналога которому в человеческой природе не было. Чутье подсказывало – не смей пересекать невидимую границу. Тора живо огляделся по сторонам. Источник запаха, который он разыскивал, совсем рядом и, к счастью, с этой стороны фантомного рубежа.

Справа шевельнулась размазанная ночью тень. Пробудившееся чувство мигом очнулось окончательно, и Тора увидел десяток бесформенных аякаси, собравшихся в большой клубок, услышал жадное чавканье и почуял не сравнимый ни с чем человеческим запах пожирателей живого тепла. Не долго думая, он кинулся на вредоносных созданий и наотмашь полоснул когтями по черному туманному конгломерату. Раздался беззвучный визг, и трое уцелевших кинулись наутек – напрямик в иллюзорный лес. Остальные рассыпались по белому снегу неподвижными кляксами и через несколько секунд исчезли без следа. А на месте, где трапезничали мерзкие прожоры, осталось засыпанное снегом тело лежавшего ничком человека.

– Ичиро-сан! – не своим голосом выкрикнул Тора и принялся судорожно раскапывать сугроб, начисто забыв про когти и прочие элементы истинного ёкайского облика.

Он не сомневался, что отыскал младшего брата Рикю. Осталось лишь определить: живого ли?

Пульс не прощупывался, когда Тора прижал пальцами артерию на холодной шее, но причиной тому была жесткая кожа на подушечках под когтями. Слух улавливал и редкие удары сердца, и замедленное дыхание, а утонченный кошачий нюх распознал жизнь в мускулистом теле. Бегло осмотрев пострадавшего, Тора нашел источники запаха крови – примерзшее пятно на тыльной стороне правой кисти и трещину на замершей губе. Но кроме того заметил еще одно, что заставило насторожиться: клык, видневшийся из-под губы, выглядел значительно крупнее обычного человеческого.

«Просто строение челюсти нетипичное. Не о том сейчас нужно беспокоиться», – решил Тора и принялся выволакивать бесчувственного человека из сугроба.

Проблема транспортировки виделась ему куда более серьезной, чем странности зубов. Накадзима Ичиро оказался крупным парнем – не менее 180 сантиметров ростом, широким в плечах и груди, с литыми мускулами и мощными руками. Тора попытался привести его в чувство, но положительного результата не добился, разве что восстановил кровообращение на лице путем интенсивного растирания щек и лба тыльной – шерстяной – стороной своей кисти. До рёкана более километра вверх по крутому склону, если двигаться напрямик. От тропинки, оставшейся в нескольких километрах восточнее, нет никакого толку, ибо ее давно и основательно засыпало снегом. Тора попробовал поднять человека на руки. В истинной форме его собственные мышечные силы значительно возросли, но даже с учетом ёкайских сил путешествие в гору по сугробам с бесчувственным атлетом на руках займет минимум полчаса. А доставить замерзшего человека в дом нужно как можно скорее. К тому же

близость иллюзорной границы, как барьер опоясывавшей гору, не внушала никакого доверия.

Тора закусил губу, напряг плечи и принялся мысленно повторять в сознании детские уроки оборота в зооморфную форму. Он теперь хорошо помнил, что преобразование давалось ему нелегко: тело возвращалось в антропоморфный облик, стоило только подумать о передней лапке как о руке или встать на задние, чтобы дотянуться до маминого уха. Мама тогда весело мурлыкала и говорила, что упражнение станет элементарным, как только Тора осознает, что зооморфная форма всего лишь обратная сторона его истинного облика и развивать ее нужно как же старательно, как и антропоморфную. Сейчас время и место для осознания были неподходящими, но метаморфоза вдруг состоялась – легко, без путаницы измерений и противного зудения в теле.

Тора не без изумления осмотрел свою лапу – белоснежную с замысловатыми пятнами цвета стали – и осторожно поставил ее рядом с рукой бесчувственного человека. «Я вырос, – понял он. – Я теперь даже больше мамы».

Он долго примеривался, за какое бы место подцепить зубами рослого парня. Попытка поднять его за шиворот успехом не увенчалась – куртка из тонкой синтетической ткани затрещала по швам. Тогда Тора отважился поддеть на клыки широкий ремень кожаных брюк.

«Простите, пожалуйста, Ичиро-сан, но это, кажется, единственный способ», – мысленно извинился он и помчался вверх, к рёкану.

Забор, огораживавший онсэн, гигантский пятнистый кот преодолел одним высоким затыжным прыжком, приземлился в сугроб точно перед закрытой душевой и собрался махнуть дальше, на веранду, но вовремя одумался.

«Я, конечно, доверяю Рику, но в таком виде он меня не поймет», – постановил Тора.

Обратное преобразование прошло быстро и легко: для этого оказалось достаточно подумать о человеческой одежде, скрытой в личном, незримом пространстве. Возврату не подлежали потерянные в сугробе обрывки ботинок, но эта потеря Тору не беспокоила – он и раньше спокойно переносил холод. На антропоморфной фигуре ёкая хакама появились в совершенно нетрадиционной пространственной ориентации, но Тора кое-как перевернул штаны узлом пояса вперед и сосредоточился, чтобы облачить себе человеческий облик. И вот тут начались проблемы. Шерсть с тела он убрал быстро. Заставил когти превратиться в ногти и на руках, и на ногах. Однако уши и хвост как будто издевались над владельцем. Стоило только добиться визуального исчезновения хвоста, как над висками оказывались кошачьи уши. А как только Тора управлялся ушами, длинный пятнистый хвост немедленно вылезал наружу из-под капитально запутанных хакама.

Вдруг Тора услышал рядом с собой отчетливый тяжелый вздох. Человеческое обличье мигом вернулось на место.

– Ичиро-сан, – Тора наклонился над человеком. – Ичиро-сан, вы уже в гостинице. Всё в порядке. Сейчас отогреетесь.

Из-под черных густых ресниц Тору пробуравил тяжелый взор черных, будто бездонных глаз. Тора даже отшатнулся в первый миг, потом подумал, что у пострадавшего максимально расширен зрачок. Затем на первый план опять вышла проблема транспортировки, ибо Ичиро наглухо потерял сознание.

Тора волоком дотащил его до засыпанной снегом веранды, поднял на деревянный настил на руках, обнаружив попутно, что и в человеческом теле сил теперь гораздо больше, чем раньше, и вознамерился самостоятельно доставить прямо в комнату, но тут на шум вышел Рику. Тора не смог убедить его не вмешиваться в транспортировку, поэтому по коридору бесчувственного Ичиро они тащили вместе. После чего Тора, как челнок, метался между жилым крылом первого этажа, кухней и кладовкой с кофе, горячей и холодной водой, с полотенцами и одеялами, не замечая, что выглядит сейчас куда более взволнованным, чем родной брат пострадавшего.

Наконец, всё, что можно было сделать для обессиленного Ичиро, было сделано: он лежал на футоне в комнате Рику под двумя одеялами, переодетый в чистую сухую юката, принудительно напоенный сваренным по случаю кофе, белый в тон пододеяльнику, но уже не столь пугающе холодный, каким показался Торе в лесу. Рику не расспрашивал спасателя о подробностях отчаянного мероприятия, а Тора между делом пояснил – нашел под снегом. Про зловредных аякаси он, разумеется, не сказал ни слова, равно как умолчал и о барьере. Но для себя он решил сбегать к барьеру еще раз, чтобы повнимательнее изучить сие магическое творение или хотя бы определить, с какой целью его поставили – для защиты рёкана от внешней среды или же для защиты внешней среды от чего-то, расположенного в границах барьера.

От осмотра своей раны Рику отказался, уверил, что не чувствует ни боли, ни вообще каких-либо неудобств, и, дабы подбодрить обеспокоенного Тору, заметил:

– Из тебя получился бы прекрасный врач.

Тора вылепил на губах улыбку и отвернулся. Про своё теперешнее будущее он пока не думал. Сейчас самым главным для него было защитить братьев Накадзима от потенциальных интервентов из мира обакэ и вывести из заваленной снегом гостиницы. Он прислушался к строению. В дальней перекрытой части правого крыла отчаянно скрипели дряхлые балки и сваи. Специфические обертона в завываниях ветра указывали на то, что кое-где крыша уже обвалилась под грузом снега. И не было никакой гарантии, что через некоторое время всё здание не рухнет, как карточный домик. Удивительно, что до сих пор работал электрогенератор, ведь согласно техническому описанию требовалось поддерживать плюсовую температуру в помещении, где стоял агрегат. А в сарае вот уже несколько часов царила атмосфера суровой зимы.

Тора посмотрел на две большие кастрюли с кипятком, установленные по углам комнаты ради ее дополнительного обогрева. Наверняка это был последний труд кухонной электроплиты.

Он поднялся на ноги.

– Пойду проверю генератор, – сообщил он для Рику. – И к Хирото-доно загляну, не нужно ли укрыть дополнительно.

– Тора-кун. Когда ты последний раз спал? – вдруг спросил Рику.

– А? – Тора опешил: чего он никак не ожидал, так это заботы о себе в этой обстановке.

– У Хирото, Като и Фумы я был незадолго до твоего возвращения. Там всё в порядке. Проверять генератор бессмысленно. В любом случае ты ничего не изменишь. Поэтому достань второй футон, раскатай его здесь, – Рику взглядом показал на свободное пространство возле стены, – и ложись немедленно.

– Но... Рику-сан... – промямлил Тора.

– Завтра – вернее, уже сегодня – нам всем предстоит тяжелый день. Даже если закончится снегопад, оставаться в аварийном здании нельзя. Ситуация кардинально вышла из-под контроля организатора этого аттракциона, поэтому придерживаться поставленных условий мы не будем. Покинем гостиницу при свете дня и постараемся добраться до дороги. Если завалы перекрыли трассу, в поселок пойдем пешком. Там есть железнодорожная станция.

– Да, правильно, – механически согласился Тора и спохватился. – Рику-сан, что вы сказали про аттракцион?

– Расскажу, пока ты достаешь себе спальные принадлежности.

Тора послушно подошел к шкафу.

– Поясняю, – продолжал Рику. – Одиннадцать лет назад имел место прецедент. Отец организовал для нас – троих старших сыновей – специфическую игру, которую мы позднее окрестили «необитаемый остров». Целью отца было заставить нас, тогда школьников, справляться с превратностями судьбы. К моменту старта игры мы не подозревали ни о целях,

и об игре вообще. Отец отправил нас кататься на яхте, которая в первую же ночь весьма натурально потерпела крушение возле небольшого острова. К счастью, мы выплыли на берег самостоятельно. Остров оказался абсолютно необитаем. Средств связи у нас не было. Пресная вода нашлась в одном единственном роднике, а еду нам предстояло добывать самим. В этих условиях мы продержались два дня. В режиме каждый за себя. Командной работы, на что делал ставку отец, не было и в помине. Не знаю, как долго продолжалась бы эта опасная тренировка на выживание, если бы Юдзо не укусила совсем не игровая змея. Он был на волосок от гибели. Опять же к счастью, отцу хватило рассудительности вести за нами дистанционное наблюдение – видеокамер мы не замечали. Игру остановили, Юдзо вертолетом доставили в больницу, где врачам удалось спасти ему жизнь.

– Ни-ничего себе тренировка на выживание, – выговорил потрясенный Тора.

– Глава дома Накадзима – эксцентричная личность. Ты уже догадался, зачем я рассказал тебе историю одиннадцатилетней давности, Тора-кун.

– Да, но снегопад – не кораблекрушение. Такое по заказу не устроишь. И видеокамер тут нет, могу поклясться, чем угодно! К тому же здесь Хирото-доно, а ему только 12 лет.

– На «необитаемом острове» Ичиро было только 14, – Рику взглядом показал на брата. – А здесь введено дополнительное условие в качестве страховки: зритель рёкана, которого организатор просил специально присматривать за Хирото. Мой отец на ряду с прочими талантами, достойным уважения, имеет одно свойство, в котором ему нет равных. Он умеет находить людей. Признаюсь, не знаю, как ему это удастся. Но за что бы отец ни брался, какие бы проекты ни открывал, он всегда прежде собирает грамотную, дружную, надежную во всех отношениях команду. Вспомни, Тора-кун, когда он познакомился с тобой, и сопоставь это время с временем начала ремонтных работ в этой гостинице.

Тора сопоставил и согласился:

– Работы начались дня через два после его посещения кафе.

– Он нашел тебя и немедленно начал действовать, – кивнул Рику.

– Но почему именно я? – Тора помотал головой, будто стряхивал с волос пыль. – Я всего лишь официант. Всё, что я умею, это обслуживать посетителей и готовить еду. Даже обязанности прислуги рёкана я изучал по выданному мне справочнику, пока Симада-сан вез меня сюда.

– Тора-кун, – Рику улыбнулся. – Ты удивишься, но я все же скажу: всего за один день ты внес кардинальные изменения в мироощущения каждого, кто провел это день в рёкане. В мои в том числе. Думаю, это и была основная цель отца. Он нанял тебя, чтобы ты за день сделал то, что не удалось ему за четверть века... Не понимаешь? Ладно. Это действительно не совсем понятно со стороны. Ложись спать. И, пожалуйста, отдохни хорошенько. Я присмотрю за Ичиро, а через час повторно проверю младших братьев.

Тора уснул. Да так крепко и безмятежно, будто лежал под боком у мамы на одном с ней футоне, под теплым пуховым одеялом. Так они спали в первые годы жизни в человеческом мире, когда человеческое тело нэкоматы было полно жизненных сил, когда у нее была хорошая человеческая работа с неплохим достатком, и когда Торе казалось, что их счастливая жизнь будет длиться вечно. Крепкий сон отсекал тревоги, изгнал усталость из тела, очистил душу, навел порядок в сознании и незаметно отступил, а его место заняла вязкая дрёма с невнятными снами, сквозь которую просочились шорохи и запахи окружающей реальности. Будь среди этих запахов и шорохов хоть одно угрожающее дуновение, Тора подскочил бы мгновенно. Но в рёкане и на дворе оставалось всё по-старому, разве что позиция Рику изменилась – теперь он сидел рядом со спящим братом и как будто дремал.

Вдруг повеяло знакомым, родным теплом.

Мама? – чуть было не пробормотал Тора вслух, но нежное дыхание коснулось

приоткрывшихся губ, и в сознание просочился тихий голос без звука:

«Спи, мой котик, не просыпайся. Я спрячусь в твоём сне. Мне нужно сказать тебе кое-что важное. Слушай внимательно. Это место окружено барьером. Но тот, кто поставил барьер, был не достаточно опытен, чтобы обеспечить надежную защиту. Молодой мадзоку прорвался вовнутрь из человеческого мира, барьер искривился, и все аякаси теперь чувствуют это место. Тора, ни в коем случае не приближайся к границе и не подпускай туда своих друзей, иначе барьер рухнет, и вы окажетесь в мире обакэ. Я прикрыла брешь в барьере, но у меня сейчас слишком мало сил, чтобы вывести вас отсюда. Сильные аякаси пока не интересуются этим местом, но много мелких собирается вдоль границ в предвкушении легкой добычи. Моя защита не продержится долго. Тебе придется защищаться самому. Молодой мадзоку, которого ты спас от пожирателей, силен, но совершенно неопытен. Он не умеет контролировать свои силы, это очень опасно для него и окружающих. Держись. Я отправляюсь за помощью в Пограничье и приведу сюда наших друзей...»

«Мама, постой!» – мысленно крикнул Тора.

Не проснулся, но под закрытыми веками четко увидел белую тень огромной нэкоматы.

«Тора, ты теряешь...»

Но он перебил:

«Мама, послушай теперь меня. Этот рёкан, вообще всё это мероприятие, устроил отец Рикю и Ичиро. Видишь их?»

Тень нэкоматы повела головой так, будто посмотрела на футон у противоположной стены. Тора торопливо продолжал.

«Их отец – тот самый бизнесмен из Токио, про которого я тебе рассказывал. Рикю – очень умный и внимательный человек. Он считает, что его отец устроил игру типа иностранных реалити-шоу. Ёкаи прячутся среди людей. Что если Накадзима нанял кого-то из них для установки этого барьера?»

«Шоу, говоришь? – угрожающе тихо прошипела нэкомата, продолжая разглядывать братьев Накадзима. – Шоу устроил их отец?.. Тора, мои планы меняются, твоя задача остается прежней. Защищай своих друзей, пока я разыскиваю автора этого безобразия. Я скоро. Будь умницей, жди меня, сынок. Потом я всё тебе объясню».

Белая тень исчезла, и Тора невольно вздохнул. «Автора безобразия» ему уже было жаль, ибо боевое настроение мамы он почуял очень хорошо.

Теперь предстояло разобраться в собственных мыслях, метавшихся между новыми фактами. «Молодой мадзоку, которого ты спас от пожирателей». Ошибки быть не могло: нэкомата распознала в Ичиро представителя одной из многочисленных рас мира обакэ.

Аристократы мадзоку имеют человеческий облик в своей истинной форме, – услужливо подсказала освобожденная от печатей память. – Это сама молодая раса среди обакэ, выросшая на человеческой вере в живой дух оружия. Аристократия мадзоку, поддержанная цукумогами – духами старых вещей – и смешавшая свою кровь с порождениями верований других народов человеческого мира, всего за три сотни человеческих лет обрела мощь, сравнимую по силе с могуществом тысячелетних ёкаев. Однако несмотря на военизированную структуру своего общества и гигантский потенциал магических сил, мадзоку остаются мирной расой и придерживаются нейтральной позиции в любых, в том числе масштабных конфликтах обакэ. Они снискали славу благородных, честных, неподкупных и мудрых политиков. Бывало, даже древние ёкаи обращались к мадзоку за помощью для улаживания спорных вопросов без применения силы. Считается, что до сих пор ни один конфликт, где бы мадзоку выступали в роли посредников, не обернулся кровопролитием.

Тора заставил себя принять как истину: Накадзима Ичиро – сильный, но по какой-то причине необученный маг. И принялся рассуждать про себя: «Если Накадзима усыновил

Ичиро, не подозревая о его происхождение, то отсутствие опыта применения магических сил понятно. Но Ичиро похож и на отца, и на старших братьев. И при этом его клыки и глаза – это признак мадзоку... Секунду, – Тора шевельнулся, но вовремя остановил себя от полного пробуждения. – Глаза Рику тоже необычно черные, а форма глаз такая же, как у Ичиро. Неужели первая жена Накадзими была аристократкой мадзоку?.. Но разве всюду нейтральные мадзоку переселяются в человеческий мир?»

Интенсивная мыслительная деятельность пагубно сказалась на физическом состоянии: дрёма улетучилась без следа. Тора тихонько вздохнул и прислушался к реальному пространству. Стоило ему только наострить подозрительно подвижные уши, как до слуха донеслись приглушенные голоса.

– Я не знаю, что это было, Ичиро. Но не буди парня сейчас. Он более суток провел на ногах, а в довершение всего тащил тебя на себе по пояс в сугробах.

– Сюда меня притащила какая-то пятнистая тварь. Не веришь, посмотри на следы зубов на моем ремне!

– Тише! У него потрясающий слух. Разбудишь.

– Я намерен выяснить, что произошло в лесу, и что за фантастическая кошка зыркала на нас тут! А еще я хочу знать, что случилось с тобой вчера на закате. Тебя колбасило от боли, и я это прекрасно чувствовал. И если бы ты тогда выдавил хотя бы стон, я не плутал бы полночи в этом проклятом лесу!

– Ичиро. Успокойся... Он проснулся.

Тора не успел ни встать, ни даже приподняться, как над ним очутился Накадзима Ичиро. Взгляд, пронзивший его сквозь темноту – освещения в комнате уже не было, – из напряженного преобразовался в озадаченный.

– Это еще что за косплеи? – выговорил Ичиро несколько обескураженно.

Тора во мгновение ока оказался на ногах и тут только сообразил, что во сне потерял должную концентрацию и спонтанно вернулся в истинную форму. Попытка исправить положение успехом не увенчалась, а характерный шорох у противоположной стены однозначно указал на производимые действия – Рику на ощупь разыскивал на татами отложенный в сторону фонарь.

Впрочем, для Ичиро темнота не представляла ни малейших неудобств. Равно как для Торы.

Мадзоку и ёкай несколько секунд подозрительно разглядывали друг друга.

Правая рука Ичиро еле заметно напряглась. Мышцы под шерстью на левой руке Торы натянулись, как струны.

Пауза глаза в глаза.

Рука Ичиро метнулась к кошачьему уху. Шерстяная ладонь мигом перехватила жилистое запястье.

Вспыхнул электрический свет – Рику нашел фонарь.

Бледные ровные губы Ичиро растянулись в усмешке, и из-под верхней показался внушительных размеров клык. Силищи мадзоку было не занимать, но и Тора не уступил: острые изогнутые когти впились в белую кожу. Ичиро поднажал мышцами. Тора, удерживая противовес плечом и предплечьем, сильнее сдавил запястье и почуял запах крови – когти вонзились в плоть.

Луч фонаря выхватил из темноты неподвижную сцену противостояния.

– Ичиро. Прекрати немедленно! – голос Рику прозвучал необычно властно и сильно.

Но тут луч дрогнул: Рику разглядел цель безмолвной борьбы – поднятые торчком кошачьи уши над густой шапкой белых волос.

Тора, задвинув глубоко в себя всяческие мысли о служебном этикете, продолжал прямо смотреть на наглеца, посмеявшего посягнуть на его ухо.

Рука Ичиро разом обмякла, а язвительная усмешка сменилась восхищенной улыбкой.

Тора убрал когти и выпустил из тисков запястье противника.

Ичиро, продолжая улыбаться, бросил взгляд на кровоточащую кисть, развернул руку так, чтобы Тора видел следы своих когтей, выждал пару секунд и ладонью левой руки небрежно стер кровь.

Ни раны. Ни даже рубца.

Тора позволил себе улыбнуться.

И тогда Ичиро, отступив на шаг, расправил плечи и, выдержав короткую паузу, поклонился недавнему сопернику, как мечник в [додзё](#) после проведенного поединка.

Тора ответил таким же поклоном и осторожно перевел взгляд на зрителя.

– Невероятно, – беззвучно шевельнулись губы Рику, но продолжил он вслух. – Обоняние, слух, зрение. Настоящий [хэнгэ](#)!

– Ёкай, – выдохнул Тора.

– Кошак, – вставил Ичиро.

Тора чувствовал, что того так и тянет попробовать на ощупь кошачьи уши, но был уверен, что теперь Ичиро не позволит себе даже попытку дотронуться до его головы.

– Тора-кун, – неуверенно начал Рику. – Эта... этот облик..?

– Истинная форма, – торопливо ответил Тора. – Я таким родился. Простите, я всегда знал, что я ёкай. Но мои силы, знания и эта форма были запечатаны, пока я рос в мире людей. Обстоятельства сложились так, что мне пришлось разрушить печать. Навсегда.

– Тора-кун, пожалуйста, ответь на два вопроса. Кто и когда поставил печать?

Тора удивился легкости, с которой Рику принял и использовал невиданную доселе информацию, но ответил без промедления.

– Печать поставила моя мама десять лет назад. Человеческих лет. Когда мы пришли жить в мир людей.

– Понятно. Когда печать разрушилась и почему?

– Сегодня. Ночью, в лесу. Хотя... – Тора нахмурился. – Вчера, наверное. Или...

В памяти в одно мгновение провернулся последний телефонный разговор с мамой. Безвозвратно потерянные мирные дни. Даже когда человеческая форма матери стремительно погибала, он всё равно продолжал слепо верить в безоблачность будущего и не желал думать о неизбежном расставании.

– Я задал вопрос только для того, чтобы определить, мог ли кто-либо опознать в тебе ёкай до подписания тобой контракта, – поспешно пояснил Рику, заметив грусть, поднявшуюся в зеленых кошачьих глазах.

– А? – Тора встрепнулся. – Нет, Рику-сан. Ни в коем случае. Даже если бы рядом со мной стоял могучий ёкай, он бы не почуял во мне соплеменника. Так работала мамина печать.

– Извини, еще спрошу, – Рику переступил через смятый футон и таким образом приблизился к Торе. – Твоя мама – огромная, белая двуххвостая кошка? Нэкомата?

– Да. Она была здесь сейчас в призрачной форме.

– Кто твой отец?

– Не знаю. Со слов мамы мне известно лишь то, что он ёкай и что он не знает о моем существовании. Мама обещала рассказать мне об отце, когда я стану совершеннолетним здесь, среди людей. Но...

– Что случилось с человеческим телом твоей мамы?

Тора отвернулся.

– Здесь для нее всё закончилось, – еле слышно ответил он. – В человеческом мире ее больше нет. Только призрак. Ненадолго.

– Прости.

– Не извиняйтесь, Рику-сан, – Тора торопливо поднял голову. – Всё в порядке. Ёкаи ее

уровня не умирают, если просто потеряли форму. Даже без истинной формы можно существовать. Мама вернется в мир обакэ, восстановит силы и может быть когда-нибудь опять создаст для себя человеческое тело. Потом. Через десятки лет. Ну а пока... – Тора постарался улыбнуться, – она благословила меня на самостоятельную жизнь и доверила мне самому распоряжаться моими силами и знаниями.

– Получается, печать разрушилась с ее исчезновением здесь? – уточнил Ичиро, который, как оказалось, внимательно слушал разговор.

– Я думаю, она сняла печать, когда мы последний раз говорили по телефону... – Тора осекся, сообразив, как глупо прозвучали его словам.

– Силой слова, что ли? – подсказал Ичиро, на удивление Тору воспринявший фразу совершенно серьезно.

– Наверное. Я не умею ставить печати, поэтому не знаю, как всё происходит. Я почувствовал, что могу обернуться на обе стороны истинной формы, когда искал вас в лесу, Ичиро-сан.

– На обе – это как? Та зверюга ростом с матерого жеребца – это был ты?

Тора промолчал, посчитав, что его мимики вполне достаточно для ответа. А про себя отметил, что не засек момент, когда пострадавший очнулся во время транспортировки.

– Круто, – продолжал Ичиро. – Этак ты запросто можешь умчаться отсюда хоть на шоссе, хоть вообще на край света.

– Не могу! – Тора вздрогнул. – Один я отсюда всяк никуда не уйду, а...

– Ладно. Не один. Мелких посадим тебе на спину, а сами пойдем по твоим большим-пребольшим следам, – предложил Ичиро со смехом в бездонных глазах.

Однако Торе было не до шуток.

– Ичиро-сан, вы не понимаете. Здесь, на расстоянии чуть более километра от рёкана, установлен магический барьер. Умышленно или нет, но барьер поставили неправильно. Вы пробили его, когда искали дорогу к гостинице. Пространство исказилось, и сюда хлынули аякаси. Моя мама нашла это место как раз из-за образовавшегося искажения. Но сейчас мама просто призрак, поэтому она ничего не могла сделать для вас.

– Тора-кун, – вмешался Рику. – Почему нельзя просто пройти назад сквозь этот самый барьер?

Тора тяжело вздохнул, собрался с мыслями и попытался изложить ситуацию в рамках человеческого менталитета.

– Барьер – это граница между пространствами. Обычно внутри одного мира. Так делают, чтобы спрятать какой-то крупный объект или организовать арену для состязаний.

– Или, например, изменить погоду на небольшом участке местности, – быстро подсказал Рику.

Тора застыл на несколько секунд перед очевидным ответом на вопрос о таинственном снегопаде.

– Да, Рику-сан. Да, именно для этого барьер и предполагался, если ваша версия «необитаемого острова» верна, – медленно произнес он.

– О, да тут уже дедуктивное расследование в разгаре, – вставил Ичиро.

Рику сделал ему знак помолчать и ожидающе посмотрел на Тору. Тот продолжал:

– Мне кажется, всё было именно так: здесь поставили барьер и вызвали снегопад.

– У папы толпа ёкаев на службе? – с ехидцей в голосе уточнил Ичиро.

Рику быстрым движением руки направил ему в лицо свет фонаря. Ичиро болезненно зажмурился, а Рику сказал:

– Вспомни хорошенько обстоятельства кораблекрушения. Не ты ли клялся, что своими глазами видел гигантского осьминога под кормой яхты?

Ичиро отвернулся, не столько для того, чтобы убраться из-под луча, сколько для того,

чтобы скрыть раздосадованному мину. Рику поднял фонарь лампой в потолок и вернулся к прерванной теме.

– Тора-кун, будем считать, что кто-то – не важно кто и как – установил магический барьер. Что дальше? Почему нельзя пройти назад так же, как Ичиро прошел сюда?

– Барьер исказился после прохода Ичиро-сана, так сказала моя мама. И это означает, что мы сейчас находимся как бы между мирами – человеческим и обакэ. Пересечь барьер – значит, попасть прямоком в мир, где живут те, кого люди называют потусторонней силой, призраками, демонами, оборотнями, чудовищами. Человек не выживет там, если он не обладает особыми духовными силами. Да и сквозь барьер обычному человеку не пройти.

– Но я прошел сюда сам! – воскликнул Ичиро. – Я помню, как проталкивался сквозь какую-то хрень, как сквозь поток воды. Фигово было, но я прошел.

Тора потупился.

– Почему я прошел? – Ичиро придвинулся к нему вплотную и нагнулся, чтобы заглянуть в глаза. – Давай, кошак, колись. Я вижу, что ты знаешь. А я уже год безуспешно пытаюсь понять, кто я такой, черт подери!

– Тора-кун. Пожалуйста. Это очень важно для Ичиро и для меня, – произнес Рику.

Тора собрался с духом и выдал:

– Ичиро-сан – мадзоку. Это определила моя мама.

– Что еще она определила? – задал вопрос Ичиро так, будто сама суть сообщения его ничуть не удивила.

– Отсутствие опыта сознательного использования магических сил, – сформулировал Тора.

– Что на счет Рику? – Ичиро показал пальцем на брата.

– Ничего.

– Это как так? Мы родные братья. Я – мадзоку, а брат?

– Я не знаю, Ичиро-сан, Рику-сан, – Тора отчаянно поднял взгляд на Рику. – К расе мадзоку, наверное, принадлежать ваша мать. В этом случае вы как бы... ну...

– Насколько мне известно, в фольклоре и в литературе это называется хонъё, – подсказал Рику.

– Для ёкаев – хонъё, буквально – полу-ёкай, – поправил Тора. – Для мадзоку не знаю, как называется. И вроде бы у мадзоку «полу» не бывает. Ребенок либо унаследует силу родителя-колдуна, либо нет. Но... – Тора быстро глянул на Рику, стоявшего перед ним с непроницаемой маской на лице. – Рику-сан, если вы видели призрак нэкоматы, значит, магическая сила есть. Человек не способен увидеть ёкая в такой форме.

– Я видел, – спокойно сообщил Рику.

– Не один я тут урод, – подытожил Ичиро.

Рику бросил на брата осуждающий взгляд и обратился к Торе.

– Будем считать, что с причинами происшествия мы в целом ознакомились. Теперь следует определиться в наших действиях. Скоро проснутся Юдзо и младшие ребята. Хорошо бы иметь план. Тора-кун, что сказала тебе твоя мама?

– Ждать. Она отправилась искать тех, кто барьер поставил, чтобы они исправили искривление и вернули пространство в человеческий мир.

– Будем отсиживаться в сугробе? – усмехнулся Ичиро.

– А ты что предлагаешь? – осведомился Рику. – По-моему нам сейчас доходчиво объяснили, что пробиваться сквозь барьер нельзя.

Ичиро развел руками.

– Рику-сан, Ичиро-сан, – заговорил Тора. – Было бы замечательно, если бы нам удалось просто отсидеться в здании рёкана. Но есть еще одно, на чем я, кажется, не заострил ваше внимание. В стенах барьера – бреши. Защита, которую поставила моя мама, слабая, так как мама сейчас не в истинной своей форме. За границей барьера – масса мелких аякаси,

желающих полакомиться духом и плотью людей. Еще час-два, и они прорвутся сюда. Я даже сейчас чувствую их жадную ауру из-за стен барьера. Я намерен защищать это место всеми моими силами. Рику-сан, если бы взяли на себя заботу о младших братьях и как-нибудь разъяснили ситуацию Юдзо-доно, вы бы очень помогли.

– Кажется, это то немногое, на что я действительно способен, – с неприкрытой горечью в голосе ответил Рику.

– Почему на меня не рассчитываешь, Кошак?

– Меня зовут Тора, – неожиданно для себя отрезал Тора.

– Извини, – Ичиро моментально изменил тон. – Так почему? Если я не обученный мамой, значит, в защитники не гожусь?

– Ичиро-сан, вы сильны, бесспорно, но для того, чтобы сразить аякаси нужно либо зачарованное оружие, либо очистительная магия, либо умения и навыки [ОММЁДЗИ](#).

Ичиро молча отошел к двери и вскинул правую руку в сторону на уровень плеча. В следующий миг в его руке материализовалась мощная изогнутая сабля, а хруст и треск сёдзи указали на объективное неумение автора магического трюка создавать противовес в реальном пространстве.

Тора осторожно покосился на Рику. Тот остался невозмутим, и Тора понял, что сие действо Рику наблюдает не в первый раз.

Ичиро равнодушно глянул на разнесенную в клочья дверь, поднял клинок перед собой, вслух пояснил – меч дао – и ловко воткнул саблю в татами у порога. Затем в два широких шага вернулся в центр комнаты и, встав так, чтобы Рику оказался за его спиной, обратился к Торе.

– А теперь мне ответь на один вопрос, парень. Что с ним, – он показал большим пальцем за спину, – было вчера около семи вечера?

Тора приоткрыл рот, чтобы сказать – ничего, – но тут вспомнил про перевязку и плотно сомкнул губы. Ичиро догадался, что отвечать ему не намерены.

– Еще раз спра.. – грозно начал он.

Рику взял его сзади за плечо.

– Остынь. То, что было вчера, осталось во вчерашнем дне. Тора-кун, пожалуйста, срежь повязки. Это больше не нужно.

Он быстро, без суеты снял хаори и пиджак и расстегнул рубашку. Тора предпочел начать со спины Рику, чтобы тяжелый взгляд Ичиро не буравил его собственный затылок. Пластырь, крепивший тампон на груди, Рику снял сам и позволил брату рассмотреть бледный рубец. Такой же еле заметный шрам в обрамлении полустертого пятна йода Тора увидел под лопаткой. Попутно он невольно выслушал мнение Ичиро о неосторожности брата в вопросах самозащиты и для себя уяснил, что адвокатская контора Накадзимы Рику занимается не только защитой подсудимых, но и отловом особо скользких преступников по специальным просьбам полицейского начальства.

Посчитав, что самое время удалиться, Тора сообщил, что намерен приготовить завтрак. Но Ичиро мигом переключился на бытовую тему:

– Если есть кофе, не откажусь.

Рику покачал головой.

– Тора-кун, электричество пропало три часа назад. Как ты собираешься кипятить воду?

– Есть очаг, дрова я вчера нашел. Не проблема, – Тора беспечно пожал плечами.

– Дрова насквозь уже промерзли, – вдруг сказал Ичиро. – Представляешь, сколько дыма будет?

– Ну... – Тора замаялся; в таких условиях работать с огнем ему еще не приходилось.

Ичиро оглянулся на открытые его *силами* раздвижные двери.

– Давай соберем эту труху на растопку, – он пошел к разбитым сёдзи. – И я запалю очаг

так, чтобы без копоты... Чего уставился? По-человечески, небось, в лесу никогда не ночевал с палаткой и с костром? Тогда делай, что я говорю. И учись. Пригодится. Если нас сегодня тут с потрохами не сожрут.

Эпизод 6. Оборона

Пояснения к эпизоду 6

Ичиро орудовал на кухне безо всякого стеснения, с полным осознанием дела, и Тора незаметно для себя оказался в роли помощника. «Поддай», «принеси», «не лезь под руку» звучало до того привычно и просто, что он в какой-то момент начисто забыл, что здесь, на маленькой гостиничной кухне, рядом с ним – сын влиятельного столичного бизнесмена, а не просто старший товарищ по работе. После реплики – «убери хвост, отдавлю!» – оба на секунду застыли, а потом дружно рассмеялись. Тора убрал не только хвост, но и уши, шерсть и когти, причем сделал это без особого труда. Ичиро критично осмотрел результат метаморфозы и поинтересовался:

- Долго тебя мать учила так вот преобразаться?
- Так преобразаться не учила, потому что сразу поставила печать. А обращение в зооморфную форму я тренировал в раннем детстве под ее руководством.
- В лесах скрывались?
- Нет. В смысле, в лесах, но не здесь. На родине. В мире обакэ.
- Сколько же времени ты там провел?
- Всё детство с рождения. Как это на человеческие годы пересчитать, не знаю. Время в мире обакэ течет иначе, чем у людей. Мама и не помышляла идти в людской мир, но после моей первой взрослой линьки решила, что мне будет лучше здесь.
- Взрослой линьки? Это как?
- Ну... – Тора призадумался на секунду. – У ёкаев-хэнгэ – обратной – котенок, щенок, птенец считается взрослым, когда приобретает стабильный окрас шерсти, перьев, чешуи. Вот я и перецвел из снежно-белого в белый с пятнами.
- Э-э, стоп-стоп, – Ичиро отставил чан с водой и повернулся к Торе. – Ты говоришь, что тебя мать привела в людской мир уже взрослым? И это было десять лет назад. Так?
- Да. Но мама хотела, чтобы я получше узнал людей, поэтому она облачила меня в образ шестилетнего мальчика и сделала так, чтобы человеческое тело росло и взрослело, а ёкайская сущность развивалась параллельно, но как бы в состоянии сна. Я ходил в школу, как людские дети. Общался с детьми. Трудно было, конечно, сначала. Я осознавал гораздо больше, чем они, быстрее запоминал на уроках. Потом научился подражать детям-сверстникам, даже с удовольствием играл с ними во дворе. Но кое-что не понимал, и до сих пор понять не могу. Почему человеческие дети дерутся из-за всякой ерунды на полном серьезе и унижают тех, кто слабее, просто ни за что.
- Можно подумать, котята не дерутся, – хмыкнул Ичиро.
- Не дерутся. Ни котята, ни щенки, – уверенно заявил Тора. – Играть, соревноваться, кидаться друг на друга в стиле драки – это завсегда. Но если кто пискнул от боли, сразу вся возня прекратиться, а пострадавшего залижут и успокоят тут же. Нечаянно кого прикусил и цапнул, извинись. Закон. А тех, кто умышленно обидел младшего или слабого ради развлечения, гонят из компании в шею.
- Ичиро беззвучно посмеялся.
- У людей бы так было!
- Мир обакэ – жестокий мир. Это только из-под маминых лап он кажется беззаботным.

Жизнь взрослого ёкая, особенно молодого, полна смертельных опасностей. Как бы ни была велика доставшаяся с рождения сила, без жизненного опыта она скорее помеха, чем подспорье. Те аякаси, кто априорно слабее, но хитрее и опытнее, охотятся за сильным молодыком, поглощают зазевавшихся и так поднимают свой статус в негласной иерархии. Вот почему мудрые родители стараются скрывать магических потенциал своих детей от окружающих до тех пор, пока не убедятся, что повзрослевший ребенок, который в глазах других уже и не ребенок давно, способен самостоятельно защищаться и безошибочно различать врагов под личинами друзей. В кланах типа лисьих и волчьих существует практика покровительства – старший брат или сестра присматривает за младшим долгие годы, а иногда и всю жизнь. Но это лишь называется – старший присматривает за младшим. На самом деле – просто дружная семья. И младший кинется помогать старшему, если грянула беда, а то и всё семейство соберется, чтобы помочь одному. Вот почему аякаси-одиночки остерегаются задевать клановых ёкаев, даже тех, у кого магических сил хватает лишь на создание иллюзий.

– Прямо как в стаях у обычных волков, – заметил Ичиро.

– Не удивительно. Все хэнгэ произошли от обычных лисиц, волков, собак, кошек, которых когда-то, в незапамятные времена, людская вера наделила особыми качествами. Древние люди молились явлениям, предметам, животным и постепенно напитали их духовной силой. Так зародился мир обакэ. В человеческом мире по сей день сохранились святилища – дзиндзя, где люди молятся обожествленным обакэ – кто искренне, кто по традиции, кто из любопытства. У моей мамы было персональное святилище, где ее почитали как kami – божество. Она рассказывала, что одно время долго обитала там, помогала жителям окрестных поселений и получала силы от человеческой благодарности и веры. Но теперь меньше и меньше людей по-настоящему верят в обакэ. Святилища сносят за ненадобностью, а те, что остались как достопримечательности для туристов, не содержат настоящих духовных сил.

Тора покосился на открытые двери. Рику давно стоял у стены перед порогом, но в разговор не вмешивался. Заметив на себе взгляд, он шагнул на кухню.

– Я принес в зал все одеяла, которые нашел, – сообщил он. – Достучался до Юдзо и попросил его спуститься вниз. Надеюсь, его ответное мычание означало, что он меня услышал.

– Через час дождемся, – усмехнулся Ичиро.

– Холод выгонит его из комнаты раньше. Обвалился потолок за поворотом коридора. Там, где здание не ремонтировали. Теперь его номер отделяет от внешней среды лишь бумажная стенка.

– Мне кажется, пора будить всех и размещать в зале, – вставил Тора.

– Вода вскипит, разбудим, чтобы сразу после передислокации отогреть чаем, – Ичиро бросил недобрый взгляд на окно, заваленное снегом почти до верхней рамы.

– Ты сам не легко ли одет? – спросил Рику, в упор глядя на брата.

Ичиро давно переоделся в свою, не успевшую просохнуть, одежду, и наотрез отказался от теплой хаори.

– Мне уже по фигу. Акклиматизировался, – уверил он и кивнул на напарника по кухонным делам. – Зато некоторые тут у нас вообще босиком бегают.

– Тора-кун! – воскликнул Рику с нотой негодования в голосе.

– Я – ёкай, Рику-сан. Всегда был и буду ёкаем. А человеческая форма это теперь всего лишь оболочка, – Тора потупился.

– Тебя гнетет осознание своей природы? – осторожно спросил Рику.

– Нет. Но мне теперь стыдно общаться с Хирото-доно, с близнецами, с Юдзо-доно. Ведь в этой форме я буду обманывать их, прикидываясь другим существом.

– Твоя сущность ничуть не изменилась с изменением облика, Тора, – Рику мягко улыбнулся. – Считай, что ты просто переоделся в новый костюм. Ведь ты – это ты.

Тора изумленно уставился на Рику, медленно перевел взгляд на Ичиро, увидел на его лице снисходительную улыбку и неуверенно улыбнулся в ответ. Показалось, что здесь и сейчас, в завешенной паром промерзшей гостиничной кухне, запахло уютом семейного очага. Тора осторожно потянул носом, силясь распознать и запомнить этот удивительно теплый запах, но иллюзия рухнула под ударом безжалостной реальности – из недр рёкана просочился зловещий дух обакэ.

– Они уже здесь, – прошептал Тора.

Он очутился в холле первым, не заметив, как обернулся в истинную форму. Ощетинился и застыл, будто на перепутье. Чужой запах приближался снаружи со стороны онсэна, витал под потолком над рецепшеном и тонкой струйкой полз по полу коридора из разрушенного правого крыла.

– Где? – выдохнул Ичиро в кошачье ухо, поднятое по команде «тревога!».

– Кажется, окружили. Ичиро-сан, ваш меч..?

– Со мной.

Клинок дао гулко уперся в пол.

– Вы его вызвали опять или...?

– Без понятия. Оставил у Рику в комнате, теперь он у меня в руке.

Тора напрягся и, стараясь не поддаваться эмоциям, «пощупал» струйку непонятного духа в коридоре. «Наверное, это след клинка, – подумал он. – Не мог же я прошляпить вторжение прямо у себя под носом!»

– Ичиро-сан, можно до него дотронуться? – быстро попросил Тора.

– Валяй, – Ичиро поднял меч, развернув клинок параллельно полу.

«Да, это след клинка», – Тора облегченно вздохнул.

Наверху затрещали деревянные перекрытия.

– Я выведу ребят! – с этими словами Рику бросился к лестнице.

– Рику-сан! Стойте! – Тора с ужасом, застывшим на лице, вникал в суть второго, увы, неприятного открытия. – Что-то над нами. В комнате Юдзо-доно!

– Проклятье! – Ичиро кинулся наверх, оттолкнув брата.

В этот же момент сверху донесся сонный голос Хирото.

– То-ра! Что..?

И оборвался пронзительным мальчишеским криком.

– Хирото! – Рику был уже наверху. – Сюда, ко мне бегом!

По рёкану раскатилась изошренная брань Ичиро. Как будто в ответ на ругательства вдоль всей веранды первого этажа затрещали сёдзи и угрожающе зашатались вертикальные сваи, поддерживавшие потолок. Тора – он успел прыгнуть на лестницу – замер и развернулся лицом к бесформенной массе, напавший снаружи.

– Ичиро-сан! – в отчаянии выкрикнул он вверх.

– Зачищай двор!! – раздалось в ответ. – Я тут... – шум борьбы и глухие удары... – разберусь! Ксо! Да сколько ж у тебя рук, тварь?!!

Одна из рам раздвижных дверей лопнула, в коридор ухнул огромный конгломерат снега, а на его гребне в помещение влетели несколько мерзких многоглазых созданий.

«Мелочь, – понял Тора. – Но их много».

– Тора!! – голосил сверху Хирото, зажатый в крепкой охапке Рику.

– Прости, Хи-тян, – пробормотал Тора себе под нос, изогнулся и прыгнул навстречу черной подвижной массе.

Метаморфоза завершилась уже в полете, и в стаю голодных аякаси врезался гигантский пятнистый кот.

Часть интервентов первых шеренг он передавил когтями, других растрепал зубами, кому-то досталось тяжелой лапой, кому-то мощным хвостом. В рядах пожирателей началась паника, но задние продолжали напирать, и Торе стоило немалых трудов выжать многочисленную шушару вон из коридора. Разделаться с массой мелких противников было бы для кота-ёкая только делом времени, кабы не дополнительное условие – люди в здании. Про мадзоку, воевавшим с чем-то неопределенным, он старался не думать и заставлял себя верить в силу и инстинкты напарника. Но как и куда теперь Рику будет выводить младших братьев и в каком состоянии и где находится Юдзо, Тора не знал, а потому поставил себе задачу во что бы то ни стало отогнать аякаси от рёкана и передавить всех до единого. Именно до единого, ибо прекрасно понимал, что даже одного маленького зубастого пожирателя плоти будет достаточно, чтобы серьезно ранить человека – тем более, ребенка.

Первую часть своего плана Тора реализовал быстро – свара переместилась к воротам. Теперь осталось лишь подгадать момент, чтобы провести массированную «звуковую» атаку. Это был коронный удар мамы, технику которого он изучал в ёкайской юности под ее руководством. Он стряхнул с себя назойливых прилипал, наивно надевавшихся добраться сквозь шерсть до его кошачьей кожи, прыгнул на избранную позицию и... краем глаза поймал сцену, развернувшуюся на крыше рёкана. Пёстрая юката под большой, не по размеру, хаори, рыжие, растрёпанные ветром волосы и неподвижный отчаянный взгляд желтых узких глаз.

У Торы душа повалилась в лапы, когда он понял, что Хирото стоит на единственной уцелевшей балке над рухнувшими в снег обломками угла крыши, у него за спиной из-под перекрытий поднимается туманное нечто, а чуть в стороне Фума, повиснув на поперечной свае локтем и грудью, свободной рукой силится схватить младшего братишку за ногу.

Аякаси воспользовались заминкой чудовищного кота и кинулись на него со всех сторон. Тора опомнился, яростно расшвырял всех, но за эти несколько секунд позиция на крыше кардинально изменилась: Фума летел головой вниз в сугроб вместе с падавшей наружу свай, Като балансировал выше и размахивал горящим обломком доски в тщетных попытках отогнать туманное нечто. Только Хирото по-прежнему стоял столбиком на чудом уцелевшем деревянном бруске и во все глаза наблюдал за сражением во дворе.

«Като! Это юрэй! Призрак! Изгонять его нужно заклинанием!» – хотел крикнуть Тора, но слова застряли в зверином горле, и он запоздало вспомнил, что в этой форме способен общаться только посредством контакта сознаний.

Свое бессилие перед лицом назревавшей катастрофы на крыше Тора сполна компенсировал мощной звуковой атакой. Чудовищный рык разъяренного ёкая разом поднял в воздух уцелевших и подбитых аякаси, снег, камни оголившейся мощеной дорожки, кустарник, деревянные ворота и несколько молодых деревьев. А Тора во внезапном порыве вспрыгнул вверх, встал в пространстве, опираясь на невесть откуда взявшиеся языки синего холодного пламени, развернулся мордой в лес и выдал громоподобный, напоминающий вой звук – собственное дополнение к усвоенному мамину уроку.

Не позволив себе ни секунды передышки, лишь убедившись, что всю шваль унесло прочь, Тора метнулся к рёкану. Юрэй блеклой струей утекал вовнутрь строения, будто кто-то тянул его за шлейф призрачного тела. Вокруг Хирото и подползшего к нему Като кружились синие язычки пламени. Обломки досок, щепки и деревянная труха горели внизу обычным рыжим огнем, а в центре растопленного сугроба сидел белый, как снег, Фума и ошарашено следил за кольцом странного костра.

В сознании Торы отчетливо «прозвучал» голос Рику: «Изыди, призрак. Убирайся, откуда пришел». Слова не имели ничего общего с теми заклинаниями, которые Торе доводилось слышать из уст маминых знакомых ками и, однажды, от актеров на осеннем фестивале. Но могучую волю, направившую эти слова, Тора ощущал почти материально, как будто чувствовал рядом гудение клинка, рассекавшего воздух.

– Тоо-рааа!! – раскатилось над разрушенной гостиницей.

Тора прыгнул через весь двор и приземлился в оплавленный снег в истинной форме, но на четвереньки. Ошарашенный взгляд Фумы он прекрасно чувствовал, но натягивать на себя человеческий облик после всего происшедшего было бессмысленно.

– Тора!!!

Тора дернулся, чтобы поймать падавшего мальчика, ибо направление звука однозначно указывало на движение источника сверху вниз. Но успел лишь выпрямиться прежде, чем Хирото прилип к нему всем телом, изо всех сил обхватив торс руками.

– Хи-тян, – начал Тора, нерешительно опустил ладонь на мальчишескую голову и остолбенел.

Из-под густых рыжих волос виднелись два рыжих лисьих уха, отчаянно прижатые к вискам. Тора машинально перевел взгляд на спину ребенка, подрагивавшую в такт беззвучным рыданиям, и увидел то, что должен был увидеть – под широкой хаори, свисавшей полами ниже колен, как маятник качалась белая кисточка пушистого хвоста.

– То-ра, они тебя не поранили? – Хирото задрал голову.

В желтых глазах с вертикальным зрачком блестели слезы.

– Нет, Хи-тян. Я в порядке, – Тора покосился на онемевшего Фуму, определил, что сверху, с крыши, в него впился точно такой же взгляд, но решил сейчас максимум внимания уделить юному кицунэ. – Хи-тян, давай-ка успокойся. Попробуй так: медленный вдох... Молодец. Теперь такой же выдох. Ну как?

– Угу, – Хирото отступил на полшага, поднял уши торчком, но не выпустил из цепких рук лапок рукава кимоно Торы, а заодно прихватил в кулак пучок шерсти на его предплечье. – Тора-нии-сан...

Тора задержал дыхание, дабы скрыть изумленный вдох. Теперь Хирото обращался к нему «нии-сан» – «старший брат», – хотя это обращение ни разу не прозвучало из его уст в адрес настоящих братьев.

– ... это были аякаси? – продолжал Хирото.

– Да. И мне кажется, они еще здесь. Я должен проверить.

– Ичиро отрубил руки мононокэ, – дрогнувшим голосом сообщил мальчик. – В коридоре весь пол завален руками.

– Хи-тян, всё это очень скоро исчезнет. Эти аякаси слабые. Их тела просто рассыпаются в прах.

– Та штука не рассыпалась, – Хирото помотал головой. – Это значит, она еще жива?

Тора отчаянно огляделся. Во дворе, за сломанным забором и в ближайшем лесном пространстве пока было тихо. Нескольких недобитых тварей он учуял, но эти экземпляры растратили все свои силы и угрозы теперь не представляли. Барьер зиял пустотами, источал дух обакэ, но желающих пройти через бреши вроде бы не было. Зато над рёканом, в той части, где располагалась комната Юдзо, висело марево искривленного пространства, а поперек здания, будто отсекая опасную зону от двора, качался ряд едва заметных синих огоньков.

– Тора-нии-сан, – понизив голос до шепота, позвал Хирото. – Ичиро и Рiku ведь тоже такие, как мы с тобой, да? Значит, их не убьют?

– Не совсем такие, но...

Тора оглянулся на Фуму и тут заметил, что кольцо огня расширилось, и языки ленивого пламени подобрались к обломкам веранды.

– Потуши немедленно! – выкрикнул он.

Фума вздрогнул всем телом. Огонь разом и полностью потух.

Шум сверху возвестил о намерении Като спуститься вниз. Тора по звуку определил, как и куда парень собирается сигать, но вместе с тем понял, что без деревянного сопровождения не

обойдется. Он оттолкнул Хирото в сугроб, крикнул Фуме – пригнись – и в длинном высоком прыжке перехватил Като в его коротком полете. Деревянное сопровождение в облике толстого обломка балки рухнуло на заваленную мусором террасу, а Тора в охапку со своим «уловом» покатился по снегу под уклон.

– Като! Дурак! – выкрикнул Хирото.

Тора быстро встряхнулся, оглянулся назад, убедился, что с Фумой и Хирото всё в порядке, и обратил взор на Като, вдавленного в сугроб.

– Слезь с меня, – потребовал тот, на удивление спокойно.

Тора живо вскочил на ноги и, помедлив, протянул лежащему руку. Като внимательно рассмотрел грубую ладонь и шерсть на предплечье, задержал взгляд на когтях, усмехнулся и, подавшись вперед, ухватился за мощную кисть.

– Это всё, что на тебе, взаправду? – встав перед Торой, спросил он.

– Да, – просто ответил Тора.

– И как ты называешься?

– Ёкай.

– А точнее?

– Бакэнэко.

– Чудовищный кот? – Като критично оглядел собеседника с когтистых ног до кончиков ушей. – Не. Ты не кот. Ты ирбис – снежный барс!

«Ирбис! Ирбис! Ирбис!» – повторило вдруг проснувшееся эхо.

Тора мигом ошетинился. Забеспокоился и Като.

– Ты чего? Что это было?

– Легенда. Но прошу вас, Като-доно, не произносите здесь это имя.

– Имя? Это ж название просто... Всё, молчу. И, слушай, может, хватит слуг-господ тут изображать? Достали уже эти старомодные прибабахи.

Из недр рёкана загрохотало так, будто по лестнице скатился большой медный чан.

– Тора! Я щит не удержал! – испуганно и громко сообщил Хирото.

Тора лишь теперь, после этой ремарки, понял природу синих светящихся сгустков, похожих на язычки пламени: юный кицунэ призвал лисий огонь в качестве защитного барьера. И, очевидно, это был первый его опыт практического применения ёкайской магии.

– Ждите меня здесь! – крикнул Тора и бросился в задние через сугробы и обломки разбитых дверей.

Что именно грохотало в разваленной гостинице, Тора разбираться не стал, а напрямик кинулся вверх по уцелевшей лестнице и, очутившись на втором этаже, сразу увидел Рику и Ичиро. Они стояли обнявшись посередине коридора под открытым небом – крышу тут снесло полностью. Ичиро склонился к плечу брата, уткнувшись подбородком в основание ключицы. Рику придерживал его голову, опустив ладонь на затылок. Ни тот, ни другой не двигались. Тора открыл, было, рот, что окликнуть обоих, но вдруг сообразил, что означает эта необычная позиция. Он рефлексивно попятился, но Рику сделал знак свободной рукой, мол, подожди.

Ичиро сильно вздрогнул и отшатнулся к стене, но на ногах не устоял – сполз на пол и остался сидеть, запрокинув голову. С мощных клыков на приоткрытые губы и подбородок лениво капала кровь. Рику левой ладонью протер свою шею и как ни в чем не бывало застегнул ворот рубашки. Кровавые подтеки остались и на рубашке, и на лацкане пиджака, но пятна заметил только Тора.

– Никогда впредь не подставляй мне шею, договорились? – не двигаясь, вяло произнес Ичиро.

– Отказываюсь, – невозмутимо заявил Рику. – Будешь восстанавливать силы только так, и

никак иначе.

Тора осторожно приблизился к мадзоку, быстро и внимательно оглядел результаты донорской процедуры на шее Рикю, не заметил ни следа мощных клыков, но все же рискнул предложить.

– Я регенерирую почти также быстро, как теперь вы, Рикю-сан. В качестве альтернативы, если...

– Только кошатины мне и не хватает! – отрезал Ичиро и принялся тяжело подниматься на ноги.

– Могу предложить со специями, – мигом нашелся Тора.

Ичиро поперхнулся, затем рассмеялся.

– Ладно, кошак, учту. Ты цел вроде?

– Да. Ваши младшие братья в порядке. Что с Юдзо-доно..?

– Иди сам смотри, – Ичиро указал большим пальцем на обломки двери. – Тварь я все-таки добил. Но имей в виду... Эй! – он поспешил следом за Торой, который кинулся в комнату с кошачьей скоростью. – Имей в виду: она сидела в айпэде. И я без понятия, как она туда попала.

Тора отвел взгляд от неподвижного, но с виду невредимого Юдзо, и озадаченно посмотрел на осколки электронного планшета.

– Она вытянула из меня уйму сил, пока до меня дошло, что она генерируется там, – Ичиро поддел ногой и откинул в угол оплавленный кусок печатной платы. – Разбил эту игрушку, тварь исчезла.

– Как она выглядела? – Тора присел на корточки и взял в руки обломок кожуха.

– Голая женщина с бесчисленным количеством длинных рук. Из айпэда вылезала только по пояс, зато руками шарила аж по лестнице.

– Прикосновением рук вытягивала силы, – добавил Рикю, вставший на пороге. – Вот почему я велел Като, Фуме и Хирото убегать через крышу. Туда она не дотягивалась.

– А юрэй – призрак – здесь откуда взялся? – быстро спросил Тора.

Рикю покачал головой.

– К сожалению, не заметил, ни откуда взялся, ни куда сгинул. И без твоей подсказки, Тора, не сообразил бы, как от него избавиться.

– Вы меня слышали, Рикю-сан?

– Да. Но... Не звук голоса, а так же как иногда слышу Ичиро. Тора, что скажешь о Юдзо? На мой взгляд, он крепко спит, но, боюсь, что мой вывод слишком оптимистичен.

Тора механически повертел в руках обломок айпэда, отложил его и подступил к лежащему на спине поперек футона старшему из братьев Накадзима. Осторожно повел пальцами по груди, густо покрытой черными завитками волосиков, прислушался к дыханию, принялся к неясной слабой ауре и подтвердил.

– Он спит.

– Да ну?! – воскликнул Ичиро; иронизировал он не над выводом Рикю, а над подтвержденным фактом.

– Обакэ выпила много его энергии, – продолжал Тора. – Но она не стремилась уничтожить Юдзо-доно. Наоборот, она его... развлекала. Он и сейчас пребывает в прекрасном настроении и видит приятные сны.

– Он что, сам ее призвал? – Ичиро нахмурился.

– Наверное. Но не думаю, что сознательно. Может быть во сне.

– Он вчера сжег свой айпэд по собственной глупости, – подсказал Рикю.

– А-а, – протянул Ичиро с видом разочарованного зрителя. – Тогда понятно, почему сюда заявлялась суккуб.

Тора поспешил сделать вид, что ничего не понял. От Рикю его игра, конечно же, не

ускользнула, но муссировать тему специфических забав старшего брата он не собирался и взглядом остановил Ичиро от продолжения дознания.

– Эй! Тора-сэмпай! – раздался снизу голос одного из близнецов.

Тора сразу определил – Като, – но суффикс «сэмпай» – так школьники обращались к старшим по возрасту ученикам – шокировал его сильнее, чем «нии-сан» из уст Хирото.

– Там все живые? – продолжал Като вроде бы бодро, но в голосе сквозил страх.

– Да-да, всё в порядке! – откликнулся Тора.

Ичиро встал над спящим Юдзо, с миной неподдельной брезгливости глянул на распахнутую юката без пояса, полы которой едва-едва прикрывали бедра, и, нагнувшись, накинул одеяло на полу-обнаженное тело. Затем принялся примериваться, как бы попроще поднять образовавшийся тюк на руки.

– Я помогу, – подступил Тора.

– Нет уж. Чести много будет, – безапелляционно заявил Ичиро и весело добавил. – У меня появился шанс легально спустить его с лестницы. И этот шанс я никому не уступлю.

На удивление Торы Рикү промолчал.

Пока Ичиро тащил завернутого в одеяло Юдзо по коридору, Тора успел осмотреть зал, ранее подготовленный на роль осадного бункера, убедился, что потолок здесь крепкий и стены на месте, и организовал Като и Фуму на сбор всех уцелевших футонов и одеял на втором этаже. Близнецы с неприкрытой радостью взялись за выполнение просьбы ёкая, а Тора, уговорив Хирото остаться в зале, поспешил присоединиться к поискам. Из холла он слышал и звонкие мальчишеские заявления о неприкосновенности ушей, хвоста и холки, и веселый голос Ичиро, вознамерившегося неприкосновенность нарушить. Но решил не вмешиваться в грубоватую игру, ибо был уверен, что унижительных действий в отношении младшего брата Ичиро не допустит.

На законный вопрос Фумы, почему нельзя просто уйти отсюда, Тора ответил так же, как объяснил ночью Рикү и Ичиро. Но сам призадумался. Ночью он был уверен, что по крайней мере четверо Накадзима – люди. Теперь видел, что каждый из шестерых в той или иной степени одарен силами обакэ, то есть в жилах всех детей главы Дома Накадзима текла кровь ёкаев или мадзоку. Или и тех и других, если предположить, что эксцентричный токийский бизнесмен сам является оборотнем-ёкаем. Предположение напрашивалось из элементарных наблюдений за Хирото: «папенькин сыночек» оказался типичным хэнгэ-кицунэ.

Потенциал сил, таившийся в сущностях Като и Фумы, Тора теперь тоже чувствовал ясно, однако пока не определил, что такое огненно-энергетическое дремлет внутри каждого из них. Ответ можно было бы нащупать, зная родословную матери. Но всё, что на данный момент Тора знал о второй супруге Накадзимы-старшего, сводилось к откровению Хирото за обедом: его мама – она же мать близнецов Като и Фумы – умерла в тот день, когда родился Хирото.

За четвертой и последней стопкой находок, оставленной перед лестницей, на второй этаж побежали оба близнеца, хотя Тора намеревался доставить футоны вниз сам.

– Мы принесем, – как будто даже обиделся Фума, увидав, что Тора поднимается следом.

– Сэмпай, ты еще не напрыгался сегодня? – со сделанной насмешкой в голосе подхватил Като.

– Я хочу забраться на крышу, когда все покинут второй этаж, – сообщил Тора.

– Почему «когда покинут»?

– Зачем на крышу?

– Обвалится может. А на крыше я буду искать след юрэя, – ответил Тора на оба вопроса, заданных почти в один голос.

Эпизод 7. На осадном положении

Остатки крыши Тора не обвалил, но и никаких объяснений явлению призрака не нашел. От участка искривленного пространства веяло аурой мадзоку. Тора долго «разглядывал» незнакомый магический почерк и, наконец, решил, что аура больше соответствует духу клинка Ичиро, чем волевому приему Рику, обеспечившему изгнание юрэя. По поводу многорукой твари, которую Хирото определил как мононоке, а Ичиро обозвал иностранным словом «суккуб», у Тора сложилась своя версия, однако в этой версии места призраку тоже не нашлось.

Воспользовавшись высотной дислокацией, Тора еще раз очень внимательно оглядел заснеженный лес. Снегопад прекратился с началом атаки аякаси, тучи исчезли без следа, но их место занял темно-серый купол иллюзорного пустого неба. «Потолок барьера, – Тора устало усмехнулся. – Кажется, «автор безобразия» вообще не отдавал себе отчета, что такое барьер в реальном открытом пространстве. Интересно, мама ему уже всё доходчиво объяснила? Вот только сомневаюсь, что с такими навыками он сумеет исправить положение даже по шпаргалке. Может, рискнуть провести братьев Накадзима через мир обакэ?»

Тора оглянулся туда, где ночью отыскал Ичиро.

«Нет-нет-нет, – он потряс ушами. – Даже Ичиро, уже практиковавший обращение к своим магическим силам, и тот растратил всю энергию на сопротивление так, что его чуть не доела лесная мелочь. Что же будет с остальными, кто лишь сегодня пробудился? А Юдзо, кажется, вообще не понял, что сотворил. Призвать цугумогами перегоревшего электронного планшета! Любому ёкаю рассказать – не поверит».

Дабы не расшатывать оставшиеся балки, Тора спрыгнул с крыши на двор, предварительно выбрав для приземления наиболее чистый и рыхлый сугроб. Вывалившись в снег, он худобно избавился от запаха поверженных аякаси, а затем тщательно вытряхнул из шкуры и одежды грязь и кое-как пригладил шерсть и волосы на голове. Нужно было бы навести порядок в одежде, но перевязывать пояс посреди двора он не рискнул, тем более хорошо слышал, что в коридоре перед залом находится Рику, а на кухне курсирует Ичиро.

– У нас опять ожидаются неприятности? – не скрывая тревожности, спросил Рику, как только Тора проскользнул в коридор между покосившимися рамами сёдзи.

– Расслабляться нельзя. Но пока в округе тихо, – ответил Тора.

– Тем не менее тебя что-то беспокоит.

– Не нашел объяснений явлению призрака, – признался Тора со вздохом. – Это плохо. Он как бы не вписывается в обстановку. И я не понимаю...

– Папа обещал дом с приведениями! – крикнул Фума из-за приоткрытых сёдзи зала.

– Папа обещал красивый лес и чудесный горячий источник! – звонко вмешался Хирото.

Тора быстро глянул на Рику. Тот понял незаданный вопрос.

– Отец настоял на моем присутствии под предлогом обсуждения документов о наследовании.

– Вы поверили, Рику-сан? – медленно и предельно тихо спросил Тора.

– Нет. Но не подал виду, – в той же манере ответил тот.

– Рику! – позвал Хирото. – Чего вы там шушукаетесь? Я же вас всё равно слышу.

– Кицунэ, – улыбнулся Тора.

Рику согласно усмехнулся.

В зале началась возня, и опять раздался звонкий голос Хирото.

– Като! Не трогай мои уши!.. Фума! Пусти! Больно! Это же настоящий хвост!

– Нашли игрушку, – вздохнул Рику.

– Эй там! – гаркнул Ичиро с порога кухни. – Руки оторву обоим!

Тора сделал шаг в направлении кухни, но Ичиро кивком показал ему, мол, шагай в зал, и

собственноручно доставил к имитированному обеденному столу кастрюлю с рисом. Тора попытался, было, перехватить инициативу, однако Ичиро отодвинул его плечом и весело заявил:

– Шерстяные с когтями до раздачи не допускаются.

Хирото захихикал, наблюдая за руками старшего брата. Рику хмыкнул и как бы невзначай обронил:

– Кстати, о когтях.

Ичиро бросил взгляд на свою руку и чертыхнулся: его длинные жилистые пальцы завершались прямыми, как шипы, острыми черными когтями.

– Тора, – он показал ему свою кисть. – Это как-то можно назад сыграть в моем случае?

– Сейчас лучше ничего не менять.

– Вот! – обрадовался Хирото и обернулся к близнецам. – И я сказал – если Тора с хвостом и ушами, и я не буду убирать!

– Да ты просто не умеешь, мелкий! – подмигнул ему Като.

– Умею!

– Не уме-ешь, – поддразнил Фума.

– Хватит, – оборвал Рику. – Тора-кун, метаморфозы могут быть замечены издали?

– Да. Это как... – Тора призадумался, подыскивая сравнение. – Как выстрел в горах слышен, так метаморфозы и ощущаются посторонними ёкаями.

Образовалась неуютная пауза.

– Не хило же мы тут постреляли, – высказался Ичиро.

– Обороты из антропоморфной в зооморфную форму и обратно – не в счет, потому что это просто две стороны истинной формы, – поспешил пояснить Тора. – Но облачение в человеческое тело в мире обакэ – это выстрел в горах.

– Ну а мой меч? – серьезно спросил Ичиро.

– Я не знаком с магией мадзоку, но мне кажется, – Тора покосился на Юдзо, лежавшего на футоне вдоль стены, – аура локализована в ближайшем пространстве.

– Тора-кун, не мог бы ты объяснить подробнее, – начал Рику, посмотрел на притихших младших братьев и продолжил. – Что же такое мадзоку кроме очевидного «владеющий магией»?

– В общем то же, что и аякаси.

– С аякаси и ёкаями всё ясно, – заявил Ичиро. – Легенды, фольклор, литература. Это мы всё знаем. Но про мадзоку я впервые услышал от тебя.

– В игрушках и манге их полно! – вставил Като.

– Сказано же было: это акума в натуре! – напомнил Фума.

– Отвянь! – гаркнул на него Ичиро.

– Нет-нет, дьяволы здесь не при чем, – торопливо начал Тора. – То есть, может и при чем, но в очень частных случаях. Мадзоку – одна из рас мира обакэ, виртуозно владеющая магией. Истинная форма аристократов мадзоку – человеческая или почти человеческая. Это достигнуто путем планомерной селекции. Мадзоку постоянно совершенствуют свою кровь. Или генофонд, если по-человечески. Изначально они были духами оружия. Вера людей оживила их и дала им силы обрести собственную форму. Чтобы расширить спектр магических умений, мадзоку объединились с цукумогами, духами вещей, и позвали в свои ряды единомышленников-обакэ, порожденных верованиях разных народов человеческого мира. Вот почему у них так много разноречивых названий и непривычных сочетаний качеств. Мы говорим – акума, подразумевая зловредного обакэ, а европейцы, например, назовут его «демон» или «дьявол». Но и то, и другое применительно к мадзоку будет неверным. Они не демоны, не вампиры, не шаманы, не некроманты, не алхимики. Среди них есть мастера магии разных ареалов мира обакэ. Но не это главное в определении расы. Мадзоку – в

первую очередь мудрые политики, ни разу за свою историю не допустившие кровопролития.

– Ожившее оружие, никогда не допускающее кровопролития? – с нескрываемым сомнением в голосе переспросил Ичиро.

Тора развел руками.

– Рассказываю как знаю. Мне не приходилось встречаться с мадзоку раньше.

– Тора-сэмпай, а что ты про вампиров говорил? – вмешался Фума.

– Ничего существенного, – Тора остановил себя от взгляда в сторону насторожившегося Ичиро. – Кюкэцуки – это любой обакэ, который поглощает кровь или энергию ради питания или для восстановления магических сил. А вампиры как отдельная раса существуют в центральном ареале. И подвидов у них очень много.

– А ты видел когда-нибудь настоящего вампира? – подскочил Като.

– Не только видел, но и много общался, – Тора улыбнулся. – Он работает в команде небольшой заставы в Пограничье. Это ближайшая застава к нашему ареалу. Полковник заставы – лучшая мамина подруга с давних времен. Поэтому мама частенько оставляла меня там, когда уходила по делам. Андореи-сан очень эрудированный, остроумный, доброжелательный. Он стал для меня не просто учителем и наставником, а, можно сказать, заменил отца.

– О-бал-деть! – изрек Като, а Фума, слушавший рассказ, приоткрыв рот, согласно кивнул.

– Так. С цивилизацией обакэ понятно, – объявил Ичиро, дабы тема вампиров не получила развития. – Давайте ближе к делу. Этот рёкан, барьер и атака. Тора, я так понял, твоя мать – мощный ёкай. Как так вышло, что она оказалась обессилена именно сейчас? Ты не думал, что это подстроено?

– Нет, не подстроено, – Тора опустил взгляд в нетронутую чашку с рисом, которую давно держал в руке. – Просто так получилось.

Рику, знавший о Торе чуть больше остальных, сделал брату знак помолчать, но Ичиро предупреждающий жест не заметил и продолжал расспрос.

– Она уже отбивала тебя от кого-то, да?

Тора вздохнул.

– Это было не то, что вы подумали, Ичиро-сан. И не сейчас, а почти шесть лет назад. Мы жили обычной человеческой жизнью и эта жизнь нам нравилась. Но однажды случилась большая неприятность. Мы с мамой возвращались из кинотеатра поздно вечером, и к маме начали цепляться два грубых пьяных мужчины. Слов они не воспринимали, и мама вынуждена была их оттолкнуть. Они разозлились, один схватил меня и пригрозил придушить. Ну мама и рассвирепела. Она не применяла свою магию, не обращалась в истинную форму, но упустила из-под контроля физические силы. Одного насильника она покалечила, а второго нечаянно убила.

– Я б обоих сразу убил, – пробормотал Ичиро; его руки спонтанно сжались в мощные кулаки.

– И чего, скрываться пришлось? – быстро спросил Фума.

– Нет. Мама решила, что раз уж мы живем среди людей, то и отвечать она будет перед людьми по человеческим законам. Она надеялась, что обстоятельства будут засчитаны в ее пользу. Но суд постановил: два года тюрьмы. Меня отправили в приют, потому что родственников не было. И мама, опасаясь, как бы кто-нибудь не почуял печать, пока мы так далеко друг от друга, стала каждую ночь оставлять человеческое тело и приходила ко мне в призрачном облике белой нэкоматы. У мамы никогда не было собственной антропоморфной формы, поэтому для нее человеческое тело являлось отдельным объектом вроде сосуда для духа. Разделить тело и дух очень непросто. Она потратила почти весь свой запас сил уже за первый год. Когда поняла, что сил не хватит, попыталась, не покидая людской мир, позвать своих друзей из Пограничья, чтобы они забрали меня к себе. Но не получилось. А ее

человеческое тело заболело и стало стремительно стареть. Источника для пополнения энергии не было – последний хранитель маминого святилища давно умер, а храм снесли. Ее выпустили по амнистии через полтора года. Но хорошую работу она найти уже не могла – тело состарилось и ослабло, к тому же никто не хотел брать на работу человека, побывавшего в тюрьме. Ведь на «смягчающие обстоятельства» обращает внимание только суд. Я закончил среднюю школу так быстро, как только позволял закон – перескочил через класс и сдал итоговые тесты. Когда пошел работать, стало немного полегче. Но здоровье мамину телу уже ничто не могло вернуть.

Хирото по-детски всхлипнул. Тора поспешно согнал с себя накотившую тоску и улыбнулся.

– Моя мама не умерла, Хи-тян. Сейчас она только дух, призрак нэкоматы. Но она вернется на родину и обязательно восстановит свои силы. И будет жить, как все ёкаи еще ни одну сотню лет.

– Но ведь ты ее теперь не увидишь, – Хирото шмыгнул носом.

– Однажды наступает момент, когда дети уходят, чтобы жить самостоятельно. У кошек нет таких крепких, сплоченных кланов, как у лис, волков или тануки. Рано или поздно мы с мамой все равно бы расстались.

– Что-то я в толк не возьму, – начал Ичиро. – На фигу твоя мать так держалась за человеческий мир? Взяла б тебя за шварник и притащила назад, на родину. И все дела.

– Это другая история, – поспешно ответил Тора.

– Твоя перецветшая шерсть? Эти твои пятна-запятые что-то значат? – не унимался Ичиро.

– Ух-ты, это же томоэ! – оживился Хирото. – Такие на гербах рисуют! Это как Инъ-Янь!

Он подскочил к Торе с явным намерением добраться до более обширного участка шерсти, нежели предплечье под задравшимся рукавом кимоно.

– Томоэ – символ всемирной гармонии, – заметил Рику. – Хирото, сядь на место, пожалуйста.

Мальчик сел, но не на прежнее место, а рядом с Торой, и выжидающе заглянул ему в лицо.

– В мире обакэ есть легенда, – медленно заговорил Тора, тщательно подбирая слова. – В нашем ареале в эту легенду почему-то очень многие верят, хотя она не японская. И получилось так, что с этими пятнами на шкуре я стал похож на главного персонажа. Считается, что ёкай, поглотивший его сердце буквально, обретет гигантскую силу и станет властелином миров. Кто-то растрезвонил обо мне по всему ареалу, и маме пришлось отбиваться от желающих меня сожрать. Сама она уверена, что мои пятна – наследство отца, а в поверье нет ни толики правды. Но другие, в том числе и сильные ёкаи, думали иначе, и она сказала, что не намерена рисковать моей жизнью, чтобы доказать им ошибочность их убеждений. Вот почему она решила скрываться вместе со мной в мире людей до тех пор, пока я не наберусь сил, чтобы за себя постоять.

Като отодвинул близнеца и подался в сторону Торы.

– То название, которое я произнес, а эхо повторило, это и есть имя персонажа?

– Какое, какое? – зашептал ему в висок Фума.

– Да. Оно и есть. Но пожалуйста, – Тора поднажал голосом, чтобы просьба прозвучала как можно более убедительно. – Пожалуйста, не произносите здесь вслух. Это название считается именем и работает сильнее призывающего заклинания. Только вот призывает оно не священного зверя, а охотников за его сердцем.

– Тьфу! Такая глупость и столько проблем! – Ичиро с досады стукнул кулаком по татами.

– Мир обакэ – жестокий мир, – напомнил ему Тора.

Затянувшийся завтрак проходил в полном молчании до тех пор, пока на своем футоне не зашевелился Юдзо.

– С добрым утром, о-нии-сама! – громко объявил Ичиро.

Если бы не издевательский тон, его приветствие – «уважаемый старший брат» – претендовало бы на высшую форму семейной официальности.

– Что ты делаешь в моей комнате?!

Юдзо резко сел и тут увидел, что находится не в своей комнате.

– Что, черт подери, это значит? Кто посмел? – выкрикнул он на одном дыхании.

– Я посмел принести тебя сюда, – Ичиро отставил в сторону опустошенную чашку и поднялся на ноги.

Юдзо вскочил. Поспешил встать и Рикю. Юдзо, шурясь в сумерках неосвещенного зала, с трудом разглядел сидевших и стоявших, невнятно ругнувшись и направился к выходу, на ходу запахивая юката. Перекошенные рамы сёдзи отчаянно закрипели, из коридора в нагретый зал ворвался холодный влажный воздух, и Юдзо, рефлексивно перешагнув порог, застыл при виде картины погрома.

– Проклятье, – прошептал он и резко обернулся; маска ярости на его лице сменилась выражением тотального замешательства. – Что тут происходит?

– «Необитаемый остров». Второй сезон. Рекламная пауза, – услужливо сообщил Ичиро.

Юдзо несколько раз открыл и закрыл рот и, наконец, высказался:

– Отец крупно пожалеет о своем безответственном, наглom, авантюрином волонтеризме! Хирото, Като, Фума. Живо собирайтесь. Уходим отсюда сейчас же. На рассвете с гор сойдет лавина, – тут его взгляд остановился на Торе. – Ты, кажется, тоже несовершеннолетний? Значит, это и тебя касается. А вы двое, – это уже относилось к Рикю и Ичиро, – вольны распоряжаться своей судьбой самостоятельно.

Образовалась напряженная пауза. Юдзо ждал от младших братьев выполнения команды, а все остальные ждали слова Торы. Тора понял, что негласно избран лидером беспрецедентного мероприятия, и поспешил собраться с мыслями.

– Тора-нии-сан, – Хирото подтянулся к его уху. – У Юдзо случаются приступы ясновидения, так папа говорит.

Тора понимающе кивнул и поднялся на ноги.

– Юдзо-доно. Сейчас половина девятого утра. Рассвета нет. И не будет, до тех пор, пока это место закрыто барьером, поэтому...

Искажение пространства он почувствовал за секунду до того, как снаружи раздался далекий трубный вой.

– Извините..! – он кинулся на разбитую веранду, невольно задев плечом оторопевшего Юдзо.

– Звук снизу, из-под склона! – громко крикнул Хирото.

– Призрак! – в один голос завопили близнецы и шарахнулись к выходу из зала; при этом один из них вытолкнул к дверям младшего братишку, и Хирото попал в руки Юдзо вместе со своими ушами и распушенным хвостом.

Тора оглянулся, но всё, что успел разглядеть, была продолговатая тень на стене.

– Изыди!!

От мощного голоса Рикю шерсть у Торы на спине встала дыбом.

Рёкан содрогнулся. Затрещали балки.

– Где эта чертова тварь?! – гаркнул Ичиро.

Тора понял, что мадзоку посчитал явление юрэя причиной локального катаклизма, но то была ошибка. Настоящая причина в облике огромного обакэ двигалась к рёкану со стороны бреши в барьере, а призрака теперь не было и в помине, ибо Рикю среагировал более чем оперативно. И то тоже была ошибка, поскольку от призрака, как успел заметить Тора, не исходило ни толики злобы. Более того, едва различимый тонкий запах, просочившийся в пространство вслед за юрэем, напоминал дух нэкоматы.

«Юрэй был посланцем-наблюдателем, – понял Тора. – Придется надеяться, что хотя бы обстановку он успел срисовать прежде, чем его выставили вон».

Второй и третий подземные толчки последовали друг за другом с разницей в несколько секунд. Однако веранду разнесла неуправляемая энергия мадзоку, а не встряска грунта.

– Ичиро-сан! Призрака уже нет. Проблема приближается из-за барьера! – что было сил крикнул Тора и развернулся навстречу «проблеме», внешний вид которой еще не лицезрел, но габариты уже вычислил.

Над лесом вновь прокатился трубный вой, отчаянно захрустели деревья, и из-за излома склона показалась гигантская голова. Затем в поле зрения оцепеневших зрителей появилась пасть, занимавшая всю площадь так называемого лица. Следом – похожее на горб плечо и единственная рука толщиной со ствол взрослой пихты. После чего поднялся конгломерат, выполнявший функции тела. Ног как таковых не было – великан передвигался непосредственно в глубинах грунта.

– Кажется, мы разбудили стража этой горы, – тихо проговорил Тора.

– И проснулся он в плохом настроении, – поддержал Ичиро.

– Т-т-тоо-раа, – пролепетал Хирото. – Это они, да?

Торе было не до классификаций обакэ, поэтому он только неопределенно мотнул головой и медленно поднял руку, указывая тем, кто стоял позади, в какую сторону следует отодвигаться. Рику, близнецы и Хирото поняли, что перемещаться нужно так, чтобы не привлекать внимание великана. Но Юдзо этого не уловил.

– Что это такое? – в полный голос выкрикнул он.

Страж горы качнулся вперед всей своей массой, и так стал виден один огромный узкий глаз на лбу. Новый звуковой поток оглушил всех без исключения, пошатнувшийся грунт сбил с ног Като и Фуму, а гигантский обакэ с неожиданным для него проворством замахнулся древоподобной рукой так, будто намеревался прихлопнуть всю компанию разом.

Тора во мгновение ока обернулся в зооморфную форму, метнулся наперерез великанской руке и вцепился зубами и когтями всех четырех лап в огромное запястье. Гигант опять взвыл и принялся стрясти рукой в воздухе. Тора понимал, что его мышечных сил не хватит, чтобы сдержать эту махину, но беззвучно крикнул: «Не злите его! Нужно притаиться!»

Ичиро поступил с точностью до наоборот: кинулся на противника с мечом в руках. В это же время над отступавшей группой хаотично крутились в воздухе слабые язычки синего пламени – Хирото не хватало ни сил, ни концентрации, чтобы поставить щит. Тора попытался прихватить зубами то, что ему показалось узлом переплетения потоков энергии обакэ, но вместо этого сорвался и, отброшенный, полетел в гущу деревьев. Ичиро остался один на один с одноглазым горным великаном. Однако великан не обратил ни малейшего внимания на мадзоку с мечом под своим брюхом, зато целенаправленно развернул торс на отступавших к онсэнэ. Тора рявкнул так громко, как мог из нынешней позиции – вис на вершине дерева. Великан его проигнорировал. Зато успехом увенчался защитный прием мадзоку – меч дао остановил гигантскую руку на полпути к цели.

Ичиро невольно опрокинулся в снег, но меч удержал.

И тут вперед вышел Рику.

– Страж горы, прошу тебя, выслушай нас!

Сильный голос приковал внимание великана, и Ичиро получил возможность выбраться из вязкого сугроба.

– Мы не посягаем на твои владения, – продолжал Рику. – Мы всего лишь путники, остановившиеся здесь на ночлег.

Великан как будто заинтересовался обращенной к нему речью, но Тора прекрасно видел, что он реагирует только на звук и смысла слов не понимает. А Рику не догадывается направить свою волю и голос непосредственно в сознание чудовища.

Не известно, как долго страж горы разглядывал бы переговорщика, если бы не всплеск синего пламени: Хирото удалось, наконец, расставить огоньки в защитный круг. Великан резко «шагнул» на людей, от чего грунт в округе закачался, как морские волны. Ичиро кинулся ему наперерез, но в следующий момент уже катился кубарем под горный уклон.

И Тора вновь бросился на великана. Планировал вцепиться в затылок и оттуда добраться до глаза, но страж горы развернулся на удивление стремительно – голова и единственное плечо просто обернулись вокруг центральной оси его тела, – и встретил бакэнэко могучим ударом кулака. Тора увернулся, но теперь ему грозило очутиться на земле.

Оттолкнуться от воздуха и вспрыгнуть на высоту противника. Задача казалась не по силам, ибо скакать по гребням пространства умели лишь древние ёкаи. Но вдруг он почувствовал под лапами опору. Немедля воспользовался трамплином, завершил прыжок высоко над головой великана и замер, увидав четыре ярких языка синего пламени – по штуке под каждой лапой.

«Неужели Хирото? – мелькнула шальная мысль. – Нет. Это... Я сам!»

Он мимолетно вспомнил, что уже использовал этот прием, когда сражался здесь с толпой мелких аякаси. На размышления времени не было.

Увертываясь от необычно проворной древоподобной руки, Тора поставил себе цель полностью приковать внимание чудовища к своей персоне, дабы обезопасить братьев Накадзима, а потом добраться до единственного глаза гиганта. Но на пятом или шестом воздушном круге он почувствовал, что силы на исходе – огненные «сапожки» отнимали массу энергии. А кроме того его план остался непонятым обоими мадзоку. Ичиро силился свалить противника, атакуя его «подошву», а Рику бегом перемещался вдоль разрушенного задания, будто искал позицию для дистанционной атаки. В довершения картины полного отсутствия командной тактики Тора почуял запах паленого дерева, разгоравшегося самым натуральным огнем.

События следующих нескольких секунд состоялись практически одновременно.

Меч дао рассек пространство и породил мощную убийственную волну.

Невесь откуда взявшаяся стая черных псов с горящими красными глазами ринулась на стража горы.

Тело гиганта лопнуло от горба-плеча до середины торса.

Фантомные псы один за другим вонзились в гигантский конгломерат, будто арбалетные болты.

Страж взвыл так, что гора содрогнулась от основания до вершины.

Разверзлась земля.

И Тора применил свой собственный вариант звуковой атаки, вложив в него все оставшиеся силы...

Тора не помнил, как очутился перед крыльцом разрушенного рёкана. Но очнулся, стоя на всех четырех лапах. И сквозь гудение крови в ушах услышал слабый голос Ичиро:

– Выплюни меня. И не двигайся!

Тут Тора сообразил, что держит в зубах ремень и пояс кожаных брюк, мадзоку болтается в воздухе в позе угольника головой вниз, а указание не двигаться выдано ради обеспечения безопасности Рику, который лежал ничком между его передними и задними лапами.

Тора опустил голову и медленно разжал зубы. Ичиро плюхнулся в грязный снег на колени и локти. А Тора, пользуясь своей кошачьей гибкостью, провел огромным языком по виску и щеке Рику. Тот вздохнул и зашевелился.

– Ты очень вовремя, – выговорил Ичиро, кое-как принял сидячее положение и задрал голову, чтобы разглядеть морду огромного кота.

Тора перевел рассеянный взгляд туда, где состоялась битва с горным стражем.

Искривления пространства его уже не впечатляли, зато на глазах затягивавшаяся земляная воронка вызвала вспышку запоздалого страха.

– Ты меня прямо оттуда выдернул, – подсказал Ичиро и хлопнул Тору ладонью по дрогнувшей передней лапе. – Теперь я тебе дважды жизнью обязан.

– Прежде чем вступать в бой со следующим монстром, – вдруг заговорил Рику, – разработаем тактику заранее.

– По ходу дела разберемся, – вяло отмахнулся Ичиро. – Но ты, кошка, мне по пунктам распишешь всё, что умеешь. Потому что сейчас, – голос Ичиро набирал силу, – твои милые пёсики испортили мне всю заготовку. Я бы его запросто пополам порезал, если бы не твоя свора!

– Ичиро, – Рику приподнялся. – Это я вызвал адских гончих. Извини.

Тора посмотрел на одного мадзоку, заглянул себе под лапы, чтобы увидеть второго и аккуратно отступил.

– Поздравляю, – помедлив, нерешительно произнес Ичиро, не спуская глаз с брата.

– С чем? Это была чистейшая импровизация, – Рику поморщился и прижал пальцами лоб.

– Ты..? – Ичиро подался вперед.

– Голова кружится. Ничего. Сейчас пройдет.

Тора живо оглянулся, увидел остальных Накадзима, молча взиравших на сцену возле крыльца, заметил столб дыма над крышей рёкана в той части, где располагалась кухня, но решил в первую очередь привести в чувство непосредственных участников баталии. Компактно сел, лапой подтянул к себе Рику так, чтобы тот прислонился к его шерсти, а для надежности прикрыл длинным пушистым, как у барса, хвостом.

– Спасибо, Тора, – прошептал Рику и прикрыл глаза. – Сейчас. Минуту...

– Я в порядке, – предупредил его Ичиро.

– Не верю. Но придется согласиться, – откликнулся Рику.

– Тора-нии-сан!! – завопил Хирото и кинулся напрямик к крыльцу через мусорные и снежные завалы.

– Тора! Рику! Ичиро! – прокричали близнецы и побежали за Хирото.

Юдзо посмотрел на братьев, но пошел не за ними, а в направлении пространственных искажений, где земля и снег шевелились, будто поверхность закипавшей в котле воды.

«Не приближайтесь к воронке!» – предупредил Тора.

Фума и Като дружно шарахнулись в сторону, хотя их траектория движения была достаточно удалена от участка пространственных возмущений. Юдзо замер, как вкопанный.

– Тора! – Хирото вцепился в густую шерсть на кошачьем плече, увидел Рику и хлопнулся возле него на колени. – Рику-нии-сан?

– Всё в порядке, – тот отодвинулся от кошачьей лапы и с трудом выпрямился.

– Кто поджег кухню?! – громыхнул Ичиро.

Близнецы затормозили и испуганно переглянулись.

– Лисий огонь не поджигает! – маленький кицунэ отчаянно замотал головой.

«Наверное, очаг развалился, – предположил Тора. – Потушу».

И, собрав остатки сил, изготовился к прыжку ввысь.

– Стой! В очаге не было огня. Я его залил специально.

Ичиро вскинул руку на уровень плеча, но тут вспомнил про эффект взаимодействия пространств и близость уцелевшей части строения.

«Это просто огонь. Это не атака аякаси», – начал Тора, и тут почуял очередное магическое новшество, приближавшееся как раз со стороны пожара.

В этот момент Юдзо круто развернулся на что-то, что не было видно с позиции остальных, попятился, вскрикнул и бегом кинулся к братьям.

Тора прыгнул ему навстречу так, чтобы прикрыть побег и грудью встретить

неопределенную угрозу. Уже в полете он увидел столб горячей воды, хлеставший из некогда хилого источника фонтаном вверх на десяток метров. Он не удивился бы, если бы обнаружил толпу аякаси всех размеров и мастей, поднятую из недр горы этим фонтаном. Но вдруг серое небо разверзлось, и на разрушенный двор вместо толпы аякаси хлынул солнечный свет.

Тора завершил прыжок в грязном месиве горячего снега под дождем из брызг разлетавшейся воды. Шерсть стояла дыбом от холки до кончика хвоста. Все мышцы стянулись в боевой готовности. Какой мир открылся с падением барьера? Людской? Или иной?

Эпизод 8. Семейные сцены

Пояснения к эпизоду 8

Барьер рухнул. Что теперь? Издали доносятся человеческие голоса, и тянет духом псины. Но в воздухе витают обрывки магических узоров. Тора бросил быстрый взгляд на витки заклинаний. «Иллюзорная магия тануки, причем, сильная, – определил он. – И этот запах. Это не просто собаки. Это инугами – ёкаи из песьего рода, безгранично преданные тому, кого однажды признали хозяином. Ну, и где же этот хозяин? Кого еще сюда принесло?»

«Ирбис...»

Тора почувствовал на себе взгляд, но не определил, откуда и кто взирает на него сквозь пространство.

«Проклятье, – он напрягся. – Мало нам проблем было...»

«Снежный барс», – вдруг отчетливо раздалось рядом.

Тора оторопел, ибо этот «голос» мог принадлежать только одному ёкаю во всей вселенной – его маме.

«Как же ты возмужал, мой котик!»

Белая нэкомата запрыгнула на обваленный забор и следующим прыжком очутилась перед Торой. Два длинных хвоста, изогнутые в форму знаков вопроса, мерно покачивались над гибким кошачьим телом – нэкомата пребывала в прекрасном расположении духа.

«Мама!» – обрадовался Тора, осознав, наконец, что и белоснежная шерсть, и хвосты, и нежные мамины ушки совершенно материальны.

Она взглянула на него снизу вверх добрыми зелеными глазами, и Тора обнаружил, что мамина голова едва-едва достает до его пятнистого подбородка.

«Я горжусь тобой, сынок. Твои силы, твое мужество, твоя самоотверженность и доброта – это больше, чем я могла мечтать, когда растила тебя. Теперь я не беспокоюсь. Я знаю, ты всегда сможешь постоять и за себя, и за своих близких».

«Мам, я сражался не один».

«Именно. Ты не останешься один. Я весьма опрометчиво взвалила на тебя миссию защиты, прости меня. Я и не подозревала, что этот.., – в беззвучном голосе нэкаматы появились рычащие нотки, – что этот неисправимый авантюрист устроил испытание шестерым своим сыновьям. Я решила, что с тобой только два мадзоку».

«Ну... – Торе почему-то стало неловко. – Мы в целом неплохо провели время, мам».

«О, да. Вижу-вижу», – нэкомата внимательно посмотрела туда, где остались братья Накадзима.

Тора оглянулся. Снег на дворе исчез бесследно, ворота очутились на своем законном месте, и в этих воротах, слегка потупившись, стоял токийский бизнесмен в традиционной японской одежде. С большими лисьими ушами над золотисто-белой головой и шикарным пушистым хвостом цвета раскаленного солнца. Сыновья молча взирали на папу-ёкая, но ни

одного доброго взгляда Тора не приметил. Даже маленький Хирото, нервно подметая своим хвостиком сосновые иголки, осуждающе смотрел на отца.

«Пришел с повинной, – металлическим тоном пояснила нэкомата. – Идеалист-экспериментатор. Ничуть не изменился за все эти годы!»

«Ты его давно знаешь, мам?» – осторожно спросил Тора.

«Увы. Я пыталась втолковать ему основы простой житейской логики с тех пор, как он юнцом попал в мои когти. Он добрый, нежный. Умный и хитрый. Он умеет быть внимательным, обходительным, когда ему это выгодно. Умеет слушать и учиться, когда захочет. Но если его занесло, он поступает нелепо, рискованно, импульсивно. И утверждает при этом, что полагается на своё природное чутьё. Однако до сих пор ему баснословно везло. Даже сейчас, с этой опасной игрой. Он сделал ставку на тебя, не подозревая, кто ты есть на самом деле. И, как видишь, в конце концов выиграл. Его дети проснулись ёкаями, сплотились, чего он так страстно желал, и при этом никто из его близких не пострадал. За исключением призрака его давно почившего товарища».

«Юрэй был послан наблюдать за нами?» – спросил Тора.

«По оригинальному сценарию он должен был сыграть роль главного злодея: от него требовалось напугать постояльцев гостиницы так, чтобы они приняли ответные меры. Но меры оказались радикальными. Вторая попытка – с целью разведки – закончилась сразу и навсегда. Чего и следовало ожидать».

«Мне показалось, ты следила за юрэем, когда он явился сюда утром».

«Да. К тому моменту мы уже пришли к консенсусу и в планах исправления ошибок, и по твоему поводу».

«По моему поводу?» – Тора почувствовал, что назревает какое-то особое открытие.

Он осторожно посмотрел на семейство Накадзима. Звуков он не улавливал, поскольку находился сейчас в защитной ауре матери, а она умышленно пресекла всякое прослушивание для обеих сторон. Но увидел, что глава Дома сказал сыновьям что-то такое, от чего все шестеро как по команде оглянулись на бакэнэко и нэкомату.

«Да, Тора. По твоему поводу, – нэкомата прикрыла изумрудные очи. – Не уверена, что тебе это понравится, но сказать я обязана. Этот молодой, самодовольный, везучий, хитрый и амбициозный кицунэ и есть твой отец. Мы с ним расстались до твоего рождения. Это устроила я, и он до сегодняшней ночи не ведал о существовании своего первенца. А я не предполагала, что ему все-таки удалось создать крепкий клан в человеческом мире».

Тора переварил всё «услышанное» и задал единственный уточняющий вопрос:

«Первенца?»

«Ты первый его сын, Тора. Как видишь, пока мы с тобой жили жизнью обакэ, он времени не терял. Пойдем к нему. Он уже изнывает от нетерпения. Мы с ним договорились, что он сам объявит тебе своё предложение. Но, пожалуйста, Тора, не забывай: ты уже в том возрасте, когда родитель советует, а решаешь – ты».

«Я помню, мам».

Он сделал несколько кошачьих шагов в направлении семейства Накадзимы, обернулся в антропоморфную форму и дальше пошел на двух ногах. Нэкомата бесшумно ступала рядом. Тора краем глаза проследил за белым искрящимся шлейфом, который тянулся за двумя изящными хвостами, и заметил миниатюрный портал, скрытый в складках пространства – истинная форма матери питалась сейчас атмосферой родного мира, а это означало, что здесь нэкомата не задержится. Она поотстала, когда Тора поравнялся с сыновьями Накадзимы, и грациозно уселась точно напротив ёкая-лиса. Оба хвоста – индикаторы кошачьего настроения – как бы случайно расположились так, чтобы кицунэ хорошо их видел.

Накадзима улыбаясь шагнул навстречу.

– Тора! – произнес, как объявил, он. – Это по-истине чудо, что здесь, вот так внезапно

объединилась наша семья! – он повел рукой в сторону сыновей, но в область его взмаха попал и разрушенный рёкан.

Тора не повел и бровью.

– Сегодня, не побоюсь признаться, – продолжал сияющий кицунэ, – самый счастливый день в моей жизни. И всё благодаря тебе, Тора.

Он подался вперед, чуть помедлил и завершил движение коротким поклоном.

Тора краем глаза уловил ритмичное биение кончиков обоих материнских хвостов – нэкомата не одобряла помпезное выступление.

– Легендарный Ирбис, – с чувством закончил Накадзима-старший свою вступительную речь.

«Я рассказала ему о легенде как о причине нашего с тобой многолетнего инкогнито», – беззвучно пояснила нэкомата сыну, но так, чтобы контакт сознаний оставался строго между ними.

В то же время все молодые Накадзима напряженно задвигались, а Като громко зашептал:

– Отец! Вслух нельзя!

– Всё потустороннее осталось в ином пространстве, – безмятежно заявил кицунэ, и его хвост качнулся пару раз из стороны в сторону, однако в отличии кошачьих хвостов в исполнении ёкая рода псовых это движение означало удовольствие.

«Не беспокойся, Тора, – «заговорила» нэкомата, но на сей раз ее беззвучный голос был направлен и в сознание лиса. – Если ему придет в голову использовать поверье в рекламных целях, ты в любой момент можешь пресечь безобразие тяжелой лапой. Посмотри, у этого кицунэ до сих пор всего один хвост!»

«Дорогая, – донеслось в ответ. – Ты не справедлива! Кабы новые хвосты у нас, лисиц, отрастали по числу сотен побед над конкурентами в мире бизнеса, у меня давно были бы все девять».

Накадзима премило улыбнулся белой кошке и сделал невинные глаза. Тора понял, что сценка разыграна для него, дабы продемонстрировать полное доверие матери и отца друг к другу, но в данный момент его интересовало другое. Сейчас, когда глава Дома Накадзима пребывал в истинной своей форме, Тора отчетливо видел в белесой шерсти над его густыми бровями – лоб и верхняя часть переносицы ёкая-оборотня оставались лисьими – бледно-золотые крупные пятна в форме запятых. По паре над каждой бровью.

«Вот про какое наследие отца говорила мама, – подумал Тора. – Отец отмечен магическим знаком томоэ. Кажется, это лисья природная привилегия... Это что ж получается: во мне кровь и кошачьих, и псовых? – он невольно нахмурился и покосился на мать. – Мам?»

«Ты действительно уникален, Тора, – подтвердила нэкомата. – Ни разу доселе в истории нашего мира не случалось так, чтобы кошачья порода скрещивалась с представителями псовых».

– Тора, – опять заговорил Накадзима. – Мне очень жаль, что столько лет я не знал о тебе. И стыдно, что не признал при первой нашей с тобой встрече. Но теперь, когда завеса неведения и тайн исчезла, я считаю своим отцовским долгом наверстать упущенное. Я приглашаю тебя в Дом Накадзима, в наш небольшой, дружный клан. Прошу тебя, сын мудрейшей нэкоматы, окажи честь семье своего отца.

И глава Дома принялся расписывать перспективы светлого будущего.

Тора давно догадался, каким будет предложение столичного бизнесмена-оборотня, но сейчас, слушая витиеватые речи, уловил, что кроме искренних отцовских чувств за пространными обещаниями скрывается четкая логическая цепочка интересов главы Дома. Сильный ёкай, рожденный и воспитанный одной из старейших ёкаев мира обакэ, был нужен клану, как козырная карта для укрепления своих позиций в среде аякаси, живших в человеческом мире. Тора понятия не имел, что такого «козырного» способен сделать в

политических коллизиях ёкаев, но видел, что красноречивый кицунэ в нем не сомневается. Однако при этом глава клана ни полсловом не коснулся темы пробуждения ёкайской сущности своих сыновей, и Торе это очень не понравилось.

Он посмотрел на вдруг обретенных братьев.

Юдзо делал вид, что всё происходящее – дешевый спектакль, а он сам здесь – случайный прохожий, вынужденный слушать околесицу актера в лисьей шкуре. Однако то была маска, и Тора это прекрасно чувствовал. Молодой красавец пребывал в полной растерянности перед лицом разверзшейся перед ним правды. И в одиночестве, ибо друзей среди братьев у него не было.

Рику внимательно слушал словоизлияния отца, тщательно отслеживал границу правды и полуправды, и время от времени бросал быстрые взгляды на нэкомату, будто оценивал ее реакцию. Интерес был взаимным, и Тора чувствовал, что этот мадзоку произвел на его мать положительное впечатление. Кроме того он видел, что Рику беспокоится и за него – нового брата – не попался бы на крючок хитроумного папы, и за лицо клана в глазах потенциального члена семьи.

Что сдерживало Ичиро от высказывания вслух, Тора не понял. Но Ичиро мужественно молчал, лишь периодически скрипел своими клыками. Вспышки скрытой ярости приходились на те реплики, когда глава Дома уклонялся в тему успехов клана и необходимости развивать и укреплять эти успехи. «Ичиро уверен, что отец хочет меня использовать, – предположил Тора. – Что ж, доля истины в этом есть. Но в этом весь Накадзима, ибо иначе не стал бы он столь влиятельным бизнесменом».

Близнецы, оба одинаково отчаянно, смотрели исключительно на нового брата. Эмоции до того ярко отражались на лицах, что Торе показалось, будто он слышит мысли Като и Фумы: «Давай, соглашайся уже. В школу вместе будем ходить. Будет весело». Перспективы получения достойного образования действительно прельщали Тору, а отец семейства специально акцентировал внимание на этом вопросе, считая главным аргументом в пользу положительного решения. Но Тора подумал о школе в другом ключе: Като и Фума с их огромным потенциалом так и не пробудились в истинной форме, хотя следов магических печатей не было. А это означало, что пробуждение может состояться теперь в любой момент, в любой обстановке. И если в этой обстановке рядом не окажется никого, кто поможет им осознать себя, беды не миновать.

На Хирото Тора опасался смотреть открыто, дабы не спровоцировать ребенка на активные действия. Мальчика трясло от возбуждения и, казалось, еще немного, и он сорвется в истерику под прессингом ожидания развязки и под грузом пережитых стрессов. Неподалеку находился какой-то ёкай, судя по запаху из рода тануки, который напряженно следил за Хирото сквозь пространство. Волновался, переживал, но не смел вмешаться в семейную сцену.

И Тора поспешил поставить точку. Взглядом он дал понять главе клана, что к ответу готов. Тот быстро свернул свою речь, которая, впрочем, заняла не столь много времени, как казалось, и ожидающе взглянул на старшего сына. В глубине желтых лисьих глаз блестела надежда. И то невысказанное, что Накадзима-старший никогда бы не произнес вслух – ты нужен мне, а я позабочусь о тебе.

Тора оглянулся на мать. Нэкомата улыбнулась взглядом и приоткрыла контакт сознаний: «Ты начинаешь самостоятельную жизнь, Тора. А я возвращаюсь в свою. Но когда тебе понадобится мой совет, я обязательно приду на зов крови. Обещаю».

«Спасибо, мама. Рассчитывай на мои силы, если тебе потребуется моя помощь».

Она согласно склонила голову, затем грациозно встала и отступила назад. А Тора шагнул навстречу отцу. Его устный ответ получился слишком официальным, а потому неуклюжим, но Накадзима пропустил формальную часть мимо ушей, ибо ему важна была только суть.

Хирото завизжал от восторга, когда осознал, что Тора будет жить в семье. Близнецы тоже

издали радостный возглас и звучно хлопнули друг друга по рукам. Облегченно вздохнул Ичиро, но в сторону отца посмотрел так, будто хотел сказать: попробуй только втянуть его в неприятности! Рику улыбнулся Тора и кивнул. Юдзо нервно хмыкнул и отвернулся, но так, чтобы в поле бокового зрения оставались и Тора, и огромная белая кошка.

Нэкомата перехватила его взгляд и неопределенно повела бровью. Затем посмотрела на Рику и Ичиро и выразила им признательность легким кивком. На близнецов она глянула с хитрецей в выразительных зеленых глазах, однако Като и Фума этого не заметили, а Тора не получил от матери никаких комментариев. Маленькому лисёнку, повисшему на плечах Торы, она дружески тепло улыбнулась. Хирото мигом умолк и испуганно посмотрел в лицо старшего брата.

– Разве твоя мама не останется тут? – шепотом спросил он.

– Нет, – Тора мягко снял с себя мальчика и поставил на землю.

– Почему?

– Потому что она – чистокровная нэко. А кошки живут сами по себе.

Он повернулся лицом к матери и низко поклонился.

«Спасибо тебе, мама», – «произнес» он так, чтобы слышали все Накадзима.

Нэкомата приблизилась к сыну.

«Я всегда буду помнить о тебе, Тора. Я готовила тебе подарок к твоему человеческому совершеннолетию, но время пришло уже сейчас, – она прикоснулась кошачьими губами ко лбу сына, отступила и пояснила. – Теперь ты умеешь создавать ауру бакэнэко – ауру сокрытия. Это пригодится тебе в человеческой жизни. Позаботься о своих братьях и об этом великолепном однохвостом кицунэ».

«Спасибо», – повторил Тора, выпрямляясь.

Нэкомата многозначительно кивнула главе дома Накадзима издали, еще раз с гордостью в глазах оглядела сына, повернулась и в два кошачьих прыжка умчалась в лес. Мгновенное возмущение пространства возвестило о том, что последнее окно в мир обакэ закрылось.

Знакомство с членами клана Накадзима началось здесь же, перед разгромленным рёканом. Глава дома представил Торе Инукаи-сана как своего лучшего друга и незаменимого помощника. Теперь Тора легко распознал в подтянутом, с виду молодом человеке сильного инугами – ёкая-пса. Затем Хирото, нарушив всяческий этикет, за руку притянул прямо к Торе ёкая-тануки в антропоморфной истинной форме и объявил, что это Акияма-сан, его воспитатель и учитель.

Затем Тору пригласили в закрытый тент, оперативно установленный прямо во дворе, где ему предстояло выдержать процедуру переодевания. Два тануки работали как профессиональные камердинеры, и Тора решил, что единственный верный стиль поведения сейчас – изображать манекен. «Хорошо, что у кошек уши не краснеют», – попутно подумал он и тут обратил внимание, что кошачьи уши улавливают далекий приглушенный разговор, в котором речь идет о его персоне. Тора рефлекторно прислушался. Накадзима-старший энергично уверял собеседника, что все личные вещи Торы уже отправлены в поместье, вопрос «бесследного исчезновения» решен особым образом и проблем не будет, и что оформление документов «старшего сына» он, глава семьи, берет на себя. Тора догадался, что под «бесследным исчезновением» подразумевается исчезновение человеческого тела нэкоматы, но стало любопытно, перед кем же столь пространно отчитывается господин Накадзима. Его собеседник заговорил, и Тора узнал голос Рику.

– Все юридические вопросы, касающиеся Торы, решать буду я.

Это было сказано таким тоном, что Накадзима-старший на несколько секунд замолчал.

– Рику, неужели, – вкрадчиво начал он, наконец, – я потерял в твоих глазах всякое доверие?

– Абсолютно, – отрезал тот.

Тора расслышал бумажный шорох и догадался, что Рику показал отцу копию контракта – судя по звуку, не разворачивая, и, вероятно, не доставая из кармана полностью.

Кицунэ притворно тяжело вздохнул.

– Не ожидал, что ты заинтересуешься формальностями, – признался он.

– Это была твоя ошибка, отец, – невозмутимо ответил Рику. – Напомню наш с тобой уговор: все юридические вопросы членов семьи курирую я – юрисконсульт Дома Накадзима. А для Торы, – добавил он менее официальным тоном, – я всегда буду еще и личным адвокатом.

Тора старался держаться нейтрально вежливо и перед представителями многочисленной охраны, состоявшей из инугами, и перед тануки – подчиненными Акиямы-сана. Но с ним обращались как с высокородным господином все, даже Инукай-сан, и это вызывало неопишуемые разноречивые чувства. Выручил Ичиро: позвал за собой под предлогом посмотреть на побоище без барьера, и Тора, наконец, увильнул из-под пристального внимания отца и его подчиненных.

– Когда тебя это всё достанет, переедешь жить ко мне, – заявил Ичиро тоном, не терпящим возражений.

– Ичиро-сан, вы..?

Закончить Тора не успел, равно как на сей раз не успел увернуться от захвата кошачьего уха в мощные когти мадзоку.

– Всё ясно? – поинтересовался Ичиро сверху вниз.

Тора согласно кивнул. Ухо тут же было отпущено.

– Как мне это убрать, знаешь? – Ичиро показал Торе свои впечатляющие когти.

– Напильником, – Тора отомстил за ухо.

Ичиро хохотнул.

– А серьезно? – спросил он, оборвав смех.

– И серьезно – напильником, – вздохнул Тора. – Это естественная форма. У мадзоку наверняка есть какие-то приемы или заклинания обращения, но я их не знаю. Могу прикрыть по-своему, но только если буду рядом.

– Ясно, – Ичиро вздохнул. – Придется и дальше косить под гота.

– Это которые в черном с цепями и в побрякушках?

– Типа того.

– Давно приходится косить?

– С год где-то. В Мексике отделал большую упоротую компанию. Не знаю, скольких порубил. На автопилоте вернулся в гостиницу, позвонил Рику. Он на утро уже прилетел за мной. Как меня отмазывал, без понятия. Я очухался окончательно только в самолете – у него на руках, по пути домой. С тех пор на кругосветных путешествиях стоит крест... Ого! Вот это пруд!

В некогда маленькой уютной купальне бурлила вода, а из-за обломков забора доносилось шипение широкого потока грязи. Очевидно, явление стража горы не осталось без последствий после возвращения пространства в человеческий мир.

– Как думаешь, обещанная Юдзо лавина теперь не состоится? – не без тревоги в голосе поинтересовался Ичиро.

Тора прислушался к шуму леса.

– Уже состоялась. Причина тут, – он кивнул на маленькие гейзеры, пробившиеся из-под грунта. – А результаты – на шоссе.

– Неужели отец пойдет пешком в поселок? – неподражаемо злорадным тоном произнес Ичиро.

Идти пешком до поселка не пришлось никому, поскольку эта часть шоссе осталась невредимой. Когда вызволенные с «необитаемого острова» участники шоу спустились до дороги вслед за бодрым и жизнерадостным организатором и его верным секретарем, на трассе уже кипели дорожные работы. Однако за поворотом горной дороги не было видно, какими силами расчищают завалы – человеческими или ёкайскими. Одно Тора определил точно: непосредственно в группе сопровождения ни одного человека не было. Все, кто поднимался к рёкану, кто обслуживал автомашины и охранял хозяев, происходили из мира обакэ. Тора насчитал два десятка субъектов включая охрану и подумал, что в Доме Накадзима служащих-людей нет вообще.

Накадзима-старший изволил преобразиться в человеческий облик уже возле микроавтобусов, припаркованных на обочине шоссе. Тора, которого он держал рядом с собой, немедленно последовал примеру. Инукай-сан истинную форму не раскрывал вообще и обращаться ему не требовалось. В то время как половина инугами, доселе бегавшие на четырех лапах в облике собак, и все ёкай-тануки дружно превратились в людей. Хирото раскапризничался, не желая расставаться с ушами и хвостом, и его принялся уговаривать Акияма-сан. Но юный кичунэ ловко отбил деликатную магию тануки и заявил, что с сегодняшнего дня сам будет управлять своей формой. Отец вмешался мягко, но властно, однако к его нескрываемому удивлению спор закончился на плечах у Торы: Хирото кинулся к нему в поисках защиты, но увидав, что Тора уже обернулся человеком, безропотно согласился с необходимостью метаморфозы.

Другую, более серьезную стычку, Торе пришлось наблюдать буквально через пару минут. На требование отца всем отправляться в семейное поместье, причем в одном микроавтобусе, Юдзо устроил настоящий скандал. Едкий комментарий Ичиро с упоминанием младшей школы пришелся совсем не к месту, Юдзо разошелся не на шутку, и, казалось, вразумить его может теперь только силовой или колдовской прием. Ни того, ни другого не последовало, и Юдзо, посчитав себя победителем, зашагал в сторону поселка. Тут Тора все-таки решился вмешаться.

– Юдзо-сан, пожалуйста, выслушайте, – тихо позвал он в момент, когда разъяренный молодой господин поравнялся с ним возле микроавтобуса.

Тот резко остановился, хотя Тора на добрую волю совсем не рассчитывал и окликнул лишь для того, чтобы установить контакт сознаний.

– Юдзо-сан, – быстро продолжил Тора вслух. – Над всеми нами остался след ауры обакэ. В замкнутом локальном пространстве это легко скрыть, чтобы посторонние ёкаи не распознали сущность. Но если вы будете один, кто-нибудь может почуять, что вы не человек.

– Послушай, умник, – Юдзо наклонился, уперся рукой в борт микроавтобуса и так очутился с Торой нос в нос. – В отличии от вас всех я нормальный, взрослый человек. Без дурацкий фантазий, без хвостов и ушей, без кинжалов вместо руки и прочей киношной ахинеи.

– Лавина сошла с горы, – спокойно сообщил Тора.

Юдзо отпрянул.

– Вон там, за поворотом, – Тора кивнул в сторону, откуда доносили звуки дорожных работ.

– Рабочие расчищают завал на шоссе.

Юдзо ничего не ответил и направился к дверям микроавтобуса, в салоне которого уже сидели близнецы и Хирото.

Первые четверть часа поездки проходили в напряженной тишине. Хирото уснул почти сразу, но остальные бодрствовали, и Тора, сидевший в кресле рядом со спящим мальчиком, чувствовал себя в центре молчаливого внимания. Взгляды в затылок с заднего сидения, где в

гордом одиночестве расположился Юдзо, его не раздражали. Зато бело-золотистый локон на виске главы Дома, который Тора постоянно наблюдал со своего места, казалось, скрывал третий глаз. И в этом скрытом третьем глазе сейчас прямо-таки светилось восхищение и бурлило любопытство. Тора не сомневался, что Накадзима-старший слышал его разговор с Юдзо на шоссе, но не понимал, что из его слов могло вызвать столь яркие эмоции. «Наверное, просто радуется счастливому финалу мероприятия», – решил, наконец, Тора и тихонько вздохнул, подумав о том, сколько еще непонятностей, новизны и неловкостей ему предстоит испытать на своей шкуре.

На двойном сидении впереди оживились Като и Фума. Поочередные обороты назад, на Тору, и неразборчивые отрывочные реплики быстро переросли в бурный спор шепотом. Тора уловил, что обсуждаются его волосы. На активность близнецов никто особого внимания не обращал – ни старшие братья, ни отец, ни Инукай-сан. Но вдруг Като – он сидел с краю – выскочил в проход и встал рядом с Торой. Фума в это же время ловко передислоцировался в освободившееся кресло и, встав на колени, свесился к Торе через спинку сидения.

– Вчера у тебя черные волосы были, да? – торопливо спросил Като.

– Да. Но это была краска, – ответил Тора и заметил, как в салоне нагнетается изумление.

Но причиной тому стал не его ответ, а поведение близнецов.

Они переглянулись, и короткая пантомима однозначно указала на победителя спора. Тора извинительно развел руками перед Фумой. Однако проигрыш остался без внимания, зато на выразительном лице прямо-таки расцвел букет новых вопросов.

– Зачем красился? Так прикольное!

– Так клёво смотрится, – подхватил Като. – Не замазывайся больше, ладно?

– Теперь бесполезно краситься, – Тора улыбнулся.

– Почему?

– Первая же метаморфоза, и всё вернется на место. В человеческом облике должен оставаться какой-то признак, единый для всех форм. Иначе поддержание облика будет отнимать очень много внимания и сил, – Тора покосился в сторону главы Дома, но из «коробочки», образованной близнецами, чрезмерно внимательного виска не увидел.

– Думаешь, тебе опять придется когти выпускать? – быстро спросил Като, и близнецы снова переглянулись, теперь с нескрываемым азартом в глазах.

– Мне еще многому предстоит учиться, – как мог тихо ответил Тора, хотя понимал, что Накадзима-старший его слышит.

Като наклонился еще ниже, будто намеревался что-то сказать на ухо Торе, но в этой позиции его поясница оказалась в опасной близости от Ичиро, сидевшего в одинарном кресле у противоположного борта машины. И Ичиро не удержался от соблазна отметить образовавшуюся близость звонким шлепком.

– Эй! – воскликнули близнецы в один голос настолько дружно и естественно, будто шлепок получили оба. При этом Като отшатнулся к близнецу, а Фума рефлекторно подался в его сторону.

Ичиро с наинаглейшей миной на физиономии, развернулся боком и выставил длинные ноги в проход. Теперь, чтобы вернуться на прежнюю позицию, Като пришлось бы эти ноги перешагнуть.

– Ичиро! Не с тобой разговариваем! – возмутился Фума.

Като в поисках поддержки обернулся на Рику, но наткнулся взглядом на отца, который с нескрываемым изумлением наблюдал сценку в салоне.

Тора видел, что Накадзима-старший ни взглядом, ни движением, ни как-либо иначе не выразил недовольства. Более того, непринужденность в поведении сыновей его порадовала. Но Като и Фума мигом прекратили прения и живо вернулись на свои места. Ичиро с досадой усмехнулся, и по его губам Тора прочел: «дрессура высший класс».

Тора нахмурился. Ичиро не заметил выражение лица отца со своей позиции и, следовательно, его обвинение сейчас было неуместным. Если «дрессура» и практиковалась раньше, теперь глава Дома силился исправить последствия всем возможными и невероятными способами. Но с детства заданный алгоритм поведения опустился до уровня рефлексов. Старшие сыновья, вырвавшись из-под суровой опеки, сломали его каждый по-своему. Но вместе с алгоритмом надорвалась связь с родительским кланом по крайней мере у двоих. Теперь Накадзима боялся потерять троих младших.

«...всего за один день ты внес кардинальные изменения в мироощущения каждого, кто провел это день в рёкане...» – вспомнил Тора слова Рику, сказанные до начала активных сверхъестественных действий.

«Здесь я чужак, субъект со стороны, – подумал Тора. – Меня пригласили в клан, я согласился. Я обязан следовать правилам клана, но не обязан менять свою сущность. Я – это я. Но я сын главы клана и единокровный брат его сыновей. И Накадзима уже сказал много для того, чтобы обвесить меня ярлыками авторитета. Изменить мироощущение... Кажется, я начинаю понимать, что Рику имел в виду. Хирото интуитивно потянулся ко мне, как к источнику новизны. Като и Фума видят во мне сэмпая – старшего товарища по учебе. Ичиро изображает из себя законченного аутсайдера. Но когда я дал ответ главе Дома, он вздохнул облегченно. Притянуть меня к себе он мог и без этого согласия. Но ему нужен причал, он не хочет разрывать связь с кланом, а на Рику, как на якорь, не рассчитывает. Видимо, Рику тоже достаточно удалился от отца, и с Домом его связывают только деловые отношения. Но Рику объявил себя моим адвокатом. Под этим предлогом он будет присматривать за мной... Он и сейчас как будто вслушивается в моё настроение. Или даже силится прочесть мысли. В принципе, он может развить в себе способности телепатии. Кажется, у мадзоку это часто практикуется... Вот только, нии-сан, я не тот полигон, на котором тебе нужно тренироваться».

Торе показалось, что последний флюид его мысли Рику уловил, а ключом послужил спонтанный выплеск чувств и форма их выражения: «нии-сан» – «брат».

Рику приподнялся на своем сидении, но не обернулся, а лишь изменил посадку – опустил затылок на подголовник и расслабился. Ичиро – он сидел позади – подался вперед, но передумал демонстрировать внимание к самочувствию брата. Покосился на Тору, встретил его спокойный взгляд, усмехнулся и отвернулся к окну.

А Тора почувствовал за спиной очередную вспышку непонятных ему эмоций Юдзо.

«Что это? Зависть? Неприязнь? Отвращение? – Тора наострил все свои органы чувств, но предварительно прикрыл себя вуалью безмятежности. – Нет. Всё не то. Ни агрессии, ни даже воображаемой угрозы от него не исходит. Он как будто чувствует себя обделенным. Странно. На отца он насакивал так, что любой уважающий себя вожак стаи давно бы прижал его за холку. Накадзима себя уважает, но он ничего не предпринял. Либо Юдзо обладает чем-то уникальным, что необходимо клану, и за это ему всё прощается. Либо его давно признали настолько слабым, что отец считает ниже своего достоинства реагировать на пустозвон... Опять не то. Я очень много пока не знаю, – Тора слегка потрянул головой, будто разгонял завернувшие в тупик мысли. – Клан ёкаев-хэнгэ – это не стая. Здесь всё гораздо сложнее. Мы живем в людском мире. Мы обязаны быть людьми, оставаясь ёкаями. Каждый в отдельности и все вместе. А глава клана обязан учитывать и каждого, и всех, – Тора, не таясь, взглянул на отца. – Это же огромный труд – удерживать такую могучую разноликую машину в равновесии. Ему необходима помощь. И он сделал ставку на сыновей».

Эпизод 9. Исповедь отца семейства

– Тора-сама... Тора-сама, ваш завтрак. Вы позволите?

Тора подскочил, как ужаленный. Спросонья обернулся в человеческий облик, метнулся к двери спальни, заметил в зеркале кошачьи уши на своей голове, суматошно повторил оборот, но теперь получил в качестве ёкайского приложения длинный хвост. В довершение всех бед хвост оказался непросохшим с тех пор, как он вчера вечером опрометчиво влез в душ в истинной форме.

– Одну минуту, Акияма-сан! – крикнул Тора ожидавшему за дверью и принялся торопливо обматывать пояс поверх юката.

Уже в гостиной он сообразил, что, во-первых, за окном давно светит яркое солнце, во-вторых, оборачиваться человеком перед дворецким-тануки нет никакого смысла, а в-третьих, что юката, в которой он спал, тоже насквозь промокла за ночь, впитав с шерсти ту воду, с которой не справилось банное полотенце. Тора оглянулся на спальню. Кровать – огромная, идеально чистая – осталась нетронутой, ибо он постеснялся использовать столь великолепное ложе. Зато мягкое половое покрытие у стены там, где он провел первую свою ночь в отцовском доме, было отмечено отчетливым мокрым пятном.

– Доброе утро, Акияма-сан. Простите, что заставил вас ждать, – с этими словами Тора открыл внешнюю дверь своих апартаментов.

И наткнулся на растерянный взгляд дворецкого.

– Тора-сама, доброе утро, – Акияма-сан поспешно поклонился и сделал знак стоявшим позади горничным внести в гостиную столики с едой.

Две тануки – обе в человеческом обличье и традиционных японских одеждах – молча, без лишних движений и взглядов, выполнили свои функции и тут же удалились.

Тора про себя отметил, что позавчера, в рёкане, он неправильно выполнял аналогичную процедуру.

– Тора-сама, прошу меня простить, – заговорил Акияма-сан вполголоса. – Вы не должны извиняться перед прислугой, Тора-сама. Если вы не желаете, чтобы нарушали ваш покой, вы можете сказать об этом безо всяких извинений и назначить удобное вам время.

– Извините, – пробормотал Тора и прикусил язык.

Акияма-сан мимолетно улыбнулся. Тора вздохнул, глянул в опустевший коридор и решил высказаться.

– Акияма-сан. Я понимаю, что здесь всё не так, как в той жизни, где я жил еще два дня назад. У меня нет ни знаний, ни опыта, чтобы правильно вести себя в стенах этого дома. Я прошу простить меня за неудобство, которое причиняю вам и всему обслуживающему персоналу, когда ставлю вас в неловкое положение. Я был бы очень признателен вам, Акияма-сан, если бы вы обучили меня условностям и правилам, принятым в этом доме.

– Тора-сама.., – выговорил потрясенный дворецкий.

– Прошу вас, – добавил Тора и поклонился, как подобает ученику.

Из первого урока, проведенного тут же, за завтраком, Тора уяснил для себя много полезного, но и лишний раз убедился, что подстроиться под правила дома Накадзима ему будет нелегко. Вчера, когда отец с гордостью показывал старшему сыну свои владения, Тора подумал, что вполне современный на вид огромный особняк не имеет ничего общего с поместьями японских феодалов, о которых он читал в книгах, и лишь в небольшом флигеле, построенном исключительно для национальных церемоний, поддерживается традиционный стиль обслуживания. Теперь он понимал, что современный вид – одно, а содержание –

совершенно другое. И штат прислуги, исчислявшийся сотней субъектов, привык работать именно в этом «другом» содержании. Акияму Тора нечаянно разговорил и довел до уровня если не «неформального», то «нормального» общения. Но Акияма-сан стоял на верхушке служебной лестницы, имел богатый опыт общения с людьми и не менее трех сотен ёкайских лет за плечами, поэтому небольшое отклонение от правил он воспринял без эксцессов. А по его словам на службе в доме Накадзима состояли и люди, многие из которых работали здесь два десятка лет, и молодые ёкаи, не знавшие иных правил, кроме заданных, и выдавшие виды аякаси, пришедшие в людской мир с собственным «традиционным» представлением о порядке вещей.

Практическую часть урока Тора чуть было не завалил, поскольку невольно принялся оправдываться перед горничной, которую вызвал под руководством Акиямы с целью наведения порядка в душевой апартаментов. Однако ошибка неожиданно оказалась полезной: Акияма обмолвился, что по специальному распоряжению главы Дома весь без исключения обслуживающий персонал «левого крыла» отныне должен учитывать истинный облик членов семьи.

После этой ремарки Тора понял, почему разом скисли Като и Фума и запрыгал от радости Хирото, когда отец заявил, что Тора будет жить в пресловутом «левом крыле». Это самое «крыло» предназначалось только для аякаси. Здесь, на первом этаже, находились комнаты Хирото, которого с младенчества няни-тануки обращали в истинную форму на время сна, дабы поддерживать баланс двух его ипостасей. Здесь же располагались личные апартаменты главы семьи. Однако близнецы повесили носы напрасно. Видимо, отец еще не сказал им, что намерен в ближайшем будущем разместить в «левом крыле» всех своих сыновей независимо от стадии их пробуждения. Объявление состоялось вчера поздно вечером на чайной церемонии, в которой младшие – Като, Фума и Хирото – не участвовали. Ичиро всем своим видом демонстрировал полное безразличие, уверенный, что под отцовскую крышу никогда уже не вернется. Рику как всегда сохранял абсолютную невозмутимость, а Юдзо громко заявил, что он – нормальный человек и что он не намерен впредь появляться «в этом сумасшедшем доме». Однако именно он, на выходе из флигеля, брезгливо морщился и тщательно обходил мелких аякаси, снующих под ногами. Накадзима-старший посмеялся ему в спину и сообщил, что эти создания жили здесь всегда и никогда не прятались, ибо никто из людей не способен их увидеть.

Для просушки белой пятнистой шкуры был вызван личный цирюльник главы Дома с феном и расческой. Увидав объем работ, трехрукий и трехглазый аякаси ужаснулся и зашептал начальнику: «Здесь же в десять раз больше шерсти, чем у хозяина вместе с его хвостом!» Торе было очень неудобно нагружать старенького цирюльника лишней работой, но Акияма-сан жестко распорядился приступить немедленно и выполнять все пожелания молодого господина так, как если бы эти пожелания высказывал сам хозяин поместья. После чего Акияма откланялся, сославшись на дела, и ушел.

Телефонный звонок застал Тору в процессе расчесывания холки. Потребовалось несколько секунд, чтобы распознать сигнал нового мобильного, убранный в ящик письменного стола в комнате, отведенной под кабинет. Извинившись перед цирюльником за вынужденную паузу, Тора побежал к столу, ловко обогнул коробки – вещи с прежней квартиры, доставленные вчера – и извлек телефон. Одного беглого взгляда на дисплей было достаточно, чтобы опять почувствовать себя виноватым. Семь пропущенных звонков – три с аппарата Рику, два с аппарата Ичиро и по штуке от Като и Фумы. В данный момент на дисплее в такт дребезжанию зуммера мигала строчка «Ичиро».

– Да. Ичиро... – начал Тора, к счастью, не успев добавить «-сан».

– Где тебя носит? – громынуло в ухо. – Почему мобильник не брал? Тебе Рику ясно вчера сказал – носить аппарат с собой!

Тора уловил в динамике отзвук второго голоса, безусловно, принадлежавшего Рику, а также жужжание микроволновки и шипение чайника. Очевидно, Рику и Ичиро находились у одного из них на квартире.

– А... но... Извини, – Тора заторопился. – Кажется, я проспал.

– Второй час дня! – негодуяще воскликнул Ичиро, но добавил с нескрываемой тревогой в голосе. – Ты как? У тебя всё нормально?

– Да. Спасибо. Всё в порядке.

Отвечая, Тора слышал в динамике шорохи и звук дыхания двух человек.

– Тора, это Рику, – раздалось из мобильного. – Что случилось?

– Ничего, – Тора невольно оглянулся на открытую дверь; цирюльник в гостинной невозмутимо дожидался клиента, но очень внимательно слушал разговор.

– Тора, а если честно? – продолжал Рику с некоторым нажимом в голосе.

– Да нет, всё нормально, – поспешил повторить Тора. – Просто непривычно пока. Меня тут феном сушат. Вчера в душ влез, не подумав, что встряхнуться негде.

Рику, видимо, держал аппарат так, чтобы Ичиро слышал разговор, поэтому гомерический хохот на том конце Тора услышал прекрасно.

– Понятно, – в голосе Рику прозвучали веселые ноты. – Мы опасались, что отец тебя чем-то нагрузил. Тора, по поводу твоих новых документов. Мне нужно получить ответ от тебя.

– Да, Рику-нии-...сан?

Тора чуть было не ляпнул «нии-сама», за что вчера на чайной церемонии услышал от Рику то же в свой адрес и развеселил главу семейства до икоты.

– Согласен ли ты носить фамилию отца – Накадзима?

– Да, согласен, – не раздумывая, ответил Тора.

– Хорошо. Заверяю документы. С сегодняшнего дня ты Накадзима Тора. Брат.

Трехглазый аякаси оказался из той немногочисленной когорты прислуги, кто позволял себе комментарии в адрес хозяев, пользуясь своим преклонным ёкайским возрастом и многолетним стажем работы в доме.

– Встряхнуться негде, – ворчал он, продолжая тремя руками ловко расчесывать пятнистую шерсть. – Единственный бакэнэко в доме и никаких кошачьих условий. Безобразие. Своя псина, чай, по носам не бьет. А коту ж каждый день умыться да причесываться. Закажу большой фен для вас, молодой господин.

– Спасибо. Простите, что вас нагрузил.

Старик-аякаси удовлетворенно крикнул.

– Не волнуйтесь, молодой господин. Я хоть и старый, и рук осталось только три, но со шкуркой вашей пока справлюсь. Но незнакомых к шкурке не подпускайте. От греха подальше. Я вот сейчас так сделаю... – одна из трех рук живо собрала в кулак все случайно слинявшие волоски. – Ууф! И нету.

Тора успел углядеть узор заклинания уничтожения, мелькнувший над рукой аякаси.

– Теперь порядок, – старичок улыбнулся. – Тут-то все проверенные, а ветру не прикажешь. Ветер в людском мире всюду шастает.

Двери и окна в особняке открывались на манер сёдзи, но были выполнены из современных синтетических материалов. Кабы ни обостренный слух, Тора не уловил бы ни звука ни с улицы, ни из коридора. Но «ушки на макушке» присутствовали и буквально, и фигурально. И хотя вчера глава Дома специально попросил Тору не скрывать свой ёкайский дух, кошачий инстинкт в конце концов взял верх над сознательной установкой.

Тора слышал, что к дверям его апартаментов дважды подходил Инукаи-сан. Однако оба раза, постояв перед входом, он удалялся. После второго безрезультатного визита Тора заподозрил очередной свой ляп. «Наверное, я должен сам его позвать», – решил он.

Закончив со второй и последней коробкой, Тора посмотрел на результат и вздохнул. Из всего того немного, что доставили в особняк из опустевшей квартирki, он отложил самодельную «валентинку», подаренную ему одноклассницей в младшей школе, и яркую детскую книжку. Эту книжку он получил в знак благодарности от родителей иностранной девочки. Дело было в первый год жизни в человеческом мире. Тора улыбнулся, вспомнив, как старательно прикидывался ребенком перед рыдающей малышкой, как силился определить, кто она, откуда и почему одна-одинешенька среди ярких аттракционов в парке развлечений. И сколько неподдельной радости доставило обоим вдруг открывшееся взаимное понимание. Он вел девочку за руку, слушал человеческую речь на языке своих лучших друзей-обаэ и ощущал единство с людским миром...

Ностальгические воспоминания улетучились, как только взгляд упал на квитанции и счета, погашенные, очевидно, по указанию главы семьи. Тора усмехнулся: насколько мизерными были с точки зрения токийского миллиардера те суммы, которые он совсем недавно считал огромными. Закрытый договор аренды квартиры он повертел в руках, но тоже решил уничтожить, дабы не осталось никаких материальных свидетельств, которые позволили бы отождествить личность Ватанабэ Торы с его нынешней личиной. Все его персональные документы, включая сертификат бармена, Рикю вчера забрал с собой и сообщил, что эти бумаги будут храниться в сейфе у него в конторе. Никаких следов вещей и документов матери не осталось и в помине. Это обеспечила сама нэкомата, когда уничтожила своё человеческое тело.

Тора вынес из кабинета обе коробки, поставил в тамбуре и задумался: каким образом теперь утилизировать содержимое и тару? Мелькнула идея опробовать «срисованный» магический узор аякаси-цирюльника, но от этой мысли Тора сразу отказался, ибо практиковаться в магии в стенах особняка показалось просто опасно.

В это время к дверям опять приблизился личный секретарь главы Дома.

– Инукай-сан? – позвал Тора.

– Тора-сама, вы здесь?

И тут Тора сообразил, что его кошачья скрытность обманула ни кого-нибудь, а инугами, считавшегося здесь одним из самых сильных ёкаев.

– Инукай-сан, пожалуйста, заходите. Простите, я, кажется, нечаянно закрылся...

Инугами в своем человеческом облике быстро зашел в гостиную.

– Великолепная маскировка, Тора-сама, – сияясь скрыть следы взволнованности на лице, произнес он. – Я обыскал весь дом и распорядился капитану охраны осмотреть окрестности.

– Простите, – Тора потупился.

– Что вы, что вы, Тора-сама! Это прекрасный урок для меня и моих подчиненных. Я искал вас, чтобы сообщить, что Накадзима-сама уже вернулся и ждет вас в своем кабинете через... – Инукай-сан посмотрел на часы. – Через десять минут.

– Упс... – Тора перевел взгляд на домашнюю юката, подвязанную на поясе абы-как, и оглянулся на коробки.

– Я приглашу прислугу, чтобы вам помогли переодеться, – сообщил Инукай-сан.

Кошачьи уши не краснели, но, прижатые к вискам, красноречиво указывали на состояние владельца.

Апартаменты главы семьи по размеру и планировке несущественно отличались от комнат, отведенных Торе, но Тора, едва шагнув в гостиную, невольно зажался. Он не знал пока, как жили в доме другие сыновья Накадзимы, но после того как выполнил просьбу отца не скрывать свой дух даже в человеческом обличье, почувствовал к себе некое особое отношение всех здешних аякаси. С точки зрения обаэ это было понятно: в мире, где основным критерием в иерархии была сила, слабые искали сильного господина и преданно

служили ему, дабы получить защиту. Удивляло лишь то, что негласные законы мира обакэ так прочно укрепились на этом маленьком островке обакэ среди людского мира. Теперь дополнительно возникла свежая мысль: уж не вздумал ли глава клана представить старшего сына своим единственным наследником ёкайской территории?

Тора отодвинул эту мысль подальше как по меньшей мере неактуальную и подумал, что сейчас речь пойдет о его персоне в контексте самочувствия и быта. Так и оказалось: Накадзима пригласил сына в свой личный домашний кабинет, с юмором сообщил, что «ворчун-Тоога» отругал его за неуважение к кошачьему роду, и так же в шуточном стиле пообещал «представителю кошачьего рода» немедленно исправиться. Но при этом без нажима и акцентов напомнил, что ради развития и совершенствования «кошачьих способностей» Торе следует как можно чаще облачаться в истинную форму и практиковать магию бакэнэко. Тора хотел, было, осторожно спросить, где именно ему дозволено заниматься тренировками, но неясное дуновение, просквозившее промеж слов главы семейства, развернуло и мысли, и язык в другую сторону.

– Накадзима-сама, клану что-то угрожает? – неожиданно для себя выдал он вслух.

Кицунэ на мгновение застыл, приоткрыв рот. Человеческая мимика, впрочем, тут же вернулась в норму, но поднятые торчком лисьи уши развернулись параллельно вискам, и едва заметно напрягся шикарный бледно-золотистый хвост.

– Нет, ничего, – будто бы задумчиво выговорил Накадзима.

Тора уставился в пестрый ворсистый ковер. Ответ был правдивым, но неполным.

– Пожалуйста, простите меня за бестактное любопытство, – сосредоточившись, высказался он по всем правилам речевого этикета.

– Тора! – глава семейства ласково улыбнулся, живо поднялся из кресла и прошел к дивану, на котором сидел собеседник. – Давай как-нибудь постараемся снизить уровень официальности. Здесь мы дома.

Он развернул гостевой стул и уселся перед Торой боком к столу.

– Мне понятны твои чувства, – продолжал он мягким доверительным тоном. – Ты впервые в такой непривычной обстановке. Я даже не смею просить тебя сей же час принять меня как своего отца. Я понимаю, почему твоя мудрая мать скрыла от меня факт твоего рождения. И выговор, который она устроила мне за рёкан и барьер, был совершенно справедливым. Признаюсь, я порадовался, что она была в призрачной форме, когда узнала про количество участников. Иначе я лишился бы единственного моего хвоста, а, может быть, и головы. Но, знаешь, что она сказала мне на прощание?

Тора осторожно поднял взгляд.

– Она сказала, – Накадзима с удовольствием отметил этот взгляд легким кивком, – «я надеюсь, что вы подружитесь»... Да-да, это буквальные слова. Ведь я для нее так и остался упрямым, нерадивым учеником. Несмотря на годы и всё это.

Он небрежным жестом показал на кабинет, задержал взгляд на дальнем углу потолка и с грустной улыбкой продолжал.

– Мы встретились, когда я только-только сбросил юношескую шерсть. Я был настолько молод и глуп, что напал на нее, пока она отдыхала. Сейчас самому смешно. Но тогда... тогда я был в отчаянии, в растерянности. В ярости за свое бессилие. Мне казалось, что мои золотые томоэ и эта золотистая шкурка, которыми так восхищались в семье, гарант моей непобедимости. Я был единственным из всех, кто родился в антропоморфной форме. Для семейства яко – обычных лисиц обакэ – это небывалая редкость. А мое перевоплощение после первой взрослой линьки стало сродни божественной благодати. Как отцы семейства радовались тогда!..

Тора незаметно для себя расслабился и теперь с затаенным интересом следил за ностальгической улыбкой на тонких губах лиса-оборотня.

– Я не оговорился, – Накадзима посмотрел на слушателя. – Отцы семейства. Их было двое. Два яко-кицунэ – два брата. Всё их отличие состояло в том, что у одного белая кисточка на хвосте выглядела чуть длиннее, чем у другого. Их путали собственные щенки. Помню, как перетявкался с братцем едва ли ни до драки: чей папа принес в логово самую большую рыбину. Оказалось, папа у нас с ним один и тот же, а рыбину выловила старшая сестра.

Тора беззвучно посмеялся в ответ на такой же смех рассказчика.

– Знаешь, я, кажется, впервые рассказываю это, – прищурившись, как истинный лис, проговорил Накадзима. – И даже вспоминаю впервые за долгие годы.

Повеяло тоской, и улыбка сползла с лица Торы.

– Всё это в прошлом, – продолжал кицунэ. – Всё закончилось в одну злосчастную ночь, когда на наше мирное логово налетела стая аякаси с соседней горы. Они не просто вышибли нас с нашей территории. Они уничтожили всех. Кроме меня. Но я остался в живых всего лишь по счастливой случайности. Я решил во что бы то ни стало поглотить могучего аякаси и возросшими силами отомстить за мою семью. И не нашел ничего лучше, как накинуться на спящую нэкомату. Она могла бы легко придавить меня одним своим коготком. Но мне опять повезло. Она отрепала меня до потери сознания, но после унесла подальше в леса, зализала мои раны и там, когда я пришел в себя и слегка остыл, выслушала. Я умолял ее обучить меня премудростям магии сильных ёкаев, чтобы наказать убийц моей семьи. Она согласилась взять меня в ученики, но сказала, что ее наука заставит меня отказаться от мести. Я не поверил. Однако через несколько лет понял, как она была права.

– Сила не в том, чтобы догнать иллюзию прошлого. А в том, чтобы управлять своей судьбой в потоке бытия, – тихо процитировал Тора.

– Именно. Вот почему с тех пор я смотрю только вперед. Иногда слишком самоуверенно.

Накадзима виновато развел руками, но Тора не поддался на провокацию, и никак не выразил своего мнения по поводу этого заявления. Кицунэ непринужденно рассмеялся.

– Твоя мать всегда ругала меня за неумение выжидать. Но ничего не поделаешь. Ведь я лис, а не кот. И однажды она сказала: пройдет много сотен лет, прежде чем ты с твоими скромными силами станешь девятихвостым тэнко-кицунэ, но в человеческом мире, где нашли приют слабые аякаси, у тебя есть шанс обрести хотя бы три хвоста в ближайшем будущем. Надо ли говорить, что наживку я заплотнул моментально и даже не потрудился подумать, почему она сказала мне это именно тогда, когда мы стали так близки друг другу. Хитрая, мудрая нэкомата! А ведь я еще пообещал ей, что при следующей нашей встрече покажу ей свои многочисленные хвосты.

– Победы над конкурентами в бизнесе исчисляются не в хвостах, это ваши слова, – заметил Тора.

– Да. К сожалению. Или к счастью. Я привык прикидываться человеком. Мне нравится работать с людьми. Многие из них ничуть не глупее и отнюдь не слабее нас – аякаси. Впрочем, ты знаешь это не хуже меня, верно?.. Может быть, когда-нибудь нам удастся создать здесь, среди людей, такой ареал, где аякаси и люди будут жить и работать сообща, без страха и неприязни друг к другу. Что скажешь?

Тора видел, что вопрос задан серьезно, несмотря на шутливый тон и хитрый прищур желтых лисьих глаз на человеческом лице. Серьезный ответ у него созрел сразу, но сказать в лицо отцу – прежде всего начни с собственной семьи – он, естественно, не мог.

– Долгосрочный проект, – произнес Тора, тщательно скрыв основную свою мысль.

На лице главы Дома мелькнуло изумленное восхищение.

– Ты истинный сын своей матери, – помедлив, высказался он и вальяжно развалился на широком стуле, дабы поддержать настрой неформальной беседы. – А я тешу себя надеждой на то, что добьюсь права не только называться твоим отцом, но и быть им. Я не сомневаюсь, что ты согласишься мне подыграть, если я попрошу тебя обращаться ко мне «отец». И я

попрошу, Тора. Это нужно для клана. Но об этом потом. Сейчас я хочу понять, что хочешь ты. Каким ты видишь свое будущее среди людей? Чем бы ты хотел заниматься теперь, когда твоя жизнь изменилась?

Тора задумался. Ответ у него имелся, ибо этого разговора он ожидал, да и разговор был ему неявно обещан еще вчера. Но на фоне всего сказанного и услышанного следовало сформулировать ответ иначе, чем он планировал.

– Наверное, так, – начал он. – В первую очередь я хочу закончить школьное образование. Это даст мне возможность продолжать обучение в университете.

– По какому направлению? – быстро уточнил глава семейства.

– А это зависит от потребностей клана, – Тора прямо посмотрел на отца.

Накадзима явно не ожидал такого оборота разговора.

– Тора, – он стал абсолютно серьезным. – Знаешь ли... Я уже делал эту ошибку. Трижды. Я назначил Юдзо стать экономистом, Рику – юристом, а Ичиро – социологом. И потерпел не просто крах, а... Я не заметил, как отсек от себя своих детей.

Тора не опустил взгляд и не выразил реакции на откровение ни мимикой, ни движением.

Накадзима несколько секунд смотрел на него и, вдруг, улыбнулся.

– Ты не ребенок, Тора. Понимаю... Спасибо тебе. Но такую жертву я не приму. Я хочу, чтобы все, кто управляет кланом, кто работает в наших компаниях, кто служит в Доме, чтобы все занимались тем, что им по душе. Поэтому я задам тебе вопрос еще раз: какой сфере деятельности ты хотел бы посвятить себя в будущем?

– Фармацевтика. Медицинская диагностика, – сказал Тора и добавил. – Так я мог бы использовать мои ёкайские силы на пользу людям.

На лице кицунэ вспыхнул яркий букет разнообразных эмоций. Тора насторожился, ибо не понял, что именно вызвало восторг, сомнения, подозрения и радость одновременно.

– Тора, – с трудом подавив мимику, заговорил кицунэ. – Ты знаешь, чем занимаются наши компании?

– Нет.

– И Рику тебе ничего не рассказывал? – Накадзима внимательно разглядывал собеседника.

Тора покачал головой.

– Нет. Не рассказывал.

– Тора, шестьдесят процентов акций Дома Накадзима вложены в научно-производственные объединения фармацевтики и медицины. Мы производим не только больничное оборудование, но и разрабатываем диагностические системы. У нас заключено соглашение со специализированной школой и факультетом медицины токийского университета, где для наших компаний готовят кадры. Если ты только пожелаешь, я сейчас же позвоню директору, и ты с завтрашнего дня будешь зачислен в школу.

Тора на несколько секунд потерял дар речи.

– Я звоню? – Накадзима повернулся к столу, где стоял телефонный аппарат, выполненный в антикварном стиле.

– Простите,.. – Тора быстро потряс головой. – Есть одно, что меня беспокоит.

– Что именно?

– Если возможно, я бы хотел...

– Тора, всё, что пожелаешь, – торопливо вставил глава клана.

– Это касается Като и Фумы, – отважился Тора. – Я бы хотел, хотя бы какое-то время, учиться в том же классе, где они.

Теперь Накадзима не просто насторожился, а, как показалось Торе, испугался.

– В чем дело? Пожалуйста, Тора, я должен знать.

– Като и Фума обладают большим потенциалом наших сил, – Тора выразительно посмотрел на ёкая-лиса. – Это что-то, что порождает огонь или мощный жар, от которого

вспыхивает всё вокруг. Я наблюдал их бессознательное обращение к магической мощи в моменты опасности. Я не знаком с этой магией, но могу с уверенностью сказать, что силы Като и Фумы не запечатаны. Они просто просыпаются. Медленно, но неуклонно. Я опасаясь, что любой конфликт в школе может обернуться большим факелом.

Накадзима медленно выдохнул, прикрыл глаза, несколько секунд сидел неподвижно и вдруг резким движением развернул на себя какое-то электронное устройство, стоявшее на письменном столе. Пискнул зуммер.

– Меня нет ни для кого, – объявил глава Дома в микрофон и оттолкнул аппарат на место.

Затем он встал и с неприкрытой нервозностью прошелся по кабинету.

– Тора, – негромко начал он, остановившись перед книжным шкафом. – Как считаешь, не будет ли разумнее изолировать их прямо сейчас?

– Нет, – уверенно заявил Тора. – Изоляция, пусть даже с объяснениями причин, вызовет лишь усиление чувства неполноценности. Они и без того подавлены. Вы не заметили вчера за ужином?

Накадзима тяжело вздохнул.

– Увы. Не заметил, – признался он. – Я не заметил даже, что они пробуждаются.

Тора промолчал. За ужином, когда глава семейства фактически чувствовал пробудившихся, в поле его зрения были Хирото и Ичиро. Рику вполне устроило, что его персона осталась без внимания. Юдзо упрямо называл себя обычным человеком, а Като и Фума сидели понурившись, и в какой-то момент Като сказал с досадой: а мы только и делали, что удирали.

– Я – плохой отец, Тора, – вдруг произнес Накадзима. – Нет. Даже больше. Я ужасный отец, – он медленно прошел к столу, опустился на стул и продолжал. – Мадзоку не свойственные родительские чувства, такова их природа. Но я... Я будто попал под их страшное проклятие. Впрочем, что я говорю! Тора, я сейчас перед тобой буду честным. Чтобы стать честным перед самим собой. А потому начну с самого начала... Это было тридцать человеческих лет назад. Тогда я уже создал здесь кое-какую финансовую базу и безумно гордый отправился на Родину, чтобы отыскать нэкомату и пригласить ее к себе, в людскую жизнь. Однако по неопытности угодил прямиком в крепость мадзоку. Меня приняли как гостя, в ответ я поделился информацией о человеческом мире, и тогда одна прекрасная колдунья изъявила желание пожить среди людей, чтобы изучить людской мир под моим руководством. Предложенные условия вскружили мне голову. Мадзоку обязалась в течении трех лет обеспечивать развитие моей фирмы за счет своих способностей телепата, а также исполнять роль моей жены. Однако в случае рождения ребенка, который унаследует силу мадзоку, контракт будет считаться закрытым досрочно, и она с ребенком вернется домой. Я согласился сразу, без колебаний, без угрызений совести. Слово «ребенок» было для меня пустым звуком. Я не планировал ничего, кроме деловых отношений. Но... Не знаю, поймешь ли ты меня, ведь ты пока еще очень юн...

Тора взглядом дал понять, что оправдания неуместны.

– Первым родился Юдзо, – собравшись с духом, продолжал глава семейства. – Я ужасно волновался, ожидая «комиссию». Но волновался лишь потому, что боялся потерять уникальную возможность следить за мыслями моих деловых партнеров. Мадзоку не признали Юдзо своим. Контракт остался в силе. Но глядя на беспомощного малыша я начал понимать, что натворил. Она неплохо изображала любящую мать, но мы – кицунэ – и без телепатии умеем разнюхивать ложь. Я явственнее и явственнее видел, что она не питает к ребенку ни толики материнских чувств. Я вызвал ее на откровенный разговор. Она спокойно сообщила, что «цель эксперимента» – исследовать возможность усовершенствования рода мадзоку путем скрещивания с хэнгэ в условиях мира людей. А потом, легко прочитав мои мысли, добавила – разрывать контракт сейчас бессмысленно, поскольку акт второго зачатия уже состоялся. И я это принял, Тора. Сделал всё, чтобы выжать выгоду для себя за

оставшиеся месяцы. Я был уверен, что второй ребенок родится с силами мадзоку, и на том всё закончится. Но... но родились два мальчика.

Тора, старавшийся сохранить внешнюю невозмутимость в процессе исповеди, на сей раз не сдержал изумленный вздох.

– Да-да. Ичиро и Рику – двойняшки, – кицунэ с натугой улыбнулся. – Но они об этом не знают. Пока. Пока не знают. Прости, что рассказываю весь этот ужас тебе. Но я хочу, чтобы ты знал, каков твой отец.

Он замолчал, затем усмехнулся и добавил.

– Даже сейчас я эгоистичен, как всегда.

– Сейчас вашим сыновьям необходимо знать историю их рождения, – возразил Тора.

– Ты сможешь мне..? – кицунэ помедлил. – Сможешь отважиться раскрыть им правду?

– Да, – просто ответил Тора и сделал то, что от него ждал отец: задал вопрос. – Почему Ичиро оказался на три года младше Рику?

– Их так называемая мать вернулась домой до срока, когда поняла, что носит в своем теле два плода. Это было чем-то особенным для ее расы. Ичиро и Рику родились в городе-крепости мадзоку. Мне было разрешено присутствовать при вынесении вердикта. Мадзоку признали своим только одного, но позволили мне дать ему имя. И я нарек его Ичиро – первый – в тайной надежде что когда-нибудь он узнает о втором, о брате-близнеце. Мне предложили забрать «отбракованного ребенка», я не раздумывая согласился, и мадзоку объявили контракт закрытым. В качестве компенсации за преждевременное прекращение обязанностей телепатки, колдунья взяла на себя обязательство безвозмездно выполнить одно мое желание. А заодно изволила сообщить, что аристократы мадзоку строго следуют правилам своей селекции, а потому «экспериментальные дети не предусмотрены» для продолжения рода и смертельно опасны для любой женщины, принявшей их семья... Как это было похоже на договор с дьяволом из европейской классики! Компенсацией я не воспользовался и вернулся домой с Рику на руках. Я обеспечил ему и Юдзо домашнее воспитание и в меру сил постарался выполнять обязанности отца. Так продолжалось три года. И вдруг ко мне явился посланец мадзоку. Он проводил меня в крепость, где мне без каких-либо эмоций показали Ичиро. Он не повзрослел ни на день с того момента, как я видел его первый и последний раз. Объяснение было таково: эксперимент признан неудачным, так как ребенок, наделенный силой мадзоку, не способен полноценно существовать в мире мадзоку, а потому бесполезен обществу мадзоку. Я спросил, что с ним будет дальше. Мне ответили, что если я заберу ребенка с собой в людской мир, он, возможно, начнет расти как обычный человек. Однако в этом случае на меня ляжет ответственность за удержания в узде его бесконтрольных сил и потенциальных вампирских наклонностей.

– Они вообще не претендуют на Ичиро? – быстро уточнил Тора.

Накадзима как-то странно посмотрел на слушателя.

– Нет. Мадзоку верны своим принципам – вердикт они выносят раз и навсегда.

Тора облегченно вздохнул. Накадзима продолжал внимательно разглядывать выражение его лица, и Тора понял, чему должен был удивиться по мнению рассказчика. Разыгрывать удивление задним числом было глупо, а иначе ошибка исправлению не подлежала.

– Значит, он проявился и как кюэцуки, – вслух подытожил глава семейства и обреченно прикрыл глаза.

– Он контролирует свои силы, – уверенно заявил Тора, хотя доподлинно не знал, как началась «донорская процедура» в разгромленном коридоре рёкана; вполне могло быть, что Рику подставился под клыки при отсутствии контроля Ичиро.

– Неужели ты..?

Тора решил разрядить обстановку, ибо видел, что до конца исповеди далеко, а нервы отца уже на пределе.

- От кошатины он отказался, – Тора виновато улыбнулся.
- Рику, – выдохнул Накадзима. – И как давно?
- Пусть они сами вам всё расскажут, отец, – Тора отвел взгляд.

Прозвучавшее «отец» было исключительно сознательными, и Накадзима это понимал. Но искренне поблагодарил Тору взглядом. Затем выдержал паузу, будто собирался с духом, и заговорил вновь.

– Теперь вторая история. Началась она совершенно по-человечески. И, по правде говоря, я надеялся, что таковой она и останется. Дело было 16 лет назад в Калифорнии. Я и мои деловые партнеры отмечали удачную сделку в ресторане под музыку, танцы и традиционное у них в Америке «Виски». Я обычно устойчив к крепким напиткам, но тогда, увы, оплошал. Ее сценическое имя было Саламандра. Она танцевала в огненном круге, дышала огнем, жонглировала огненными булавами. В общем, ничего особенного, трюкачи в цирке бывают и более эффектными. И... я не помню, как оказался в гостиничном номере вместе с ней. Проснулся утром, получил массу горячих поцелуев и жаркое признание в любви, и поторопился скрыться. А год спустя охранник обнаружил у ворот этого особняка корзинку с двумя абсолютно одинаковыми младенцами в ней. К корзинке прилагалось запечатанное письмо, адресованное мне. Имя было написано латиницей. В письме на английском языке с массой грамматических ошибок говорилось, что младенцы – итог страстной калифорнийской ночи, а я должен дать им имена, чтобы «огонь не вырвался наружу», и присмотреть за ними, пока их мать «вымаливает прощение у богов». Я бы не поверил этому посланию, если бы бумага не превратилась в пепел прямо у меня в руках. Я сразу провел генетическую экспертизу и получил положительный результат. Так в Доме появились еще два Накадзимы – Като и Фума.

- Дать имена, чтобы огонь не вырвался наружу? – осторожно переспросил Тора.
- Это вольный перевод. Ту околесицу, которую я прочел, по-человечески не пересказать.
- А восстановить текст по памяти? Возможно, это ключ. Что-то вроде печати.
- Я так не думаю, – кичунэ повел рукой, будто отмахнулся. – Слушай, что было дальше.

Ровно год спустя, день в день, сюда пришла женщина. Обычная японка не самой первой молодости при полном отсутствии красоты. Она заявила, что принесла весть от Саламандры. Инугами из охраны все в один голос заявили, что женщина – человек. То же увидел и я, когда согласился встретиться с ней. Здесь, в этом кабинете, она устроила мне истерическое представление без какой-либо магии, молила о прощении, уверяла, что она и есть Саламандра, что она безумно влюбилась в меня в ту калифорнийскую ночь, и что она мать моих сыновей-близнецов. Кроме того она сказала, что скрыла от своих богов уже состоявшийся акт рождения детей, «вернула богам» то, что получила в наследство, и вымолила себе человеческое тело, чтобы жить рядом со мной в надежде, что однажды я отвечу на ее любовь взаимностью. Можешь себе представить, в каком положении я оказался? Кроме ее сомнительного знания о «калифорнийской ночи» никаких доказательств у нее не было. А у меня не было никакой уверенности, что подробности ее рассказов правдивы. Я позвал на помощь Инукаи, у него тоже неплохой нюх на обманщиков. Однако мы в два носалжи не уловили.

- Ну а внешность? – быстро вставил Тора. – Какой-нибудь единый признак?

– Ничего общего. Танцовщица по имени Саламандра была гибкой, как змея, кажется – высокой, вроде бы смуглой и уж точно не японкой. Может быть из индейцев, но, признаюсь, я был настолько пьян, что не запомнил лица. Инукаи предложил выставить мою истеричную гостью и вызвался напугать так, чтобы она забыла дорогу к этому дому. Но я... Я ее пожалел. Она кинулась целовать мне ноги, когда осознала, что я разрешаю ей остаться в доме в качестве прислуги. По-японски она говорила плохо, оказалась неуклюжей и абсолютно безграмотной, но быстро завоевала уважение среди прислуги трудолюбием и отзывчивостью.

К детям ее не подпускали, ибо генетические тесты однозначно показали, что к рождению Като и Фумы эта женщина не имеет никакого отношения. Однако речь шла только о телесной оболочке. Она не умела жонглировать, не говоря уже о том, чтобы выделять фокусы с огнем. Ее фигура, походка, движение выглядели со стороны просто ужасно. Но Акияма заметил кое-что необычное. По его словам, каждый молодой тануки, впервые примеряя на себя человеческий облик, поначалу двигается так же нелепо. И предположил, что некую бесформенную сущность упаковали в заведомо неподходящую для нее оболочку. Я рад был бы принять эту версию за истину, однако никто из нас, даже самые старые наши аякаси, не чуяли под оболочкой дух обакэ.

– Дух можно скрыть под печатью, – вставил Тора.

– Ты думаешь, ее силы были сравнимы с могуществом твоей мамы? – Накадзима устало усмехнулся.

– Она упоминала неких «богов». Даже при плохом знании языка слово «ками» просто так не употребляют. Возможно, она имела в виду могущественных обакэ своего ареала.

Кицунэ развел руками.

– Увы, ничего определенного сказать не могу. После той, самой первой истерики, она упомянула «богов» всего один раз. На второй год ее работы в Доме я позволил ей навещать детей под моим присмотром. Однажды, полюбовавшись на Като и Фуму, спавших носиками друг к другу, она вдруг прошептала: всегда так и только так. Я вызвал ее к себе и с глазу на глаз потребовал объяснить, что такое «только так» и про какой огонь она написала в записке. Она перепугалась, будто у нее над головой разверзлись небеса, и сказала: не могу даже думать об этом, боги услышат и убьют.

– Детей убьют? – поспешно уточнил Тора.

– Я так и не добился от нее ничего вразумительного, – вздохнул Накадзима. – После ее смерти я организовал поиски информации о ее «богах» в Америке, однако в человеческом мире не нашлось даже мифов, хоть как-нибудь похожих на ее историю.

– Она умерла естественной смертью?

– Как сказать... – Накадзима помедлил, но продолжил в прежнем ключе. – В ее смерти виновен я, Тора. Я хотел вытянуть из нее правду хитростью. Притворился, что ее долгожданная взаимность появилась, приблизил ее к себе. Но не настолько, чтобы повторить калифорнийскую ошибку. Моего терпения хватило на месяц, и я забросил бессмысленную игру. А через полгода, когда полнота ее фигуры стала совсем неестественной, выяснилось, что она беременна. Она была в ужасе, когда осознала свое положение относительно человеческой физиологии. Пробивалась ко мне на аудиенцию чуть ли ни каждый день и, когда ей это удавалась, клялась, что ребенок мой, твердила, что этого не могло случиться и что теперь она погибнет. Не то, чтобы я совсем не верил в ее истощные клятвы. Но, согласись, от поцелуев дети не появляются даже у обакэ. Мне следовало бы обеспечить ей медицинский присмотр, но по правде говоря, весь этот затянувшийся спектакль мне надоел. Мне мешало ее присутствие. Юдзо достиг того возраста, когда нормальный парень начинает ухлестывать за девушками, что доставляло мне массу беспокойств, ибо про свойства «экспериментальных детей» мадзоку я помнил очень хорошо. Рику, заподозрив мои связи с прислугой, установил за мной слежку. Как на зло именно в это время Ичиро устроил всем большие неприятности своим агрессивным поведением в школе. К стыду своему я почти возненавидел ни в чем не повинных Като и Фуму. И всё, что касалось таинственной Саламандры, пустил на самотек. А роды начались на седьмом месяце совершенно неожиданно. Соседи по общежитию сбежались на ее крик, но когда прибыл врач, всё было кончено. Младенца извлекли из мертвого тела. К счастью, это сделал Акияма, поэтому люди не видели новорожденного. А Хирото появился на свет таким же, как когда-то я – рыженьким кицунэ в антропоморфной форме. И что самое удивительное, в нем не оказалось никаких

генетических признаков матери. Будто ее просто не существовало. Будто она своими страстными поцелуями впитала в себя частицы моего духа, вырастила их в себе и произвела на свет мою точную копию... Меня до сих пор гложет совесть, когда я думаю об этой странной обакэ. Кем бы она ни была, она любила меня и мечтала об ответной любви. Ради своей мечты она рассталась с привычной жизнью, пожертвовала прекрасным телом, трудилась не покладая рук. А я обманул ее. Не ради детей, не ради каких-то принципов. Просто из любопытства. Мне до черта интересно было выяснить, во что же вляпался в Калифорнии...

Накадзима надолго умолк, бесцельно рассматривая гравюру в нише возле двери.

– А Като и Фума? – Тора осторожно подтолкнул его вопросом к теме, с которой начался этот неожиданный откровенный разговор.

– Като и Фума, – эхом повторил глава семейства. – Я виноват перед ними, Тора. Я уделял им слишком мало времени. Более того, когда подрос Хирото, я распорядился Акияме заниматься только с ним. Акияма – прекрасный педагог, но разорваться между тремя детьми он не мог при всех его неиссякаемых силах и потрясающей терпимости. Так я лишил близнецов остатков семейного внимания. Они были предоставлены сами себе. Подвижные, озорные, хулиганистые, они досадили многим из персонала этого поместья. И кто-то – я даже не потрудился узнать, кто – по глупости или сгоряча сказал: вы тут подкидыши, и за плохое поведение папа сдаст вас в приют. Пугалка заработала как палка, и когда Акияма это услышал, было поздно. Като и Фума усвоили, что здесь они нелюбимы. Они слушаются меня, но я вижу, что причина послушания – страх перед потерей удобного места существования. В прошлом году я приставил к ним секретаря для контроля за их обучением. Успеваемость у мальчиков позорно низкая. Одзаки-сан опытный воспитатель, работал гувернером в доме моего хорошего знакомого. Но время упущено. Именно так он мне недавно сказал. Като и Фуме нужен кто-то авторитетный в их собственных глазах. Одзаки они воспринимают как надсмотрщика и только.

– Он человек?

– Да. Поэтому теперь встанет вопрос о его месте работы. После твоего предупреждения о большом факеле, я боюсь оставлять Като и Фуму наедине с людьми.

– Я сделаю для них всё возможное, – негромко произнес Тора.

– Ты о чем-то догадываешься? – Накадзима испытующе посмотрел на старшего сына. – Ты знаешь, кто они?

– Знаю. Ваши сыновья. Мои единокровные братья.

– Тора, – произнес, как простонал кицунэ. – Еще вчера я сетовал, что в тебе нет ничего от меня. А сегодня, сейчас, после того, как я послушал сам себя, я этому рад. Я рад, что ты бакэнэко, сын нэкоматы.

Накадзима устало поднялся со стула и медленно направился к креслу за шикарным письменным столом.

Тора сосредоточился. Кицунэ уловил магический флюид, обернулся и застыл в немом изумлении. На ладони бакэнэко полыхал синий лисий огонь.

Эпизод 10. Первый раз в старший класс.

Пояснения к эпизоду 10

Прозвенел звонок. Шум из коридоров утек в классы и затих. Припозднившийся преподаватель торопливо покинул учительскую, прошел мимо Торы и скрылся за поворотом. А в директорском кабинете, куда четверть часа назад зашел Одзаки-сан, продолжался разговор без участия обсуждаемой персоны. Тора прекрасно слышал всё, что говорилось за закрытыми дверями, несмотря на старания отвлечься от директорского монолога, исполняемого высоким неприятным голосом. Одзаки-сан, которому глава Дома официально поручил третьего подопечного, терпеливо слушал нескончаемые жалобы на братьев Накадзима и вариации на тему уважения к их отцу-спонсору с многочисленными «но». Смысл монолога сводился к простому: принесла же нелегкая еще одного отпрыска. Однако давно было ясно, что против воли уважаемого спонсора здесь никто не пойдет. Поэтому вопросы – «почему в один класс?», «как можно начинать обучение в старшей школе с полугодовым опозданием?», «что будет со школой, если тут появится еще один Накадзима?» – были сугубо риторическими.

Наконец, за стеной началось движение, и Одзаки-сан, приоткрыв дверь, пригласил подопечного в кабинет.

Директор – неожиданно крупный мужчина для такого пронзительного голоса – уставился на нового ученика, некоторое время грозно изучал белую густую шевелюру, и вдруг громко выдал в ответ на приветствие.

– Добрый день. Что за парик такой на голове?

Одзаки-сан объяснил, что волосы Торы седые с раннего детства и не подлежат покраске по причине аллергии.

– Это что, семейное проклятье? Рыжие челки там, белая голова здесь! – взвился директор.

Одзаки-сан выразительно кашлянул. Руководитель школы бросил на него гневный взгляд, будто представитель Дома Накадзима был виновен во всех грехах, числившихся за проблемными близнецами.

– Накадзима Тора, – объявил директор почти официальным тоном. – По просьбе вашего отца вы зачислены в первый «Д» класс старшей ступени обучения. Я не знаю, как вы намерены нагонять полгода уже состоявшихся занятий. Но в конце семестра тесты для вас будут такими же, как для всех учеников. Советую не рассчитывать на ваших братьев как на помощников в учебе. В вашем классе уже начался второй урок, но я, так и быть, попрошу учителя сделать для вас паузу.

В коридоре Одзаки-сан кратко распрощался с директором и повернулся к Торе.

– Спасибо большое, Одзаки-сан, – негромко произнес Тора и сдержанно поклонился.

Одзаки-сан – Тора познакомился с ним сегодня утром в машине – улыбнулся и пожелал подопечному удачи. Директор наблюдал сцену с приоткрытым ртом.

Шагая по коридорам следом за директором, Тора чувствовал, что у того чешется язык задать новому ученику дополнительные вопросы, но время было упущено.

Из-за двери класса с табличкой «1-Д» раздавался заунывный голос учителя, зачитывавшего текст по-английски. Визит начальства застало его на полуслове, а в коридор он вышел с открытым учебником в руках. Выслушав пояснения, учитель с опаской покосился на «еще одного Накадзиму» и, нервно поправив очки, пошел обратно в класс.

Тора трижды менял школы, поэтому прекрасно знал процедуру представления нового ученика. Однако здесь стандартную схему разнообразили Като и Фума, дружно заоравшие «Йес!» со своих парт. На них оглянулись сидевшие впереди ученики. Близнецы привстали с

явным намерением выкрикнуть что-то более развернутое, но Тора выразительно глянул на обоих поочередно. Като и Фума выдохнули заготовку, переглянулись и, сияющие, уселись на свои места. А Тора поймал на себе внимательный взгляд директора.

Директор откашлялся и начал громким, хорошо поставленным голосом, мало похожим на тот визгливый, который Тора слышал из кабинета.

– С сегодняшнего дня в вашем классе будет учиться новый ученик. Накадзима Тора. По семейным обстоятельствам он не мог посещать старшую школу с начала учебного года. Торакун, – директор повернулся к новичку. – Кажется, ты хотел сидеть рядом со своими братьями, не так ли?

Вопрос персонального места нигде и никем не оговаривался заранее, а из этого следовало, что демарш директора сделан по итогам наблюдения здесь и сейчас. «Он внимательный человек», – подумал Тора, поблагодарил директора и класс, как подобало новичку, и уверенно пошел между рядами к свободной последней парте под любопытными взглядами новых своих одноклассников.

Разместившись позади Като, Тора тронул пальцами подставленную через плечо левую ладонь и дружески кивнул Фуме, до которого не мог незаметно дотянуться через проход.

Учитель объявил продолжение урока, назвал номер параграфа и страницу учебника – специально для новичка, пропустившего начало – и возобновил чтение. Вскоре ученикам было предложено читать вслух по очереди. Тора оценил уровень подготовки класса и убедился, что для него здесь существует только одна проблема – не заговорить на настоящем английском, который одинаково звучал как в людском мире, так и в мире обакэ наряду со всеми прочими человеческими языками. Однако до вызова новичка дело не дошло – учитель объявил промежуточный тест. Класс взвыл, учитель бодро напомнил, что тест был обещан на прошлом уроке, и пошел по рядам раздавать контрольные листы. На парту Торы лист опустился с устным комментарием: можешь попробовать свои силы, оценку сегодня выставлять не буду.

В классе установилась рабочая тишина. Тора управился со своим вариантом первым из всех, отложил заполненный бланк и, поскольку делать до конца урока было нечего, принялся вслушиваться в шуршание карандашей. Като и Фума то и дело вертели головами на нового брата, и Като, наконец, шепотом через плечо спросил:

– Совсем по нулям?

– Я всё сделал, – еле слышно отозвался Тора.

Учитель обратил внимание на перешептывания, заметил скупавшего новичка и направился к его парте. Увидав заполненный бланк, он озадаченно передвинул очки и забрал выполненную работу. Не дойдя до кафедры, он развернулся и быстро прошел назад к Торе.

– Ты посещал специальный факультатив? – тихо спросил он.

– Нет.

– М... а... Сто процентов верных ответов. Прекрасно. М... Замечательно!

Ближайшие соседи принялись оглядываться, но учитель шикнул на любопытных и вернулся за свой стол.

– Обалдеть! – Като обернулся.

Из-за его плеча Тора увидел полупустой бланк с коряво нацарапанной фамилией на титуле. Через пару минут принялся вертеться Фума, и Тора разглядел его контрольную работу. «Галки» в позициях ответов стояли невпопад, но «Накадзима Фума» в правом верхнем углу листа было выведено аккуратненькими квадратиками иероглифов.

«Странно. Настолько разный почерк?» – удивился Тора.

На перемене, попросив у братьев тетради по математике, Тора убедился, что почерк близнецов разнится как небо и земля. Содержательная часть записей при этом оставалась

приблизительно одинаковой – в математике, равно как и в английском, «плавали» оба. В точных науках Тора был не силен, поэтому с трудом понимал то, что излагал учитель, несмотря на предварительно перелистанный учебник и фотографическое запоминание всех страниц.

Следующим уроком значилась физкультура. Тора начисто забыл про существование этого приложения к школьным дисциплинам, поэтому про спортивную форму даже не подумал, когда утром надевал новенький черный гакуран – униформу старшеклассников.

– Мне придется пропустить этот урок, – Тора остановил близнецов в коридоре.

– Чего так? – изумился Като.

– Ты с хвостом, что ли? – брякнул Фума, к счастью, еле слышно.

Тора бросил на него предупреждающий взгляд.

– Да не слышит никто, – возразил Като.

– Не слышат, это когда молчишь, – строго ответил Тора и виновато улыбнулся. – У меня формы нет.

Близнецы заговорчески переглянулись.

– Не отвертись. Форма для тебя есть. Через шофера утром передали.

В раздевалке близнецы затащили Тору в самый дальний сумеречный угол, над которым давно и капитально вышел из строя потолочный осветитель, и там начали переодеваться, но по очереди. При этом один стоял так, чтобы прикрывать корпусом другого. Однако присутствие новичка вызвало любопытство одноклассников, а потому в угол теперь поглядывали многие. Особенно интересовался процессом юноша приятной наружности с надменным взглядом. Тора не понял, чем вызвана скрытность братьев, но поддержал их зачин, и обосновался возле шкафчика так, чтобы работать дополнительным прикрытием. Интерес к его персоне быстро попал, ибо в человеческом облике Тора отличался разве что маленьким ростом и явным недостатком веса.

– Ну ты и тощий, – шепнул ему в затылок Фума.

Като ткнул нового брата пальцем в плечо и невольно ойкнул.

– Фи-га мышцы. Ты и в этом виде..?

– Да. Поэтому буду мухлевать, – пояснил Тора.

– А ты за нами повторяй, – подсказал Като.

– Сегодня, наверное, гимнастика будет, – поддержал Фума.

В строю он оказался последним, с небольшим отрывом от прежних замыкающих – Като и Фумы.

– Накадзима... Тора? – вопросительно произнес учитель, увидав новую фамилию в списке; скользнув взглядом по строю мальчиков, он увидел новичка и добродушно усмехнулся. – Вижу. Семейный комплект.

– Он старше нас! – выкрикнул Фума.

По строю девочек прокатились смешки. Женщина – тренер женской группы – строго осадила развеселившихся и распорядилась всем рассаживаться по скамейкам перед гимнастическим «конем».

Тренер мужской половины класса тем временем критично оглядел Тору и объявил.

– Начнем с тебя. Упражнение на перекладине: подтянуться пять раз, подъем переворотом, фиксация позиции, соскок. Понятно?

– Да.

– Начинай, – учитель повернулся спиной к снаряду. – Всем остальным на скамейки... Накадзима Като, Фума – персонально для вас: на скамейку!

Но на перекладину в этот момент пялились не только близнецы, но и половина строя, так как Тора воспринял указание «начинай» как старт упражнения. Учитель развернулся на него

всем корпусом и озадаченным взглядом смерил высоту снаряда.

– Он прямо с места запрыгнул, – пробормотал кто-то из наблюдавших старт.

Като зажмурился. Фума чуть было не схватился за голову, а Тора понял, что ему следовало подождать, когда тренер подсадит его на турник.

– Подтягивание, переворот... – напомнил тренер.

Тора пожалел, что не уточнил, что такое «фиксация» в контексте с «соскоком» в терминологии данного конкретного учителя, ибо в средней школе, в те времена, когда он посещал занятия, «подъем переворотом» выполняли единицы, а спрыгивали на пол из обычного положения «вис». По его представлениям «соскок» предполагал какой-то акробатический трюк, а потому, легко выполнив первые два элемента, Тора не придумал ничего проще, как выйти в стойку на руках с тщательной фиксацией достигнутой позиции, махом под себя переместиться в вис на подколениках и тем же инерционным броском безо всяких пауз завершить упражнение посредством полусальто назад.

Встав на матах, Тора покосился на потрясенного тренера, почувствовал за спиной полное и абсолютное внимание женского строя, и понял, что переборщил.

– Простите, сэнсей, я не знал, что вы называете «фиксация», – пробормотал он.

– Невероятно! – воскликнул учитель, пропустив реплику мимо ушей. – Где ты занимался спортивной гимнастикой, Тора-кун?

– Нигде. Я...

– Он паркурком занимался! – выкрикнул Като.

К счастью, высказывания близнецов Накадзима здесь всерьез не воспринимались. Но Торе пришлось долго объяснять тренеру, что он никогда не состоял в спортивных клубах и тем более не учился в спортивной школе. Тренер, наконец, поверил, но это лишь усугубило положение Торы: его принялись настойчиво приглашать в клуб акробатики и никак не желали принимать обтекаемый ответ типа «я подумаю, спасибо».

Тем временем нечто недоброе накалялось позади Като и Фумы. Тора «срисовал» взглядом всех, кто стоял в близости от братьев. Угрозы нет. Но присутствует бессильная, неудержимая зависть.

– Эй, Накадзима! – довольно громко позвал тот самый юноша, кто присматривался к Торе в раздевалке.

Близнецы дружно оглянулись. Каждый в состоянии взведенного курка.

– Сколько внеплановых деток успел наделать ваш папочка? – нагло поинтересовался приятный на вид одноклассник.

– Не смей так говорить о нашем отце! – выкрикнули Като и Фума в один голос.

– А чего такого? Дураку понятно, что у вас разные мамы, – преспокойно пояснил нахальный парень и тут же шагнул в сторону, к плотной группе других ребят.

Теперь у разъяренных близнецов было на выбор два варианта: толкнуть обидчика и при этом задеть одноклассников или действовать кулаками с угрозой переломать себе руки. Като и Фума мгновенно и синхронно напряглись для броска. Тора понял, что провокатор рассчитывал как раз на первый вариант – видимо, метод самозащиты дружной пары здесь хорошо знали. Гарантированно остановить назревшую драку можно было лишь одним способом: совершить нечеловеческий прыжок через «шведскую стенку» и принять толчок на себя. Этого Тора делать не мог даже под прикрытием кошачьей ауры. Поэтому применил то, сработало раньше как минимум один раз – контакт сознаний. Его – «Стоп!» – подействовало, но не как тормоз, а как подножка. Близнецы задели плечами только троих, обидчика в том числе, и кучи-малы не вышло. Лишь почему-то затрещали крепления «шведской стенки».

Вмешался тренер. Отругал Като и Фуму больше по инерции, нежели по необходимости, и сказал несколько нелестных слов в адрес их обидчика. А Тора улучил момент оттеснить братьев подальше от зоны конфликта. Обоих трясло от злости, но Фума при этом силился

выполнить прием вдох-выдох, которому Тора обучил Хирото после первого боя во дворе рёкана. Тора взял обоих близнецов за плечи. Под ладонями прокатилась волна жара. Он чуть было рефлексивно не отдернул руки, настолько горячими показались ему тела братьев.

– Успокойтесь, – он поднажал голосом.

До волевого голоса Рикю ему было далеко, но близнецам хватило и этого.

– Дерьмо. Подлец! – выдавил Фума.

– Гад. Мерзавец! – почти одновременно с ним высказался Като.

– Кто такой? – тихо спросил Тора.

– Хагивара, – ответил Като.

– Хагивара Такуя, – добавил Фума.

Тора оглянулся, нашел взглядом миловидного негодяя и прямо посмотрел ему в лицо. Тот нагло усмехнулся, но прямой взгляд не выдержал – скрылся за спинами одноклассников.

– Накадзима! Все трое! На скамейку! – скомандовал тренер.

Тора пошел первым, причем так, чтобы одноклассники поняли: он действительно старший брат для Като и Фумы. Близнецы, мужественно давя эмоции, последовали за ним – Фума за левым плечом, Като за правым. Жар, окутывавший их тела, пошел на убыль.

«Перед броском они находились в зеркальной позиции относительно друг друга, – вдруг вспомнил Тора. – Но привычная позиция та, в какой они сейчас – Като всегда справа от Фумы. «Всегда так и только так». Чтобы «огонь не вырвался наружу». Неужели позиция и есть условная печать?.. Ерунда! От перестановки мест слагаемых сумма не меняется».

Мужская половина класса по очереди выполняла задание на перекладине. Тора краем глаза отслеживал успехи и неудачи, отметив для себя, что «фиксация» и «соскок» – всего лишь красивые слова в данной ситуации, а «подъем переворотом» на самом деле ничем не отличается от классического, всем известного упражнения. Като, когда пришла его очередь, выпендрился на перекладине, изобразив стойку на руках, но вместо соскока улетел за маты. Фуме тренер категорически запретил даже приближаться к снаряду и превентивно поставил отметку «выполнено».

Затем группы поменялись местами: парни пошли на дорожку для прыжков через коня, а девушки обосновались на «шведской стенке». На сей раз тренер благоразумно не стал начинать с новичка, встал на страховку и скомандовал первому, самому высокому среди юношей, выполнять упражнение. Со стороны девичьей группы доносились смех, ахи, охи и прочие эмоциональные звуки, сопровождавшие упражнение «уголок». Парни с интересом поглядывали на одноклассниц, развесившихся по шведской стенке, пересмеивались между собой и вполголоса комментировали особенности девичьих фигур.

Тора никогда не заглядывался на противоположный пол, но сейчас «шведская стенка» привлекла его внимание: в такт рывкам, взмахам и провисам что-то надсадно скрипело в области верхних креплений.

– Ты чего, до девчонок падкий? – Фума ткнул Тору в бок.

– Треск. Слышите? – пробормотал Тора.

Близнецы завертели головами.

– Это «конь» скрипит, – неуверенно сказал Като, проводив взглядом полноватого одноклассника, шумно приземлившегося на маты после неудачного прыжка.

– Или «мостик», – поддержал Фума, но посмотрел на «шведскую стенку».

– Нет, не конь и не «мостик», – Тора начал вставать, напряженно следя за тремя девушками, забравшимися на верхние перекладины снаряда.

Кто-то из парней заметил его пристальное внимание к женской группе и отвесил грубоватый комментарий. Тора не потрудился довести до ума смысл реплики и быстро пошел через зал к женщине-тренеру.

– Извините..., – начал он.

Но тут завизжала одна из девушек и поспешно спрыгнула вниз. Дернулась другая, и вдруг вся верхняя часть «шведской стенки» разом оторвалась от стены. Теперь уже Тора о маскировке не заботился: в длинном прыжке метнулся под падавшую конструкцию, схватил в охапку ту и учениц, кто находилась на самой верхней центральной позиции, в падении задел другую так, чтобы она сама отскочила в сторону, и рухнул на бок и плечо на пол, обеспечив спасенной относительно мягкую посадку на свое тело.

Девушка в объятиях оказалась объемной и очень голосистой. Тора, оглушенный падением и визжавшей нагрузкой, несколько секунд не мог сообразить, что напугало одноклассницу до такой степени. Он был абсолютно уверен, что она не травмировалась. Наконец, сквозь визг прозвучало – «Отпусти, нахал!» – и Тора неожиданно для себя получил звонкую оплеуху.

– Извините, – поспешно выговорил он и, поскольку девушка уже покинула «посадочную площадку», прыжком вышел в положении «на корточках».

Взгляд упал на металлическую скобу, некогда вмазанную в стену. Вернее, на то, что от скобы осталось. Заметил поодаль другую и между ногами подбежавших одноклассников углядел третью. Весь металлический крепеж фактически превратился в труху. Рефлекторно все ёкайские рецепторы поднялись в режиме тревоги... Ничего. Ни малейших признаков присутствия обакэ. Лишь родственный дух поблизости.

Тору подняли с пола мощным рывком, и он увидел перед собой склонившегося к нему тренера.

– Ты... ты... ты..?

– В порядке, сэнсэй. Извините. Всё в порядке.

Бледная, перепуганная учительница женской группы громко требовала, чтобы участников происшествия немедленно доставили в медпункт. Тора поспешил стряхнуть с себя напряжение.

– Сэнсэй, всё в порядке. Я не ушибся, – уверенно сообщил он тренеру, судорожно ощупывавшему его плечо и руку.

– Однако... – выговорил тот и отпустил ученика.

Тора тотчас оказался в очень жарких объятиях четырех знакомых рук.

– Что это было? – Фума отчаянно заглянул брату в лицо.

– Это то, что мы... раньше видели? – второе такое же лицо появилось перед Торой.

– Нет. Всё чисто... – Тора отчетливо увидел на дне четырех горячих рыжеватых глаз белые вспышки миниатюрных молний.

«Като справа от Фумы. Позиция обычная, энергия бесконтрольная, – промелькнуло в голове. – Контроль. Позиция...»

Тора живо и безо всяких комментариев переставил близнецов местами. От неожиданности оба легко поддались на ручную передислокацию.

– Парни. Всё в порядке, – тихо произнес он и медленно провел ладонями по левой руке одного и правой другого.

– Ты почему такой холодный? – вздрогнул Като.

– Это не я холодный, а вы горяченые. Остыньте как-нибудь уже. Братцы.

Близнецы переглянулись – непринужденно, как обычно, будто не было никакой перестановки.

Тренер мужской группы в это время громко распорядился всем идти в раздевалку. Тора, прикрывая собой Като и Фуму от случайных телесных контактов, вышел одним из первых. За спиной он слышал недоуменные, растерянные, озадаченные голоса одноклассников. Однако внимания заслуживал только один короткий диалог. Кто-то спросил товарища: «Что он сделал вообще?». Другой ответил: «Старосту облапал!»

В раздевалке только двое из девяти юношей спросили о самочувствии новичка. Остальных интересовало, как он «оказался на женской половине зала», какова «староста на ощупь»,

сколько «староста весит» и «какого черта случилось со стеной». Тора ответил только первым двоим. Остальные вопросы он проигнорировал и взглядом попросил братьев не реагировать на пикантности.

Прежде, чем снимать спортивную майку, Тора прислушался к себе, дабы убедиться, что в человеческом обличье нет никаких прорех. Но Фума почему-то поспешил открыть дверцу шкафа и тем самым обеспечить ширму.

– У тебя каждый мускул на спине виден, – зашептал он Торе в затылок.

Тора заставил себя расслабиться.

– Последние двое уходят, – вполголоса сообщил Като, отслеживая обстановку в раздевалке; при этом он делал вид, что лениво расшнуровывает кеды. – Ушли. У-уф.

Фума шумно прислонился спиной к дверям шкафчика.

– Что это было? – пробормотал он в потолок.

– Нас не заподозрят, – тихо ответил Тора, тщательно отслеживая на слух местонахождение тех, кто еще не покинул спортзал. – Спешут на ветхость инвентаря.

– А по правде? Это мы, что ли? – дрожащим голосом еле слышно выдавил Като.

Тора внимательно посмотрел на него, затем столь же внимательно оглядел Фуму.

– Что-то особое подумали после стычки? – спросил он.

Фума поморщился.

– Я подумал, что б он провалился. Гад.

– С начала года, как в класс пришел, достает, – глядя в пол, сообщил Като.

– Всех настроил, мол, мы сынки миллиардера, – подхватил Фума. – Ему не верили, сначала. Потом эта история с фотографиями в соцсети.

– Да плевать на те фотки! – подскочил Като. – Но если он еще раз своим грязным языком отца тронет..!

Фума стиснул зубы.

– Остывай об меня, – Тора подставил Фуме плечо.

Тот, не раздумывая, ткнулся лбом в спину брата-ёкая. Като шагнул к Торе, взглядом получил аналогичное предложение и вцепился рукой в другое его плечо. Немая сцена растянулась минуты на полторы.

– Тора, – тихо позвал Фума. – Что теперь делать?

– Раньше не заходило дальше пинков, – добавил Като.

– Держать себя в руках, – ответил Тора.

Близнецы дружно отступили, встали перед ним и быстро, почти синхронно, стянули с себя майки.

Тора нахмурился. Под левой ключицей Като и под правой Фумы красовались симметричные узоры, похожие на небольшие аккуратные татуировки.

– Когда проявилось? – Тора разглядывал незнакомые знаки.

– Всегда было, – Фума потупился.

– Как родинки были, – поправил Като.

– Ну да, только плотные. А вчера...

– Вчера заметили, что на знак похоже.

– Ощущения? – Тора приподнял руки; близнецы подались вперед, и он осторожно тронул пальцами оба узора.

– Ничего, – ответили Като и Фума в один голос.

Тора помедлил и провел ладонями по плечам и шеям братьев. Неестественный жар уже не ощущался, но температура тел был заметно выше нормальной.

– Медперсонал к себе не подпускайте. Не поймут, – сказал он.

– А нам и запрещено, – усмехнулся Фума.

– В школе всем учителям указание – если с Накадзима что-то не так, звонить только

домой, – пояснил Като.

– Тора. Кто мы? – не поднимая глаз, спросил Фума.

– Ёкаи, – Тора вздохнул и задумчиво посмотрел на бездействующую электрическую лампу на потолке.

– Но ведь мы не такие, как Хирото, – проговорил Фума. – Он там эти свои синие огоньки в круг раскидал. Я не знаю, что на меня нашло: хотел помочь ему. Не знаю, что сделал. Но всё загорелось по-настоящему. Потом ты мне – потуши. И я как очухался.

– Тора, кто мы? – Като повторил вопрос близнеца. – С тобой и мадзоку всё ясно. Хирото – папина копия. Юдзо обычный. А мы?

– Обычных детей в семье Накадзимы нет, – сообщил Тора. – Я не знаю, что означают ваши узоры. Я не знаю, магия каких обакэ досталась вам в наследство от матери. Но вы – ёкаи, как все члены семьи. Это трудно – быть ёкаем среди людей. Не выдать себя, контролировать свои силы, не поддаваться искушению, не навредить, не нарушить баланс бытия. Это трудно. Но для того и существуют клан, семья, Дом. Там, где поддержат, помогут, научат, посоветуют. Там, где можно доверять. Отец создал именно такой клан... Сюда идут.

Като и Фума кинулись одеваться. Тора тоже поторопился натянуть на себя униформу, поэтому тренер застал учеников готовыми к выходу и попросил Тору на несколько минут зайти в зал.

В спортивном зале собрались директор, несколько учителей и рабочие из обслуживающего персонала здания школы. До единой версии причины происшествия здесь еще не договорились, но в основном обсуждалась амортизация конструкции. Между репликами прозвучало – будто термиты поработали. Однако ни единого предположения на тему теплового воздействия на металл не возникло. Что было и понятно: чтобы превратить в труху мощные стальные скобы, требовалась немыслимая температура.

На вопросы тренера и директора Тора честно ответил: услышал треск и заметил, что звук сопровождает силовое воздействие на снаряд, поэтому решил предупредить учителя. Никто не обратил внимания на факт «услышал», отметили только внимательность нового ученика и его самоотверженный поступок, благодаря которому никто из девушек не пострадал. Разговор получился коротким, и тренер сам проводил Тору до выхода. Но в вестибюле перед раздевалками, где Тору демонстративно ждали братья, спросил, действительно ли Тора занимался паркурком.

– Не всерьез, но... – Тора изобразил смущенную улыбку, – баловался, бывало.

Тренер поверил. Еще раз выразил восхищение великолепной физической подготовкой новичка и отпустил его восвояси.

До перемены оставалось минут пятнадцать, но распущенные с урока досрочно в коридорах не показывались.

– В классе, наверное, все, – заметил Фума.

– Что-то мне туда не хочется, – признался Тора.

Близнецы согласно кивнули.

– Пошли обедать, – предложил Като.

– Куда? – Тора оглянулся на дождливое небо в окне.

– Есть у нас тут хорошее местечко, – подмигнул ему Фума.

Эпизод 11. Первый раз в старший класс (продолжение)

Пояснения к эпизоду 11

На крыше, огороженной высокой металлической сеткой, ученики собирались на «больших» переменах, здесь же обедали, а иногда проводили время, отведенное на самостоятельные занятия. Но сидеть под дождем никто не собирался, поэтому сейчас крыша пустовала. Като и Фума пробежали по открытой площадке, просочились между сеткой и стеной и гордо продемонстрировали брату своё убежище – перекрытый со стороны здания запасной выход в облике каморки без двери.

– Располагайся, – Като по-хозяйски водрузил бэнто на пластиковый ящик.

Тора внимательно посмотрел в темноту.

– Та дверь закрыта изнутри, – подсказал Фума. – Лестницей давно не пользуются.

– Нас тут пару раз застукали, – продолжал Като, – поругали, но потом плюнули. Мы же никому не мешаем, ничего не ломаем. Это твоя... – он протянул Торе коробку, завернутую отдельно от двух. – А у нас сегодня..?

Фума первым снял крышку.

– Опять мясной рулет, – он выразительно сморщил длинный тонкий нос.

Като с такой же миной на лице, то есть безо всякой надежды на чудо, открыл свой бэнто.

– Знаешь, Тора, – начал он, тоскливо разглядывая содержимое ячеек обеденной коробки, – единственный раз, когда нас избавили от мяса на обед, было в рёкане. И сделал это ты.

– Мне специально написали, что вы мясо не любите, – Тора пожал плечами.

– Кто написал? – изумились близнецы в один голос.

– Точно не знаю. Но, думаю, тот список составил отец.

Като и Фума подозрительно переглянулись.

– Отец? Да ну, не... – протянул Фума, но Тора заметил, что он боится радоваться вдруг сделанному открытию.

– Папу интересует только наше поведение относительно «лица семьи», – добавил Като, но и он сдерживал себя от накатившей радости.

– А ладно, – отмахнулся Фума и заявил Торе. – Ты вообще лучше готовишь, чем наш повар-диетолог.

– Зануда редкостная, – вставил Като и вытянул шею, чтобы посмотреть, что приготовили на обед старшему брату. – Это что там у тебя зеленое? Салат?

– Салат, – ответил Тора, не сдержав вздох.

– Не любишь? – посочувствовал Фума.

– Нет, – признался Тора. – Зелень, конечно, полезна, и для оформления блюд хорошо идет. Но жевать это...

– А давай меняться! – вдруг предложил Като.

– Точно! – подхватил Фума. – Мы зелень обожаем. А тебе надо мяса побольше. Чтобы хиликом не выглядел.

– Человеческий облик ёкая обычно неизменный, если специально не подыгрывать, – сказал Тора и улыбнулся. – Но от мяса не откажусь.

Обмен состоялся тут же – братья попросту поставили все три коробки рядом и взяли хаси. Близнецы с удовольствием собрали всю зелень, Тора управился с мясными рулетами, и темп поглощения обеда снизился, ибо в коробках остались лишь нейтральные для вкусов всех троих блюда. И тут Тора обратил внимание, как близнецы держат хаси. На первый взгляд оба работали палочками одинаково ловко, но Като как будто прилагал гораздо больше усилий для этого простого действия, нежели его близнец.

– А ну-ка поменяйтесь местами, – в стиле мысли вслух произнес Тора.

– Из-за этого? – в один голос спросили Като и Фума, и каждый показал пальцем на свою «родинку»-узор, но Фума правой рукой, зажав хаси между пальцами, а Като – непринужденно, свободной левой.

И тут Тору осенило.

Увидав его просветлевшее лицо, близнецы тут же пересели в зеркальную позицию.

– Като, а теперь бери хаси в левую руку, – распорядился Тора.

Като недоуменно покосился на Фуму, в левое плечо которого упирался своим правым, и медленно, с затаенным страхом перед неким судьбоносным открытием, взял палочки пальцами левой руки. Неудобство было мимолетным. Хаси разместились между пальцев, и Като ловко подцепил из коробки кусочек омлета.

– Это чего получается? – Фума изумленно наблюдал за братом.

– За пятнадцать лет никто не заметил, что я левша? – закончил Като.

– Ты аркады всегда с левой проходил! – Фума толкнул его в бок.

– Тора, а что это значит? – Като поднял взгляд.

– Мне кажется, это позиция контроля... – начал Тора.

Но вдруг факты вмиг разложились в логичную цепочку, закончившуюся простым и очевидным ответом.

– Это просто метки, – Тора рассеянно улыбнулся.

Логическая цепочка провернулась в голове с начала до конца: «Саламандра сказала «всегда так и только так», увидав детей спящими в одной кровати. Различить близнецов она наверняка не могла, так как не видела узоров под одеждой и одеялом. Следовательно, она имела в виду не пространственную позицию относительно родинок, а факт нахождения Като и Фумы рядом друг с другом!»

– И чего? – дружно насторожились Като и Фума.

– Просто метки. Левый и правый, – повторил Тора. – Теперь, когда всё встало на места, вам будет намного проще научиться управлять своими силами.

– И... никакой магии? – испугался Като.

– Магия внутри. Была и есть, – Тора искренне, открыто улыбнулся. – А как обеспечить контроль – разберемся.

Они опять переглянулись, будто спрашивали друг друга – неужели так запросто в один момент раскрылась многолетняя тайна?

– Тора, – заговорил Като, продолжая смотреть на близнеца.

– Как бы побыстрее с контролем? – подхватил Фума, тоже не глядя на адресата реплики.

– Пока мы чего-нибудь не натворили...

– ...и не подставили отца.

– Я буду тут, с вами, – ответил Тора.

А про себя подумал: «Как же отец ошибается, уверенный, что близнецы слушаются его из страха перед потерей материальных благ! Неужели он до сих пор не заметил, что именно эти двое преданы семье более, чем кто-либо другой? Им сочинили образ, повесили на них соответствующие образу маски, и теперь за этими масками не видят лиц. Но это пройдет. Наверняка, скоро пройдет. Он будет смотреть на сыновей не менее внимательно, чем на своих деловых партнеров».

Раздался школьный звонок. Тора выпрямился, но Фума махнул ему, мол, сиди, а Като пояснил.

– Это на перемену. Еще пятнадцать минут можно прохлаждаться.

– В класс не пойдем? – Тора бросил взгляд на опустошенные бэнто.

– Следующий и последний урок – литература, – сообщил Като. – Подготовиться хочешь?

– Сбегать за твоим портфелем? – Фума привстал.

– Нет-нет. Спасибо, – Тора отрицательно покачал головой. – Я вчера листал учебник.

– Ты чего, все иероглифы знаешь? – осторожно уточнил Като.

– Нас полгода уже накачивают старинной мутатой и всякой классикой, – пояснил Фума. –

И ты это с листа прочитаешь?

– Думаю, да.

– Ну, дело твое, – Като придирчиво оглядел Тору.

– Учти, учитель – вредятина, – предупредил Фума. – К тому же он приятель директора. И они оба нас на дух не переносят.

– Почему? – насторожился Тора.

– Потому что у нас – папа, – Като усмехнулся.

– А у них пунктик – сынки таких «пап» должны учиться отдельно от нормальных людей, – закончил Фума.

– Пытаются выжать из школы?

– Типа того. Но фиг им. Пока отец сам не забрал нас отсюда.

– Он не заберет, – вставил Като и объяснил Торе. – Папа, если чего-то решил, никогда не отступит.

– Если вам здесь не нравится, скажите об этом отцу, – предложил Тора, внимательно отслеживая выражения одинаковых лиц.

– Ну уж нет!

– Ни фига!

Воскликнули оба в один голос. Продолжил Като:

– После того, что Хагивара в мае выкинул, мы не уйдем.

– Потому что это будет бегство, – объяснил Фума. – А бегать от таких мерзавцев, как он, мы не намерены.

– Что случилось в мае?

– Сфоткали. Проследили, куда нас возят каждый день, увидели папин особнячок. Нащелкали на камеру. Мол, вот как живут наши одноклассники.

– Снимал не сам Хагивара, – подхватил Като. – А кто-то из дружков его старшего брата из третьего «бэ».

– «Клуб журналистов» это у них тут называется, – вставил Фума.

– Папина охрана застучала, конечно, – продолжал Като. – Но несколько фотографий они успели выложить в соцсети. Папа всерьез взялся за любителей сплетен, Рику привлек. А у Рику свои крутые ребята под рукой. В общем, Хагиваре объяснили, что и как. Старшему, в смысле. Младший вроде как и не при чем.

– А он на нас перед всем классом, – Фума перехватил нить рассказа. – Типа, вот они какие гады, зажимают обычных людей. И прочее бла-бла-бла. А с него взятки гладки – не он же папе на хвост наступил.

– Мы его в отместку хакнули, – бодро продолжил Като. – Все аккаунты в соцсетях вверх дном перевернули. И ему, и братану заодно. Он понял, кто это сделал, а фиг докажешь. С тех пор и воюем.

– Но так, как он сегодня... – начал Фума.

И оба стиснули кулаки.

– Понятно, – Тора остановил обоих взмахом руки.

– Уже у Рику словечек нахватался, – с удовольствием отметил Като; вспышка ярости обоих погасла бесследно.

– Ну да. У него, – согласился Тора, но тему не закрыл. – Что значит «хакнули»? Это компьютерное что-то?

– Подсадили «червя», выловили сетевые пароли и вскрыли, всё, что требовалось, – несколько удивленно пояснил Фума.

- А-а, – Тора отвел взгляд.
- Ты чего, в компах не шарить? – насторожился Като.
- Знаю, как в интернет войти.
- Фига дает!
- Дикий, блин!
- Тора извинительно развел руками.
- В интернет-салон ходил иногда читать. И в библиотеках терминалами пользовался.
- Всё. Точно. Научим! – обрадовались близнецы.
- Дома устроим тебе курсы! – добавил Като.
- Спасибо. Это будет для меня очень полезно, – согласился Тора.

С появлением братьев Накадзима в классе моментально стало тихо, хотя урок еще не начался. Все девушки теснились вокруг тех троих, на которых обрушилась «шведская стенка». И Тора почувствовал от этой компании много весьма неоднозначных взглядов себе в спину.

- Ксо-о, – еле слышно протянул Като. – Про старосту забыли...
- Не здесь, – остановил его Тора.

Учитель вошел сразу, чуть только прозвенел звонок, и после завершения стандартного приветствия с видом хозяина уселся за кафедрой.

– Домашнее задание. Чтение вслух. Будем слушать всех, – объявил он и посмотрел через весь класс прямо на Тору. – Кто тут у нас полгода не учился?

Тора не шелохнулся. Учитель выжидающе взирал на него из-за кафедры, но ни фамилия, ни имя не прозвучали, поэтому формально у Тора не было оснований считать себя вызванным.

- Ну? – учитель сдвинул брови и огромным трудом сдержался, чтобы не отвести взгляд.

В классе затаили дыхание.

- Накадзима Тора, – с натугой объявил учитель.

– Да, сэнсэй, – Тора встал, как и полагалось после именного обращения, раскрыл книгу на странице, номер которой узнал у братьев до урока, и невозмутимо начал читать.

Придаться было не к чему. Учитель остановил его на полуслове и без преамбул процитировал отрывок из известного классического свитка.

- Дальше, пожалуйста. Мы учили это на прошлой неделе.

Тора с первых строк узнал произведение, живо восстановил в памяти страницу учебника и без запинок продолжил цитату.

– Неплохо, – учитель опять прервал ученика на середине фразы. – А теперь к доске. Пока мы читаем дальше, запиши имена тех из «Тридцати шести бессмертных», которых ты помнишь.

По классу прокатился возбужденный шорох. В такой формулировке задание не входило в школьную программу. Тора это знал. Но список поэтов встал перед мысленным взором как фотокопия страницы книги с четко прорисованными иероглифами всех тридцати шести имен.

Мерное стучание мела привлекло внимание учителя к моменту, когда Тора выводил двадцатое имя. Место на доске он заранее рассчитал так, чтобы уместить все столбцы, и учитель это понял, что Тора определил по сорвавшемуся удивленному вздоху. Однако его не остановили, и, заканчивая со списком, он на всякий случай принялся раскапывать в памяти художественные иллюстрации к творчеству каждого из поэтов. Нашлось меньше половины, не считая двух любимых отрывков в стиле вака-тёги. А учитель теперь ревностно наблюдал за процессом начертания иероглифов.

- Можешь что-либо процитировать? – спросил он, начисто забыв, что очередной ответчик

по домашнему заданию невнятно читает вслух.

Тора вывел последний штрих в тридцать шестом имени и повернулся к классу лицом. Отвечавший умолк. Учитель, не оглядываясь, махнул ему, мол, достаточно, и ожидающе посмотрел на Тору. Тот процитировал одну из любимых песен периода Хэйан.

– Похвально. Любишь литературу?

– Избирательно, – ответил Тора.

– У тебя прекрасная зрительная память, – отметил учитель, окинув взглядом ровные столбцы имен на доске. – И прекрасная каллиграфия... Спасибо, Тора. Я давно не получал такого удовольствия от наблюдения за начертанием.

Близнецы изо всех сил сдерживались от реплик и жестов, пока Тора возвращался к своей парте, но на лицах сиял неподражаемый букет эмоций: от победного – ну ты его и уделал! – до восторженного – Круто!

Чуть только закончился урок, Като и Фума принялись живо упаковывать портфели.

– Давай в темпе.

– По быстрому.

Оба распоряжения были адресованы Торе. Он не стал уточнять причину спешки, оперативно собрался и следом за братьями покинул класс. Но показалось, что по крайней мере половину одноклассников он разочаровал своим стремительным уходом.

В раздевалке торопливость близнецов перешла все границы, и Тора спросил:

– Вы всегда так сбегаєте из школы?

– Не. Мы последние обычно, – сообщил Фума.

– Пошевеливайся! А то нарвемся! – Като аж подпрыгнул от нетерпения.

– Куда мы торопимся? – Тора нахмурился.

– Щас узнаешь. Главное, сбежать вовремя.

Тора чувствовал, что у братьев созрела какая-то грандиозная идея, причем это случилось на последних минутах урока. А поскольку настроение у обоих было прекрасное, оставалось предположить, что идея связана с чем-то, не касавшимся школьных происшествий.

– Из ворот сразу налево, бегом до конца улицы, а потом на проспект, – скомандовал Като и помчался к выходу.

Фума подтолкнул Тору, все трое выскочили на школьное крыльцо, и... близнецы резко затормозили.

– Ксо! – выдохнули оба в один голос.

Тора заметил у ворот серебристо-белое авто и узнал водителя, встречавшего пассажиров на тротуаре.

– Симада-сан? – удивился он.

– Какой черт его принес так рано! – Като с досадой сжал кулаки.

– Как на зло, – понурился Фума.

– Может, выпросимся? – Като покосился на близнеца через плечо; через правое, ибо в одночасье поломалась пятнадцатилетняя привычка.

– Размечтались! – вздохнул Фума и побрел к воротам.

– Куда вы собирались сбежать? – серьезно поинтересовался Тора.

– погоди. Может, получится, – откликнулся Фума, но по тону его было ясно, что на положительный результат он не рассчитывает.

– Симада! – начал Като издали. – Чего так рано?

– Добрый день, Фума-сан, – шофер приветливо поклонился.

– Я Като, – поправил Като.

Шофер не сумел скрыть изумления, а Тора про себя отметил два факта: Симада-сан – человек, и для идентификации близнецов всегда использовался пространственный принцип

их опознания.

– Симада, а давай ты сделаешь вид, что еще не приехал? – предложил Фума.

– Не могу, Фума-сан. Распоряжение доставить вас всех домой сразу после окончания уроков.

Шофер дружелюбно посмотрел на Тору.

– Добрый день, Симада-сан, – поздоровался тот.

– Добрый день, Тора-сан. Очень рад видеть вас в новом статусе.

Тора потупился. Ему-то было не слишком радостно разговаривать с позиции «сына миллиардера» с человеком, для которого он был равным по статусу всего три дня назад.

– Симада, это для Торы, – Като почуял симпатию собеседника к брату.

– Давай ты нас отвезешь. По-быстрому. Мы и тебя прихватим с собой, – влез Фума.

– Като-сан, Фума-сан. Мне очень жаль, но распоряжение жесткое – домой безо всяких остановок, – мягко, но безапелляционно объявил Симада.

– Ну Симада! – Като перешел на молящий тон. – Тора первый день в школе. Тут недалеко отличный кафетерий. Ну почему нам нельзя полчаса там посидеть? Всего полчаса.

– Симада, – точно таким же тоном заканючил Фума. – Ну сам посуди, человек до это в кафе был только как официант. А тут такой повод классный!

Симада опустил взгляд. Заметно было, что он начал колебаться, и Тора поспешил вмешаться, дабы не провоцировать служащего Дома на нарушение приказа.

– Братцы. Ничего страшного. Потом как-нибудь. Заранее спросим разрешения. А сейчас – домой.

– Ну, не-е... – протянул Като, но видно было, что он уже сдался.

– Вот ведь!.. – вздохнул Фума.

– Наверняка у отца были основания для распоряжения, – добавил Тора, придав своему голосу что-то типа многозначительной интонации.

Като и Фума переглянулись.

– Ты думаешь...? – начал Фума.

Тора быстро, практически мгновенно, качнул головой. Пантомима был замечена внимательным шофером, но понята по-человечески.

– Като-сан, Фума-сан, вы опять отличились в школе? – с грустной ноткой в голосе поинтересовался он, открывая заднюю дверцу шикарного авто.

– Мы?! – испугались близнецы, но тут сообразили, что вопрос был задан без намеков на сверхъестественные происшествия.

– Это он отличился! – мигом нашелся Фума и показал пальцем на Тору.

– Уделал литератора так, что тот вздохнуть не мог! – подхватил Като.

– Видел бы ты эту рожу, Симада! Это было нечто!

– Тора ему на все вопросы без запинки! Да еще и тридцать шесть фамилий иероглифами на доске.

– Как не фиг делать!

– А у англичанина очки подпрыгнули на носу!

– От ста процентов по тесту без подготовки! Прикинь!

– О! – Симада восхищенно посмотрел на потупившегося Тору.

Торе не пришлось изображать смущение, ибо смущенным он чувствовал себя по-настоящему. Не столько от эстафетной скороговорки близнецов, сколько от мысли, что совсем скоро Симада-сан, которому братья доверяют, как лучшему другу, будет отстранен от обязанности доставлять их в школу. Потому что он был человеком, а они – ёкаями.

Симада пригласил Тору занять переднее кресло рядом с водительским. Като и Фуме разделение не понравилось, но на сей раз спорить они не стали.

– Симада! – Фума без зазрения совести ткнул шофера сзади в плечо, когда машина

выруливала на проспект.

– Като-сан, пристегнитесь, пожалуйста.

– Я Фума, – рассмеялся Фума. – Симада, почему тебя вчера не было?

– Знаешь, как скучно с Одзаки ездить? – подхватил Като.

– Вчера мне позволили взять дополнительный выходной, – сообщил Симада и, слегка обернувшись через левое плечо, пояснил. – Теперь я дедушка.

– Фига! Уже родился? – дружно подскочили близнецы.

– Вчера утром родился. Мальчик.

– Круто!

Тора искренне улыбнулся.

– Поздравляю, Симада-сан, – произнес он.

– Спасибо, Тора-сан. А вы теперь в одном классе с этими озорниками? – он дружески подмигнул в зеркало и предупредил. – Като-сан, я всё вижу. Ремень безопасности, пожалуйста.

– Я попросил, чтобы зачислили в тот же класс, – ответил Тора.

– Разве вы не старше на год? – удивился шофер.

– Да, но в старшей школе я не учился ни дня.

– И сразу такие успехи? Талант.

– Да нет. Просто читал всегда с удовольствием, а английский с детства знаю.

– Ты чего, вообще по инглишу свободно?! – вытаращился Като.

– С детства, – подчеркнуто ответил Тора, чтобы близнецы усекли, про какое детство идет речь, а для Симады пояснил. – Так получилось. Теперь даже не знаю, признаваться ли в школе.

– Конечно признаваться, – рассмеялся шофер. – И братьев, – с удовольствием выговорил он, – подтяните. Без иностранного языка в наше время трудно. Даже мне пришлось учить – босс заставил.

– Мы его сначала в компьютеры за уши втянем, – заявил Фума.

– Он компы в глаза не видел, Симада, прикинь! – подхватил Като.

– Так уж и не видел! Что не играл в игрушки – поверю, – весело откликнулся Симада. – Тора-сан, осторожнее с этими бойцами виртуальных миров. Затянут, как в болото.

– Игры – не болото! – возмутился Фума.

– Это произведения искусства! – подхватил Като.

Так за непринужденной беседой Тора не заметил, как автомобиль вырулил за пределы города. Спихнулся он, когда за окном вместо примелькавшихся «спальных» районов западного Токио потекли поля, а дорога начала подниматься в гору. Утром он засек время поездки в машине Одзаки-сана от ворот поместья до ворот школы с учетом загруженности трассы. Сейчас показалось, что машина мчится вдвое быстрее. Тора покосился на спидометр. Так и есть: профессиональный шофер с многолетним стажем работы позволял себе предельно допустимую здесь скорость.

– Вау! Мы почти приехали! – воскликнул Като.

– Так быстро! – подхватил Фума. – Симада, ты сегодня рекорд поставил!

Тора почувствовал, как ни с того, ни с сего кольнула тревога. Зачем такая скорость? В профессионализме Симады он не сомневался, но лишь теперь заметил, сколько сил тратит шофер, чтобы вести машину в этих условиях, да еще и поддерживать разговор. Тора, продолжая улыбаться, сосредоточился на поиске ответа в ближайшей памяти. Что-то осталось без внимания вчера...

Образ главы Дома. Кабинет. Свой нечаянный вопрос: «Клану что-то угрожает?», – и правдивый, но неполный ответ: «Нет, ничего».

Эпизод 12. В домашней атмосфере

Като и Фума вознамерились позвать Тору к себе, чтобы начать компьютерные курсы немедленно. Но помешал Хирото, карауливший старшего брата в центральном холле поместья. Акияма-сан, находившийся тут же, лишь извинительно поклонился, мол, ничего поделать не мог. Близнецы снисходительно выслушали претензии младшего братишки по поводу «присвоения права общаться с Торой». Тора пообещал явиться на курсы через полтора часа и, сдав портфель горничной, отправился знакомиться с домашним миром Хирото.

Мальчик на радостях обернулся в истинную форму, не добежав до магических «ворот» левого крыла, за что получил замечание от Акиямы, шедшего сзади, и массу объективных неудобств, вызванных школьными брючками, не приспособленными для обеспечения свободы хвоста. Смущенный, Хирото вынужден был приспустить пояс до бедер и, торопливо извинившись, помчался в спальню переодеваться.

– Хи-тян! Просто назад обернись! – громко посоветовал Тора ему вслед, дабы снизить уровень официальности.

– С тобой я буду только настоящим! – заявил Хирото в щель между сёдзи и скрылся.

– Мы ожидаем много проблем с маленьким господином, – тихо сказал Акияма.

Тора понимающе кивнул.

– Мы с таким трудом приобщили его к общению с людьми. И теперь не имеем права лишить его этого общения, – продолжал тануки. – Но и нельзя заставлять его всюду держать человеческий облик. Особенно сейчас, когда он почувствовал себя ёкаем.

– Его человеческий облик полностью зависит от состояния истинной сущности, – сказал Тора и вопросительно посмотрел на собеседника.

– Увы. Мы облачили младенца в человеческую ипостась в день его появления на свет, и тем самым обрекли на замедленное развитие, ибо для новорожденного ёкая такой груз непомерно велик. Теперь мы вынуждены скрывать настоящий возраст Хирото-сама. Он родился 12 лет назад, но сейчас учится только во втором младшем классе.

– Почему вы не стали использовать заклинание печати? – осторожно спросил Тора.

Акияма-сан грустно улыбнулся.

– Накадзима-сама запретил запечатывать ёкайскую сущностью сына, а создать печать столь же виртуозно, как это сделала Мудрейшая Нэкомата, никто из нас здесь не способен.

Апартаменты младшего Накадзимы занимали треть жилой части первого этажа левого крыла и включали в себя игровые комнаты для тихих и для подвижных игр, просторную изостудию, маленький уютный класс для занятий каллиграфией, отдельную ванную, большую спальню, где имелось специально место для ночной няни, типовую для дома гостиную, а также две комнаты в традиционном стиле с выходом в маленький садик. Все двери и окна были снабжены магической защитой, выполненной по принципу барьера, а кроме того вокруг сада висело заклинание иллюзий, дабы со стороны это место выглядело обычным участком парка.

«Золотая клетка», – окончательно убедился Тора.

Он был уверен, что ничем не выдал своих мыслей и эмоций, но Хирото вдруг заявил:

– Папа вчера сказал, что скоро нам всем разрешат быть настоящими во всем доме, потому что тут будут только те люди, которые в нас верят.

– Так и сказал? – удивился Тора.

– Угу. Вот тут, – Хирото похлопал ладонью по дощатому полу веранды. – Мы тут по вечерам с ним сидим и смотрим на сад. И в сёги играем иногда. Если папа дома, конечно. И не очень занят. А еще вчера мы хвостами мерились! Так смешно было! Давай с тобой

померимся!

– Я в школьной форме.

– Ты меня стесняешься? – глазенки оборотня-лисёнка изумленно распахнулись.

– Нет, что ты! – Тора потрепал мальчика по рыжим ушам. – Просто в костюме нельзя оборачиваться.

– Почему?

– Потому что на одежде могут остаться шерстинки. Представляешь, если кто-нибудь в школе заметит шерсть на брюках или пиджаке?

– Соврать! Например, дома кот живет. У людей в домах часто живут кошки. И даже собаки.

– Знаешь, я ненавижу врать. Особенно людям. Приходится, конечно. Из-за цвета волос. Или если нечаянно сделал что-то необычное. Но это так мерзко – чувствовать себя обманщиком.

Хирото надолго задумался.

– Тора-нии-сан, – протянул он. – А как думаешь, папа сможет сделать так, чтобы мы вообще всегда с людьми нормально жили? Чтобы можно было по улице ходить в истинной форме. В школу. И чтобы никого не напугать и никому не навредить.

– Я думаю, в одиночку папа ничего не сделает. Но если мы все вместе, всем кланом, возьмемся, если будем внимательными, терпеливыми, будем помогать людям и принимать помощь людей. Если найдем единомышленников среди людей и других обакэ. Тогда через много лет мы действительно сможем открыто жить в человеческом мире.

– Через много лет, да? – расстроился Хирото.

– Да. Через много лет трудной, кропотливой работы, – серьезно подтвердил Тора.

В свои комнаты на втором этаже Тора поднимался по задней лестнице, чтобы по пути заглянуть в служебное крыло, где жили сотрудники-аякаси, и уточнить у кого-нибудь, где находятся апартаменты Като и Фумы. Обращаться к привратнику-человеку в центральном холле он не хотел, дабы лишний раз не заострять внимание на своей неосведомленности. Однако первый, кого Тора увидел в служебном коридоре, был человек. Молодой – лет двадцати-пяти, плосколицый, низкорослый и нескладный, он неуклюже пристраивал подмышкой большую почтовую коробку, ногой придерживал поставленную на пол сумку, из которой в разные стороны торчали пакеты и бумаги, и при этом рассеянно озирался по сторонам. Тора рефлекторно закрылся, но тут из бокового помещения выплыла ничего не подозревавшая аякаси, занятая размещением прически из длинных белых червей между двух изогнутых рогов. Подняв глаза, она увидела человека и Тору, чьи дух и внешность в данный момент не отличались от людских, и в ужасе застыла. Тора поспешно сбросил ауру сокрытия и поднял руку в стиле, «не волнуйтесь, разберусь». Аякаси закатила глаза, растеклась по полу и уплыла прочь в облике большой склизкой лужи.

Человек оглянулся на отчетливый «бульк», но ничего заметить не успел, поскольку упустил из-под руки с таким трудом пристроенную коробку. Попытка поймать выскальзывавшую ношу закончилась потерей равновесия сумки, из которой тотчас посыпались бумаги.

– О, нет! – отчаянно вздохнул он и увидел приближавшегося Тору. – А... но... извините.

– Я помогу, – Тора дружелюбно улыбнулся и принялся собирать бумажные пакеты с корреспонденцией.

– О, спасибо большое. Извините. Кажется, я тут заблудился. Недавно работаю. Курьером. Никак не могу выучить, где тут что.

– Куда вам нужно было это доставить? – непринужденным тоном поинтересовался Тора.

– Бумаги в секретариат, а посылку на это... как его... пункт какой-то. Мне так неудобно,

извините.

– Ничего страшно. Давайте сначала зайдем в секретариат, а потом найдем этот самый пункт.

– А вы... вы тут давно работаете?

Тора замялся.

– Я тут два дня всего.

– Ух. Вот незадача...

– Где секретариат, я знаю, – Тора поднял сумку с бумагами и повернул в выходу из служебного коридора.

– А... но... – курьер, удерживая коробку двумя руками, взглядом показал на сумку.

– Я помогу, – повторил Тора.

– Спасибо. Меня зовут Огава.

– Очень приятно, Огава-сан. Я – Тора, – смело представился Тора, поскольку не сомневался, что курьер не знает имен сыновей Накадзимы.

– Очень приятно, Тора-сан, – обрадовался курьер.

Тора раздвинул двери и пропустил курьера с коробкой вперед. Здесь, в дверях, стоял иллюзорный барьер, призванный скрыть существование входа. Однако человек переступил порог без каких-либо специфических эмоций. Более того, двери он прекрасно видел.

– Это такой удивительный дом, Тора-сан! – заговорил Огава. – Просто потрясающий дом. Где меня только ни носило, но настолько приятное место я вижу впервые.

Тора охотно поддержал разговор.

– Приятное?

– Вы не находите этот дом приятным? Наверное, я слегка чудной.

– Нет-нет, что вы! Мне тоже здесь очень нравится.

Тора покосился на бесформенного аякаси, вжавшегося в стену. Этот неподвижный обакэ был ответственным за искривление пространства на входе в «левое крыло». Существовал он тут с тех пор, как особняк был сдан в эксплуатацию заказчику. И, судя по флюидам отчаяния, истекавшим от бедолаги, сегодняшний случай был первым сбоем в его безупречной двадцатилетней работе. Торе очень хотелось успокоить несчастного добрым словом, но слов это обакэ не понимал, а выходить на контакт сознаний Тора поостергся.

– Я вот тут, кажется, неправильно свернул, – Огава-сан повел подбородком над коробкой, указывая на призрачный «перекресток». – И сейчас смотрю, коридоры как будто дwoятся.

Тора осторожно прощупал дух чудаковатого курьера. Однозначно – человек. Однако на этом «перекрестке» обычный человек мог видеть только один коридор, тот, что вел в центральную часть здания.

– Из-за света, наверное, – Тора показал на длинное витражное окно. – Пойдемте, провожу в секретариат, Огава-сан.

Пока курьер путался в собственных руках и своих ношах, Тора всеми своими органами чувств отслеживал перемещение персонала в ближайшем пространстве. К счастью, до сих пор никто не видел, чем занимается «старший сын босса». А «старший сын босса» в данный момент командовал процессом доставки и размещения объектов – забрал у неуклюжего курьера коробку, вручил ему сумку и отправил в секретариат, вызвавшись покараулить посылку для какого-то пункта.

Огава-сан вышел из кабинета минут через пять, пунцовый и взъерошенный.

– Не смог спросить про пункт, – признался он. – Стыдно, но...

– Сейчас разберемся, – уверенно пообещал Тора, но сам при этом лихорадочно сочинял способы поиска адресата без высвечивания своей персоны.

Ничего лучше звонка братьям он не придумал, однако мобильник остался в портфеле. Тора отвел курьера подальше в рекреацию, попросил у него телефон и на память набрал

номер Фумы.

На звонок ответил Като. Тора представился и хотел, было, объясниться за незнакомый номер, но Като не дослушал и завопил:

- Откуда ты звонишь? Мы тебя уже пять минут ждем!
- Извини. Дело подвернулось неожиданно. Но нужна помощь.
- Чего такое? Ты где?

– Возле домашнего секретариата. А найти нужно... Что тут пунктом называется? Что-то техническое, вроде.

Двойное сопение в динамике возвестило о том, что близнецы стоят или сидят нос в нос друг к другу.

- Пункт контроля видеонаблюдения! – осенило Фуму.
- Точно! – подхватил Като. – Тора, чего тебе там надо?
- Да не мне. Человека нужно проводить.
- Это с правого крыла. За гаражами сразу.
- А вход откуда?

На том конце вышла заминка.

– Слушай, двигай сюда, один раз увидишь схему поместья, и никаких проблем, – заявил Фума.

– Через четверть часа приду. А пока словами объясни, пожалуйста.

Объяснять взялся Като, на второй фразе запутался с направлениями, вмешался Фума, но Тора в конце концов понял, куда надо стоять лицом, а куда спиной, чтобы право было справа.

– Понятно. Спасибо. Скоро приду.

Он нажал «отбой» и вернул мобильник владельцу.

– Ох, простите, Тора-сан, – курьер совершенно сник. – Вы из-за меня свои дела...

– Не проблема, – Тора улыбнулся. – Идемте.

Он направился к центральной лестнице и тут вспомнил о привратнике в людном холле.

– Тора-сан, даже не знаю, как вас благодарить, – Огава доверительно пристроился рядом с провожаемым месте со злополучной коробкой. – Я уже столько тут всего напутал, что меня того гляди уволят до завершения испытательного срока.

Это последнее откровение сработало для Тора как переключатель скоростей поиска решения. Он незаметно завернул в боковой коридор. Огава-сан, как привязанный, шагнул рядом и нелогичного поворота не заметил. А Тора решил вывести незадачливого курьера на двор через служебные помещения, где вчера вечером Инукай-сан знакомил его с сотрудниками охраны. И хотя тренировка с целью обмена опытом еще не состоялась, Тора не сомневался, что сумеет быстро и незаметно объяснить инугами свое присутствие в компании человека.

– Такой вот я непутевый, – продолжал бормотать Огава-сан. – В университет два раза провалился. Священника из меня тоже не вышло. И курьер никакой. Стыдно перед Накадзимой-сама.

– Вы общались с владельцем этого поместья? – Тора аж приостановился от неожиданности.

– Да! Такой чудесный человек. Прекрасный просто человек! Но я не знал тогда. Когда общался. Кто он такой. Потом меня сюда пригласили на работу. Я-то думал, то же, что и в конторе. А тут такой домище. Столько людей!.. О! Добрый день. Здравствуйте. Добрый день.

Пока Огава-сан раскланивался во все стороны, продвигаясь между оцепеневшими инугами, Тора зацепился взглядом со старшим смены и, не спуская с него глаз, узором собственного духа обозначил пожелание. И тут же почувствовал ответный сигнал, который на человеческом языке прозвучал бы как «будет исполнено».

Старший смены не встал при приближении Тора, а лишь кивнул ему и сделал

неопределенный жест рукой, типа – «свои, проходите» или «привет-привет». Тора благодарно улыбнулся.

Огава-сан ничего особенного не заметил.

Оказавшись на парковой дорожке, он остановился и с воодушевлением вдохнул.

– Здесь даже воздух особенный!

– Это место далеко от города, – заметил Тора.

Возвращать разговор к теме встречи с главой Дома он не рискнул, но старался всячески поддерживать словоохотливость спутника, ибо этот человек его заинтересовал.

– Не-ет, Тора-сан. Дело не в этом, – возразил Огава, и в глаза его появился влажный ностальгический блеск. – Знаете ли, есть на свете места, в которых скапливается... как бы особая атмосфера. Раньше в таких местах строили святилища. А духовно сильные люди общались там с ками. Странно, да?

– Необычно, – признался Тора, внимательно разглядывая собеседника.

– Мой дед служил в небольшом деревенском дзиндзя. Я очень любил к нему приезжать, когда был маленьким. Отец как-то сказал, что дед хотел забрать меня к себе на обучение, но они – папа с мамой – отказались наотрез. Я недавно попытался сам устроиться на работу в святилище здесь, на севере префектуры. Уборщиком для начала. А потом надеялся как-нибудь в ученики. Но оказалось всё очень сложно. То есть даже попасть в ученики. А наш дзиндзя – в смысле, где дедушка служил – был построен в честь хранителя деревни. Давным-давно. Чуть ли ни во времена сёгуната Муромати. Точных данных не сохранилось, к сожалению. И дзиндзя больше нет. Обидно, не могу! После смерти дедушки вообще никого не осталось. Дедушка последних прихожан пережил. А святилище вскоре разобрали и увезли в какой-то музейный комплекс.

– Обидно, – тихо повторил Тора.

История очень походила на ту, что он слышал от мамы, и порождала такие же чувства, поэтому его «обидно» было исключительно искренним.

– Я чувствую, вы меня понимаете, Тора-сан, – обрадовался Огава. – Меня обычно чудачком считают.

– Я так не думаю.

– Спасибо. Знаете, – курьер перехватил коробку так, чтобы не маячила перед глазами собеседника. – Знаете, Тора-сан, даже за одно это понимание я уже вам благодарен. Мне показалось, что Накадзима-сама тоже меня понял. Так странно получилось. Я в центре Токио был по поручению. Вдруг вижу – афиша выставки, а на фотографии статуя. Из нашего дзиндзя! Думал сначала, ошибаюсь. Ведь мне лет-то было всего-ничего, когда дедушка умер. Пять или шесть. Еще в школу не ходил. С делами закончил и прямиком на выставку. И там – та самая статуя, которая стояла во дворе у дедушки! Я даже щербины возле глаз вспомнил. В детстве ковырял пальцами, а дед меня гонял за это. У статуи нефритовые глаза. Красивые! А щербины остались после того, как лет двести назад воры украли оригинальные камни. Дед пересказывал историю: всей деревней деньги собирали, чтобы купить нефрит. И местный умелец вставил. А после этого долгие годы – и обильные урожаи на полях, и никаких болезней, и всякие беды стороной обходили. Все верили, что это наша прекрасная ками сделала в благодарность... А теперь она – просто статуя на выставке для туристов. Я оттуда вышел сам не свой. Сажу в парке на скамейке, чуть не плачу. На меня смотрят, как на идиота. А я ничего с собой поделать не могу. И вдруг возле меня присел седой господин. Средних лет, стройный такой, красивый, но совсем седой. Чувствую, серьезный человек. Но мы разговорились. Он, оказывается, тоже был на выставке. Я и рассказал про наш дзиндзя. Он слушал так... так, как вы сейчас. Будто видел всё, что я словами говорил. А потом он сказал, что для него эта статуя – как будто символ первой и единственной любви. И с таким чувством это сказал, что... прям солнечный ореол вокруг него вдруг появился. Хотите верьте, хотите –

нет. А я буду думать, что он и вправду озаренный. И вдруг две недели назад мне письмо. Приглашение на работу сюда. Я сначала никак в толк не мог взять, с чего это. А тут уже, на собеседовании, со слов представителя хозяина догадался, что тот господин из парка и есть владелец поместья. И что он-то и велел меня отыскать.

– Наверное, это судьба, – заметил Тора.

– О, да! Но достоин ли я такого чуда? Я вот с этим и то управиться не могу, – Огава слегка подкинул на руках коробку.

– Мы пришли, – Тора показал ему вход в помещения технических служб.

– Ух! Спасибо, Тора-сан! Вы тоже для меня судьба. Если бы не вы, я бы там плутал до сих пор. Спасибо!

– Удачи вам, – Тора отступил, но в последний момент, пока курьер не скрылся за дверью, решился спросить. – Огава-сан, не сочтите за любопытство: кого ками почитали в дзиндзя, где служил ваш дедушка?

– О! Я не сказал? Вот балда! Дедушка служил в святилище белой нэкоматы.

В полном смятение чувств Тора уединился в парке. С охраной он кое-как объяснился, но заниматься чем-либо серьезным в таком состоянии не мог. Сидя высоко на дереве под аурой кошачьей скрытности, он бесцельно изучал облака и думал о матери. И об отце. «Первая и единственная любовь». Тора не сомневался, что прозвучала фраза именно так. И не сомневался, что то была абсолютная истина.

Было понятно, что привлекло главу Дома в безалаберном курьере. Безусловно, Огава-сан обладал редким для людей даром ощущать присутствие обакэ. Тора почему-то подумал, что Огава мог бы даже увидеть нэкомату, если бы вдруг встретил ее. Но что теперь делать с открывшимися фактами и с самим Огавой, Тора не знал. Зато по поводу таланта отца «находить людей», как однажды сказал Рику, подумал: «Он неким собственным уникальным нюхом находит неординарных личностей, ловко вылавливает их из человеческого потока и забрасывает в свой пруд. И ждет, откуда вынырнет и куда поплывет пойманная неординарность. А после решает, как использовать свой улов. Для него, как руководителя, это, безусловно, хороший метод сколачивания коллектива. Практически беспроигрышный, в отличии от назначения профессии для сыновей, поскольку априорно учитывается обоюдный интерес. Но какие чувства он испытывает, когда определяет судьбу человека? Не похоже, чтобы он воображал себя всесильным ками... А что если он просто старается помочь там, где может, и там, где видит? Что бы сделал я на его месте, случайно встретив того же Огаву, например?»

Тора усмехнулся: мыслительный лабиринт привел его к началу ситуации. И ситуация неожиданно предстала в иных красках. Тора нахмурился. Вроде бы всё нормально – он случайно встретил человека там, где человек не должен был находиться, вывел его, сохранив в целостности тайну «левого крыла», а потом проводил до пункта назначения. Но нужно ли было провожать? Не оказал ли он незадачливому курьеру медвежью услугу? Ведь факты «курьер заблудился» и «курьер не сумел решить проблему самостоятельно» очевидны. А если не сумел решить сейчас, где гарантия, что этот работник качественно выполнит другие поставленные ему задачи?

«Вот такого отец бы не допустил. А я сделал ошибку. И эта ошибка может стоить Огаве работы», – подытожил для себя Тора.

– Эй, Тора! Ты там долго еще будешь облака считать?

Тора вздрогнул и глянул вниз. Като и Фума сидели под деревом, на котором он уединился, и сидели давно, о чем красноречиво говорила основательно помятая травка на газоне. Тора молча отметил и то, что кошачья аура скрытности не помешала братьям обнаружить его в парке, и то, что терпения близнецам хватило надолго. Он спрыгнул вниз, бесшумно

приземлился перед братьями, хотел, было, извиниться за задержку, но заметил нескрываемую тревогу в двух парах одинаковых глаз, и со вздохом сел на газон напротив.

– Кажется, в стремлении помочь, я попросту подставил человека, – признался он.

– Того, с которым вы пункт контроля искали?

– Да. Он – курьер. Он сам должен был найти способ отыскать дорогу. А я фактически взял его работу на себя.

– Что за глупости? – удивился Фума.

– Помог и помог. Привел, куда надо. Чего плохого? – подхватил Като.

– Да. Я его привел. А он не получил от этого ни опыта, ни новых знаний. Зато продемонстрировал, как он послушно плавает на буксире. Нормально?

Близнецы переглянулись.

– Не, – Като неуверенно качнул головой.

– Это как если чужого монстра забить в онлайнной игре, – Фума просветлел от собственной находчивости.

– Во! – Като восхищенно ткнул брата в плечо. – Точно. Перехватил, типа – выручил, забил, а тот чувак, который бой начал, ни единицы опыта не получил.

– Фига себе! И в жизни так бывает? – Фума уставился на Тору, как будто видел в первый раз.

– Бывает. Есть поговорка: «благими намерениями выстелена дорога в Ад». Вот это я сейчас и продемонстрировал по собственной глупости.

– Ну ты сразу – в Ад, – Като передернулся.

– Подумаешь, курьер до места не дошел сам! – Фума сделал беспечную физиономию.

– Ничего ему за это не будет! – Като рефлекторно повторил ту же мину.

– Возможно, – согласился Тора, вставая. – Но пример недальновидного поступка на лицо.

– Слушай, брат, ты слишком много думаешь о других, – заметил Като и тоже поднялся.

Фума вскочил последним.

– А о тебе кто позаботится, подумал?

Тора виновато пожал плечами.

– В этом случае.., – начал он.

Като перебил.

– Пошли к нам. Мы на троих обед заказали. А тебе персонально – большой кусок мяса!

«Курсы» по изучению компьютерных премудростей превратились в представление всевозможных компьютерных игр уже через полчаса после начала. Но кое-что полезное Тора усвоить успел: узнал, как работает «Скайп», про который раньше только читал, создал для себя личный эккаунт по инструкции Като и под руководством Фумы, а также четко уяснил, что любые пароли следует тщательно скрывать и никогда нигде не записывать без шифровки.

В характеристиках и названиях персонажей бесчисленных игр Тора быстро запутался, а когда Като предложил ему попробовать какую-то игру, отшутился, мол, лучше потренируется истреблять монстров в натуре.

– Где ты монстров найдешь? – опешил Фума.

– Опять, что ли, барьер с дырками для аякаси? – испугался Като.

– Барьер, но без дырок. Сегодня в семь у меня спарринг с инугами. Их капитан предложил. Мне тренировка хорошая, да и охране полезно поработать с новым партнером.

– Ф-фига, – пробормотал Фума и с завистью оглядел брата.

– Ты один там будешь? – осторожно спросил Като.

– Сегодня – один. А на будущее...

– Возьми нас! – в один голос воскликнули близнецы.

– Обязательно. Но прежде всего вам нужно отработать самоконтроль... Фума, почему у

тебя на экране во-он та штучка мигает, а тут у Като – такая же не двигается?

– Это не «штучка», а «Скайп», объясняли же! – Фума мигом переключился на любимую площадку, то есть на компьютерный экран.

– Мигает – значит, идет вызов. Как на мобильник, – повторил Като и потянулся за «мышью» Фумы через полстола, благо левая рука уже стала основной, а компьютеры еще не переставили местами.

– Вау! Ичиро нарисовался! – удивился Фума, увидав персональные данные вызывавшего.

– Тора, смотри, смотри внимательно, – Като принялся толкать его в бок. – Сейчас будет реальная видео-связь.

Но прежде, чем на экране возникло изображение, из динамиков громыхнул голос Ичиро.

– Кто-нибудь в состоянии растолкать этого глухого кошака?!

Тора невольно отшатнулся.

– Где твой мобильник? – шепнул ему на ухо Като.

– В портфеле.

– Балда! – Като сдавленно рассмеялся.

– Ичиро, погоди... – Фума спешно регулировал громкость.

– Бегом найдите мне его!! Мне плевать, чем вы там занимаетесь... Рику, отстань!.. Мне пофигу! Я щас сам туда поеду, чтобы содрать с него шкуру!

– Ты чего натворил? – струхнул Като.

Тора пожал плечами.

– Фума, он меня услышит отсюда? – быстро спросил он.

– Он там у вас, что ли?! – тут же среагировал Ичиро.

Фума живо выскочил из кресла, Като запихнул в это кресло Тору, и Тора увидал перед собой на экране крупный план: разъяренный Ичиро с вампирскими клыками наружу.

– Я тебя, кошак, наголо побрею!! – после короткой паузы гаркнул Ичиро.

– Что случи...? – начал Тора.

Но договорить ему не дали.

– Ты почему отцу ничего не рассказал?! Почему я должен был ему отчитываться за всех побитых тобой аякаси и земляного уроды в придачу?! Я тут, что ли, эксперт по обакэ?! Мало того, что он сюда заявился без предупреждения! Так еще и допрос – где, когда и сколько!

Тора растерянно взирал на экран. Близнецы за его спиной давились от хохота, но пока не издавали даже иков.

– Подожди. Ичиро, – Тора поискал глазами микрофон, но где именно был встроен приемник звука, не определил. – Мне пришлось ответить отцу на пару вопросов касательно твоих способностей, но ни о чем другом он меня не спрашивал.

– А у тебя самого мозгов под ушами нету, что ли?!

В поле видеозахвата камеры появилась рука Рику, и после короткой борьбы Ичиро отодвинулся от компьютера вместе с подвижным креслом. На заднем плане мелькнуло большое, чуть ли ни во всю стену, окно, закрытое жалюзи, и на экране появился Рику.

– Тора, извини, это последствия шока, – сообщил он. – Отец нагрянул совершенно неожиданно. Мы рассказали о сражении в рёкане так, как видели и как поняли. Подробности, полагаю, он будет выяснять у тебя. Разговор был полезным и для нас. Мы узнали много интересного. Передай привет близнецам, – в бездонных глазах Рику мелькнул теплый огонек. – Возможно, с тобой свяжется Юдзо. Я отправил тебе номер его мобильного. Увидимся.

Тора не успел распрощаться – связь прервалась. Като и Фума тут же заржали в два одинаковых голоса.

– Ну папа дает! – сквозь хохот выдавил Фума.

– Представляю рожу Ичиро, когда его там застукали! – давился смехом Като.

– Разве отец никогда не был у него в гостях? – осторожно спросил Тора.

– Ичиро уже год живет у Рику! А его квартира пустая. Мы туда только старый комп перетащили, – сообщил Като.

– Чтобы оттуда Хагивару хакнуть, – пояснил Фума.

Тора вспомнил предложение брата – «переедешь жить ко мне». Теперь стало понятно, что Ичиро имел в виду. А он-то недоумевал, как два мало знакомых парня – пусть даже единокровных брата – могут ужиться в одной квартире.

– Слушай, а что Юдзо от тебя понадобилось? – отсмеявшись, спросил Като.

– Не знаю. Наверное, тоже про рёкан спросить.

– А он правда всё проспал? – уточнил Фума.

– К счастью, только проспал. Будь он человеком, обакэ вытянула бы из него всю жизнь.

– О-оу, – близнецы мигом стали серьезными.

– А он это знает? – Фума покосился на Като.

Тот пожал плечами и пояснил Торе:

– Он нам утром звонил сегодня, спрашивал, что мы видели той ночью. Мы рассказали, как Ичиро его вниз тащил в одеяле, и про руки... Фума!

– А?... Точно!

Тора опять не заметил, каким способом близнецы обмениваются информацией между собой, но про себя восхитился абсолютному взаимопониманию братьев.

– Сейчас мы тебе такое покажем! – объявил Като.

Фума в этот момент уже копался в ящике стола.

– Вот! – он извлек диск в коробке с вырезкой из поздравительной открытки вместо обложки.

– Это Юдзо нам сделал на день рождения к десятилетию, – гордо сообщил Като.

– Игра? – Тора с интересом наблюдал, как бережно Фума извлекает диск.

– Ага. Но в ней не бои, а ребусы всякие.

– Юдзо занимается созданием игр? – изумился Тора.

– Типа хобби, – пояснил Фума. – Но свои дизайнерские работы он раньше продавал в большие фирмы. У нас есть несколько дисков для приставки, где использованы его модели. Он на компе рисует лучше, чем Хирото в своих альбомах. Во. Гляди!

На экране открылась игровая заставка – два остроухих существа с физиономиями именинников в десятилетнем возрасте держали передними лапами свиток со списком игровых функций.

– Фума, помнишь, он тогда право-лево напутал! – вдруг подскочил Като. – Он мою фотку приделал на левую шею, а понял, что налажал, когда мы тут игру открыли.

– Точно! Так он же не налажал!

– Вот именно!

Тора тем временем рассматривал титульное изображение. Свиток закрывал половину экрана, но по тем контурам, которые оставались видны, складывалось впечатление, что фантастические монстры либо переплелись хвостами, либо вообще имели одно тело с двумя головами.

– Игру показывать долго, она линейная, – сообщил Фума.

– В альбоме есть та многоручка! – Като через плечо брата завладел мышью и принялся щелкать по пунктам меню.

На экране один за другим покатались изображения всевозможных монстров. Тора успевал взглядом зафиксировать все, но глаза отказывались верить увиденному: средствами компьютерной графики была создана портретная галерея жителей мира обакэ.

Тора вернулся в свою комнату в начале одиннадцатого вечера, загруженный, что называется, по самые уши. Спарринг как таковой не доставил ему проблем. Но как раз этот

факт и стал причиной отчаянных дебатов в додзё, напряженного совещания в казарме охраны и собственных тревожных раздумий. Капитан отряда, довольно молодой инугами, но давний житель человеческого мира, признал полное поражение своей команды. Все ёкаи-псы были шокированы и удручены результатами, а некоторые возвращались в казарму, не потрудившись вернуть человеческий облик. Торе было очень неприятно наблюдать шествие побитых собак, но объективный итог оказался именно таким. С «козырной картой» отряда также случился полный провал. Племянник Инукаи-сана, инугами по имени Дэнбей, был представлен Торе как мастер ближнего боя. И Тора без оглядки выполнил просьбу капитана работать в полную силу. В итоге он ощутимо подрал пса в истинной его форме, и теперь чувствовал себя виноватым.

Но тревожные мысли вызывал не факт вдруг обнаружившейся неготовности охраны к сопротивлению сильному ёкаю, а причина, по которой Инукаи-сан организовал эту проверку. Ни сам Инукаи, ни капитан Морита, ни его помощник Дэнбей о причинах не говорили. Сотрудники-псы о причинах и не задумывались. А Тора опять и опять возвращался мыслью к вчерашнему разговору с отцом, и больше и больше убеждался, что над кланом нависла некая неопределенная угроза. Причем исходившая из мира обакэ.

Перепев мобильного донесся из закрытого портфеля, оставленного горничной в тамбуре гостиной.

Тора спохватился, закинул пиджак в кресло и побежал за телефоном.

Звонил Ичиро. Тора не стал считать, сколько звонков с его номера он уже пропустил, и сразу ответил на вызов.

– Ну наконец-то, – устало раздалось из аппарата. – Прости, что наорал на тебя. Нервы сдали.

– Я понимаю, не проблема, – откликнулся Тора.

– Папа тебе еще жилы не вытянул?

– Его нет дома, вроде.

– А ты где болтался в таком случае?

– В додзё под барьером.

– Чё?.. С какого перепугу? Дубль-два по заявке отца, что ли?

Тора не определил, что превалировало в эмоциях брата в этот момент – изумление, страх или негодование.

– Нет-нет, это была плановая тренировка с охраной, – поспешно ответил он.

– И чего? – нетерпеливо спросил Ичиро. – Ты как?

– В порядке. Они меня не задели ни разу. Ни в индивидуальных, ни в групповых сериях.

– А чего голос у тебя невеселый? – Ичиро готов был рассмеяться. – Ты всю охрану штабелем уложил, что ли?

– Нет! Они ловкие, сильные парни. Выкладывались по полной. Но видимо я объективно сильнее, как ёкай. Ведь большинство из них – здешние, давно прижившиеся. Постоянно в человеческом облике.

– Ты кошаком там прыгал?

– Сначала в антропоморфной форме. На поединок с Дэнбеем попросили выйти в зооморфной. Ну я и не рассчитал слегка.

Ичиро шумно вздохнул в трубку. Тора услышал, как рядом с братом Рiku шепотом спросил: что стряслось? Ичиро, прижав пальцем микрофон, быстро ответил – Дэнбея уделал и переживает, – и бодро обратился к непосредственному собеседнику.

– Ясно с тобой всё. Ты там уши-то не прижимай. Охране полезно размяться. Слушай, – в голосе появились озорные нотки, – а какие они по-настоящему?

Тора улыбнулся: теперь в вопросе Ичиро звучало неприкрытое любопытство, а изменение направления звука в динамике указывало на то, что телефон развернули так, чтобы и Рiku

слышал разговор.

– Зооморфы. На вид покрупнее собак, но на порядки сильнее, конечно.

– И Инукаи такой?

– Он не обращался. Но, думаю, он частично антропоморф – прямоходящий, но с собачьими телом и мордой. Для инугами антропоморфия как для кицунэ новые хвосты.

– Посмотреть бы! – вырвалось у Ичиро.

– Завтра опять встречаемся в семь вечера. Я попросил, чтобы Като и Фуме позволили наблюдать. Мне кажется, тебе и Рику тоже стоило бы поучаствовать. Рику, слышишь?

– Просек, что ты тут, – весело сообщил Ичиро в сторону.

– Ничего удивительного с его-то слухом, – откликнулся Рику.

Тора услышал, как скрипнула кровать и донесся едва различимый влажный шорох волос, будто тяжелую мокрую прядь отодвинули от голого плеча. Длинные волосы носил Ичиро, звук раздался в районе микрофона мобильного, Ичиро при этом не делал резких движений, следовательно, его волосы поправил Рику своей рукой.

«Похоже, они очень близки друг другу, – подумал Тора. – Может быть даже не удивились, узнав, что родились двойняшками. Отец наверняка рассказал им и это... Точно – рассказал. Когда Рику произнес «привет близнецам», его голос был необычно теплым».

– Рику, не случилось ли раньше, чтобы на дом нападали? – не успев обдумать вопрос, ляпнул Тора.

– В каком смысле? – мигом насторожился Рику.

– Ну... – Тора сообразил, что поспешил, но отступить было поздно. – В прямом.

За приглушенным – «дай сюда» – последовал интенсивный шорох, и Рику заговорил непосредственно в микрофон мобильного.

– Если ты говоришь об атаке обакэ, то ничего подобного нам не известно.

«Скажи, пусть в скайп выйдет!» – донеслось издали; видимо, Ичиро пошел к компьютеру.

– Рику, скажи ему, что ноутбук, который мне выдали, еще не настроен, – поспешно вставил Тора.

Рику остановил брата либо жестом, либо взглядом и продолжил в телефон:

– У отца много врагов в мире бизнеса, что вполне естественно. Не исключаю, что кто-то из них хотел бы физически избавиться от Дома Накадзима. Несколько лет назад на отца было совершено покушение, но всё обошлось. Стрелявшего взяли с поличным.

– Это был человек?

Рику вздохнул.

– Тора, в то время в моем представлении все, кто выглядели людьми, людьми и являлись. Отец в том числе. Мне известно, что телохранителем отца на том злосчастном мероприятии работал Дэнбей. Он же и задержал преступника. Больше ничего конкретного сказать не могу.

– Судебный процесс проходил при твоём участии?

– До суда не дошло. Наемник покончил собой во время следствия. Тело я видел. Тело было человеческим. Что навело тебя на мысль о покушениях?

– Да так. Просто хотел узнать историю клана в этом аспекте. А вообще это не телефонный разговор.

– Согласен. Я приеду завтра к вечеру, брат.

– Было бы здорово, – Тора улыбнулся.

– Обязательно приеду, – повторил Рику.

Эпизод 13. Наедине с отцом

[Пояснения к эпизоду 13](#)

Второй школьный день ничем сверхъестественным не ознаменовался, но повышенное внимание одноклассников к своей персоне Тора чувствовал постоянно. Особенно нервно вела себя девушка, которую он вчера выхватил из-под обрушившейся «шведской стенки». Братья в один голос советовали ему не обращать внимания на «выпендрёжную старосту», но Тора решил, что обязан извиниться за свои действия. Като и Фума откликнулись на просьбу обеспечить ему разговор со старостой без своего присутствия, но при этом так и не поняли, что такого оскорбительного в отношении девушки Тора углядел в своем поступке. Сообщив на весь класс, что ждут во дворе, оба скрылись после уроков с той же скоростью, что и вчера. А Тора умышленно замешкался.

На слух он определил, что староста возле своей парты трижды вынула и опустила в портфель один и тот же учебник. А это означало, что она намерена пообщаться с новичком с глазу на глаз. Ее подружка громко и грубовато торопила двух остававшихся в классе парней под предлогом немедленно начинать заседание какого-то школьного клуба. Тора пошел к выходу, когда активная зазывала вытолкнула в коридор неуклюжего очкарика и выскочила сама. Староста зарделась, уставилась в открытый портфель, размещенный на столе, но краем глаза напряженно отслеживала перемещение Тору.

– Минами-сан, – он остановился возле парты одноклассницы. – Вчера я неумышленно оскорбил вас своими действиями. Пожалуйста, простите меня.

– А... но... – та покраснела до самых корней волос. – Я... Накадзима-сан, я была несправедлива к вам. Простите. Спасибо. Я...

Она умолкла в растерянности, и Тора решил, что самое время свернуть тему.

– Хорошо, что никто в классе не пострадал. Извините. До завтра.

Он дошел до лестницы в вестибюль, а из класса, где осталась староста, так и не донеслось ни единого звука движения.

У Тору закрались сомнения по поводу корректности избранного метода решения неявного конфликта. Он еще раз мысленно провернул в голове свои слова, интонации и действия, но ошибок не нашел. «Как же сложно общаться с людьми переходного возраста», – с тоской подумал он и направился к выходу.

В своей комнате Тора без помех переоделся в домашнее, убрал школьную форму в шкаф, убедившись попутно, что его утренняя просьба была безупречно исполнена: на вешалках висели два новых комплекта одинаковой униформы на случай срочной чистки одного. «Хорошо Ичиро и Рику – о шерсти заботиться не надо», – спонтанно скользнуло в голове, и Тора улыбнулся: о сыновьях Накадзимы он думал теперь как о своих братьях без натуги, просто и естественно.

«Что же мне делать, чтобы научиться воспринимать отца как отца? – Тора задумчиво пошел к письменному столу. – Я – дома. Вчера после знакомства с Огавой, я чувствую себя по-настоящему дома. Этот дом построил отец. Мой отец». Он помотал головой, ибо попытка сознательной самонастройки только усугубила ощущение искусственности.

Тора машинально разложил по местам учебники, тоскливо посмотрел на тетрадь по математике и покосился на ноутбук, призывно подмигивавший крошечной лампочкой на ребре корпуса. Утром, когда он собирался в школу, все индикаторы были неподвижными и серыми. Он осторожно приоткрыл крышку. Монитор вспыхнул, на корпусе появились новые зеленые огоньки, и Тора вспомнил, что Като и Фума говорили ему про режим «засыпание»

компьютера. Получалось, кто-то занимался с ноутбуком в его отсутствие. Ни тени тревоги не возникло, но защекотало любопытство.

Тора открыл ноутбук и сразу же увидел на экране открытое «окно» с текстом. Официальным, предельно вежливым стилем ему сообщили, что данный компьютер подключен в сеть согласно всем правилам безопасности, что владелец может смело пользоваться всеми загруженными приложениями и обращаться за помощью в компьютерный центр дома по такому-то телефону и такому-то email в любое время суток. Подписался под посланием начальник службы информационной безопасности и видеоконтроля некто Наканиси Кира. Вчера на «курсах» у близнецов Тора несколько раз слышал это имя в контексте «подчиненным спуску не дает», «ни один хакер в сеть не прорвется», «спорить опасно – мигом перекроет доступ к онлайн-играм» и «вообще, лучше не нарываться».

Тора, естественно, и не помышлял нарываться на строгого начальника информационной безопасности, но из соображений деликатности первым делом написал письмо по указанному email, в котором поблагодарил начальника и исполнителей за подготовленный к эксплуатации ноутбук. Затем он открыл «скайп» и принялся методом проб и ошибок изучать интерфейс. Под какими «никами» – сетевыми псевдонимами – регистрировались Като и Фума, он запомнил, но так и не сумел настроить «контакт». Как найти в сети Ичиро, он не понял вообще.

Он отключил «Скайп» и хотел уже «усыпить» компьютер, но тут обратил внимание на подмигивание в углу экрана: на email пришло новое сообщения. Не раздумывая, Тора развернул «окно». Сообщение отправили из службы безопасности. В вежливом, но чуть менее формальном стиле, Торе предлагали помощь в освоение коммуникационных приложений и выражали готовность явиться немедленно. Тора решил, что будет лучше, если он прямо сейчас получит профессиональный урок, пока не успел наделать глупостей в открытой сети. На Като и Фуму, как на преподавателей, всерьез рассчитывать не приходилось, это было ясно с самого начала.

Тора живо набрал ответ, щелкнул «отправить» и лишь после этого подумал про «левое крыло» и свой нынешний облик – в истинную форму он обернулся спонтанно, когда закончил с гардеробом. «Раз уж сотрудник тут побывал, – он оглянулся на дверь, – значит, он обакэ...» До слуха долетел звук легких шагов и повеяло человеческим духом. Тора сею секунду очутился в гостинной и тщательно прислушался. Человек уверенно подходил к его апартаментам. И не просто человек – женщина!

– Извините... – раздался за дверями низкий женский голос.

Тора живо обернулся в человеческий облик, пригладил волосы и сам открыл дверь.

– Тора-сан, добрый день. Меня зовут Наканиси Кира.

– Очень приятно. Прошу, проходите, – Тора отступил, пропуская в гостиную молодую женщину в строгом мужском костюме «тройке». – Большое вам спасибо за предложенную помощь. Я бы сам не скоро придумал, как задать вопрос. В компьютерах я практически по нулям.

– Я знаю, – спокойно отозвалась Наканиси Кира и слегка обернулась на Тору.

Темные коротко подстриженные волосы. Синие не японские глаза. Загадочная улыбка на ярких, но не покрашенных губах. «Она не так молода, как кажется, – понял Тора. – Не обакэ. Но и... не человек? Этот дух. Я такого никогда не встречал здесь».

– Ичиро-сан просил меня сделать так, чтобы вы быстро освоили современные средства коммуникаций, – сообщила, как процитировала, таинственная иностранка. – А для меня это хороший повод лично познакомиться со старшим сыном Накадзимы-сама.

– Польщен, – Тора постарался выглядеть естественным. – Компьютер в кабинете.

Следуя пригласительному жесту, она направилась вперед. Тора сообразил, что в нынешней

обстановке он должен был войти в кабинет первым, как хозяин апартаментов и тем более как «старший сын Накадзимы-сама». Но эту свою ошибку он тут же забыл, ибо догадался, что в последней фразе прозвучал скрытый смысл. «Обернуться прямо сейчас? Если она здесь, значит, она прошла «перекресток»... – Тора вновь уловил некий особенный дух, вившейся над визитершей. – Она не простой человек».

Оборот не сопровождался никакими специфическими звуками, однако был замечен – Наканиси Кира едва заметно удовлетворенно кивнула. Перед письменным столом она остановилась и посмотрела на Тору без каких-либо особых эмоций.

– Момент, – Тора пошел в противоположный угол за стулом.

– Если вам удобнее традиционный интерьер, – она показала на низкий столик в центре кабинета.

– Заниматься привычнее так, – Тора кивнул на письменный стол, установил подле второй стул и знаком пригласил гостью садиться.

Она мимолетно скользнула взглядом по длинному пятнистому хвосту. Тора понял, чем было вызвано предложение сидеть по-японски, и непринужденно улыбнулся.

– Это не проблема, – он ловко обернул хвост вокруг своей ноги под столом, посмотрел на свои руки и виновато добавил. – Но клавиатуру, боюсь, испорчу быстро.

Начальник компьютерной службы рассмеялась.

– С этой позиции еще никто не рассматривал перспективы работ моего подразделения. Но не волнуйтесь, Тора-сан. Ноутбук почистим или заменим по первому требованию.

– Спасибо, Наканиси-сан.

– Кира. Просто Кира, пожалуйста. Утром я любопытствовала, простите. Книга на вашей полке.

– Это подарок, – Тора привстал, взял потрепанную детскую книжку в руки, и вдруг сногсшибательная мысль обрушилась на его голову; стараясь не выказать волнения, он положил свою драгоценность на стол. – Я очень люблю эту сказку. А иллюстрации просто завораживают.

Кира посмотрела на обложку и, прикрыв глаза, заговорила:

– «У лукоморья дуб зеленый, златая цепь на дубе том, и днем, и ночью кот ученый, всё ходит по цепи кругом»...

– Наканиси – средний запад, – обронил Тора в стиле мысли вслух и продолжил на родном языке собеседницы. – Кира со Среднего Запада. Не ожидал встретить здесь человека из России.

– О, сибирский говорок, – заметила Кира.

– Западное Пограничье.

– Пограничье?.. Ах, застава полковника Яги.

– Бывали там, Кира?

– Нет, – она грустно улыбнулась. – С той стороны не бывала никогда. Но часто приходили ко мне. И в гости. И по делам. Знаете Андрея Михайловича?

– Ему очень нравилось, когда я называл его Андореи-сан. Знанием языков я обязан ему.

– А вы, простите, не родственник ли Баюна по маме?

– Нет. Кот Баюн – супруг маминой младшей сестры.

– Так вы и есть сын Белой Нэкоматы, Тора?

– Да.

Кира оглядела Тору с ушей до пояса.

– Снежный Барс. Сколько же шуму было в Алтайских краях по вашему поводу. Нынче уж и там разобрались, и тут вразумили, кого следует. Да и вы, я вижу, давно не котёнок. Право слово, пожалела я вчера Дэнбея.

– Я нечаянно.

Кира опять рассмеялась.

– Да будет вам, Тора. Смотрите, отец отругает за лояльности. Строгие здесь домашние порядки... Парень с посылкой, которого вы вчера привели. Не упустите его. Сам себя боится, семь пятниц на неделе, но это пройдет, если увидит то, во что верит, и найдет свое место. Давайте начнем со «Скайпа», Тора-сан.

Неожиданная смена языка, тона и темы заставила Тору слегка вздрогнуть, но собрался он в следующий же момент.

– Да, сэнсэй.

Кира вела занятие как профессиональный педагог, и Торе хватило получаса, чтобы разобраться и с коммуникационными программами, и с правилами информационной безопасности Дома Накадзима.

– Вы способный ученик, Тора-сан, – сказала Кира на прощание.

– Я бы хотел сохранить за собой право обращаться к вам за консультациями, сэнсэй, – ответил Тора.

– Буду рада помочь в любой момент. Мой персональный адрес в сети вы теперь знаете.

Возвращение главы Дома Тора ощутил внутри себя безо всяких явственных внешних сигналов. Мимолетное чувство сопровождалось короткой вспышкой беспричинной тревожности. Шерсть на холке поднялась дыбом постфактум. Тора сделал над собой усилие, чтобы успокоить вздернутые нервы. Затем накатила тоска от мысли, что не почувствовал ни тепла, ни кровного притяжения. «Он здесь, но в своем официальном имидже, – Тора сформулировал для себя логическое оправдание. – Не расслабился. Не почувствовал себя дома. Отсюда и отчужденность... Но дома он тоже постоянно решает проблемы: свои, общие, чужие. Сколько же времени в сутки ему остается, чтобы быть самим собой?»

Тора решительно вышел в коридор, сделал несколько шагов и остановился. «И что я ему скажу? «С возвращением, папа»?.. Глупо. В «папу» он всё равно не поверит, а сказать так, чтобы о вере-невере не возникло и мысли, я пока не могу. Тогда что еще? Одно моё появление уже переключит его на клубок новых вопросов, в которых ему, как главе Дома, придется разбираться не сейчас, так через час. А что если «быть самим собой» это как раз то, что мы видим постоянно? Мы.., – Тора усмехнулся естественности этого «мы» применительно к братьям и себе. – Недели не прошло со дня знакомства. А уже «мы». Здорово. Наверное, рёкан – самый удачный его семейный проект за все тридцать лет. Что бы такое сочинить, чтобы результатом стало «мы» в значении «мы с отцом»?.. Следующий этап: «мы» – клан. А затем «мы» – те, кто живет в этом мире...»

Он развернулся, добрал до задней лестницы и спуститься вниз. С той стороны, где располагались комнаты отца, доносились голоса, но Тора вслушиваться не стал. Определил лишь, что Инукай-сан отчитывается перед хозяином непосредственно по пути в его апартаменты. Тора завернул на открытую террасу – единую для всего «левого крыла» – и оттуда направился в парк. Это место было видно отовсюду. Однако со стороны выглядело обычной парковой зоной частных владений, в то время как из «левого крыла» был доступен истинный его вид – изумительно гармоничное сочетание ухоженных садилов с густыми, будто дикими зарослями, в которых прятались островки маленьких домашних чудес – пруд с поющими карпами, болотце, где хозяйничало семейство местных капп, чайный домик для членов клана, где любили собираться тануки.

Уже знакомый Торе призрачный додзё находился ближе к тыльной стороне особняка и при совмещении пространств в облике настоящего додзё примыкал к закрытому бассейну. Тут же располагался большой банный комплекс, включавший в себя сэнто – общественную баню для обслуживающего персонала – и отдельную домашнюю баню для хозяев и их ближайшего окружения. Вчера вечером после тренировки с охраной Тора с вождением принюхивался к

уютным запахам пара, воды и мыла, истекавшим от сэнтэ, но не рискнул заявиться туда, дабы не смущать прислугу. И не стал обращаться с просьбой приготовить для него ванну в элитной части бань, хотя понимал, что одно его слово, и обслуживающий персонал обеспечит всё желаемое даже среди ночи. Запах псины на своей шкуре он кое-как приглушил с помощью мокрого полотенца, а остатки стерпел, хотя казалось, что псиной несет даже от человеческого обличья. Но на сегодня была назначена тренировка на местности, а сие означало, что одного полотенца не хватит, и придется долго возвращаться в маленькой душевой без каких-либо альтернатив, так как по негласному, но жесткому графику сегодня в общественной бане был «человеческий день».

Мысли о предстоящей тренировке потянули за собой нерасшифрованные тревоги, с таким трудом собранные в клубок. Дабы отвлечься, Тора направился в гущу парка наугад. На невидимую тропинку он попал благодаря безмолвному приглашению древесного духа, обитавшего в огромной буке. В памяти само собой всплыло «...там, на неведомых дорожках следы невиданных зверей...» Тора улыбнулся. Волшебный лес, описанный русским поэтом, не имел ничего общего с японским парком. А по ту сторону Пограничья леса были не столь поэтично красивы. Но теперь Тора точно знал, как пахнет Русь. Ибо всё познается в сравнении, и сегодня это сравнение предоставила ему древняя сибирская ведунья по имени Кира.

Внимание Торы привлекла маленькая полянка, спрятавшаяся за кустами можжевельника. Дорожка услужливо повернула в заросли, можжевельник раздвинули два лесных аякаси, которых Тора про себя назвал по-русски «Лесовички», и так он очутился перед большим камнем, вросшим в землю. Следы лисьей магии витали тут повсюду. Тора нащупал наиболее цельный узор – остаток заклинания иллюзии двойника. Рядом плавал обрывок, похожий на заклинание вызова тумана. Тора живо призвал все осевшие частицы и легко, без специальной концентрации собрал в форму синих огоньков. Он не ставил себе цель оценивать магические силы отца по этим обрывкам. Просто развесил огоньки в хоровод, в центр запустил синее пламя собственного производства, сел спиной к камню в траву и стал наблюдать за бесхитростным танцем. Все огоньки быстро перемешались, разделились на равные части и закружились в своеобразном вальсе. На неказистое представление начали собираться мелкие аякаси со всех сторон парка. «Лесовички» по праву организаторов расположились в первых рядах, распустив все свои бесчисленные конечности-корешки.

«Отца бы сюда, – подумал Тора, поглядывая на расслабившихся обакэ. – Чтобы отдохнул немного. Ничего *большого* я сделать для него все равно не могу...»

Из высокой кроны деревьев на плечо Торы спикировала черно-желтая птичка. Внимательно заглянула в кошачьи глаза, и растянула крошечный зубастый клюв в улыбке. Тора подмигнул крылатому аякаси и подставил палец с кошачьим когтем на манер жердочки. «Птичка» с удовольствием разместилась на шерстистом насесте и принялась трещать зубками, будто силилась подобрать ритм к калейдоскопу магических огней. У Торы появилась интересная идея. Он издал тихий утробный звук типа урчания. В истинной форме добился только имитации кошачьего голоса, но определил принцип построения комбинированного заклинания – лисий огонь и рык бакэнэко после должных тренировок могли бы обеспечить мощный атакующий удар. Осталось лишь придумать, где организовать полигон для отработки удара массового поражения. Уж точно не в додзё, и даже не в парке.

Тора посмотрел вверх, в небо, но вместо небесного купола увидел над собой хитрющую лисью физиономию.

– Отец?!

– Ты попался, – с удовольствием сообщил кицунэ.

Тора почувствовал, что над его хвостом, разложенным по траве, нависла тяжелая [гэта](#).

– Попался. Признаю поражение, – он покорно склонил голову.

Накадзима сдержал вздох.

– Даже дома никому не доверишь спину? – спросил он с грустью в голосе.

– Про поражение я пошутил, – признался Тора.

Кицунэ несколько секунд изучал кошачьи уши сверху вниз, затем прошел вперед, бесшумно уселся напротив сына и тихо посмеялся.

– Теперь я попался. Воспринял тебя всерьез, – пояснил он и взглядом показал на синие огоньки. – Не вижу смысла заклинания. Где подвох?

– Да это так просто, – Тора смущенно пожал плечами. – Для релаксации, и здешних жителей позабавить.

Накадзима покосился на притихших аякаси, загадочно прищурился и выпустил в воздух струйки бледно-золотистого пламени. Огоньки некоторое время хаотично перемещались промеж стройного синего хора, но постепенно встроились в заданный ритм.

– Ты не управляешь ими, – полувопросительно произнес кицунэ.

– Нет. Это бесконечный танец... Красиво.

– Красиво, – эхом откликнулся Накадзима и непринужденно растянулся на траве, подставив под голову локоть; пушистый хвост плавно опустился поверх бедра.

Тора невольно залюбовался. Грация неторопливых движений завораживала. Изящество стройного гибкого тела притягивало взгляд, а широкие одежды лишь добавляли шарма безупречной фигуре. На задумчивом гладком лице, обрамленном бело-золотой шерсткой, в бледных завитках золотых томоэ над лисьими бровями, в длинных желтых глазах таилось нечто, сродни божественному духу.

«Так вот какой отец в те минуты, когда позволяет себе быть самим собой, – мелькнуло у Торы. – Что же нам сделать, чтобы истинный облик всегда был вот этим, по-настоящему истинным обликом?»

– Знаешь, Тора, – заговорил Накадзима, не отрывая взгляда от сине-белого неспешного вальса, – завтра мне предстоит очень сложное заседание. Но теперь я уверен: я и мои партнеры – мы одержим победу.

Он легко вскочил на ноги, небрежно отряхнул руками хакама и повилял своим великолепным хвостом.

– Не желаешь прогуляться?

– С удовольствием, – Тора встал, благодарно посмотрел на огоньки и пошел за отцом.

– До меня дошли слухи, – с хитрецей в голосе начал глава семейства, когда вместе с сыном вышел на широкую мощеную дорожку, – что ты прямо-таки покоришь учителей в школе своими знаниями и навыками.

– Учителя математики точно нет в числе покоренных.

– Проблемы?

– Разберусь. Просто заниматься нужно побольше.

– Опять боишься принимать помощь? – как бы между прочем заметил кицунэ, созерцая верхушки парковых дубов.

– Не боюсь. Но... только моих проблем с математикой вам и не хватает, – Тора виновато улыбнулся.

– Не всякие проблемы становятся грузом, – Накадзима приостановился. – Одзакисан занимался репетиторством по точным наукам на прежнем месте работы. Согласен брать уроки у него?

Тора спешно прижал мысль о финансовой стороне вопроса, ибо мысль возникла по привычке, а в нынешних условиях была не просто глупостью, а глупостью, обидной для отца.

– Да. Спасибо.

– Вот видишь. Две фразы – и всё решено. Кабы так же быстро решались все остальные домашние проблемы, я был бы самым счастливым отцом на свете.

– А если и вам принять помощь? – осторожно предложил Тора. – Мне кажется, что каждый из нас с радостью сделает для вас всё, что в наших силах.

Главе семейства потребовалось несколько секунд на осознание услышанного.

– К сожалению, основные проблемы возникают как раз по причине нежелания что-либо делать, – он тоскливо усмехнулся.

– Может быть – от непонимания? – Тора внимательно посмотрел на отца.

– Тогда уж – взаимонепонимания, – поправил Накадзима. – К примеру, Като и Фума. Одзаки-сан доложил мне, что они сегодня опять инициировали скандал и чуть не сорвали урок. Я не понимаю, почему? Почему они постоянно становятся причинами конфликтов?

– Про постоянно ничего сказать не могу, а сегодняшний инцидент на уроке японского я видел.

– И что же случилось?

– Учительница заподозрила подмену тетрадей, когда увидела настоящий почерк Като в домашней работе. Грубо отчитала обоих перед всем классом, не позволив им высказаться в свою защиту. Тогда Като и Фума самовольно вышли к доске и продемонстрировали пример синхронного чистописания. Несостоятельность обвинений в подмене стала очевидна. Однако извинений со стороны учительницы не последовало. А Като и Фуме поставили в вину попытку срыва урока.

– Так та-ак, – выговорил отец и вдруг спохватился. – Тора, что значит «настоящий почерк Като»? Като пишет безобразно!

– Като – левша по природе. Я заметил это вчера. Предложил братьям сменить позицию, а Като – использовать левую руку как основную. Уровень контроля потенциальных сил поднялся на порядки в естественной органической обстановке. На уроке, несмотря на накаленную эмоциональную атмосферу, никаких специфических явлений не возникло. Но я допустил серьезную ошибку. Я не учел реакцию учителей на изменение почерка. И не предполагал, что инцидент выйдет за стены класса в интерпретации «чуть не сорвали урок».

– Тора... Как? – Накадзима заглянул сыну в глаза. – Как ты определил, что Като – левша?

– Заметил слишком большую разницу в почерке. Для идентичных близнецов это нетипично. Стал наблюдать за движениями Като и уловил неестественную напряженность правой руки. Размещение родинок подтвердило мою догадку. Родинки – не печать, а метки: левый-правый.

– Боже мой... – кицунэ безо всякого притворства закатил глаза. – Пятнадцать лет. И один день... Тора. Я снова перед тобой в долгу.

Тора отвел взгляд.

– Ну зачем же так, отец? – высказался он негромко, дабы скрыть нотки обиды, предательски сквозившие в голосе.

Кицунэ опустил и голову, и плечи, и хвост разом.

– Пойми меня, сынок. И не обижайся, прошу тебя. Вчера Рику и Ичиро рассказали мне о том, что происходило в рёкане под барьером. Даже если это лишь половина из того, что случилось на самом деле, я обязан тебе спасением жизней шести моих сыновей. А за то, что я втянул в эту авантюру тебя, в моих глазах на тот момент – человека, мне просто нет прощения. Я сам никогда себе не прощу!

Тора не стал подбирать слова для ответа, и высказал то, вертелось на языке:

– Ну и зря. В конце концов мы там классно оттянулись.

Эпизод 14. Наследник хранителей забытого святилища

Накадзима смотрел на сына сверху вниз, и Торе, не поднимавшему взгляд, стало казаться, что его вот-вот стиснут в объятиях. Но отец не смел прикоснуться к нему, не чуя встречного движения. И вот, когда Тора, наконец, собрался с духом, чтобы сделать фигуральный шаг навстречу, до слуха долетели звуки реальных шагов, а нос уловил человеческий запах. Две пары белых ушей – позолоченные и с серебряными пятнами – дружно развернулись на звук, а Тора рефлекторно укрыл себя и отца аурой скрытности. Кицунэ придержал сына за плечо и знаком предложил пройти вперед, до поворота мощеной дорожки.

– По-моему, это Огава-сан, – еле слышно, почти одними губами высказался Тора.

– Опять прошел сквозь барьер, – Накадзима лукаво прищурился. – Наизабавнейший оказался молодой человек. Я распорядился охране не останавливать его.

– Я случайно застал его вчера в левом крыле, – предупредил Тора. – Он прекрасно видел перекресток.

– Да-да. Акияма звонил мне вечером в гостиницу. Удивительно, но никто из сотрудников не испытывает к Огаве неприязни. Несмотря на то, что за две недели работы он не выполнил с должным качеством ни одного поручения. Огава рассказал тебе, где служил его дед?

– Да, – Тора кивнул. – Потрясающее совпадение. Но меня поразило и то, как он охарактеризовал это место. Он почувствовал здесь атмосферу дзиндзя. Что он там делает? – Тора отклонился в сторону, чтобы видеть человека, вставшего на колени на краю мощеной дорожки. – Что там находится за кустами? Алтарь?

– Маленькое святилище. В память о моих родителях, братьях и сестрах. Я построил его сам. Сразу, как купил эти земли... Тора, ты чувствуешь?.. Что это?

Тора поспешно взял отца за руку.

– Огава молится о благополучии этого поместья и его жителей. В прежние времена те обакэ, у кого были собственные святилища, получали силу именно так: от благодарности людей за помощь и добрые дела. Мы ощущаем прилив сил. Это означает, что Огава по-настоящему верит в то, что делает.

– Верит? – лисьи глаза наполнились блеском зарождавшейся идеи. – А знаешь, Тора, он рассказывал мне, что в день смерти деда видел на крыше огромную белую кошку с двумя хвостами.

– Мама ходила в свой дзиндзя, чтобы проститься с последним священником, когда почувствовала, что он умирает, – подтвердил Тора.

Кицунэ бодро помахал хвостом и повернулся лицом к сыну.

– У меня появилась хорошая мысль. А что если назначить Огаву...

Но Тора был настолько увлечен наблюдением за чудаковатым курьером, что преамбулу отца пропустил мимо ушей и нечаянно переключился на обычный бытовой стиль общения, вместо сознательно выдерживаемого ранее формально-вежливого стиля.

– Назначь Огаву моим секретарем, – быстро проговорил он. – Пожалуйста, отец. Мы сможем понять друг друга. А нам нужен посредник, чтобы подготовить запуск твоего долгосрочного проекта.

Накадзима шумно выдохнул недосказанную фразу, ибо Тора озвучил ее более развернуто. И бережно опустил ладонь на плечо сына, будто хотел удержать долгожданную свойскую простоту, вдруг проявившуюся в речи.

– Именно это я и собирался сказать, – шепнул он в кошачье ухо. – Справишься с его безолаберностью?

– А не останется никакой безолаберности. Потому что он будет на своем месте.

Кицунэ глянул на сына, посмотрел на закончившего молитву курьера, опять на сына и кивнул, мол, пошли.

– Он не знает, что я Накадзима, – предупредил Тора.

– Прекрасно. Будь рядом со мной, но сделай так, чтобы он не обращал на тебя пристального внимания некоторое время.

Накадзима-старший приосанился, припрятал хвост в складках одежды и двинулся напрямик к Огаве, озиравшемуся по сторонам в поисках потерянных пространственных ориентиров.

– Ох! – выдохнул незадачливый курьер, увидав хозяина поместья, и согнулся в глубоком поклоне. – Простите, Накадзима-сама. Я опять... я это...

– Заблудился, – веселым тоном подсказал кицунэ. – Вас прямо-таки притягивает именно туда, где обитает нечто особенное, Огава-сан.

– А... это... простите. Я тут.., – Огава вытянул шею, не меняя положения корпуса, и из этой нелепой позы осторожно кивнул на деревянный домик с угольной крышей. – Увидел случайно. Не мог мимо пройти. Простите...

– Огава-сан, спасибо вам, – по-прежнему легким, но уже серьезным тоном произнес глава Дома. – Спасибо за добрые слова, коими вы почтили моих предков.

Огава поднял взгляд, увидел лисьи уши и медленно выпрямился.

Тора, стоявший чуть в стороне, внимательно наблюдал за его лицом, но ни страха, ни смущения не заметил. Напротив, человеческого дух как будто воспрянул и наполнился ни с чем не сравнимым ароматом счастливого восторга.

– Когда-нибудь здесь, – продолжал Накадзима-старший и взмахом руки показал на невидимую отсюда ограду парка, – неподалеку от этого поместья, я построю большой дзиндзя. И я рассчитываю на вас, наследника потомственных священников.

– А... это... я... Накадзима-сама, – Огава умолк, на сей раз заметив сияющий хвост, и продолжил, не спуская восхищенного взгляда с искрящейся бледно-золотой шерсти. – Достоин ли я быть здесь..? Я же просто... я только...

– Вы человек, который верит в нас, а потому видит истинную картину мира.

Накадзима сделал безмолвный знак прятавшимся по кустам аякаси вылезти из укрытий.

– Картина несколько отличается от стандартной, верно? – он лукаво заглянул в повлажневшие глаза потрясенного курьера.

– О, да, Накадзима-сама... Но это... это хорошо, потому что... правильно.

– Рад это слышать, Огава-сан. Возведение дзиндзя – дело не одного, и не двух лет. А пока я предлагаю вам не менее ответственную работу. Я бы хотел, чтобы вы служили секретарем у моего старшего сына.

– Секре..? – Огава осекся, уставившись на Тору, и вдруг неожиданно для обоих господ воскликнул. – Сын Тэнко Кицунэ и Белой Нэкоматы!

И рухнул на колени. Снизу вверх несколько секунд разглядывал ёкаев, и окончательно пал ниц.

Накадзима-старший вопросительно повел бровью в сторону Торы. Тора слегка нахмурился, чем дал понять отцу, что тот перегнул с эффектностями, и шагнул вперед.

– Огава-сан, – он присел на корточки перед курьером, уткнувшись в землю лбом. – Нэкомата, которой служили ваши предки, действительно моя мать. Но она теперь живет в родном мире. А я решил остаться здесь, с отцом и братьями, среди людей. Здесь я – Накадзима Тора. Я учусь в старшей школе.

Огава рискнул поднять сначала голову, потом плечи.

– Планирую в будущем поступить в университет, а затем работать в одной из компаний моего отца, – продолжал Тора. – Мне очень нужен помощник-человек, который знает меня в обеих ипостасях – в этой и человеческой.

Огава выпрямился, оставаясь сидеть на коленях.

– Но... Тора-сама, вы видели, какой я... непутевый. Я боюсь, что ваши требования...

– А я не боюсь, – Тора улыбнулся и по-кошачьи покачал за спиной изогнутым хвостом. – Я уверен, что мы с вами хорошо сработаемся.

Огава неуверенно улыбнулся.

– Проверим на практике? – закончил Тора и вопросительно посмотрел на молодого человека.

– Я буду вашим секретарем, Тора-сама, – набравшись смелости, заявил Огава.

– Прекрасно, – Тора выпрямился. – Могу я узнать ваше полное имя, Огава-сан?

Тот неуклюже встал с колен, суетливо поклонился хозяину-кицунэ и стал лицом к Торе.

– Огава Маракайто. 25 лет. Через месяц – 26. Закончил старшую школу. Ну а потом... везде провалился.

– Маракайто? – вмешался Накадзима-старший. – Необычное имя.

– Это дедушка придумал. Заставил родителей назвать меня Маракайто, – смущенно пояснил Огава.

– Малахит, – произнес Тора и оглянулся на отца. – Уральский полудрагоценный камень. У статуи нэкоматы были малахитовые глаза. Мама сама передала эти камушки хранителю святилища в эпоху Эдо. Малахит – подарок ее младшей сестры. Тётя в юности сбежала к возлюбленным в русский ареал мира обакэ. Мама поначалу разозлилась, долго искала ее, но когда нашла, они помирились и подружились.

– Малахитовые глаза... – пробормотал Огава. – Малахит. Украденные камни. Это был малахит. И моё имя.

– Малахит нэкоматы нашелся, – китцунэ легким движением руки повел в сторону новоявленного секретаря Торы. – Я всегда говорил: люди способны творить чудеса своими руками. Огава Маракайто, вам досталось прекрасное наследство! Духовные силы потомственных священников и это удивительное имя. Я рад, что именно вы будете помогать моему сыну в человеческом мире. Формальности я поручу Акияме, ну а тебе, Тора, советую как можно скорее познакомить нового сотрудника с «левым крылом». Перечень обязанностей, полагаю, определится на практике. Кстати, Тора, не забудь про свой график. Я намерен сегодня быть в числе зрителей с семи вечера до окончания мероприятия. А сейчас я вас оставляю. И, спасибо, сынок, что позвал меня на эту чудесную прогулку.

Тора не ожидал, что общий язык с новым своим секретарем найдет настолько быстро. Единственное, что вызвало у Огавы всплеск смущения и поток извинений, было его собственное имя. Тора выслушал все словоизлияния и лишь под конец понял, что Огава просит прощения за то, что всю сознательную жизнь всячески скрывал личное имя и даже хотел изменить его, когда настало время получать документы совершеннолетнего члена общества. Тора догадался, что наследник священников дзиндзя обращается к нему за «прощением» так, как обращался бы к нэкомате. Тора пообещал, что впредь будет называть и представлять секретаря только этим именем и получил разрешение на сокращение до «Мара».

Тора дал понять Акияме, что намерен присутствовать при его разговоре со своим новым секретарем, поскольку ему показалось, что Акияма критически отнесся к решению хозяина. Однако беседа получилась короткой и в целом легкой, а формальности были улажены за пять минут. Маракайто не раздумывая согласился с необходимостью поселиться в общежитии обслуживающего персонала. На упоминание выходных, полагавшихся всем сотрудникам-людям, он беспечно отмахнулся и сказал, что навестить родителей он может и по случаю, а без него младшим сестрам станет гораздо свободнее в родительском доме.

Когда же зашла речь о «взаимодействиях сотрудников», Огава Маракайто прямо-таки сразил Акияму встречным вопросом:

– Это что же получается? Я первый такой, кто на два крыла?

Тора не удержался от улыбки, а Акияма после короткого замешательства ответил:

– Да. Первый и пока единственный. Поэтому прошу вас очень внимательно следить за своими словами и действиями в присутствии людей.

На выходе из служебного кабинета, когда Тора собрался оставить секретаря на Акияму, дабы тот представил его сотрудникам в новом статусе, к экстравагантной группе – бакэнэко, тануки и человек – подошла Наканиси Кира. Многозначительно улыбнувшись Торе, она объявила Акияме: вопрос связи приказано решить безотлагательно, – и вручила Огаве Маракайто в одну руку новенький мобильник, а в другую – нечто в форме черного кокона.

– Как я и обещала вам вчера, Огава-сан, вы очень скоро узнаете, что это такое, – добавила она, показав взглядом на кокон, откланялась и удалилась.

– А... но... Спасибо, Кира-сан! – крикнул ей вдогонку новоявленный секретарь.

Акияма напряженно посмотрел вслед начальнику службы информационной безопасности и перевел озадаченный взгляд на Маракайто.

– Это я когда вчера посылку относил, – смущено пояснил тот. – Увидал в служебном помещении эти штуки и имел наглость спросить у Киры-сан, что это и зачем.

Тора тем временем внимательно следил за маленьким аякаси, сжатым в кулаке секретаря. От малыша несло страхом, сравнимым с ужасом загнанного в угол мышонка. С секундным опозданием Тора понял, что это и есть мышь, но летучая. А Маракайто, обронив в сторону Акиямы – извините, минутку, – живо убрал мобильник в карман и попытался развернуть кокон пальцем. Акияма отодвинулся с видом зрителя, ожидавшего эффектной развязки. Маракайто, не добившись результата физическими действиями, принялся внимательно разглядывать объект.

– Где же у тебя головка? – пробормотал он, наконец, и обратился к Торе. – Тора-сама, как бы его заставить высунуться? Это ведь такой же, какие прыгали в парке. Или нет?

Акияма скрестил руки на груди и ладонью-лапой прикрыл нижнюю часть лица, дабы скрыть совсем уж явную мимику.

– По-моему, не такой же, – Тора без задней мысли протянул руку к необычному «средству связи», ибо и ему теперь было очень любопытно познакомиться с аякаси-связистом.

Чуть только палец с кошачьим когтем коснулся кокона, в рекреации раздался отчаянный писк, аякаси раскинул крылья и ринулся в закрытое окно. Смачный шлепок возвестил об объективной невозможности этого вида обакэ просачиваться сквозь преграды, а Маракайто кинулся к окну с криком: не бойся, маленький, этот кот тебя не съест!

Только многолетняя практика дворцового помогала Акияме сдерживать хохот, пока он наблюдал, как новоявленный секретарь прыгает за перепуганным аякаси и уговаривает его не пугаться бакэнэко. Тора же просто не знал, куда деться – скрыться, дабы аякаси уgomонился, или же применить силовой магический прием. Пока он лихорадочно сочинял решение, диспозиция в рекреации изменилась: аякаси увильнул из рук едва не схватившего его секретаря и на полной своей скорости ринулся в коридор. Скорость оказалась весьма немалой, и Тора рефлекторно кинулся за удиравшим. Однако побег закончился не в кошачьих когтях, а в мощном кулаке.

– Тебя чего, мышей ловить не научили, кошка?

Тора затормозил в двух сантиметрах от торса Ичиро, изготовившегося тормозить брата своей грудью.

– Привет. Отдай, – выдохнул Тора.

Ичиро нагло поднял руку с дрыгавшемся в кулаке аякаси высоко над головой.

– А ты достань!

– Слушай, прекрати, – Тора выпрямился. – Он и так меня боится. А это наш связист.

– Извините. Прошу прощения, – Маракайто очутился у Тору за спиной. – Пожалуйста, отдайте его мне. Этот батто...

Ичиро глянул на свой улов.

– Это аякаси. Разве нет?

– Аякаси. Но всё равно Батто, – скороговоркой ответил секретарь. – Он, наверное, послания должен передавать. Извините, я еще тут не во всём разобрался. Но его вместе с мобильником...

– Ичиро. Это мой новый секретарь. Маракайто. Огава Маракайто, – сообщил Тора.

– Ага, – тот смерил запыхавшегося секретаря оценивающим взглядом, вручил ему пленника и пояснил выразительным тоном. – Это *вместо* мобильника. Потому что наш братец-кошак постоянно забывает свой мобильник.

Тора негромко рыкнул. Ичиро улыбнулся и тем самым показал клыки.

Маракайто, занятый упаковкой шокированного аякаси-батто в нагрудный карман куртки, клыки заметил и суетливо поклонился, продолжая запихивать пальцем распластанные крылья.

– Накадзима Ичиро, – Тора представил брата, заметил дальше по коридору стоявшего у стены Рику и показал на него взмахом руки. – И Накадзима Рику. Мои единокровные братья.

Рику подошел ближе, кивком ответил на второй суматошный поклон, издали кивнул наблюдавшему сценку Акияме и произнес в сторону Ичиро.

– Нам всем не помешало бы такое средство связи.

– Ага, – охотно согласился Ичиро и повернулся к брату. – Но ты только посмотри, сколько веселья мы пропустили в жизни по папиной милости!

Тора вздохнул и обратился к секретарю.

– Мы потом отдрессируем Батто. Я его быстро научу меня не бояться. А пока пусть у тебя в кармане сидит.

– Так мне же сейчас идти... – Маракайто оглянулся на Акияму.

– Обычные люди таких аякаси не видят, – быстро пояснил Тора. – А священников кроме тебя тут нет. Если закончишь до шести-тридцати, приходи в мои комнаты. Если позднее, иди устраиваться в общежитии и отдыхай до завтра.

– А мероприятие в семь? Я не должен вас сопровождать, Тора-сама?

– На этом мероприятии – нет.

Попутно у Торы мелькнула мысль о бане, неизбежной после предстоящей тренировки, но просить секретаря выполнять функции гувернера он постеснялся.

– Священник? – заинтересованно спросил Рику, когда Маракайто удалился вслед за Акиямой.

– Еще одно обыкновенное чудо, случайно обнаруженное отцом, – Тора улыбнулся.

– Это же человек, вроде? – вмешался Ичиро. – Ты его раньше знал?

– Я – нет. Но его, можно сказать, знала мама. Он наследник священников ее дзиндзя.

– Которое разрушили? – Рику нахмурился.

– Около двадцати лет назад, – подтвердил Тора. – Маракайто был тогда дошкольником. Его родители отказали деду в воспитании приемника. А дед – последний священник нэкоматы – видимо, чувствовал потенциал духовных сил ребенка, но обучить его не успел.

– Где он учился на священника? – спросил Рику.

– Он не учился. Всё, что он знает о синтоизме, фольклоре и мифологии, результаты его самообразования. Сана у него нет. Но теперь за саном дело не станет, если он когда-то пожелает получить официальный статус.

– Сомневаюсь, что в университете учат общаться с аякаси, – Ичиро усмехнулся.

Тора согласно кивнул.

– Я видел священников, совершавших синтоистские обряды, когда в первые годы здесь с мамой путешествовал по историческим достопримечательностям страны. Но все они только играли свои роли. Мама говорила, что не заметила ни одного, чья духовная сила была бы

сколько-нибудь выше стандартного уровня.

– Истинных священников нужно искать не на туристических маршрутах, а в национальной глубинке, – заметил Рику.

– Тора!! – раскатилось по коридору эхо дружного дуэта, и вслед за звуком сквозь барьер на входе прорвались близнецы.

– Там в центральном зале какой-то чужак нянчится с мелким аякаси! – доложил Като.

– А Акияма делает вид, что ничего не происходит! – добавил Фума. – О! Рику. Ичиро! Привет!

Тора вздохнул.

– Пойдемте ко мне. Там всё расскажу, – предложил он.

Апартаменты Торы братья оценили по-разному. Като и Фума в один голос заорали: кто посмел поставить вместо кровати «какой-то дурацкий матрас» – и Торе пришлось объяснять, что от кровати европейского типа он отказался сам. Рику отметил, что дизайнерам следовало бы оформить в национальном стиле хотя бы одну комнату целиком, а не распихивать по углам элементы европейской мебелировки. Ичиро первым делом сунулся в кабинет к оставленному на столе ноутбуку и, познакомившись с системой, с досадой отметил, что «неприступная Кира» уже навела тут свои порядки. Фума вытолкал брата со стула и завладел компьютером с намерением немедленно «всё исправить». Тора в первый момент хотел его остановить, но потом подумал, что такой спец по безопасности, как Наканиси Кира, наверняка предусмотрела попытки юных Накадзима осчастливить брата развлечениями типа игрушек. Фума и повисший на его плечах Като долго пыхтели в унисон над ноутбуком и, наконец, Фума воскликнул:

– Что тебе тут с раскладками наделали? Это что за ахиня вместо латиницы?

– Это кириллица, – пояснил Тора.

– Да? – автоматически переспросил Фума.

– А почему в английском столько точек и галочек? – подхватил Като.

– Это не английский, а немецкий и французский.

– Зачем тебе столько языков? – удивился Ичиро.

– Для работы в интернете.

Тора вернулся в гостиную, оставив компьютерных грамотеев общаться в своем кругу.

– Какими языками ты владеешь? – тихо спросил Рику.

– Свободно – русским, английским и китайским. По-французски и по-немецки уверенно только устно. Хочу с помощью интернета освоить и эти языки.

– Потрясающе. Откуда такие знания? Неужели обакэ общаются на человеческих языках?

– А как же еще, Рику? – Тора улыбнулся. – Мир обакэ – отражение человеческого мира. Он родился вместе с первыми людьми, он существует и развивается, опираясь на мысли, чувства, волю, желания и эмоции людей. И языки как форма общения существуют в мире обакэ в огромных количествах. Другое дело, что любой обакэ имеет альтернативные способы для передачи и получения информации. И как раз за счет этого может усвоить чужой язык во много раз быстрее, чем люди в своем мире.

– Ну а книги? – заинтересовался Рику.

– Это сложнее. В прежние времена, когда обакэ активно курсировали между мирами, легендарные человеческие манускрипты воссоздавали по памяти те, кто эти манускрипты видел. Сейчас сюда, к людям, заглядывают реже и реже, потому что тает вера людей. Обряды превращены в сценические ритуалы, а праздники, которые раньше устраивали в честь духов-покровителей, стали обычными народными гуляньями. Современных книг у обакэ уже не встретишь.

– Индивидуальные контакты? Соглашения, типа договора с дьяволом?

– Это было, есть и, видимо, будет, – Тора нахмурился.

– Между человеком и обакэ?

– Да. Ты что-то выяснил?

Рику кивнул, покосился на увлеченных «компьютерщиков» и отвел Тору подальше от двери кабинета.

– Отец и его давний компаньон ведут сложные переговоры с одной крупной и не совсем чистой организацией. Есть подозрения, что в той организации помимо неявной поддержки правительства есть поддержка неких скрытых сил.

– Компаньон – человек?

– Думаю, да. Но... – Рику понизил голос до шепота. – Переговоры идут в пользу третьей стороны. Отец недавно назвал эту кампанию – дело чести Дома Накадзима, но пояснений не дал. Вчера он намекнул мне, что третья сторона – не человеческая.

– Поддерживает друзей?

– Это его стиль ведения дел. Помогли другу даже в ущерб себе, и рано или поздно ущерб окупится сполна. Многие в его окружении этого не понимают, но он верен себе всегда.

– Тора! – крикнул Ичиро из кабинета. – Кира – обакэ или нет?

– Говорю тебе: она тут была, значит, обакэ! – вдвое громче объявил Като.

– Считайте, что да! – отозвался Тора.

Фума, а следом Като тут же выскочили в гостиную.

– Как это «считайте, что да»?

– Кто она?

Тора призадумался, как бы поточнее перевести на японский язык и менталитет понятие «ведунья».

– Она как мико, – нашелся он после недолгой паузы.

– Священница, как и твой секретарь? – удивился Като.

– Она же не японка, – заметил Фума.

– Поэтому я и сказал «как», – Тора улыбнулся.

– Тора, у меня предложение, – Ичиро вышел в гостиную, и это означало, что ноутбук наконец-то оставили в покое. – Давай сыграем в паре против песиков Мориты.

– Я участвую, – вдруг вставил Рику.

– Ты чего, стрелять в них собрался? – изумился Ичиро.

– Разумеется, нет. Хочу кое-что попробовать. Без оружия.

– Эй вы! – вмешался Като. – После ваших проб с оружием и без тут охраны не останется!

– Тора, может, для тренировки каких-нибудь обакэ призовешь? – предложил Фума.

– Я не оммёдзи, чтобы призывать обакэ, – отрезал Тора и ответил Ичиро и Рику. – Думаю, можно предложить Инукаи и капитану Морите наш сценарий.

Эпизод 15. Бакэнэко vs инугами

Без четверти семь вечера, когда все сроки, установленные Торой своему секретарю, истекли, братья Накадзима дружной компанией направились прямо в парк. Тора невольно оказался лидером, ибо только он один, как выяснилось, знал про существование «второй стороны» парка. Ичиро возмущался, мол, почему отец изволил открыть сыновьям правду об их происхождении только сейчас.

– А чего вам рассказали? – не удержался Като. – Про мадзоку?

– Ага. И про то, что мы с Рику такие же, как вы, – заявил Ичиро.

Близнецы аж остановились от неожиданности.

– Не идентичные, но двойня, – спокойно пояснил Рику. – А разница в человеческом возрасте вызвана экспериментами мадзоку. Для мадзоку дети как клинок для кузнеца, не больше. Поэтому отец забрал сначала меня, а потом и Ичиро.

Тора удивился про себя прозвучавшей интерпретации, но подумал, что отец не стал бы лгать детям теперь, после своей исповеди старшему сыну. А это означало, что Рику сейчас представил собственную точку зрения. В пользу отца.

Като и Фума переглянулись и с некоторой долей зависти посмотрели на старших братьев.

– Вы следующие в очереди на откровение, – посмеялся Ичиро.

– А Юдзо? – спросил Фума.

– Он не звонил? – уточнил Рику, не обращаясь ни к кому конкретно.

Като и Фума помотали головами. Тора сделал то же самое, но вспомнил про оставленный в комнате мобильник. «Вроде там не было пропущенных звонков», – успокоил он себя.

Отец встретил дружную компанию с улыбкой, но Тора уловил, что эта улыбка лишь вершина айсберга всех тех чувств, которые испытывал глава семейства в этот момент. Инукаи тоже отметил неординарное событие, но без мимических проявлений, лишь в его черных глазах мелькнул теплый огонек.

Предложение Ичиро озвучил Тора. Инукаи задумался, а капитан охраны – он же вожак стаи ёкаев-псов Морита – очень внимательно посмотрел на Накадзима-старшего.

– Это будет полезно всем, – вдруг заявил глава Дома.

– Сначала основной сценарий, босс, – нахмурился Инукаи.

– По-правде говоря, итог этого сценария я уже знаю, – сообщил Накадзима-старший. – А при условии несработанной команды противника охрана имеет шанс отыграться.

Ичиро громко клацнул зубами. Рику опустил взгляд, а Като и Фума в один голос воскликнули:

– Они в рёкане сработались!

На близнецов, которых отец поставил рядом с собой, не обратили внимания. Но Тора отметил реакцию Инукаи: тот тщательно и незаметно принохивался к боссу, будто силился распутать клубок завуалированных посланий. Торе же было предельно ясно, что упоминание «несработанной команды» призвано расшатать уверенность ее участников, не более того.

«Инукаи решил, что отец идет нам навстречу из личных побуждений, – принялся рассуждать Тора. – А это всего лишь психологический ход, в первую очередь против Ичиро, дабы не задирали нос. Но Инукаи сейчас беспокоится, как бы личные побуждения босса не пошли в разрез с какой-то предварительной установкой. Какой? Сработанная или несработанная команда... Они ожидают хорошо спланированную атаку? Однако отец уверен, что мы – достаточно слаженная группа, чтобы имитировать именно спланированную атаку. И Инукаи теперь силится разнюхать, в какой момент прозвучала неявная ложь».

Пока Тора размышлял, организаторы договорились до двух раундов – по старому

сценарию и по новому. Задача первого раунда была такова: от Тора требовалось проследовать от стартовой точки через весь парк в свою комнату, используя любые магические навыки и средства. Охране, соответственно, надлежало отловить условного нарушителя и привести на командный пункт в додзё. Наблюдателем, а также секундантом на старте назначили Наканиси Киру, которая в данный момент ждала участников на своей позиции, то есть в воротах парка.

– Тора-сама, прошу вас работать в полную силу, – произнес Дэнбей, когда Тора проходил мимо него вдоль пока человеческого строя охраны.

– Непременно, Дэнбей-доно, – ответил Тора, глянул на невозмутимого инугами и неожиданно для себя добавил. – Сегодня я поставил себе цель – победить.

По губам Дэнбея скользнула еле заметная улыбка.

Тору проводили на старт два стажера-волка, не участвовавшие в игре непосредственно. Эту пару вчера Тора чуть не размазал по стене додзё в первые минуты группового спарринга, не сообразив, что перед ним не чистокровные оками, а хоньё – полукровки, дети волка-оборотня и обычной одичавшей собаки. Несмотря на свою нетипичную «половинность» брат и сестра имели устойчивый человеческий облик, причем мужской у обоих, а обращались исключительно в волков. Вскользь Тора вчера слышал, что они – последние дети вожака небольшой стаи оками-хэнгэ, мощного ёкая, жившего в здешних местах с незапамятных времен и умершего своей смертью всего несколько лет назад.

Кира связалась с командным пунктом собственными магическими средствами, сообщила Торе, что его перемещение будет отслеживать только она одна и никто другой об этом не узнает, подбодрила его взглядом и скомандовала старт.

Тора тут же закрылся кошачьей аурой, шмыгнул в заросли и притаился. Следовало хорошенько продумать тактику и как следует разобраться с сигналами ёкайской интуиции, стучавшейся в сознание с момента короткого диалога с Дэнбеем. «Дэнбей уверен, что встретиться со мной в этом раунде, – Тора повел ушами. – Но он до сих пор в додзё. А псы уж на местах – патрулируют все дорожки. Почему он так уверен, что я пойду напролом?.. Нет, не так. Почему он уверен, что меня обнаружат? Мы не работали вчера на скрытность, но про мою ауру все уже знают после того, как Инукай не учуял меня в комнатах. Придумали способ слежки?»

Как будто в ответ на его мысли пес на ближайшей дорожке повернулся в сторону притаившегося бакэнэко и принялся разносить воздух. Тора замер, как мертвый. И принялся к себе. Пресловутый дух псины, оставшийся на плохо вычищенной шкуре, защекотал нос сразу, как только Тора подумал про запах. Пес тем временем сунулся в заросли, продрался сквозь кусты, но тут внимание его привлекло что-то на деревьях. Он вернулся на дорожку и помчался прочь от ворот, разглядывая густую осеннюю крону.

Тора облегченно вздохнул и похвалил себя за то, что сразу не сиганул на дерево.

Взгляд упал на красный резной лист.

«Кровь, – вспыхнуло в сознании. – Вчера я смыл кровь Дэнбея с когтей и шерсти на руках. Но брызги наверняка попали и на торс, и на ноги, ведь сражался я в зооморфной форме. Они чувствуют ёкайскую кровь своего товарища из моего личного пространства... Что делать? Если я обернусь сейчас, вся стая будет здесь через две секунды. Нет. Не вся. Половина останется караулить возле лестницы в дом на случай, если я удеру по деревьям. Можно, конечно, вызвать лисий огонь и пробежать по изломам пространства сразу в комнату, но, по-моему, это не честно. А возможно на это и рассчитывал отец, когда заявил, что знает итог раунда. Видимо, он не рассказал Инукай то, что услышал от Ичиро и Рiku про бой со стражем горы... Лисий огонь. А что если..?»

Тора хитро прищурился, почти как отец-кицунэ. Узор заклинания двойника он запомнил

хорошо, ибо узор был почти целым, а кое-какие знания иллюзий Тора получил еще от матери. Самым сложным было перенести на фантом весь букет запахов. Но бакэнэко быстро нащупал метод. Мысленно пересмотрел весь план своих действий в разметке по времени и пространству, сосредоточился и...

Огромный Снежный Барс одним махом взлетел на вершину дуба.

Реальное пространство тут же ответило собачьим лаем, и псы со всех ближайших дорожек и тропинок кинулись к условному нарушителю.

Магия иллюзий двойника. И моментальный оборот в человеческий облик.

Снежный Барс прыгнул на соседнее дерево.

Охрана дружно кидалась на древесный ствол.

Второй прыжок. Третий.

Тора прижал на губах смешок, наблюдая за тщетными попытками инугами допрыгнуть до противника с земли.

«Ну, и где же Дэнбей?» – Тора прислушался.

Огромный черный пес мчался на место происшествие непосредственно от додзё.

Тора удовлетворенно кивнул и бесшумно слез с дерева на землю. Отряхнулся, пригладил человеческую причёску, для порядка проверил на себе ауру скрытности и пошел по тропинке к особняку. Грозный рык пса-ёкая и имитация боевого клича гигантского бакэнэко доносились из самой гущи парка, примыкавшей к барьеру.

«Дэнбей неплохо дерется на верхотуре. Интересно, как скоро он поймет, что сражается с иллюзией?» – подумал Тора и прибавил шаг.

Поющие карпы в пруду промолчали, ибо песни свои начинали только тогда, когда чуяли рядом слушателей. Маленький каменный сад Тора тщательно обогнул, дабы не оставить на песке следов. И также старательно обошел внутренний барьер, за которым располагалась территория для прогулок Хирото. Дальше, на веранде, стояли два охранника в человеческом обличье. Аура скрытности не делала обладателя невидимым, а лишь вуалировала его присутствие, поэтому Тора воспользовался естественным укрытием в облике кустарника, чтобы проследовать мимо условных противников. Теперь оставалось подняться на высокую террасу, пройти по лестнице на второй этаж особняка, а там два десятка метров по коридору до своей комнаты.

Тора прислушался. На террасе прохаживался инугами в зооморфной форме. Значит, если не попадаться ему на глаза и не создавать шума, можно проскочить мимо. Лестница и коридор свободны.

«Логично. Не устраивать же драку прямо в доме, – мысленно согласился с организаторами Тора и тут подумал. – А кто и как просигналит мой финиш? Мне самому позвонить Инукай, что ли? А есть ли у меня его номер?»

Тора подобрал горсть мелкого щебня, подгадал момент, когда пес на террасе развернется носом в направлении додзё, и зашвырнул туда камешки. Результат превысил все ожидания. Охранник не раздумывая сиганул прямо с террасы за кустарник, призывно гавкнул и помчался к источнику шума. Тора без помех проскочил опасное место, пробежал вверх по лестнице, на всякий случай прослушал коридор и опять же бесшумно подобрался к дверям комнаты. В носу защекотал знакомый запах.

Тора удрученно покачал головой и вошел в тамбур своей гостиной.

– Мара, половина восьмого вечера.

– Тора-сама! – секретарь вскочил с дивана, на краешке которого сидел. – Я... это... меня Накадзима-сама... велел получить инструкции у Инукай-сана. В общем...

– В общем, тебя втянули в это мероприятие, – закончил Тора.

– Я с радостью согласился! Я знал, что вы обязательно придете, Тора-сама!.. Батто! Батто, просыпайся, есть дело!

Тора последил, как аякаси в устойчивой форме летучей мыши отцепился от карниза, бесшумно пролетел через всю гостиную и уселся на руку человека.

– Молодец, Батто. Умничка, – похвалил связиста Маракайто. – А теперь слушай: Маракайто – Инукай: дома. Вперед!

Тора заметил заранее приоткрытое окно, понаблюдав за ловким полетом аякаси сквозь узкую щель и восхищенно кивнул секретарю.

– Классно. Ты сам его научил?

– Кира-сан подсказала немножко, – признался Мара. – Чтобы от кого кому безо всяких суффиксов, чтобы приказы были короткие. Чтобы хвалить его почаще. Он от похвалы силу получает... Тора-сама, а почему вы в человеческом виде?

– Чтобы задурить противника.

– А... но... Тора-сама, я вот тут всё думал, да так и не придумал. Вы как будто мальчиком выглядите. Но ведь это маска. Да? Я еще вчера заметил, что вы старше по-настоящему.

– Ну, в общем да, – Тора решил пока не вдаваться в подробности.

– А я-то запутался уже в ваших братьях, кто старше, кто младше!

– Не нужно акцентировать внимание на моем настоящем возрасте. В людском мире и в людском обличье мне шестнадцать. Братья это знают. А Ичиро всех задирает, вне зависимости от старшинства. Это просто манера поведения, и отнюдь не неприязнь.

– Мне показалось, – Маракайто смущенно отвел взгляд. – Даже не так. Я точно знаю, вас в этом доме все очень любят. И отец, и братья, и сотрудники в обоих «крыльях». А здесь, когда меня Акияма-сан представлял, мне вдруг кланяться начали, будто я тут какой-то начальник. Я их еле упросил так не делать. Я же просто секретарь. А они говорят, так ведь секретарь Торы-сама.

Аякаси-связист вернулся, прямоком проследовал к Торе и отрапортовал беззвучным, похожим на зажатый в горле писк, голосом: «отец – сыну: браво, возвращайся, захвати секретаря».

На стой черных псов Маракайто смотрел с большой опаской, а Тора со смешанным чувством сожаления и гордости. Сожаление было вызвано проигрышем отряда охраны, а гордость щекотала сердце от мысли, что победу обеспечило заклинание, перенятое у отца.

– Хитер, Тора-сама, – высказался Инукай и выразительно посмотрел на главу семейства.

Тот прямо-таки сиял от восторга, однако первая его реплика была адресована не победителю раунда, а Ичиро.

– Я тебя предупреждал: не спорь со мной. Летать на огнях способен лишь кицунэ, который заработал как минимум три хвоста. Но и треххвостый кицунэ не станет использовать огни в бою, потому что это отнимает гигантское количество сил. И даже если кто-то рискнет удирать на огнях, он должен быть уверен, что дотянет до безопасного места, чтобы потом отлеживаться сутки.

– А я тебе говорю, – Ичиро как будто не слышал пояснений, – что Тора скакал по воздуху в бою!

– Тора, – отец обернулся к старшему сыну. – Рассуди нас, пожалуйста. Кажется, ты единственный, кого Ичиро способен услышать.

– Летать на огнях, это отталкиваться от изгибов пространства? – уточнил Тора.

– Да, – насторожился Накадзима-старший.

– Я использовал этот прием. Дважды. Действительно отнимает много сил. Но в той ситуации, в которой сражались мы, это было необходимо.

– Та-ак, – отец покосился на Ичиро и опять обратился к Торе. – В таком случае, почему ты сейчас не вызвал огни? Здесь, дома под барьером, это было бы проще простого.

– Мне показалось, что это было бы нечестно по отношению к организаторам игры, –

признался Тора. – Я решил, что Инукай-сан не знал, что я владею этим приемом, когда планировал сценарий.

Кицунэ несколько секунд взирал на Тору, как на чудо невиданное, затем закатил глаза, одной рукой прижал свой лисий лоб и обессиленно рассмеялся.

Като и Фума, стоявшие в сторонке, дружно зажмурились и, отвернувшись носами друг к другу, сдавленно расхохотались.

– Это и есть весь Тора, – констатировал Рику.

Ичиро покрутил пальцем у виска и ничего не сказал.

Инукай поспешил вмешать, дабы неприкрытое веселье молодых господ против строя обескураженных морд инугами не выглядело бы слишком цинично.

– Тора-сама. Не могли бы вы дать пояснения к избранной вами тактике.

Тора покосился на Дэнбея. По собачьей морде трудно было вычислить чувства, кипевшие под черной шкурой, но то, что доблестный ёкай на взводе после боя с иллюзорным противником, легко угадывалось по невербальным признакам.

– Я догадался, как инугами планировали отследить меня под аурой бакэнэко и предпринял контрмеры, – сказал Тора. – Создал иллюзию-двойника, чтобы отвлечь патруль, а сам ушел в человеческом облике, то есть безо всяких следов вчерашней крови на шерсти.

Капитан Морита – он оставался в человеческом обличье – встал перед Торой, молча опустил на одно колено, уперся правым кулаком в пол додзё и низко склонил голову. Весь собачий строй, начиная с Дэнбея, немедленно обернулся людьми и так же, как вожак стаи, отметил уважение и преданность молодому господину.

Второй раунд тренировок было решено провести в стиле спаррингов, но не в стенах додзё, а задней части поместья, где владения Накадзимы граничили с густым лесом на склоне горы. Там Тора сразу почуял волчий запах.

– Дальше территория наших давних хороших друзей, – пояснил глава семейства. – Их вожак, бывало, частенько заглаживал ко мне в гости. Мир его праху. С нынешнем мы в хороших отношениях, но он сторонится людей, а потому в поместье не заходит.

– Оками? – шепотом спросил Маракайто Тору.

Тот кивнул. Накадзима спохватился и дал более развернутые пояснения сыновьям.

Тора надеялся, что на сей раз его оставят в числе зрителей, но всё испортил Ичиро, потребовавший усложнить тренировку.

Затем Рику вышел один против пятерых молодых инугами и без специальных действий и видимых усилий сотворил что-то такое, от чего псы замерли, как окаменевшие, а у всех остальных, включая главу семейства, дыбом встала шерсть. В довершение всеобщего замешательства над группой зрителей полыхнул грозовой разряд. Рику заметно струхнул, Тора кинулся к оцепеневшим инугами, Като и Фума получили от Ичиро два звонких подзатыльника, а Накадзима-старший потребовал объяснений.

– Я проделал подобное лишь однажды, – ответил Рику. – Стремился остановить стража горы, но в результате вызвал фантом.

– Адские гончие, – подсказал Ичиро. – Кидались на урода и превращались в болты.

– Накадзима-сама, я думаю, мадзоку лучше тренироваться на муляжах, – вставил Инукай.

– Простите меня, – Рику склонил голову.

– Тора? – отец обернулся, но увидел старшего сына в компании его секретаря, окруженного пятеркой шокированных псов.

Участники спарринга стояли на лапах очень неуверенно и рефлекторно тянулись мордами к рукам Маракайто, сидевшего на корточках в центре круга. Тот шепотом, путаясь в словах, торопливо объяснял Торе, что проклятья снимать не умеет в отличие от деда, зато качественно снимает стрессы. Результаты его действий были налицо: те псы, кого успел

приласкать суетливый секретарь, избавились от последствий оцепенения.

– Я собак ужасно боюсь, – продолжал бормотать Маракайто. – А инугами в истинном виде почему-то нет. Странно, да?.. Инугами-доно, не стесняйтесь, пожалуйста. Вот так, можно просто носом. Лучше стало, да?.. О, да вы девушка! Ой, простите, инугами-доно.

Тора улыбнулся, бесшумно покинул «целительный круг» и вернулся к отцу и братьям.

– Пап, а у нас будет нормальный секретарь? – спросил Като.

– Долго нам еще Одзаки терпеть? – подхватил Фума.

– Вам не секретарь нужен, а личный пожарник со свойствами диэлектрика, – заявил Ичиро, отодвинул близнецов и обратился к отцу. – Где ты откопал это чудушко?

– Огаву Маракайто я встретил на выставке исторических артефактов, – пояснил Накадзима-старший. – Като, Фума, про Одзаки мы поговорим отдельно. Тора, что скажешь про ментальную атаку?

– Сильно, – просто ответил Тора.

– Но на духа горы не подействовало, – заметил Рику.

– Тот «дух горы» был по сути обычным они. Они не восприимчивы к воздействию на мозг, так как их сознание организовано иначе, чем у людей. На диких обакэ, которые существуют большими колониями, ментальную атаку вообще опасно применять – колония может затянуть силы атакующего в свою массу и поглотить вместе с разумом.

– Ну а гончие-тире-болты? – быстро вставил Ичиро, которому очень хотелось, чтобы Рику открыл в себе способности призыва оружия.

– Лисья магия действенных иллюзий в обертке типовых образов мадзоку, – невозмутимо сформулировал Тора.

– Пф! – Ичиро разочарованно отвернулся.

– Как же тебе не хочется причислять себя к семейству кицунэ! – с грустной иронией в голосе заметил Накадзима.

– Я не намерен бегать в лисьей шкуре! – заявил Ичиро.

– А на тебе неплохо бы смотрелся черный хвост, – высказался Фума.

– Пониже того, который у тебя на затылке, – добавил Като.

И оба отскочили подальше от брата. Однако дистанция оказалась не достаточной для обеспечения безопасности. Ичиро мгновенно переместился к близнецам, будто шагнул сквозь пространство, и схватил каждого за рыжую челку. В сумерках вспыхнули белые молнии. Ичиро вскрикнул. Близнецы от неожиданности вжались друг в друга плечами, но магический поединок завершился в одно мгновение в мощной вспышке синего пламени.

– Еще одна такая выходка, и я запечатаю вас троих раз и навсегда! – грозно объявил отец семейства.

Рику быстро глянул на Тору. Тот повел бровью. Рику убедился, что правильно определил степень правдивости заявки, и успокоился.

Инугами, ставшие невольными свидетелями семейной сцены, неуютно потупились, и Тора, дабы переключить внимание всех участников, предпринял беспроектный демарш: предложил Дэнбею спарринг. Ёкай-пес прямо-таки просветлел. Капитан Морита не сумел скрыть радостного вздоха, а вся стая как будто воспрянула духом. Тут только Тора догадался, какие эмоции превалировали у инугами после сегодняшнего, второго подряд, проигрыша всухую: «Они решили, что я стал презирать их за слабость».

Тренировочный бой в зооморфной форме начался на грунте, но скоро переместился в воздух. Дэнбей не ощущал пространственные изгибы, зато прыгал между древесными стволами и по толстым веткам не хуже чудовищного кота. Тора продемонстрировал отцу и братьям свои «огненные сапожки», но Дэнбей напрасно надеялся ослабить противника, не подпуская его к материальным опорам. Торе удалось сбить пса на землю. Пускать в ход зубы и когти на сей раз запрещалось правилами, поэтому каждый норовил вжать противника

спиной в грунт. Ловкости и сил было достаточно у обоих, и бой в партере грозил растянуться надолго. Но Тора пошел на хитрость: притворился, будто начал уставать, усыпил бдительность Дэнбей неточностью своих движений и в момент, когда инугами уверился в своей победе, ловко опрокинул его в грязь, прижал лапами, а для убедительности прихватил за горло, не сжимая челюстей.

«Вы победили, Тора-сама», – посредством контакта сознаний объявил Дэнбей.

Но Тора уловил, что поражение ничуть не испортило боевое настроение партнера. Он отскочил, позволив псу встать на лапы, наскоро встряхнулся и как бы невзначай повернулся так, чтобы черная морда оказалась сбоку на уровне его плеча. Инугами покосился вверх.

«Кого мы ждем в гости, Дэнбей?» – быстро спросил Тора.

«Не хэнгэ. Это всё, что известно».

«Понял. Рассчитывайте на меня».

«Да. Тора-сама».

По дороге к особняку Тору так и подмывало спросить у кого-нибудь из псов, где они обычно отмываются после тренировок на местности. Но инугами один за другим обернулись людьми, а в этой форме ни малейших признаков грязи на их лицах, руках и одежде не было. «Своя псина в нос не бьет», – вспомнил Тора слова аякаси-цирюльника Тооги.

– Тора-сама, – Маракайто, топавший позади молодого господина, подергал его за широкий рукав кимоно. – Чем-то могу помочь?

Тора открыл рот, чтобы сказать: – нет, спасибо, – но тут встрял Ичиро.

– В ванну его со щеткой и шампунем! – весело заявил он. – Потом выполоскать и просушить. Кстати, я бы тоже завернул в баню, раз уж мы тут сегодня остаемся на ночь. Рику, идешь?

– Да.

– Мы тоже! – в один голос объявили Като и Фума.

– А генераторам электричества в воде делать нечего! – отрезал Ичиро, но в глазах его искрился смех.

– Какого еще электричества!

– Иди ты!

– А может вы у нас электрический скат с двумя башками? – Ичиро очутился у близнецов за спинами.

Като и Фума ловко увернулись от захвата и дружно покосились на отца. Кицунэ, не оборачиваясь, поднял над плечом указательный палец с синим огоньком на когте.

– Пап, мы же просто шутим! – возмутился Ичиро.

Глава семейства погрозил ему огненным когтем, но Тора, шедший рядом, видел, сколько удовольствия доставила отцу очередная мальчишеская выходка.

– Отец, не желаешь с нами? – вдруг предложил Рику.

– Желаю, но не могу, – кицунэ развел руками. – Я по уши виноват перед Хирото за то, что не взял его в додзё. Поэтому я просто обязан уделить ему остаток сегодняшнего вечера.

– Раз так, – Ичиро встал на террасе, – все, кроме папы и Хирото, айда стирать нашего боевого кошака.

Настрой Ичиро показался Торе совершенно серьезным, и он начал беспокоиться, не вздумал бы брат устроить ему настоящую стирку в присутствии прислуги. Но стоило только молодым Накадзима зайти в шикарно оформленное помещение элитного банного комплекса, неожиданную инициативу проявил Маракайто. В сопровождении его безостановочных путанных речей десятков разноликих аякаси живо обеспечили молодым господам персональное обслуживание. А Тора оказался в плотном окружении собственных банщиков.

Пока с его шкуры смывали лесную грязь, секретарь стоял рядом и отбраковывал предлагаемые шампуни. Тут же находился трехрукий Тоога и внимательно следил за процессом отбора. По коротким репликам Тора с удивлением понял, что Маракайто успел затесаться в ученики к домашнему цирюльнику. Через некоторое время Тора сделал еще одно неожиданное открытие: организатором и руководителем нынешнего банного мероприятия был его новоявленный секретарь. Причем обслуживание других Накадзима он организовал экспромтом и не менее качественно, чем обслуживание своего непосредственного господина. Маракайто, казалось, не умолкал ни на секунду, но умудрялся персонализировать адресатов своих реплик поименно, интонационно и в редких случаях обобщенным «каппа-сан» или «нуси-сан». При этом он четко отслеживал все ответные слова, пiski, гудения и даже контакт сознаний.

По окончании «стирки» шкуры Тора отважился по-кошачьи встряхнуться при всё честном народе, чем вызвал бурю восторга мелких аякаси, смех со стороны горячего бассейна, где отмокали Като и Фума, и удовлетворенное кряхтение Тооги. От офуро – бочкообразной ванны – с ароматами и травами Тора благоразумно отказался, а предложивший ее аякаси получил выговор от Тооги за спиной господина. Тора присоединился к близнецам. Вскоре в общую ванну-бассейн из офуро перебрались Ичиро и Рику. Два тануки принесли напитки, и один из них вежливо поинтересовался, не желают ли старшие господа отведать сакэ, изготовленное по древним рецептам. Тора автоматически попал в число «старших господ», но от сакэ отказался. К его удивлению то же сделали и Рику, и Ичиро.

– В семье только папа и Юдзо ощущают прелести алкоголя, – пояснил Ичиро для Торы. – Но папе пару бочек нужно, чтобы слегка окосеть, а Юдзо достаточно пары глотков, чтобы свалиться.

– А нас еще не проверяли, – заявил Фума.

– Вам еще рано, – напомнил Рику.

– Тора, ты когда-нибудь пробовал сакэ? – любопытствовал Като.

– Да. И не только сакэ, но и другие крепкие напитки.

– Серьезно? – развернулся на него Ичиро. – И как?

– Вкус не понравился, а гасить алкогольные эффекты сразу научился. Только язык после этого долго горит.

– Как будто красный перец лизнул? – уточнил Рику.

– Да. Очень похоже, – подтвердил Тора. – У тебя так же?

– Как ни странно – да. Но я предпочитаю терпеть перец на языке, чтобы сохранять ясность рассудка в любых ситуациях.

– Он сознательно отсекает алкоголь, – Ичиро с завистью глянул на Рику. – А я, сколько ни старался наклюкаться, ни разу не получилось вообще.

– А помнишь, как ты бензин глотнул, когда бензобак прочищал? – напомнил Като.

– Так теперь-то уже ясно, почему мне всё по фигу, – Ичиро сполз в воду по самый подбородок.

– Тора, а почему у вас с Рику ощущения одинаковые? – спохватился Фума.

– Это лисье, – Тора улыбнулся. – Кошки никогда не возьмут в рот что-либо вредное, пока не обезопасят магией.

– Лисье, – тихо повторил Рику, глядя в потолок.

Като и Фума переглянулись.

– Тора, – начал Като. – А может мы тоже всё-таки кицунэ?

– На половину – точно, – встрял Ичиро.

– Мы не про половину, – огрызнулся на него Фума. – Тора, может так быть, что мы всё-таки лисами родились?

– Папа сказал сегодня, что никто не видел нашего рождения, – подхватил Като. – А мать

унесла тайну с собой в могилу.

Тора неопределенно пожал плечами.

– По-всякому могло быть, – ответил он.

– Значит, нет, да? – близнецы опять переглянулись, на сей раз обреченно.

– Я не сказал «нет», – напомнил Тора. – В жизни случаются необычные и совершенно нелогичные ситуации. Например, до моего рождения любой обакэ клятвенно заявил бы, что у хэнгэ кошачьего рода и хэнгэ рода псовых не бывает общих детей. Но я – сын кицунэ и нэкоматы. Причем истинная форма моей матери – зооморфная. А я родился вот таким.

– Отец не рассказывал вам про наших дедов? – в том же тональном ключе подхватил Рику.

– Когда-то давно говорил, что его родители погибли, – насторожился Като.

– И братья-сестры тоже, – поддержал Фума. – Дом селом накрыло. А он уцелел, потому что в ту ночь удрал гулять.

Теперь непроизвольно переглянулись Ичиро и Рику, и Тора решил, что имеет право поделиться с братьями информацией.

– На самом деле накрыло не селом, а толпой аякаси, – пояснил он в стиле между прочем.

– И не дом, а лисье логово, как я понял, – добавил Ичиро.

– А в том логове, – подхватил эстафету Рику, – заправляли два лиса – идентичные близнецы вроде вас.

– Вау! – Като и Фума чуть не выпрыгнули из бассейна, устроив вокруг купальни знатный потоп.

Ичиро нарочито внимательно присмотрелся к жестким рыжим челкам, ярко выделявшимся на фоне мокрых черных волос.

– Что ж уши-то на радостях не отрасли? – съязвил он.

После этой ремарки Торе пришлось долго объяснять, что такое «обращение» и почему бесполезно заучивать какие-либо «волшебные слова» с целью надеть на себя тот или иной образ. Лекция была сугубо теоретическая, а примеры исключительно абстрактные, чего Като и Фума никак не желали понимать. В конце концов вмешался Рику.

– Хватит почемучить, – строго сказал он младшим братьям. – Всё, что Тора говорит, нужно чувствовать духом ёкая, а не осознавать человеческим умом.

– И что нам делать, чтобы чувствовать? – воскликнул Като.

– Выкинуть из каждой головы все ваши «спеллы» и «скиллы» для начала, – посоветовал Рику. – Компьютерные игрушки с их типовыми условностями и штампованными моделями вам только вредят.

Близнецы быстро переглянулись, но при этом оба боковым зрением углядели улыбку Торы, поняли, что совет Рику одобрен, и дружно усмехнулись.

– Значит, выкинем, – согласился Фума.

– Из каждой головы, – добавил Като.

Эпизод 16. Семейные истории

Тора опасался, что близкое знакомство Като и Фумы с ёкайской стороной домашнего мира так или иначе скажется на их поведении в школе. Но никаких неблагоприятных изменений он не заметил. Более того, ни малейших, даже случайных упоминаний чего-либо нечеловеческого в речи теперь не было. Хотя и вчера, и позавчера, Тора периодически тормозил всяческие намеки.

«Они ощутили своё ёкайское «я», – с удовольствием подумал он. – С полной ответственностью перед людским миром».

Другой существенный успех близнецов Тора оценил на большой перемене: Като и Фума проигнорировали провокационные наскоки Хагивары, чем удивили весь класс. А Тора при этом поймал на себе очень необычные взгляды старосты и ее подружки. Расшифровать девичье поведение он уже не пытался, но краем уха уловил перешептывания: Минами уверяла подругу, что «новенький Накадзима особенный».

Последним уроком была «История Японии». Для Тора этот предмет не представлял ни малейших сложностей, но предстояло знакомство с последним из штатных преподавателей. Историк еще не видел новичка класса, несмотря на то, что числился классным руководителем «первого-Дэ». Близнецы охарактеризовали этого учителя «оригинал с шилом в заднице», поэтому Тора ожидал неприятных сюрпризов. Однако неприятный сюрприз преподнесли Като и Фума за десять минут до начала урока.

- Слушай... – ни с того ни с сего побледнел Като.
- Ксо... – тут же среагировал Фума и тоже покрылся красно-белыми пятнами.
- Что случилось? – не на шутку струхнул Тора.
- Доклад, – не своим голосом пробормотал Фума.
- Мы забыли про доклад, – выдохнул Като. – Ксо...
- Проклятье, – подхватил эстафету Фума. – Отцу вчера пообещали, что больше жалоб не будет.
- И тут же так... – Като уронил голову на грудь.
- Какая тема? – быстро спросил Тора.
- «Общественный бунт Гэкокудзё», – сообщил Фума и отвернулся в окно.
- В войну годов Онин, – добавил Като и устался в пол.
- До начала урока время есть, – Тора решительно задвинул обоих в угол между окном и стеной.
- А что толку? В учебнике – две фразы, – буркнул Като.
- Готовиться надо было по дополнительной литературе, – сообщил Фума.
- Понятно. Воспринимайте на слух. Говорить буду быстро. Фиксируйте в уме тезисы.
- Но... как ты..? – растерялся Като.
- Вы обещали отцу, – отрезал Тора. – Сосредоточьтесь, братцы... Поехали.

На третьей минуте скоростной чеканки лекции, которую Тора составил в уме за рекордно короткое время, одноклассники начали поглядывать на неподвижную компанию в дальнем углу класса. На пятой минуте двое юношей нерешительно приблизились к задним партам. На седьмой – подтянулись девушки, до сего момента кучковавшиеся возле доски. Издали за братьями Накадзима уже пристально наблюдали Хагивара Такуя и два его верных приятеля.

- Тебя слышат, – рискнул вставить Фума.
- Не важно, не отвлекайся, – оборвал самостоятельный лектор.

На девятой минуте лекция была закончена. Но Като и Фума не получили ни секунды передышки.

- Тезисы. Прямо сейчас. Делите на двоих, кто что запомнил, – распорядился Тора.

Близнецы начали очень неуверенно, но после пары сумбурных фраз, сумели подобрать ключ к взаимопониманию на непривычном поприще.

Прозвеневший звонок разогнал зрителей по местам, но Тора заставил братьев довести план доклада до конца, ибо слышал местонахождения учителя.

– Порядок, – объявил он и пропустил обоих к партам. – Пользуйтесь своей эстафетой на всю катушку.

С первых минут пребывания учителя в классе Тора понял, почему его называли «оригиналом с шилом». Молодой – до тридцати, – он буквально не мог усидеть на месте, активно жестикулировал, а изъяснялся с претензией на артистичность. По реакции класса Тора определил, что историка здесь любят, но побаиваются. Видимо, несмотря на всю свою прыгучесть к оценке знаний учеников он подходил с полной серьезностью. На новичка класса учитель особого внимания не обратил, лишь взглядом отметил его присутствие на задней парте. Затем назвал тему урока и как конферансье со сцены объявил доклад братьев Накадзима.

Като и Фума вышли вдвоем и синхронно – что давно уже никого не удивляло – повернулись к классу с каменными масками вместо лиц. Но при этом половина класса обернулась на Тору. Учитель это заметил.

Сначала скованно, затем свободнее и свободнее близнецы выступали по заявленной теме, ловко перехватывали друг у друга эстафету и, наконец, разговорились настолько, что стали слегка подыгрывать выступление, как два диктора в телепрограмме. По мере углубления докладчиков в тему, у учителя начали формироваться какие-то подозрения, тем более все задние парты косились на последнюю, где сидел Тора. Историк прошел до конца класса и встал так, чтобы видеть и парту, и лицо новичка. Тора догадался, что его заподозрили в суфлировании, положил на столешницу обе руки так, чтобы было ясно – в руках ничего нет, и отклонился на стуле, дабы учитель убедился в отсутствии технических средств связи вроде гарнитуры мобильного.

Като и Фума закончили выступление, переглянулись и дружно посмотрели на старшего брата. Тора едва заметным кивком подбодрил обоих. В классе начался откровенный гудеж.

– Так-так-так, – учитель направился к кафедре. – Накадзима Като, Накадзима Фума, замечательный доклад. По какой литературе вы готовились?

Теперь близнецы переглянулись почти испуганно.

– Их братец накачал на перемене! – громко объявил со своей парты Хагивара.

– Всю перемену в углу мозги им компостировал! – подхватил его приятель.

Учитель изумленно посмотрел на Тору, но тут неожиданно для всех вскочила староста класса.

– Накадзима прочитали доклад сами. Какая разница где, когда и с кем они готовились!

– Минами-сан! – учитель сделал знак девушке сесть и обернулся к докладчикам. – Като, Фума, жду ответа.

– Мы не по литературе готовились, – стараясь выглядеть невозмутимым заявил Фума.

– Брат прочитал нам лекцию по теме, – продолжил Като.

Учитель озадаченно улыбнулся, смерил взглядом каждого из близнецов поочередно, затем посмотрел на заднюю парту.

– Накадзима Тора.

– Да, сэнсэй, – Тора встал.

– Как ты оцениваешь выступление слушателей своей лекции?

– Одна ошибка. Считаю, не существенная.

– Действительно, на фоне столетий «начало мая» или «начало июня» уже не столь важно. Като, Фума, отлично. Садитесь. Тора, не мог бы ты прямо сейчас продолжить свою лекцию

для всего класса и подробнее остановиться на личности сёгуна Асикаги Ёсимасы?

– Да, сэнсэй, – невозмутимо ответил Тора и пошел к доске.

Учитель прервал докладчика не по теме всего один раз – указал классу на необходимость конспектировать материал и напомнил о том, что в итоговых тестах будут вопросы по рассматриваемому периоду истории. Все остальные его вмешательства были либо указаниями «подробнее остановиться» на том или ином факте, либо вопросами об источниках информации, причем источники учитель прописывал для себя на листке блокнота. Тора в свою очередь держал все источники под жестким контролем, дабы не ляпнуть чего-либо такого, что в человеческом мире было давно забыто. Но учитель, будто чувствовал, откуда дуют ветра знаний, и всячески подталкивал собеседника – лекция уже превратилась в дискуссию – к вопросам фольклора и поэтического творчества периода Муромати. Тора не поддавался на провокации, и тогда учитель, встав возле доски рядом с ним, процитировал стих, в котором говорилось о явлении ками перед воинами. Тора возразил: история как наука опирается на документы и факты, а не на иносказания и художественные вымыслы. Учитель, начисто забыв про тему урока, разразился собственной лекцией о фольклоре, религии и истории, и Тора понял, что, сам того не желая, завел историка в тему его научной работы.

За несколько минут до звонка учитель спохватился, объявил домашнее задание на следующий урок, а затем повернулся к Торе, до сих пор стоявшему у доски, и доверительным тоном сказал:

– Красивая легенда не только украшает историю, но и порождает уникальные вопросы, ответы на которые могли бы стать грандиозными открытиями. Вот пример. Почему после победы в том сражении, о котором мы говорили, во владениях победителя стали активно строить святилища, посвященные весьма неоднозначному персонажу фольклора? Не доброму духу, не всем известным ками, а оборотню-кошке с двумя хвостами. Вещественное доказательство можно увидеть на выставке исторических артефактов – статуя белой нэкоматы из последнего дзиндзя периода Муромати представлена там.

Тора, Като и Фума задержались в классе, чтобы дождаться, когда историк, явно намеренный пообщаться с ними после урока, уйдет из вестибюля возле лестницы. Специальных вопросов по поводу нэкоматы близнецы не задавали, но Тора вынужден был сам поднять щекотливую тему.

– Когда я возвращался на место, – предельно тихо начал он. – Что-то необычное в моем облике было?

– Нет, – ответил Фума, но посмотрел туда, где брат стоял во время своей лекции.

– Вроде, нет, – поддержал Като и оглянулся на окно.

– Ты чувствовал себя как-то не так? – осторожно спросил Фума.

– Чувствовал я себя нормально, хотя сэнсэй меня огорошил своей последней заявкой, – признался Тора. – Но Минами-сан смотрела на меня, будто... будто чудо увидела.

– А-а, староста! – Като мигом успокоился.

– Она весь день на тебя пялилась, – отмахнулся Фума.

– Говорили тебе, не лезь со своими извинениями, – назидательным тоном напомнил Като.

– Теперь ты у нее весь в солнечных лучах, – добавил Фума.

– В солнечных лучах? – переспросил Тора и обратил взгляд на чистое сентябрьское небо.

Солнце светило прямо во окно, не закрытое жалюзи, и Тора вспомнил, как рефлекторно старался уклониться от яркого света, попадавшего на правую сторону лица.

– Не заговаривай с ней больше, – посоветовал Като.

– И вообще с девчонками лучше не общаться, – подхватил Фума. – Чтобы как с Юдзо не вышло.

– Он пользуется успехом у женщин? – спросил Тора.

– Да не, не то, – Фума посмотрел на близнеца.

– Пользуется, конечно, потому что красавчик. Но только страдает от этого, – пояснил Като.

– Он нас в прошлом году так взгрел, когда увидел, что мы в кафе с одноклассниками зашли!

– В средней школе еще. По весне. Как раз после окончания тестов. Как будто заранее знал, куда мы пойдем.

– Устроил нам сеанс прочистки мозгов, – Фума скривился. – Типа, не смейте романы заводить, пока отец не разрешит.

Близнецы опять переглянулись и дружно придвинулись к Торе.

– Юдзо, когда учился в университете, хотел жениться вопреки воле отца, – сообщил Като почти что на ухо старшему брату.

– Поругался с ним, бросил учебу и уехал из дома, – в другое ухо шепнул Фума.

– Вообще куда-то в другой город умотал вместе с невестой.

– А она через месяц заболела и умерла.

– Юдзо решил, что отец всё подстроил.

– Потом, правда, велел забыть, что он сказал про отца, мол, теперь знает, что только он сам виноват.

– У него что-то с организмом особенное. Мы подумали, может, «вич» какой-нибудь.

– Во-во. И, видимо, у них у всех троих так. Ведь и Рику, и Ичиро никогда с девушками дружбу не водили.

– А про нас еще не известно. Поэтому Юдзо нам и накрутил уши. Мол, пока отец не дал добро, даже носы в сторону девушек не воротите.

– Понятно, – со вздохом произнес Тора.

– Это из-за их матери, да? – спросил Като.

Тора кивнул.

– А для них самих не опасно? – забеспокоился Фума.

– Нет. Для них совершенно безопасно, – уверенно сообщил Тора. – Вам Юдзо так и не звонил?

Като и Фума удрученно покачали головами.

– Жалко, что его вчера не было, – сказал Като.

– Так бы классно получилось, если бы все вместе оттянулись! – Фума мечтательно воздел взор в потолок.

– Оттянемся еще, – Тора улыбнулся. – И отца прихватим вместе с Хирото.

– Угу, – близнецы дружно кивнули, а Фума высказался: – у папы как будто гора с плеч упала после рёкана.

– Мы его таким, как вчера, никогда еще не видели, – подхватил Като.

– Такой он настоящий, – вставил Тора.

И непроизвольно посмотрел на часы: начало второго.

– Он сегодня домой вернется? Не знаешь? – спросил Фума.

– Вроде собирался, – ответил Тора.

– Если встреча начинается в три, – Като глянул на свои часы. – Где-то до шести. Потом, наверное, банкет и тому подобное. Потом обратно ехать часа два.

– Может, и дождемся, – попытожил Фума и бросил взгляд в окно. – О! Симада нас уже дожидается. Во-он там наша машина.

Симада дожидался пассажиров на тротуаре возле автомобиля, но смотрел не на школьное крыльцо, а вдоль школьного забора на улицу. поприветствовав молодых господ, он неторопливо открыл заднюю дверцу и опять обратил взор на улицу.

– Чего там такое? – Като и Фума дружно развернулись в направлении взгляда.

– Согласился на свою голову захватить пассажира, – Симада покосился на Тору. – Так и знал, что опоздает.

– Огава Маракайто? – догадался Тора; утром он отпустил секретаря домой за вещами, дабы тот окончательно устроился в общежитии.

– А мы подождем! – бодро объявили близнецы.

– Нельзя. Морита-сан и без того недоволен, что я вас поздно забираю. Разрешил подобрать пассажира, только когда узнал, что это Огава.

– Поезд, наверное, задержался, – предположил Тора.

– Я уже звонил на станцию. Поезд давно прошел, – отозвался Симада и, не сдержавшись, высказался. – Как этот олух к вам в секретари попал, Тора-сан? За что вам такое наказание? Не понимаю, о чем наша служба безопасности думает. Мне его сегодня начали прочить в ученики. Да я такого на велосипед бы не посадил. А уж детей возить – это, простите, через мой труп. Так и сказал Морите.

– Мы не дети! – заявил Фума.

– А Тора... – подхватил Като и осекся.

На удачу едва не проболтавшегося в конце улице показался Маракайто.

– Идет, – Тора кивнул в сторону обвешанного сумками секретаря.

Маракайто увидел собравшихся возле машины, засуетился, попытался перейти на бег, но длинная сумка, которую он тащил перед собой в охапку, немедленно выскользнула, а попытка поймать ношу закончилась упавшим на тротуар пакетом.

– Упс-с, – близнецы дружно зажмурились.

Симада тяжело вздохнул, и Тора, наблюдавший за ним, убедился, что несмотря на нелестные отзывы о способностях секретаря личность Маракайто вызывает у шофера симпатию.

Като и Фума закинули портфели на заднее сидение и помчались навстречу запутавшемуся в вещах секретарю.

– Пойду выручать, – пояснил Тора Симаде, положил свой портфель в открытый салон и побежал за близнецами.

Като и Фума забрали у Маракайто длинную сумку, Тора подхватил пакет с книгами, а другой пакет – объемный, как набитый мешок, Огава Маракайто обнял обеими руками и прижал к груди. Пунцовый от стыда, он принялся оправдываться за опоздание порвавшимся ремнем сумки.

– Чего ты переживаешь? – перебил его Фума.

– Ведь успел же в конце концов! – добавил Като.

– Позвонил бы мне, что ли, – шепнул на ухо секретарю Тора.

– Я... я... я мобильник в общежитии забыл, – признался секретарь.

Близнецы расхохотались на всю улицу. Тора поспешил опустить взгляд, но понял, что от нового семейного анекдота уже не спрятаться.

Симада поворчал для вида, когда молодые господа укладывали вещи непутевого секретаря в багажник машины, а затем распорядился всем быстро усаживаться в салон. Маракайто велено было садиться на переднее сидение, но полез он туда вместе со своим мешком. Симада выразительно посмотрел на «ручную кладь», но ничего не сказал.

Зато Като и Фума не преминули протянуть языки, чуть только машина отъехала от тротуара.

– Мара! А что там у тебя за веник такой торчит?

– Это жезл, – Маракайто покосился на шофера. – Для обрядов очищения. Дедушкин. Едва отыскал в кладовке. Думал уже, отец выбросил всё. Столько лет прошло.

– Ты из синто-священников, Мара-кун? – удивился Симада.

– Ну да. Без образования, правда. Не получилось. И родители с самого начала были против. Но я сам кое-как кое-что. По книгам. В храмах часто бывал. Сегодня вот всю ночь дедушкин дзиндзя снился. Поэтому и решил все вещи забрать. Пока не выкинули. Пусть лучше со мной будут. Просто на память.

– Правильно сделал, – Симада дружелюбно улыбнулся. – Лично я не верующий, но думаю, твоему деду было бы приятно, если бы узнал, что внук бережет память.

– Симада, а твой внучек на кого похож? – встрял Фума.

– Ты его вообще видел уже? – подхватил Като.

– Видел-видел, – шофер мигом переключился на заданную тему. – Но ему только 4 дня от роду. Как тут скажешь, на кого похож! Дочка говорит, в отца будет. А мне кажется, что в нашу линию. Пусть подрастет чуток. А я выйду на пенсию, буду его в школу возить.

– Симада, ты что? Какая пенсия?! – завопили Като и Фума так, что Тора поспешил отодвинуться от горластых братцев к борту салона.

– Тебе до семидесяти еще больше десятка! – продолжал Фума.

– А нас кто будет возить? – перебил Като.

– И ты обещал научить нас рулить! – подхватил Фума.

Симада рассмеялся.

– До конца школы довожу, – сказал он сквозь смех. – Но за руль не посажу. Хватит с меня Ичиро, – и пояснил Маракайто. – Научил на свою голову молодого господина, а он в стритрейсеры подался. Столько тут накуролесил! Мне до сих пор стыдно, что привил ему любовь к авто.

– А вы, Симада-сан, давно в доме служите? – любопытствовал Маракайто.

– Давно. Поместье это только-только строить начинали, а я уже всю рулил с мальцами на заднем сидении. И Юдзо – старшего – в школу возил. И Рику. Потом Ичиро подрос. Но в первые пару лет! Ух, никому не пожелаю такой работёнки. Когда они по одному, всё ничего – посадил, пристегнул, вперед. Но если двое! Мы пять минут едем, десять стоим – разнимаю. Опять едем, и опять стоим, выясняем, кто кого и зачем стукнул. Мне уж жена – мир ее праху – говорила, мол, бросай эту работу: случится чего на дороге с чужими детками, греха не оберемся. А я уж вроде и привык. И детки как бы уже не чужие.

Симада помигнул в зеркало Като и Фуме.

– Мы в машине не дрались! – тут же откликнулся Като.

– Мы вообще никогда не дрались! – поддержал Фума. – Мы хорошие!

– Хорошие-хорошие. А кто мне салон-то по винтикам раскручивал, не помните?

Близнецы дружно вжали головы в плечи.

– Мы тогда маленькие были, – буркнул Като.

– Симада, а кто драки начинал: Юдзо или Рику? – Фума подался вперед, к плечу шофера, но ремень безопасности далеко не пустил.

Като сделал проще: отстегнул свой ремень и навалился на Симаду сзади.

У Маракайто глаза расширились от испуга, ибо в этот момент шофер завершал обгон.

– Не бойся, я привычный, – сообщил ему Симада. – Като-сан, а ну-ка на место. И ремень тоже на место.

– А ты скажи, кто кого первый задирает: Юдзо Рику или наоборот?

– Оба хороши были. А как Ичиро стал в школу ходить, пришлось их отдельно возить вообще. Ичиро с Рику, а Юдзо сам по себе. Так и гонял тут по этой дороге, как челнок.

– Повороты тут опасные, – Маракайто поежился.

– У твоего скутера не та скорость, чтобы опасаться.

– Да, конечно, – Маракайто спрятал взгляд. – Но я и сегодня тут умудрился.

– Неужели опять навернулся? – нахмурился Симада.

– Как-то получилось. На ровном месте почему-то. Сам не понял, как. Хорошо сзади ребята

из охраны ехали. Сначала испугались, потом посмеялись. А Ро-сан сказал: как бабушка едешь и всё равно падаешь.

– Ты уже и с охраной на короткой ноге? – изумился Симада.

– Да я... это... – Маракайто уставился на свой мешок, который держал на руках.

Тора не сомневался, что секретарь ни словом не обмолвится, где и когда снюхался с охраной, но откровенное вранье могло вызвать ненужные размышления шофера. Однако Симада не стал расспрашивать собеседника, а лишь заметил.

– Тогда понятно, почему Морита-сан разрешил тебя прихватить в городе. Скутер-то где?

– Да он отцовский. Дома в гараже оставил.

– За руль не посажу, не рассчитывай, – предупредил Симада.

– Конечно, Симада-сан! У меня и лицензии-то нет. Только на скутер... Вот, вот это заколдованное место, где я сегодня бухнулся!

Все, кроме водителя, дружно оглянулись на совершенно ровный участок загородной трассы.

– Мара, да ты и вправду уникал! – подытожил Фума.

– Тут же ни колдобинки нет, – подхватил Като.

Маракайто тяжело вздохнул.

А Тора продолжал смотреть в заднее стекло, хотя на скорости Симады «заколдованное место» давно осталось за поворотом. Щекотало ощущение, будто что-то не заметил, будто в едва заметной дымке мелькнул какой-то угрожающий след. «Оттуда до дома минут двадцать, если по-человечески бегом по шоссе, – Тора посмотрел в затылок своего секретаря. – А если вдвоем, то пешком час в один конец. Так нельзя. Попросить Ичиро подкинуть нас туда?»

Эпизод 17. Капканы на лис

Ичиро дома не оказалось, но Акияма сообщил, что Ичиро и Рикю собирались и сегодня заночевать в родительском поместье. Тора в раздумьях спустился на первый этаж. Дергать охрану попусту не хотелось, а расспрашивать едва-едва перелинявших стажеров показалось бессмысленной затеей: волки-полукровки хоть и выросли в этих местах, но как и все оками сторонились людей, а на службу в Дом Накадзима пришли всего несколько лет назад по завету почившего отца.

Внимание Торы привлек голос Маракайто, доносившийся из рекреации служебного крыла. Секретарь спорил с поваром по поводу обеденного меню. Тора улыбнулся: близнецы по дороге нажаловались ему на домашнего диетолога, и Мара по простоте душевной взялся отстаивать интересы младших братьев своего господина.

Чувство беспричинной тревоги обрушилось так же внезапно, как вчера. Тора застыл в двух шагах от «перекрестка» на первом этаже и заставил себя сосредоточиться. В окружавшем пространстве не было ни единого признака непосредственной опасности, но почему-то вспомнился разбитый планшет Юдзо. «Портал? – пронеслось в голове. – Нет. Здесь рядом ничего подобного нет. Тогда где?... Мобильник!»

Тора стремглав кинулся к лестнице наверх, взбежал на второй этаж и помчался в свои комнаты. В тамбуре перед гостиной он спешно раскрыл портфель и достал телефон. Пропущенных звонков и сообщений не было. Скинув ботинки, он ринулся в кабинет, впопыхах включил ноутбук, едва дождался загрузки и судорожно развернул «скайп». Непринятых вызовов не оказалось.

– Юдзо?.. Отец? – пробормотал Тора.

Рука сама собой потянулась к мобильнику, брошенному на столе, как когда-то тянулась в карман куртки за стареньким аппаратом.

– Отец, – повторил Тора вслух и решительно выбрал из списка личный номер главы семейства.

Занято.

Тора сбросил вызов и посмотрел на список на дисплее. «Ичиро», «Рику», «Като», «Фума», «Акияма», «Инукаи», «Мара». Имя «Юдзо» спряталось за границей экрана. Взгляд упал на показания хронометра. «14:05» – заседание еще не началось. Он выбрал из списка имя секретаря отца.

Занято.

«И что мне втемяшилось? – попытался успокоить себя Тора. – Наверняка они еще не приехали на место. А обсуждать дела по телефону – обычное дело».

Потом он подумал, что не имеет ни малейшего представления о том, как работают бизнесмены, тем более такого уровня, как отец. Заставил себя отложить мобильник и отставить всяческие мысли на тему отправки сообщений. «Нет ничего хуже, чем соваться под руку занятому человеку», – постановил он.

Переодеваясь в домашнее, Тора поймал магических флюид из ближайшего пространства. Шерсть на холке моментально встала дыбом, но в следующую секунду он узнал и узор, и автора заклинания – Хирото практиковался в магии под присмотром какого-то тануки. У Торы была неявная договоренность с младшим братишкой погулять сегодня по парку после школы, но общаться в состоянии взведенного курка с чувствительным лисёнком он поостерегся.

До назначенного репетиторского занятия оставалось более полутора часов, и Тора занялся самоподготовкой по другим предметам. Но сосредоточиться на уроках никак не удавалось, поскольку обострившийся помимо воли слух улавливал слишком много внешних шумов. Параллельно с чтением учебника «Естествознание» Тора насчитал три автомашины, выехавшие из гаражей, поймал отголоски переключки охраны возле основных ворот и даже звуки из динамиков телевизора из помещений прислуги «левого крыла».

«Что-то не так», – поперек всяких мыслей вспыхнуло в сознании.

Тора встал, подозвал аякаси-связиста, беззвучно дал ему задание – «Тора Маре: зайди», – и подошел к окну. Прямой видимости основных ворот из жилых помещений не было, но стоило только отодвинуть раму как звуки со двора обрели стабильную четкость: капитан Морита формировал команды «на выезд».

– Тора-сама! – запыхавшийся Маракайто ворвался в кабинет. – Тора-сама, телевизор!

– У меня нет аппарата, – нахмурился Тора.

– Компьютер! Позвольте?

И Маракайто, не дожидаясь устного разрешения, принялся щелкать мышью с завидной оперативностью. Через десяток секунд на экране открылось окно новостного телеканала. На фоне столба дыма корреспондент эмоционально рассказывал о количестве аварий, последовавших за обрушением виадука.

Тора во мгновение ока очутился за письменным столом и притянул к себе ноутбук, будто близость экрана помогла бы ему «разнюхать» присутствие враждебных обакэ в полутора сотнях километрах от дома.

– Тора-сама, – Маракайто подрагивавшим пальцем показал на левый край кадра. – Говорят, это машина босса.

Тора присмотрелся к размазанному изображению. Цвет авто был бело-серебристый, как у всех без исключения автомашин домашнего гаража, но номерные знаки в кадр не попали. Впрочем, было предельно ясно, что данный конкретный автомобиль стоит далеко от места происшествия.

– Что еще говорят? – автоматически спросил Тора.

– Обрушение случилось на трассе, по которой Накадзима-сама должен был сегодня

проезжать, – шепотом сообщил Маракайто. – И там... там сколько народу пострадало!

Тора схватил телефон. Но не успел он открыть список абонентов, как раздался призывный звонок. На дисплее высветилось – «отец».

– Да! Слушаю! – крикнул Тора в микрофон.

– Всё в порядке, – в сделано спокойном голосе главы семейства сквозило напряжение. – Сообщи домашним, чтобы не беспокоились. Юриста я вызвал сюда.

– Отец, я могу..?

– Оставайся дома, – перебил Накадзима-старший. – Свое дело я закончу успешно во что бы то ни стало. Позвоню тебе после.

– Удачи, отец.

Тора медленно отвел мобильник от уха и посмотрел на «окно» видео-новостей.

«Отец указал на Рику с помощью обезличенного «юрист». Ни разу не назвал меня по имени. Значит, опасается быть услышанным. Подозревает слежку? – Тора присмотрелся к возбужденному корреспонденту, ничего особенного в его облике не обнаружил и невольно обратил внимание на облако дыма, замазавшее весь правый-верхний угол кадра. – Взорвать виадук, чтобы уничтожить всего одного человека? Нет. Ни один аякаси никогда бы такого не сотворил. Люди создали нас. Без людей обакэ не существуют. Терракт? Попытка сорвать заседание? Правительственные структуры выступают на стороне оппонента. Но неужели правительственные структуры допустили бы такой грязный жестокий трюк?»

– Тора-сама? – дрожащим шепотом позвал Маракайто в кошачье ухо.

– Всё в порядке, – Тора попытался улыбнуться. – В кадре действительно машина отца. Я слышал в фоне голос тележурналиста.

– Значит, они в эту свалку не попали?

– Нет. Не попали. Вот что, Мара. Без ажиотажа и шума успокой всех, что просек, что босс был опасности. Ссылайся на меня. Мол, только что говорил с отцом.

– Всё будет сделано.

Маракайто кинулся к выходу, но в дверях затормозил.

– Тора-сама, а как же босс теперь до города? Я слышал, он на встречу какую-то ехал туда?

– Доберется. Это вообще не проблема, – беспечно ответил Тора.

Секретарь безоговорочно поверил и словам, и тону и, повторив – сейчас всех успокою, – скрылся за дверью.

А Тора опять схватился за мобильник.

На номер Ичиро ответил Рику, хотя как раз «юриста» Тора и не хотел сейчас дергать звонками.

– Мы в машине. Ичиро гонит на вызов отца, – кратко сообщил Рику. – Подробности знаешь?

– Нет. Отец звонил, сказал, что они в порядке. Это всё.

– Он велел остановить машину после звонка Юдзо, – быстро сказал Рику. – Если что-то узнаешь, позвони.

– Конечно.

Связь оборвалась, и в этот же момент из коридоре раздался громкий дуэт: Тора!

Тора встал навстречу, но близнецам специальное приглашение не требовалось – оба ввалились в гостиную.

– Ты новости видел?!

– Видел. Отец в порядке, – оборвал Тора.

Като и Фума дружно выдохнули.

– Ты ему звонил? – уточнил Фума.

– Он мне звонил.

– Нам чего делать? – Като шагнул вперед.

– Не наводить панику, вести себя так, будто ничего не происходит, – распорядился Тора. – И еще, братцы, возьмите на себя Хирото. Он наверняка уже почуял неприятности. А сюда ко мне идет Дэнбей.

– Ясно.

– Мару к тебе пнуть?

– Нет. Он выполняет другое поручение.

Като и Фума друг за другом выскочили в коридор. Дверь осталась открыта и через секунду на пороге появился помощник капитана охраны.

– Тора-сама, у меня приказ поступать в ваше распоряжение, – сообщил инугами, задвинув за собой сёдзи.

– Сколько осталось в охране дома?

– Пятнадцать. В том числе оба стажера.

Тора нахмурился. Получалось, что по меньшей мере половина сотрудников ёкайской охраны были вызваны на место происшествия.

– Патруль на дороге есть?

На обычно непроницаемом человеческом лице Дэнбея промелькнула тень удивления.

– Нет, Тора-сама.

Тора отвернулся. Глупо было сейчас акцентировать внимание на падении Маракайто со скутера. Но «заколдованное место» в сотне метрах от поворота на частную дорогу не давало покоя интуиции.

– В котором часу отец выехал из дома? – Тора продолжал расспрос, хотя догадка еще не выкристаллизовалась в его сознании.

– В девять-ноль-ноль.

– Когда выехала машина, в которой находился Ро-сан?

Дэнбей напряженно посмотрел на молодого господина.

– Мы всегда сопровождаем продуктовый фургон.

– Когда? – Тора поднажал голосом.

– В восемь-тридцать, Тора-сама.

– Значит, Мара на своем скутере кувырнулся до того, как по дороге проехал отец, – умышленно вслух пробормотал Тора. – Но после того, как проехали мы на машине Симеды. Дэнбей, в котором часу Акияма увозит в школу Хирото?

– Обычно в десять утра, но сегодня Хирото-сама оставался дома.

– Вызови сюда тех, кто обнаружил Маракайто с его скутером на дороге.

– Слушаюсь, Тора-сама.

Дэнбей достал из нагрудного кармана аппарат, похожий на мобильник. В «кабинет Торы-сама» были вызваны Ро и Го. Оба прибыли через две минуты. За это время Тора не проронил ни слова. Его догадка обрела контуры, но вместе с тем наполнилась тревожными тонами.

Оками-полукровки в человеческом облике выглядели как идентичные близнецы мужского пола, но при внимательном рассмотрении можно было заметить, что Го пониже и поизящнее брата, а черты лица ее немного мягче. На вид обоим было чуть больше двадцати, однако суровые маски, присущие всем сотрудникам охраны, поднимали видимую возрастную планку на несколько пунктов.

Тора задал вопрос без предисловий: что оками заметили на месте аварии скутера? Ро растерялся, это было видно по глазам, и Тора пожалел, что огорошил обоих обращением «оками-сан». Но Го продолжала смотреть в пол перед собой очень напряженно.

– Го-сан, любые мелочи, – подстегнул ее Тора, но без нажима.

– Ровное чистое место, – медленно ответила оками-стажер.

– Чистое?

– Очень чистое место, Тора-сама. Его аура очистила всё вокруг.

– Аура Огавы Маракайто?

– Да, Тора-сама. Я запомнил его ауру вчера на тренировке. На дороге было то же. Он очистил то место, где упал со скутера.

Тора поблагодарил охранников и взглядом дал понять Дэнбею, что стажеров можно отпустить. Чуть только за ними закрылась дверь, Дэнбей круто повернулся к молодому господину лицом.

– Тора-сама, что это означает?

– Сегодня в начале девятого утра на дороге появилось нечто угрожающее, а Маракайто уничтожил это своей духовной аурой, но, к сожалению, не понял, что сделал. Надеюсь, еще есть шанс найти какие-то следы.

Тора в упор посмотрел на своего партнера по тренировкам. Тот понял.

– Я обязан предупредить помощника, – произнес Дэнбей.

– Жду в дозё. С нашей стороны, – кивнул Тора.

Дэнбей быстро вышел, а Тора посмотрел на мобильник. Забирать электронное устройство в личное пространство показалось плохой идеей, поэтому он решил проблему внешней связи по-новому.

– Мара, – начал он, как только секретарь откликнулся на вызов. – Заканчивай и приходи. Я оставлю телефон в кабинете. Отвечать на все звонки. Вернусь к четырем или раньше.

– Всё понял, Тора-сама, – немедленно откликнулся Маракайто.

Укрытые аурой бакэнэко гигантский пятнистый кот и огромный черный пес проследовали напрямик к месту утреннего происшествия. Тора намотал на свои вибриссы все сохранившиеся признаки очищения, бессознательно проведенного наследником синтоистских священников, однако ни он, ни инугами не обнаружили ничего, чтобы бы указывало на какую-либо магическую ловушку.

«Он стер всё, до последней [миазмы](#)», – констатировал Дэнбей.

«Следов портала тоже нет», – сообщил Тора.

«Тот, кто ставил ловушку, позаботился о следах».

«Если так, то это был очень сильный аякаси, пришедший прямо из мира обакэ».

Инугами тихо зарычал.

«Это мало вероятно, Дэнбей, – продолжал Тора. – Как бы некто ни ненавидел клан Накадзима, он бы не рискнул разжигать войну миров с угрозой нарушить баланс бытия».

«Тогда что, Тора-сама?»

«Не знаю... Может быть проклятые предмет или жидкость с целью вызвать аварию? Можешь найти человеческие следы?»

Гигантский пес отрицательно покачал головой.

«С утра здесь проехала сотня машин. На обочинах и за отбойниками ничего нет».

«Понятно. В кронах деревьев и на ветках побывали лишь обычные животные».

«Но ловушку поставили», – Дэнбей улегся в траве возле Торы и внимательно посмотрел в вытянутую, как у барса, пятнистую морду.

«Да. Видимо, это сделали прямо из машины. Однако ловушка не сработала. И тогда что-то сотворили на виадукке, чтобы заблокировать трассу по меньшей мере».

Ёкаи проводили взглядом очередную автомашину, проехавшую в сторону города. На заднем сидении семейного авто в такт звукам магнитолы весело размахивал руками маленький мальчуган.

«Пожертвовать жизнями стольких людей, – медленно «проговорил» Дэнбей. – Надеюсь, капитан и его команда найдут мерзавца и раздерут в клочки».

«Наказывать преступников будет человеческий суд», – отозвался Тора.

«Тора-сама, вы считаете, что виадук взорвали люди?»

«Это было сделано по приказу человека. Но где та марионетка, которая безропотно подчинилась такому приказу?»

Заниматься математикой после того, как прыгал по лесу в облике кота, оказалось непросто. Одзаки списал рассеянность ученика на непривычность индивидуальных занятий, перешел на более мягкий и размеренный тон и искренне порадовался положительным сдвигам в освоении материала, продемонстрированным Торой на второй половине урока. В домашнюю библиотеку, где проходили занятия, несколько раз совали носы Като и Фума, но Тора всякий раз взглядом отгонял обоих. По итогам первого урока репетитор похвалил подопечного, а потом, как бы невзначай, заметил вслух:

– Вы оказываете положительное влияние на братьев, Тора-сан. С вашим появлением в этом доме поселилась сама гармония.

После этих слов Тора опять вспомнил про Юдзо. От Рику, с которым общался до начала занятия, он узнал, что отец и Инукаи чудом успели к началу мероприятия, а также услышал, что разговора с Юдзо не получилось ни у Рику, ни тем более у Ичиро.

«Позвоню», – решил Тора и взялся за мобильник.

На вызов ответили. Тора успел произнести: «Добрый день, Юдзо-сан, это Тора», – как в ответ раздался громкий, полный негодования голос брата:

– Я ничего не желаю знать!!

И соединение оборвалось.

Тора тоскливо посмотрел на аппарат и тяжело вздохнул.

Так с мобильником, зажатым в кулаке, он и отправился бродить по парку. Время близилось к шести вечера, и он чувствовал, что вот-вот позвонит отец, поэтому на «внутреннюю сторону» не переходил, не без оснований полагая, что под барьером телефонный аппарат работать не будет.

Резкий перезвон полоснул по ушам. Тора поднял мобильник к лицу. На дисплее мигало «Ичиро». Дыхание перехватило, но всего на мгновение: в динамике раздался голос отца.

– Победа за нами, – сообщил глава клана твердым, но тихим голосом. – Остались кое-какие мелкие дела. Но сегодня не приеду. Устал безумно. Извинись за меня перед братьями, сынок... И знаешь, – добавил он после короткой паузы. – Твоя мама была совершенно права, когда говорила, что я хочу больше, чем могу, а выкручиваюсь на везении. Поэтому следующий раз, когда пойдем с тобой гулять в парк, я попрошусь к тебе на урок.

Тора облегченно улыбнулся. Его невероятная догадка по поводу «чуда», позволившего отцу и его секретарю добраться до места проведения мероприятия в срок, получила неявное подтверждение. Одно не укладывалось в выстроенную гипотезу: каким образом кицунэ и инугами в зооморфной форме скрыли свое присутствие от человеческих глаз среди бела дня в многолюдном городе. Однако задавать этот вопрос сейчас Тора, разумеется, не стал.

– Дома всё в порядке. Не волнуйся, отец. Отдыхай, – сказал он напоследок.

Мобильник ответил невнятным «спасибо», и просигналил отбой.

Тора вернулся к воротам парка, прошел сквозь барьер на «внутреннюю» сторону и напрямик направился к маленькому святилищу, сделанному отцом в память о лисьей семье. Он никогда не слышал, чтобы один ёкай делился силами с другим ёкаем посредством сугубо человеческих ритуалов, но рассудил так: если уж отец своими руками построил «домик для духов», то нет ничего зазорного в том, что он, внук и племянник тех, исчезнувших яко-кицунэ, почитит их память добрым словом от всей души. Какого же было удивление Торы, когда он увидел на дорожке перед святилищем сборище тануки, в центре которого находились Като, Фума и Хирото, чуть в стороне единственного на весь дом хэби – красного змея в истинной частично антропоморфной форме, компанию местных капп, а непосредственно перед алтарем – Маракайто в обычной современной одежде, но с эбоси на

голове.

«Нет, папа, на сей раз твое «хочу» обеспечило не везение, а духовная поддержка твоих товарищей, – подумал Тора, посмотрел на своего секретаря и про себя добавил. – Организованная человеком, искренне верящим в единство мира».

Весь вечер Като и Фума в гостиной Торы корпели над английской грамматикой под руководством старшего брата и при молчаливом присутствии Огавы Маракайто, который, как он сам признался, из школьного английского помнил только «хау-ду-ю-ду». Тора дважды отлучался в кабинет, чтобы ответить на звонки. Рику сообщил, что Ичиро взял на себя функции телохранителя отца, а он сам участвует в тайных следственных мероприятиях на руинах виадука. Ичиро отметил, что после десяти вечера, сказал, что гостиница, где остановился отец, «нашпигована нашими пёсиками», отец и Инукаи спят в своих номерах, как убитые, а он «пасет папу», потому что «папа во сне устроил косплей». Про Юдзо на данный момент Ичиро знал не больше, чем Рику и Тора: звонил отцу, истерично требовал остановить машину, а после все попытки братьев получить от него разъяснения заканчивались грубостями и обрывом связи с его стороны.

Тора вернулся в гостиную. Като и Фума управились, наконец, с домашним заданием и теперь вполголоса рассказывали Маракайто о Юдзо, имя которого периодически звучало из-за приоткрытой двери кабинета. В частности сейчас близнецы восхищались художественными способностями старшего брата.

– ... а некоторые монстры вообще один-в-один наши аякаси! – закончил эстафету Като и оглянулся на Тору.

– Он брал за основу работы [Ториямы Сэкиэна](#) из «Парада ста ёкаев», – пояснил Тора.

– О! И что? Весь бестиарий в трехмерном виде? – изумился Маракайто.

– Да. Причем намного реалистичнее и точнее, чем в классической графике. Как будто видел своими глазами, – Тора устало опустил в сэйдза возле низкого стола, вокруг которого сидели близнецы и секретарь.

– Так это... Тора-сама, наверное, он и видел, – неуверенно предположил Маракайто.

– Похоже. Только не признается даже сам себе.

– Тора, а как он там один? – осторожно спросил Фума.

– Не знаю. Срывает все звонки.

– А может быть... – Маракайто оглядел поочередно всех троих Накадзима, – я позвоню?

– И что ты ему скажешь? – Тора поморщился.

– Ну... как бы от вашего имени, Тора-сама.

– Услышит имя – оборвет связь. И твой номер отправит в «черный список» вслед за всеми нашими номерами.

Тора бесцельно окинул взглядом учебники и тетради на столе. Като и Фума смотрели на него так, будто зывали: придумай что-нибудь.

– Вот что делаем, – не поднимая глаз, заговорил Тора. – Дайте мне адрес Юдзо, лучше со графическим планом города. Но пока не узнаем точно, что за разговор состоялся перед тем, как отец велел остановить машину на дороге, ничего не предпринимаем.

– А если Юдзо предвидел обрушение виадука? – быстро вставил Като.

– Поэтому и говорю, ничего не предпринимаем, пока не станет ясно, что сказал ему отец. Может быть, отец велел ему затаиться.

– Зачем? – удивился Фума.

– Чтобы не засветиться перед противником, например. Мы не знаем всего того, что произошло на дороге и после, на мероприятии.

– Ну а папу спросить? – вставил Като.

– Папа растратил очень много сил. Сейчас он спит. И будить его до утра не нужно.

Прежде, чем лечь спать, Тора прошелся по всему дому. В «правом» крыле всё было спокойно. В «левом» наблюдались отдельные всплески тревожности среди тех, кто в силу личной ёкайской физиологии проспал дневные события и теперь реагировал на информацию постфактум. Тора потусовался в комнате отдыха среди аякаси, ненавязчиво успокоил самых нервных и спустился на первый этаж. К Хирото он не пошел, ибо мальчика уже уложили спать, но пообщался с Акиямой и тремя его дочками. Сестры-тануки сдержанно, но от всей души выразили восхищение действиями Огавы Маракайто, а Акияма заметил: человеческие ритуалы в исполнении ёкаев бессмысленны, но когда ритуал рождается из сердца, уже не имеет значения, кому это сердце принадлежит – человеку или аякаси. Тора охотно согласился с этим мнением.

В гаражах два автомеханика-человека занимались укатанными за день машинами. Никого из водителей поблизости не оказалось. Но Тора обратил внимание на автомобиль Симады, дожидавшийся своей очереди на мойку и тестирование.

На пункте видео-контроля кипела внеурочная работа. Кроме Наканиси Киры здесь работали три администратора и два инженера – специалисты по видео-аппаратуре. Все были на своих местах, по уши заняты, и Тора, лишь заглянув в зал, поспешил отступить. Но Кира позвала его из своего кабинета и показала на разобранный мобильник и три компьютерных дисплея, на которые прилипли «глаза» – аякаси в облике больших головастика с единственным, но большим глазом у каждого.

– Никогда не берите с собой электронику, если намерены оборачиваться, – назидательным тоном вполголоса сказала она. – Лучше выбросить аппарат. Посторонние всё равно не смогут воспользоваться вашим мобильником. А из-под звериной шкуры информация разбегается во все стороны. Видите: ловим теперь, – она кивнула на подручных-аякаси.

– Папин? – Тора посмотрел на разобранный телефон.

– Его-его. В кармане позабыл. Инукай-то умница, всё заранее сложил в портфель, а портфель взял в зубы.

– Как они закрывались, Кира?

– Не знаю. Но в интернете тишина: «нло» не замечено.

Эпизод 18. Бессонная ночь, тревожное утро

Перебив телефона подбросил Тору с постели посреди ночи. Он схватил аппарат сразу, благо оставил его под рукой возле подушки, увидел на дисплее «Юдзо» и торопливо когтем вдавил кнопку приема.

– Тора... – раздался в трубке слабый голос.

– Юдзо-сан? – насторожился Тора, ибо голос показался ему как будто чужим.

– Тора, помоги. Не могу больше...

– Юдзо-сан, где вы?

– Дома... Помоги...

Связь оборвалась.

Тора смотрел на умолкший телефон, силясь навести порядок в собственной голове. После второй фразы абонента он уже не сомневался, что с ним разговаривает Накадзима Юдзо. Но смысл сказанного не лез ни в какие логические рамки. Кроме того Тора с запозданием понял, почему не сразу признал голос брата: говоривший был в стельку пьян.

«Это что – ловушка? – подумал он. – Юдзо используют как приманку? Но зачем? Кто вообще знает о его способностях ясновидения? И кто мог предполагать, что он позвонит мне, а не отцу? А, собственно, почему он звонил мне? Потому что телефон отца не отвечает?

Верно, папа пользовался аппаратом Ичиро. Но ему наверняка уже доставили новый мобильник, если старый привезли сюда... Стоп. Юдзо просил помощи и просил именно меня. Значит, лишь я могу ему помочь».

Тора вскочил, обернулся человеком и кинулся одеваться. Кроме школьной формы никакой другой уличной одежды у него не было. Впрочем, заявляться в квартиру многоэтажного дома в кошачьей шкуре с ушами и хвостом он не собирался, а потому брюки можно было одевать без опаски. Но прежде до жилой многоэтажки в восточной части Токио следовало как-то добраться. И, желательно, очень быстро. Тора посмотрел на мобильник, брошенный на столе, на свой гакуран, уже застегнутый на все пуговицы, и сумасшедшая идея прочно укрепились в голове...

Маракайто долго мычал, пока его трясли за плечо, затем все-таки продрал глаза и тут же изумленно вскрикнул, наткнувшись на взгляд фосфорических зеленых глаз.

– Тора-сама..?

– Прости, что среди ночи, Мара.

– А... да нет, я...

– Слушай. Я помчусь на квартиру Юдзо. Он звонил. У него какие-то проблемы. Надеюсь, со злключениями отца это не связано. Мобильник оставляю тебе. Если потребуется организовать машину, позвоню с номера Юдзо. Обращайся только к Акияме. Никого другого не информируй. Дело может оказаться из разряда деликатных.

– Он что... из-за алкоголя? – пробормотал Маракайто.

Тора лишний раз убедился в непревзойденной чуткости своего секретаря.

– Кажется, да. Но я не знаю, что есть следствие, а что есть причина. Поэтому намерен спешить.

– Я буду ждать звонка. Тора-сама, осторожнее, ладно? Город всё-таки.

– Меня никто не увидит. Не беспокойся.

Лисье пламя, окутанное аурой бакэнэко, не оставляло никаких следов ни в пространстве, ни во времени, ни в трещинах между мирами. Он мчался в ночном небе – несуществующий для людей, невидимый для обакэ. Десятки километров извилистых дорог и городских улиц между Западным Токио и специальными районами столицы остались позади за считанные минуты. Теперь предстояло отыскать многоэтажное здание, фотообраз которого Тора держал в памяти после изучения спутниковых фотоснимков в интернете... Вот оно, в компании таких же неброских жилых домов.

Огромный пятнистый кот в синих сапожках лисьего огня осторожно опустился на крышу. «Простоват дом для сына миллиардера», – промелькнуло в мыслях.

Тора потянул носом. Духа обакэ нет и в помине. Но городские запахи и звуки в изобилии роились вокруг, оставляя в пространстве бесконечные петли неопознаваемых следов. Предстояло отыскать квартиру, номер которой он знал, а расположение в доме – нет. «Не шнырять же по всем подъездам! – подумал Тора. – Хорошо бы найти открытое окно. Когда Юдзо звонил, я слышал в фоне шорох шторы. Вряд ли за прошедшие четверть часа он опустил фрамугу. У кошачьей породы нюх – не чета собачьему. Но ведь я наполовину лис!»

После этой мысли и дополнительной концентрации органов чувств запутанный клубок запахов предстал в более «читаемой» форме. Тора бесшумно пробежал по крыше туда, где знакомый дух отслеживался как яркая тонкая нить, опять потянул носом и теперь точно определил целевую зону. Прыгнул вниз, встал на огнях перед открытым окном, опять принохался, дабы убедиться, что гостей из другого мира поблизости нет, и чуть было не чихнул, когда в нос попало облачко неподражаемого алкогольного запаха. Более не раздумывая, гигантский кот запрыгнул в комнату.

Источник света – пустой синий экран большого монитора – мерцал в темноте, как око

потустороннего существа. Тора покосился на него безо всякой тревоги. Ему уже было предельно ясно, что чего-либо сверхъестественного тут нет. Зато в изобилии – людские средства релаксации в облике бутылок с алкогольными напитками. На один такой сосуд бакэнэко нечаянно наступил огромной лапой. Стекло хрустнуло, остатки содержимого вылились на ковер, дополнив букет непревзойденных ароматов новой струей едкого запаха.

Юдзо сидел на полу, привалившись к стене, и пустым невидящим взором смотрел на бело-серебристую тень гигантского кота, остановившегося в центре комнаты. Под его правой рукой валялся мобильный телефон, под левой – пустая бутылка. Тора хотел, было, накинуть на себя человеческое обличье, чтобы не нервировать яркого противника семейных мистификаций, но тут сквозь завесу дурящих запахов пробился тревожный душок. Бакэнэко подступил к сидящему и склонил голову так, чтобы видеть пустые, как мерцающий монитор, затуманенные глаза.

Контакт сознаний провалился в бездну хаоса. Тора спешно отшатнулся, поскольку показалось, что его самого вот-вот затянет в бурлящее болото. Мелькнула мысль об одержимости, но он отмел версию, как несостоятельную – одержимость предполагала присутствие обакэ, а любого обакэ бакэнэко способен был учуять в любых условиях. Тем не менее комплекс внешних сигналов, поступавших от Юдзо, вызвал тревогу. Человеческий организм был прямо-таки затоплен крепкими напитками, однако сознание пребывало в состоянии транса, вызванного исключительно ёкайскими силами, в результате чего ёкайская сущность и человеческая оболочка отчаянно сражались за место в природе.

Тора решил прежде всего привести в чувство сознание брата, а уж потом разбираться с алкогольным отравлением и всеми «прелестями» к тому прилагавшимися. Изгонять вредоносные элементы из пищи, воды и побежденных противников, приговоренных к поглощению, Тора еще в детстве научился у матери. Но сейчас сочинил собственную комбинацию из имевшихся в арсенале навыков: осторожно втянул в себя дурман, окутывавший мозг Юдзо, очистил, наделил свойствами абсорбента и бережно выдохнул блеклое облако в лицо брата. Операцию пришлось повторить трижды, прежде чем взгляд Юдзо худо-бедно прояснился.

– Не могу больше... не вижу, – сорвалось с шевельнувшихся тонких губ.

Тора мигом обернулся в человеческий облик.

– Юдзо-сан, что с вами произошло?

– Машина на дороге... бакэмоно... – заплетающаяся речь оборвалась отчаянным беззвучным рыданием.

– Юдзо-сан, всё в порядке, – Тора взял его за плечи. – Отец не попал в аварию. И свое дело он закончил успешно.

– Дорога... домой. Иерглиф... Расплывается. Не могу прочитать!

Тора попытался уложить Юдзо на ковер, но по ослабленному человеческому телу прокатились судороги. Юдзо неожиданно сильно оттолкнул Тору и со стоном сжался, подтянув колени к груди.

– Юдзо-сан. На дороге было проклятие. Его стерли. Уже очистили, – Тора опустил ладонь на сгорбленную спину. – Всё в порядке. Всё закончилось.

Юдзо дернулся всем телом, простонал что-то типа «нет» и начал судорожно вставать, цепляясь за стену. Бутылка, задетая непослушной рукой, гулко скатилась с толстого ковра и задребезжала по полу. Тора поспешно поставил Юдзо плечо и руку, а сам на мгновение задержал взгляд на опустошенном сосуде. «Он использовал алкоголь, чтобы разделить в себе человеческое и ёкайское! – вдруг понял Тора. – Видение обвала виадука пришло спонтанно, а после он начал глушить свое человеческое сознание, чтобы освободить ёкайскую сущность от оков предубеждений и так предсказать каверзы отцовских врагов!»

Тора поддерживал шатавшегося брата, пока тот не ввалился в ванную комнату. События

ближайшего часа были очевидны безо всякого ясновидения, поэтому Тора, сняв пиджак и закатав рукава рубашки, приготовился к выполнению функций санитара. На бессвязные «уходи», «убирайся» он не реагировал, и вскоре Юдзо пришел в себя настолько, что осознал необходимость принять помощь. Через полчаса Тора услышал в свой адрес – «спасибо». Еще через полчаса получил согласие на вызов машины из домашнего гаража и на передислокацию в спальню на время ожидания.

Спальня оказалась вдвое меньше, чем комната с компьютерами, а из всей мебели здесь наличествовал только стенной шкаф. Тора не стал искать futon, уложил укутанного в банный халат Юдзо на татами, а сам, обернувшись в зооморфную форму, устроился так, чтобы обеспечить брату и грелку, и подушку.

– Ты в таком виде сюда? – слабо проговорил Юдзо, разглядывая в тусклом свете ночника белую с серебром шерсть на плече бакэнэко.

«Это был самый оперативный способ, – беззвучно ответил Тора. – Машина будет тут через час, не раньше. Поспи. Сон восстанавливает силы».

Юдзо отрицательно качнул головой.

– Не могу заснуть. Пытался. Не могу. Никак.

Он дрогнул от соматического спазма, прокатившегося по телу от одного воспоминания об ужасном дне. Тора приподнял лапу, чтобы обеспечить ему безболезненную позу, и прикрыл бедра и торс своим хвостом.

«Не лисий, но всё-таки пушистый», – пояснил он с тоном улыбки в мысленном «голосе».

– Теплый, – прошептал Юдзо и прикрыл глаза. – Ты ведь веришь мне, Тора? Ты веришь. И не осуждаешь. Не брезгуешь. Не держишь обиду. Скажи, почему же отец – такой же ёкай, как ты – почему он не хочет принять меня таким, какой я есть?

«Ёкаям свойственно ошибаться так же, как и людям. Сейчас отец ищет способы увидеть лица своих сыновей. Мне кажется, ему просто нужно немного помочь».

– Ищет способы? – Юдзо отвернулся, но не выпустил из полусжатой ладони кончик пятнистого хвоста. – Он обозвал меня пьяницей. И больше не звонил. А Рикю сказал, что обрушился виадук. Случилось то, что я видел и о чем кричал ему в трубку. А он... Он даже не ответил на мой звонок, когда всё состоялось. Я остался для него пьяницей. Тора, почему?

«Он спешил на заседание отстаивать честь клана Накадзима».

– Честь клана... И так всегда. Работа, бизнес, честь клана, а мы – сыновья – последние в очереди.

«Мы, сыновья, часть клана Накадзима, – возразил Тора. – Он отстаивал и нашу честь, Юдзо. А мы прикрывали его. И ты первый, кто обеспечил прикрытие».

– Ты думаешь, он это понял?

«Безусловно. Ну а «пьяница» – это эмоции от незнания. Ведь ты никогда никому не рассказывал, как заглядываешь в мир обакэ, чтобы увидеть возможное будущее человеческого мира».

Юдзо некоторое время молчал.

– Ты догадался, зачем мне сакэ, – произнес он утвердительным тоном.

«Да. Но, увы, не сразу. Ты избрал очень жестокий метод, брат. Твое человеческое тело и ёкайская сущность не враги друг другу. Это твоё единое «я». И жертвовать одним ради другого нельзя».

Во время первого урока Тора пребывал в постоянном напряжении не столько потому, что уроком была пресловутая «математика», сколько под гнетом ожидания какой-либо информации. Брата он оставил на попечение Акиямы, сведущего в вопросах лекарства, а фактически под присмотром Маракайто, умудрившегося за пять минут вывести Юдзо на уровень максимальной доверительности. Беспокоиться вроде бы было не о чем, но мешало

чувство незавершенности. Юдзо как будто не смог сформулировать что-то важное, и когда Тора уходил, пробормотал: будь осторожен, будь очень осторожен. О ночном приключении Тора рассказал Рiku без подробностей, лишь подчеркнул, что болезненное состояние Юдзо вызвано тотальными растратами сил. Рiku уточнил: он пробудился? – Тора ответил утвердительно. Связаться с Ичиро не удалось, но Тора почему-то подумал, что брат за рулем. Отец позвонил сам, когда Тора и близнецы ехали в школу, сообщил, что направляется домой и что намерен отметить победу в кругу семьи. По его интонации Тора понял, что о Юдзо ему уже доложили, но в свою очередь не мог внести никаких дополнений, так как разговаривать на специфические темы в присутствии Симады было не допустимо.

Ближе к концу урока Тора заметил, что братья то и дело оглядываются на него с явным беспокойством, но тем самым невольно привлекают внимание строгого учителя. Дабы предупредить дисциплинарные замечания, Тора беззвучно шикнул на обоих. Но в ответ в сознании появился «голос»: «Ты выглядишь старше Юдзо. Расслабься!»

Тора на секунду оцепенел, ибо не ожидал от близнецов самостоятельного выхода на контакт, и, спохватившись, поспешно провел ладонью по лицу. Человеческая оболочка оставалась неизменной, по крайней мере по итогам тактильной проверки.

На перемене в мужском туалете он долго рассматривал себя в зеркало, пока не подыграл взгляд и мимику до заданных шестнадцати лет. Но на щеках и подбородке появились признаки щетины – то была неминуемая органическая метаморфоза, призванная вывести возрастной признак в человеческое обличье. Близнецы критично осмотрели брата и дружно постановили: сойдет.

На оставшихся минутах перемены Тора позвонил своему секретарю и спросил о Юдзо.

– Спит, – шепотом сообщил Маракайто. – Девушек-тануки выставил, а меня попросил посидеть рядом. Я, конечно, остался. И он мигом уснул. Он тут за вас всё беспокоился. Твердил про дорогу, машину и какой-то иероглиф на бумажке. Но я ему строго велел, как вы научили: никаких заглядок никуда, пока силы не восстановит.

«Иероглиф на бумажке» не давал покоя Торе на протяжении всего урока «литературы». Он пролистал весь учебник, рассмотрел все немногочисленные фотоиллюстрации древних рукописей, приведенные на страницах, но никаких идей на тему видения брата не нащупал. «Ночью был только иероглиф. Без бумажек, – вспомнил Тора, отодвинув книгу на край парты. – Видимо, «бумажка» – интерпретация Мары, – он посмотрел на доску, где учитель выводил пример стиха для пояснения законов построения ритма. – Нет. Мара с его знаниями истории и фольклора, сказал бы «иероглиф в свитке». Значит, Юдзо каким-то образом уточнил свою картинку».

Тора мельком прочел записанный на доске пример: в трехстишье говорилось о предсказаниях судьбы. Он усмехнулся – точно в тему. Но на память неожиданно подвернулся совершенно другой стихотворный отрывок, не имеющий никакого отношения к японской литературе – «Скажи мне, кудесник, любимец богов, что сбудется в жизни со мною?..»

Тора нахмурился: «Годы жизни русского князя Олега приходятся на наш период Хэйан. Текст примера как раз оттуда... Не то. Ассоциация возникла на содержание. Предсказание здесь и вопрос к кудеснику там. Кудесник... Оммёдзи?! – Тора резко выпрямился. – Иероглиф на бумажке – современная интерпретация ритуала оммё-до. Вызов сикигами. Сикигами – поработанный обакэ, он вынужден выполнять волю хозяина независимо от содержания приказа. Сикигами одинаково послушно и поставит подножку, и обрушит виадук, ибо личных моральных принципов у него нет».

Учитель великодушно позволил ученику выйти из класса во время урока, и Тора выскочил в коридор с мобильником в кулаке. Попутно он услышал, как юноша-очкарик, сидевший перед Фумо, тревожным шепотом спросил: «У вас дома что-то случилось?» В ответ Тора вслушиваться не стал, бесшумно отбежал в самый конец коридора, выбрал номер Рiku и

выложил брату новую версию со ссылкой на Юдзо. По реакции, состоявшей из междометий, Тора определил, что поднял Рику если не с постели, то с какого-то посадочного места, исполнявшего роль постели, и что брат впервые слышит об оммёдзи как о реально существующих субъектах.

– Подожди, – проговорил Рику. – Ты где?

– В школе. Идея сгенерирована под впечатлением посторонней информации, – отчеканил Тора.

– Юдзо знает?

– Пока нет. Он спит. За ним присматривает Маракайто.

– Понятно, – Рику, видимо, силен был собравшийся воедино. – Тора, еще раз. «Иероглиф» и «бумага» – это информация от Юдзо. Так?

– Да.

– Он сказал это сегодня ночью. Верно?

– «Иероглиф» – прозвучало ночью. «Бумажка» – в пересказе Мары полчаса назад.

– Но событие состоялось. И состоялось вчера днем. Мне казалось, что Юдзо фрагментарно предсказывает будущее, в частности – итоги биржевых игр, на чем он и сделал себе состояние в юности. А сейчас мы говорим о ретроспективном описании событий?

Тора напрягся.

– Рику, где отец?

– По моим данным должен вот-вот прибыть в поместье. За рулем Ичиро.

Гулко стукнули друг об друга створы раздвижной двери класса. Тора обернулся и увидел Като, выскочившего в коридор с мобильником в руках.

– Рику, минуту, – Тора сделал несколько шагов навстречу брату.

– Отец звонит! – радостно сообщил тот громким шепотом.

После пары перекрестных реплик выяснилось, что Накадзима-старший изменил утренние планы и завернул не к дому, а в свой токийский офис, чтобы встретиться с представителем новых партнеров. Он клятвенно пообещал сыновьям вернуться к семейному ужину во что бы то ни стало. Но Тора подпортил приподнятое настроение отца, когда посоветовал ему незамедлительно связаться с Рику напрямую по «всплывшему вопросу».

Телефонная конференция завершилась, и Като выжидающе посмотрел на старшего брата.

– Надеюсь, это только отголоски вчерашнего дня, – пояснил ему Тора, не вдаваясь в подробности.

Бессмысленно было кидаться в компьютерный класс, чтобы искать в интернете информацию об оммёдзи. Легенды о древнем учении оммё-до Тора знал и сам, а современные вариации на тему экзорцистов и колдунов, широко известные по манге и художественной литературе, к делу не относились совершенно. Маракайто до сих пор ни разу не упоминал оммёдзи, а из этого следовало, что он знает по этой теме не больше, чем обычный среднестатистический японец.

На перемене Тора постарался расслабиться, дабы не вывалиться из роли ученика старшей школы. И тут неожиданно-негаданно подоспела помощь в лице одноклассника. Юноша в очках – обычно робкий и всюду последний – отважился подойти к Торе и попросил объяснить грамматическое правило английского, освоение которого задали на дом как самостоятельную работу. Тут же подскочили близнецы и бодро поддержали, мол, накануне до позднего вечера разбирались с «домашкой» под руководством брата. Тора охотно взялся объяснять повторно. Через минуту вокруг его парты толпились ребята с открытыми тетрадями в руках, и так выяснилось, что задание оказалось сложным для половины класса.

Не попавшая в первые ряды девушка осторожно попросила:

– Тора-сэмпай, а можно на доске?

Като и Фума выразительно переглянулись: обращение «сэмпай» к однокласснику было из ряда вон выходящим явлением, но прозвучало как само собой разумеющееся сейчас и грозило укрепиться на будущее.

Как только прозвенел звонок на урок, самостоятельная лекция закончилась и кто-то поспешил стереть следы с доски. Учитель застал финал небрежной уборки, изумленно присмотрелся к остаткам примеров и перевел взгляд на последнюю парту. Тора не повел и бровью, но непривычное чувство прилива сил наполняло теплом ёкайское сердце. Он невольно задержал взгляд на девушке за первой крайней партой. Староста класса Минами Саки неподвижно взидала на школьную доску.

Эпизод 19. Охота на лис

Последний урок для братьев Накадзима не состоялся: по пути в раздевалку спортзала их догнал учитель физкультуры и сказал, что по просьбе отца все трое освобождаются от занятий и отправляются домой. Като и Фума молча, как оглушенные, повернули в холл. Тора невнятно поблагодарил учителя за сообщение, распрощался за всех троих и быстро пошел за братьями. За спиной он слышал тревожные перешептывания одноклассников и ответ учителя на чей-то вопрос: «по семейным обстоятельствам». Хагивара начал, было, ёрничать на тему «тяжела жизнь наследников миллиардера», но его тут же заткнули в несколько голосов, причем резко и грубо.

На крыльце близнецов и Тору ожидал второй сюрприз: Дэнбей собственной человеческой персоной.

– Со мной. На парковку, – поздоровавшись, распорядился он.

– Только не вдоль стадиона! – спохватился Като, первым сообразив, про какую парковку идет речь.

– Еще не хватало, чтобы одноклассники увидели нас в сопровождении телохранителя! – поддержал Фума.

Тора показал инугами на школьные ворота. Тот безропотно согласился.

– В чем дело? – еле слышно спросил Тора, замыкавший быстрое шествие.

– Распоряжение босса. Причин не знаю.

Тора приостановился. Машина стояла на парковке, но с включенным двигателем. Симада сидел за рулем. От кузова, колес и поднятых стекол несло густым духом столичных проспектов. Тора хорошо знал этот запах теперь, после ночной пробежки до квартиры Юдзо.

– Дэнбей, вы не из дома? – спросил он прежде, чем забраться на заднее сидение вслед за близнецами.

– Из офиса. Босс приказал доставить ему Киру-сан, затем забрать вас.

Тора нахмурился.

– Кира-сан работает переводчиком, – добавил Дэнбей.

По губам Торы скользнула ностальгическая улыбка: третья сторона – не человеческая, новые партнеры, переводчик – сибирская ведунья.

– Добрый день, молодые господа, – весело поприветствовал Симада. – Ремни пристегнуть. Сегодня опять будем кататься с ветерком.

И покосился на Дэнбея, занявшего переднее пассажирское сидение. Заметно было, что присутствие сотрудника службы охраны шоферу не нравится. Однако не нравится лишь потому, что пагубно влияет на настроение юных пассажиров. Тора перехватил взгляд Симады в зеркале и постарался улыбнуться как можно более естественно. Като, а за ним Фума, выдавали что-то вроде улыбок, подражая старшему брату. Симада неопределенно качнул головой, и вывел машину на улицу.

Мобильник заверещал, когда автомобиль мчался по широкому проспекту. Тора схватился сначала за портфель, а затем уж за карман, куда положил телефон после последнего сеанса переговоров.

– Это Юдзо, да? Юдзо? – Като сунулся над локтем Торы, благо сидел бок о бок с ним.

– Да, – ответил Тора и братьям, и в трубку, выслушал бурный словопоток и торопливо перебил. – Юдзо, подожди секунду. Мы в машине. Едем домой. За рулем – Симада.

В фоне за шумным дыханием брата Тора расслышал, как Маракайто пытается влезть с комментариями по поводу шофера-человека и невозможности разговаривать открыто в его присутствии.

– Иероглифы. Два. Первый – «тело». Второй – «круг», – выговорил Юдзо немного спокойнее. – Каллиграфия высший уровень. На бумаге.

– Юдзо, как ты себя чувствуешь? – быстро спросил Тора.

– Какая разница, как себя чувствую я! Что это такое? Я ясно увидел. Значит, скоро. Но что это, Тора? Что?

– Всё будет в порядке, – Тора вложил в голос максимум допустимой мягкости. – Про надпись я всё понял.

– Тора, как простая надпись может источать столько зла?!

– Нужно найти того, кто это написал.

Юдзо на вдохе осознал предложение, невольно задержал дыхание и спросил почти шепотом.

– В корреспонденции отца?

С этой позиции Тора проблему не рассматривал, и идея показалась ему достойной внимания.

– Действуй. Вместе с Маракайто. Посмотрите, что доставили утром в секретариат. Только не трогай сам. Понял?

– Здесь и бумага кусается? – в голосе Юдзо послышались ноты прежнего сарказма.

– И даже дерется в определенных условиях, – отозвался Тора с долей шутки в тоне.

Шуточный тон предназначался невольным слушателям разговора, и Тора надеялся, что обидчивый брат не воспримет это как насмешку.

– Ты имеешь в виду... сикигами? – спросил Юдзо предельно тихо.

– Да. Дай мне Маракайто на секунду... Мара, уловил?

– А... но... Да! Еще как уловил! Сейчас всё посмотрю. Я найду. Я уверен, что смогу найти. А Юдзо-сан пусть просто издали, да?

– Да. Удачи.

Тора посмотрел в затылок Дэнбею, сидевшему перед ним. Тот почуял взгляд, еле заметно кивнул и быстро достал свой телефон. Распоряжение неопределенному со стороны абоненту было коротким: «Контроль секретариата. Подробности у Огавы Маракайто».

Тора откинулся на спинку сидения, медленно вдохнул и медленно выдохнул. Симада напряжено наблюдал за ним через зеркало, но Тора был уверен, что ни вопросов, ни комментариев не последует. «Простите, Симада-сан, вам лучше этого не знать», – подумал он про себя. Затем пришла другая мысль: сейчас, когда над домом нависла неявная угроза, людям в поместье, так или иначе придется столкнуться с невиданными явлениями, если, конечно, глава клана заранее не предпримет меры по изоляции человеческого контингента сотрудников.

Тора уставился в потолок салона и сосредоточился на иероглифах. Начертание обоих названных он представлял прекрасно, но по поводу материализации не появилось ни одной вразумительной идеи, ибо оммёдзи в действии он никогда не видел.

В мире обакэ существовала практика порабощения слабых аякаси сильными, призыва мстительных мононоке и создание сикигами. Тора, будучи маленьким котёнком, под

руководством мамы призывал и порабощал полевых мышей ради тренировки магических навыков и обеспечения ужина. Однако заклинания, ритуалы и приёмы мира обакэ были доступны только тем, в чьих венах текла кровь обакэ. И никто из них никогда не использовал какие-либо графические аксессуары.

Знания Торы об оммёдзи, полученные в человеческом мире, сводились к общедоступным текстам легенд и современному их пересказу средствами кинематографа, графики и анимации. О личности Абэ-но-Сэймэя – легендарного оммёдзи периода Хэйан – имелись скудные исторические данные, силами популяризаторов науки перекрученные с мистикой в один плотный жгут. Шарлатанов, выдававших себя за колдунов, было пруд пруди во все времена. А если где-то и существовали группировки или отдельные уникамы, способные применить учение оммё-до на практике, их методы и приемы хранились в строжайшей тайне.

«Тело и круг. Заклинание оживления некого тела в магическом круге? – продолжал размышлять Тора. – Или подразумевался какой-то круг, нарисованный на теле?.. Юдзо сказал, иероглифы начертаны на бумаге. Надо было спросить, как располагались листы этой бумаги в пространстве... А что если это одно слово? До-мару. Легкие доспехи, которые надевали «вокруг тела». И при чем тут доспехи до-мару?»

Като подергал брата за рукав. Фума, терпение которого тоже иссякло, привстал на своем месте и навалился на близнеца, насколько позволял ремень безопасности.

– Что Юдзо делает? – шепотом спросил Като.

– Он с Марой где-то, да? – подхватил Фума.

– Да. Через пять минут будем дома, поговорим, – Тора взглядом показал в спину Симады.

Клацнул ремень безопасности.

– Упс, – Фума поймал отстегнувшийся замок. – Симада, я нечаянно!

Шофер не ответил. Тора заметил испарину на его шее и почуял, как Симада приготовился к неравному бою. Мысль о том, что с машиной случилось что-то неладное, отпрянула перед очевидным открытием: из-под днища повеяло духом обакэ.

– Дэнбей! – шепотом крикнул Тора.

Инугами начал оборачиваться: еще не учуял врага.

– Держитесь, мальчишки, – выговорил Симада.

Тора услышал подряд четыре «клаца» – все ремни выскочили из замков, – бросил взгляд на приборную панель и похолодел: стрелки плясали по циферблатам, как сумасшедшие.

– Парни, на пол! – выкрикнул шофер не своим голосом.

Фума повалил Като на пол между сидениями, а Тора распластался поверх обоих.

Неуправляемая автомашина на полной скорости вылетела за пределы трассы на повороте, ударилась об грунт, перевернулась на крышу и дальше покатила кувирком.

Тора рефлекторно обернулся в зооморфную форму. Так он превратился в распорку внутри салона, но к ужасу своему обнаружил, что в салоне он один – шофера и телохранителя вышибло вперед через ветровое стекло, ибо подушки безопасности не сработали. Куда и как выбросило близнецов, он не понял, но почуял родственный дух, стелившийся по полу. В следующий миг – хотя динамику движения относительно времени Тора уже не отслеживал – днище автомобиля рассыпалось прахом вместе с двигательной частью и задними колесами. Тора очутился на стволе дерева в ориентации головой вниз и невольно зажмурился, когда в десятке метрах ниже на склоне полыхнул факел взорвавшейся машины.

«Като! Фума!» – отчаянно позвал он в пространство.

Вдруг пришел ответ:

«Как это потушить? Оно не слушается!»

Тора увидел на фоне черного дыма полупрозрачное марево, внутри которого беспрестанно носились белые молнии.

«Назад!!» – вырвалось до того, как он осознал опасность.

Конгломерат белых молний шарахнулся прочь от машины, завис над кустами, и Тора, плохо соображая, что делает, метнулся на энергетическую тучу.

Туча оказалась материальной, по крайней мере для гигантского бакэнэко, и от удара кошачьим лбом в центр отлетела на добрый десяток метров. Несколько секунд выпали из сознания Торы, но рефлексы подняли его на лапы раньше, чем вернулась способность видеть, слышать и мыслить.

«Тора! Тора!! Что с тобой? Что нам делать?»

Бакэнэко устоял на энергетическое нечто. Нечто взидало на него двумя парами перепуганных огненных глаз. В туманных клубах прорисовались две огненные гривы, четыре черных лисьих уха, два длинных лисьих носа и... одно лисье тело на четырех лапах, завершенное двумя тощими лисьими хвостами. Но при этом все опознанные части лисьего тела оставались полупрозрачными.

«Рэйко-кицунэ. Призрачный лис, – отрешенно подумал Тора. – Учитывая наличие двух голов и двух хвостов, логично считать, что это всё-таки две лисицы».

«Эй, ты чего?» – левая голова испуганно склонилась над пошатнувшимся бакэнэко.

«Тора, ты в порядке?» – поинтересовалась правая.

«В порядке. Относительно обстановки».

Грохот и рев моментально привели Тору в чувство.

«Что это..?» – обе призрачные головы выдавили одинаковую мысль.

Тора, ошестившись, развернулся навстречу огромному бакэмоно в доспехах до-мару, поднимавшемуся из дыма пылавшей автомашины.

«Сикигами, – констатировал он и скомандовал. – Братцы. Бегом к дороге. Найдите Симадзу и Дэнбея. Вызывайте помощь!»

«А ты? А... это?»

Тора видел, что сикигами в доспехах по природе своей всего лишь **они**, но многократно усиленный заклинаниями оммэджи. А как любой **они**, почуявший то, что можно без труда сожрать, он сейчас мыслил только о еде, в роли которой невольно выступали Като и Фума – наделенные немалой силой, окончательно пробудившиеся, но ничего не смыслящие в ёкайских премудростях. Близнецы этого не понимали, а Тора не стремился объяснять.

«*Это* я задержу, – уверенно заявил он. – Быстро найдите пострадавших!»

Попытка прикрыть отступление братьев посредством кошачьей ауры успехом не увенчалась. **Они** уже учуял лакомство, в честь чего восторженно взревел. Тора кинулся на него, повис на плечах и впился зубами в шею. Однако шеи, а также головы, на месте не оказалось – призрачная субстанция служила лишь для транспортировки шлема. Тем не менее до-мару двигался, как великан, одетый в доспех, а на беду еще и ловко орудовал призрачным топором. Тора увернулся от удара и прыжком с дерева кинулся «на таран», намереваясь сбить шлем с фантомной головы. До условной головы он допрыгнул, но от «тарана» шлем не пошатнулся. Тем не менее сикигами оценил угрозу, исходившую от гигантского кота, забыл про сбежавший обед и сосредоточился на противнике. А Тора убедился, что шлем и прочие элементы доспеха и есть уязвимые точки великана.

«Вот бы гдегодились адские гончие Рику», – мелькнуло у него, однако на собственный вариант действенных иллюзий не было ни времени, ни сил.

Тора в своих огненных сапожках маячил перед великаном, но тот уже понял, что бакэнэко намерен добраться до гибких пластин до-мару могучими когтями, и теперь держал противника на дистанции. Призрачный топор прекрасно рубил и деревья, и кустарник, а это означало, что попадать под удар нежелательно. Тора подгадал момент для звуковой атаки и рывкнул. Горящую машину, порубленный ветки и ближайшие кусты унесло прочь, но монстр в доспехах лишь отступил на несколько шагов под напором звуковой волны. На левом наплечнике образовалась трещина, однако это был единственный результативный эффект

кошачьего рыка.

От контратаки Торе пришлось уворачиваться, призвав на помощь всю свою ловкость. Огненный сапожки выручили опять, и Тора вдруг вспомнил свою идею использовать лисий огонь как носитель магического звука. Он попытался вызвать огонек в нынешней своей зооморфной форме, но сикигами не намерен был оставлять противнику время на эксперименты, и бакэнэко едва не лишился головы – настолько быстрым оказался топор в руках призрачного *они*. Тора потерял выгодную позицию, отскочил на грунт и снова неудачно – уперся хвостом в заросли плотных кустов.

Пахнуло кровью.

«Дэнбей», – понял Тора.

Инугами в истинной форме обрушился на великана сзади и, так же, как и бакэнэко в начале боя, попытался вцепиться в шею.

«Дэнбей! Это призрак мертвого *они*. Сикигами До-мару! Уничтожить нужно доспех!» – «крикнул» Тора в сознание напарника.

Сикигами стряхнул с себя пса-ёкая, с разворота рукой откинул его на древесный ствол и размахнулся топором. Тора кинулся на врага безо всякого плана, ибо видел, что раненый в автокатастрофе Дэнбей не успеет ни подняться, ни тем более отразить удар. Атака в стиле вперед головой получилась неожиданно удачной: Тора когтями погнул нагрудные пластины и умудрился зубами содрать левый наплечник. Для *они*, чей дух был заключен в до-мару, повреждение доспеха было сродни ранению. Он взвыл, отшатнулся, выронил оружие и правой рукой схватил бакэнэко за шкирку. Тора постарался нанести как можно больше повреждений магической броне прежде, чем его отодрали и отшвырнули в кусты.

Эстафету подхватил Дэнбей – бросился на сикигами и вцепился ему в живот.

«Отвлеки его! И по команде – в сторону!» – распорядился Тора.

Вызвать огонь в зооморфной форме не удалось. Казалось, на идеи логично было бы поставить крест и продолжать терзать доспех когтями и зубами. Но *они* опять откинул инугами, и Тора увидел, как прямо на глазах исчезают вмятины на пластинах, из пустоты формируется новый наплечник, а вместе с ним левая рука.

Дэнбей вновь кинулся на врага.

«Так мы будем драться, пока у оммёдзи не закончатся силы, – про себя подумал Тора, глянул на напарника и уточнил. – Вот только силы быстрее закончатся у нас».

Ничего не оставалось, как идти на риск. Тора обернулся в антропоморфную форму, вызвал десяток синих пламенных стустков и во все разом вложил магический рык, не проронив при этом вслух не звука. От небывалой нагрузки помутилось в глазах.

– Дэнбей! В сторону! – крикнул он как мог громко.

Инугами подчинился беспрекословно. А Тора направил на врага все свои «снаряды».

Грохот потряс округу, будто лес подвергся ковровой бомбардировке. Тора увидел, как до-мару разлетается в мелкие клочья, и кинулся вытаскивать Дэнбея из-под магического рикошета. Оба завалились под уклоном в обугленную траву, и у Тора мелькнула шальная мысль: а ну как оммёдзи сейчас вызовет нового сикигами? Он перевел взгляд на обессиленного напарника: на собачьей голове зияла кровавая рана, правый глаз вытек, а шерсть на левом плече и на боку была сплошь мокрая от крови.

– Дэнбей... – пробормотал Тора и похолодел.

В этом сражении инугами не мог получить таких ран, а это означало, что на истинной форме отразилось состояние человеческого обличья. Но если чистокровный ёкай пострадал в аварии так серьезно, что же случилось с шофером-человеком?

Тора попытался вскочить на ноги, но не смог. «Еще один до-мару, и мы с Дэнбеем – трупы», – мрачно усмехнулся он. Однако слух уже подсовывал в сознание позитивную информацию: на дороге ревели моторы мчавшихся из дома автомашин, там же раздавался

собачий лай. А дополнительно Тора почувствовал, будто кто-то родной – кровный – на ощупь разыскивает пути к его сознанию. На телепатические способности Тора не рассчитывал, поэтому просто приоткрыл контакт и «сказал» в пустоту: «Одного до-мару порвали на тряпочки. На новых сил не осталось. Найдите оммёдзи».

По-настоящему у Тора не осталось сил даже на то, чтобы дожидаться подкрепления. Он повалился рядом с бесчувственным инугами и последним сознательным действием прижал ладонью рану на собачьем плече.

Тору привел в чувство необычный прилив сил. Ощущение в корне отличалось от тех, что он испытывал, когда Маракайто молился предкам-кицунэ у святилища в парке. Сейчас он будто бы вдыхал энергию жизни, окруженный теплом человеческого тела. С некоторым опозданием очнувшееся сознание расшифровало окружающие запахи.

«Юдзо», – понял Тора.

Открыл глаза и обнаружил лицо брата точно перед собой. И не только лицо: губы соприкасались так, будто Юдзо вознамерился одарить его страстным поцелуем. Только общая слабость остановила Тору от рефлекторного рывка в сторону. В следующий миг накатил страх: он узнал целительный прием, являвшийся по сути донорской процедурой. «Живительное дыхание» в мире обакэ применяли лишь те, кто способен был быстро регенерировать не только плоть, но и собственные жизненные силы. Считалось, что таковых единицы, однако Тора лично знал одного – полковника заставы западного Пограничья по прозвищу «бабушка Яга».

«Юдзо, прекрати. Это убьет тебя», – посредством контакта сознаний выплеснул Тора и подался в сторону.

– Заткнись. Здесь нужен ты, – вслух заявил Юдзо и...

Тора получил свой первый в жизни человеческий поцелуй. Вырваться удалось не сразу, поскольку Юдзо лишь выглядел изящным и аморфным, а в действительности мышечных сил у него оказалось не меньше, чем у Ичиро.

– Так нельзя, – выдохнул Тора, освободившись, наконец, из крепких объятий. – Ты даже не представляешь, насколько опасно...

– Я знаю, что я должен делать, – отрубил Юдзо.

Тора покосился на инугами, занятых поиском следов исчезнувшего великана. Дэнбея поблизости не было, а шлейф запаха крови тянулся в сторону дороги.

– Юдзо, – он опустил ладонь на руку брата, упиравшуюся в выжженный грунт. – Спасибо.

Рука дрогнула.

– Я знаю, что могу сделать для тебя, – тихо ответил Юдзо. – Я видел, всё, что тут было. Видел до того, как Като и Фума ворвались в дом. Как будто... – он усмехнулся, – в режиме онлайн.

– Где близнецы?

– Если ты о двухголовой наэлектризованной чернобурке, то это чудо сидит в моей комнате и дожидается тебя.

Тора улыбнулся. Саркастические ноты в голосе брата подействовали как бальзам на душу: Юдзо оставался самим собой в калейдоскопе сверхъестественных событий.

– Им нужно успокоиться, чтобы обернуться назад, – сказал Тора.

– А еще им нужно объяснить, что не следует пережигать электропроводку, когда проходишь сквозь стены, – отчеканил Юдзо и добавил. – Потом. Когда всё встанет на свои места.

Тора быстро прочувствовал глубокий смысл фразы брата «здесь нужен ты». Инугами считали его за командира безо всяких оговорок. Маракайто рвал на себе волосы из-за упущенного оммёдзи. Мобильники надрывались звонками со всех сторон. Акияма требовал

разъяснений на тему рухнувших барьеров в доме исключительно в технико-магических целях. О гибели шофера Симеды Тора узнал от брата, но осознание потери отодвинулось на второй план потоком организационных вопросов. Параллельно с командным мультирежимом Тора грузил информацией о сикигами Тоогу, которого Акияма привез с собой на место происшествия как самого опытного аякаси, обладавшего недюжими магическими силами.

В довершение сумасшедшей круговерти инугами из оцепления привели к Торе неожиданных гостей. Три волка без преамбул склонились перед Торой, как перед господином. Акияма успел лишь шепнуть, что старшего зовут Сора и что он вожак местной стаи. Официоз, принятый среди хэнгэ, Тора знал прекрасно, поэтому обернулся в зооморфную форму и так провел незапланированную встречу тут же, среди поломанных кустов и подгоревших деревьев. Оказалось, Сора явился, чтобы выразить благодарность освободителю стаи и объявить, что отныне стая будет служить Торе как своему защитнику и покровителю.

Тора заметил, как у тануки и инугами, слышавших «разговор», плавно приоткрылись челюсти, но решил, что привыкшие к человеческому миру аякаси забыли неписанные законы мира обакэ.

Затем стало ясно, о каком освобождении говорит вожак. По его словам, сегодня ночью на западном склоне горы появились незнакомые люди и окружили логово оками ритуальными лентами, на которые было наложено заклятие непроходимого барьера. Так хэнгэ оказались пленниками в собственном доме. А разрушил печать «голос бакэнэко, раскачавший гору». Тора быстро сориентировался в причинах и следствиях, сообщил вожаку и его братьям о магическом капкане на дороге и об оммёдзи с его сикигами, а также дал понять, что акция спланирована против клана Накадзима. И высказал предположение, что волков ошибочно причислили к клану и заточили, дабы исключить возможные помехи. Сора молча выслушал и заявил: «Выследим, поймем и приведем к тебе, господин». Тора попросил вожака оками не рисковать и не приближаться к заклинателям, но выразил желание организовать патрулирование горы на несколько дней.

– Три дня, – вдруг вставил Юдзо в стиле мысли в слух.

На него обернулись и Тора, и все три волка.

«На закате третьего дня всё будет своих местах», – пояснил Юдзо посредством контакта сознаний.

Оками сдержанно поклонились ему – отметили уважение и способу общения, и способностям ясновидения.

Посредником между стаей и Домом Накадзима Тора назначил близнецов-хоньё, чем порадовал и представителей стаи, и Го, находившуюся поблизости – она была приставлена к Маракайто как телохранитель с тех пор, как тот рванул в погоню за оммёдзи по азимуту «гадкой ауры», видимой только ему одному.

Когда всё, что требовалось сделать и осмотреть на месте происшествия, было сделано и осмотрено, Тора попросил всех аякаси обернуться в человеческий облик, а тех, кто такового не имел, скрыться в микроавтобусе. После чего дал Акияме отмашку на вызов полиции. Правовые вопросы, в частности, общение с органами охраны правопорядка, были делегированы Рикю еще раньше.

Тело Симеды оставили на месте происшествия до приезда полицейских. Тора остановился над окровавленной простыней, но Юдзо взял его за плечи, развернул к машинам и шепнул:

– Не нужно тебе смотреть.

– Если бы я сообразил обернуться сразу, – Тора стиснул зубы.

– Если бы оммёдзи здесь не появлялся, – жестко оборвал Юдзо.

Тора вздохнул и согласно кивнул. Но тяжелый камень прочно повис на душе. Погиб человек. Прекрасный, чуткий, добрый человек, профессионал своего дела, не ведавший о

существовании таких каверз дорог, как сикигами под капотом. В памяти всплыли последние секунды перед трагедией: Симада сражался с машиной до конца, дабы уберечь сыновей хозяина – «мальчишек», которые давно стали для него «не чужими детками».

За те пять минут, пока автомобиль под управлением охранника-инугами мчался до поместья, Тора успел поговорить с отцом по телефону Юдзо, а Юдзо по телефону Маракайто – переругаться с Рику. Тора невольно слышал перебранку братьев, так как сидел с Юдзо бок о бок на заднем сидении малогабаритной машины: Рику требовал присутствия Торы во время разговора с полицией, а Юдзо орал на него – «имей совесть, он и без твоей полиции едва на ногах стоит». В общем Юдзо был прав – Тора чувствовал себя выжатым до предела, но с точки зрения дела прав был Рику, поскольку отговорка «пассажиры – дети, они в шоке» для полицейского протокола не подходила, а Дэнбей на данный момент не способен был общаться с людьми. Накадзима-старший тоже слышал голос Юдзо и, прервав свой монолог, спросил Тору о самочувствии.

– Всё в порядке, – уверенно ответил Тора. – Но я сейчас нужен Като и Фуме. Они дома. Поэтому полиция подождет.

Юдзо предложил компромисс:

– Рику, вези полицейских в поместье. А мы тут посмотрим, кто будет с ними разговаривать – Тора или какой-нибудь тануки в облике Торы. Надеюсь, наш аякаси не пострадает от твоего мозгового прессинга, если ты будешь ему суфлировать.

Звонок Ичиро на мобильник Маракайто застал Тору в процессе тщетных попыток навести порядок в потрепанной одежде, когда машина заруливала на двор. Маракайто механически вручил ему телефон, Тора также механически ответил «слушаю», а Юдзо напустился на секретаря: сколько раз повторять – звонки братьев мне!

– Тора, объясни отцу, что я должен быть с тобой там, а не с ним здесь! – гаркнул Ичиро так, что Тора невольно отдернул аппарат от уха.

– Ты должен быть с отцом там, – спокойно ответил Тора.

– Слушай, Кош... хм, – Ичиро вовремя вспомнил, что находится среди людей. – Слушай, брат. Ты там один намерен держать оборону? Почему все уверены, что охотнички слиняли?

– Отец уверен, потому что нашел, на кого нажать, чтобы раз и навсегда потушить факел мести, – Тора возобновил борьбу с порванным ремнем, но одной рукой. – Мара уверен, потому что видел, как они дали дёру. А я уверен, потому что то, что я там сделал, оказалось немножко сильнее, чем я планировал.

– Немножко? – подозрительно переспросил Ичиро. – Я тут слышал, что ты чуть всю гору не снес вместе с поместьем.

– Это эмоции, – отрезал Тора; теперь он силился увернуться от Юдзо, который вознамерился собственноручно вынуть порванный ремень из школьных брюк брата.

– Ты чего там сопишь, как борец на ринге? – насторожился Ичиро.

– Одежду пытаюсь привести в приличный вид... Ичиро, слушай, – Тора понизил голос до шепота. – Оммёдзи видел результат сражения, следовательно, без переподготовки он сюда не полезет. Но не исключая, что ему хватит наглости сыграть на бис персонально для отца. Сикигами До-мару – невыгодный противник для любого хэнгэ. Но для мадзоку с мечом он не проблема. И про мадзоку оммёдзи, вернее всего, не знает. Вот почему тебе нужно сопровождать отца, а не мчаться домой прямо сейчас.

В ответ донеслось сдавленное «ксо...».

– Ичиро, не сверкай клыками, – поднажал Тора. – Чем позднее враги узнают о тебе, тем лучше для нас.

Эпизод 20. Переполох в лисьем поместье

Като и Фуму братья обнаружили в человеческом облике, но в гостиной Торы, а не в новой комнате Юдзо, расположенной по соседству.

– Сами обернулись или тануки помогли? – грозно спросил Юдзо.

– Сами, – буркнул Фума.

– Только ботинки перепутали и один пиджак порвали нечаянно, – добавил Като и поднял страдальческий взгляд на Тору.

Тора молча опустился на колени перед сидевшими на полу близнецами. Оба не сговариваясь прильнули к нему с двух сторон.

– Тора. Симада, – выдавил Фума.

– Знаю, – Тора крепко обнял обоих.

– Мы ничего не смогли... для него, – всхлипнул Като.

– Электрошоком пытались... без толку, – Фума ткнулся лбом в левое плечо Торы; Като вжался в правое.

Юдзо вышел в коридор, Маракайто прикрыл дверь с внешней стороны. Но Тора уловил перепев позывного мобильного, а затем реплику Юдзо: «Рику, близнецы пытались реанимировать шофера ёкайской энергетикой. Учитывай это, когда полиция будет осматривать тело».

Тора мысленно поблагодарил брата за важное замечание, ибо сам сейчас не придавал значения сообщению Фумы.

– Это из-за нас, – еле слышно произнес Като. – Если бы ты не нас...

– ... а его защищал, – подхватил Фума. – Он бы... он...

– Если бы не оммёдзи с его проклятием и сикигами, – отрезал Тора так же, как Юдзо недавно отрезвил его самого.

Близнецы дружно подняли головы.

– Держитесь, – Тора посмотрел на обоих поочередно. – Мы выиграли бой, но это не последняя атака на клан Накадзима. Нам есть, кого защищать.

Очередной перезвон мобильного донесся из коридора. Тора уже выучил все мелодии всех задействованных аппаратов, поэтому не раздумывая крикнул в сторону входной двери.

– Мара, заходи!

Маракайто сначала просунул в дверь руку с мобильником, а потом заглянул в гостиную.

– Накадзима-сама требует Като или Фуму.

Близнецы встали, а Тора воспользовался короткой паузой, чтобы перевести дух. Он чувствовал, что Юдзо только и ждет момента, чтобы повторить донорское вливание жизненных сил, но делал всё возможное, чтобы такого момента не допустить, поскольку был уверен, что брат не осознает опасность для своей жизни в полной мере.

Като, молча выслушав короткое распоряжение, ответил в микрофон: «Да, отец», – и вернул аппарат Маре с комментарием: теперь тебя. Маракайто раза четыре повторил «да, да, конечно», но в конце добавил: «Конечно, всё, что в моих силах, но только если Тора-сама согласится».

– Отец велел нам немедленно переезжать в «левое крыло», – сказал Фума Торе.

– И в «правом» больше не показываться, – вздохнул Като.

Тора нахмурился. Ограждение людей от особой информации вроде бы было логичным решением, но это решение не коррелировало с «долгосрочным проектом» главы клана.

«Сейчас не время для информационных прорывов, – остановил себя Тора. – Но люди взволнованы и поставить их в известность о происшествии необходимо».

– Тора-сама, босс просил меня проследить за размещением, – Маракайто взглядом показал на близнецов. – Комнаты, говорят, давно готовы. А личные вещи...

– Сами перенесем! – вскинулись Като и Фума одновременно.

– Компьютеры спалите ненароком, – бросил Юдзо.

– На фиг нам теперь компьютеры, – Фума отвернулся.

– С играми покончено, – добавил Като.

И оба повернули к выходу в центральную часть здания.

– Вам разве не было сказано «в правом крыле не появляться»? – осведомился Юдзо.

– Мы что, заразные?! – вспыхнул Фума.

– Наэлектризованные, – Юдзо смягчил тон, а для иллюстрации своих слов провел рукой в воздухе между близнецами.

Потолочные светильники угрожающе затрещали.

Тора быстро подошел к братьям.

– Остывайте об меня, – сказал он и притянул обоих к себе так, чтобы Като и Фума оказали по обе стороны от него.

– Нам бы кое-что по мелочи забрать, – тихо попросил Като.

– Мы пятнадцать лет жили как люди. Неужели нельзя взять на память? – еще тише произнес Фума.

– Можно. И нужно, – ответил Тора. – Никогда не забывайте свои пятнадцать человеческих лет, братцы. Ведь впредь всем нам жить среди людей.

Он посмотрел на Юдзо, но тот и без этого взгляда понял, что сказанное относится и к нему.

– Мара, – Тора обернулся к своему секретарю, – подстрахуй, пожалуйста, парней.

– Конечно, Тора-сама! – с готовностью откликнулся Маракайто, помялся, но рискнул предложить. – Накадзима-сама велел... в общем... Вам бы отдохнуть...

– Не сейчас, – отрезал Тора.

Как только секретарь и близнецы вышли из-под барьера «левого крыла», Юдзо надвинулся на Тору.

– Ты намерен сам общаться с полицией? – осведомился он.

– Да.

– Не в таком виде, – заявил Юдзо и, взяв за плечи, завел его обратно в гостиную.

Тора упустил шанс увильнуть из-под пристального внимания брата, но отступать было некуда, ибо за спиной оказалась стена, а применять силу против Юдзо он не мог. И не хотел, в чем честно признался сам себе, вдыхая горячее дыхание донора. Ощущения не шли ни в какое сравнение с поглощением побежденного аякаси. Когда мать приносила ему мелких лесных обакэ, чтобы он самостоятельно расправился с жертвой, и позднее, когда он сам вылавливал провинившихся и заглатывал их силы, чувство насыщения было сродни тому, что испытывает человек, употребляя безвкусную пищу ради утоления голода. Сейчас Торе казалось, что он вкушает изысканный утонченный десерт – питательный, в меру сладкий, чуть-чуть кисловатый, приправленный воздушными взбитыми сливками и украшенный арабески из свежих фруктов.

Тора умышленно закрепил в сознании ассоциацию на десерт, ибо десерты, как известно, имеют обыкновение быстро заканчиваться, оставляя чувство сытости и приятные вкусовые воспоминания. Ограничитель требовался, чтобы не потерять голову от наслаждения и не подвергнуть брата смертельной опасности. Однако было одно, что Тора никак не мог объяснить: ощущения донора в процессе процедуры казались ему точно такими же, как его собственные.

«Он отдает силы, но при этом его силы не убывают? – Тора изумленно снизу вверх взирал на Юдзо, стоявшего над ним с прикрытыми глазами. – Как такое возможно? Скоростной регенераций живых тканей за счет энергии обакэ никого не удивит. Но тут моментально

обновляется сама энергия!»

Взгляд упал на блеклую тень, застывшую на противоположной стене узкого тамбура. Тень виделась явственно, хотя источников света поблизости не было – все жилые помещения с этой стороны коридора остались без электричества после явления двуглавого рэйко-кицунэ.

Будто почуяв внимание, тень начала медленно вращаться по спиральной траектории.

«Прямая связь с миром обакэ? – Тора слегка отодвинулся от Юдзо, пребывавшего в легкой прострации после странного энергетического обмена. – Этак мы засветимся на весь ареал!»

Стоило только Торе насторожиться, Юдзо мигом пришел в себя. В этот же момент блеклая тень наполнилась контуром, и из центра спирали сверкнул желтый лисий глаз. Белая лисичка развернулась из своего подвижного кольца, махнула хвостом над головами братьев и исчезла, оставив в воздухе призрачное теплое облачко.

– Душа, – пробормотал Тора. – Душа кицунэ поселилась в твоей ауре.

Юдзо оглянулся, но фантом не увидел.

– Ты о чем, Тора?

Тора улыбнулся.

– Здесь был твой ангел-хранитель. Редчайшее явление для обакэ.

– Белая лисичка? – Юдзо отвел взгляд.

– Видел?

– Во сне. Утром... Что-то мерзкое убивало и пожирало лисиц. Всех подряд – подростков, щенков, самок. Два самца сражались до последнего, но туча поглотила и их. А после над горой в небе, как будто прямо ко мне, бежала маленькая белая лисичка.

– Дух предков. Они вернулись в тебе, чтобы защищать нашу семью.

Юдзо пробил нервная дрожь.

– Значит, и это было на самом деле? – прошептал он. – Лисье логово и черная мерзость – это было?

– Так погибла лисья семья, где родился и вырос отец. Он единственный выживший.

В ванной комнате Тора наскоро смыл грязь с человеческого тела.

– Влезать в душ в шкуре я зарекся, – пояснил он брату в ответ на замечание о кошачьей чистоплотности.

– Бакэнэко не любят воду так же, как обычные коты? – поинтересовался Юдзо из спальни.

Тора не видел, что он там делает, но скрывать было нечего, а потому он отслеживал перемещение брата по своим апартаментам.

– Воду я люблю, – откликнулся Тора. – А вот сохнуть после бани – та еще морока. Тоога научил Мару пользоваться новыми фенами, но сейчас не до этого.

– Тоога?

– Цирюльник аякаси. Ты его видел в лесу сегодня. Он сильный маг.

– А-а, этот с тремя глазами и тремя руками... Слушай, Тора, где вся твоя одежда? Почему в шкафу только школьная форма?

– А? – Тора выглянул из ванной. – А разве что-то еще нужно?

Образовалась пауза.

– Кто формировал твой гардероб? – воскликнул Юдзо с таким негодованием, будто намеревался сею секунду учинить разнос всей домашней прислуге.

– Слушай, погоди, – Тора поспешно выскочил из ванной комнаты как был – в одних трусах. – Хакама и кимоно у меня есть. Этого достаточно.

– Отец и тебя заставил носить эти старомодных хламиды?

– Я привык уже, – Тора подошел к шкафу.

– Ну, папаша... – процедил Юдзо.

– Не злись, – Тора поспешил притушить неподдельных гнев брата, заочно обрушившийся

на отца. – В традиционных одеждах есть один большой плюс: они просторные. А те, что делают здесь, в доме, скроены специально с учетом хвоста.

Юдзо оторопело уставился на брата. Торе было забавно наблюдать за упрямым сопротивлением очевидному, но в то же время он прекрасно понимал, какого сейчас ёкаю, всю сознательную жизнь отчаянно сражавшемуся с самими собой за право считаться здравомыслящим человеком. Осколки этого псевдо-здравомыслия бередили свежие раны, оставшиеся после вырванных с корнем догм, вносили хаос в сознание и будоражили неприятные воспоминания.

– Смотри. Вот моя истинная форма, – улыбнулся Тора.

Юдзо неоднократно видел и пятнистую шкуру, и кошачьи уши, и хвост, но сейчас Тора предоставил ему возможность наблюдать за короткой метаморфозой от и до. Юдзо как замороженный медленно приблизился к брату и осторожно, кончиками пальцев провел по шерсти от плеча до груди.

– Можешь даже за ухо подергать, – Тора по-кошачьи передернул ушами.

Губы Юдзо дрогнули. Он подвел руку к белым с серебряными пятнами ушам и бережно тронул длинные шерстинки. Глаза его повлажнели, зачастило дыхание. А Тора подумал, что Юдзо никогда, ни за что на свете не причинит ему боль – даже в шутку не дернет ни за ухо, ни за хвост и не схватит за шкурку, как Ичиро в бане.

– Значит, вот эта форма настоящая, – пробормотал Юдзо.

В богатом спектре чувств, захлестнувших брата, Тора не разобрался, но определил, что болезненных нет, разве что присутствует некое абстрактное сожаление о чем-то давно совершенном.

– Зооморфная тоже настоящая, просто обратная сторона этой, – сказал Тора. – Но ходить по дому на четырех лапах с моими габаритами не удобно.

Юдзо усмехнулся. Вспышка непонятных чувств погасла, оставив в душе горячий след и что-то особенное, что Тора ассоциировал с яркой радугой на фоне уплывающих прочь туч.

– Однако сейчас придется облачиться с человеческий облик, – закончил Тора, выполнил объявленное действие и принялся одеваться.

– Ты только здесь можешь быть настоящим? – спросил Юдзо, искоса наблюдая за братом.

– Увы. Люди не готовы принимать нас в истинной форме, – отозвался Тора и потянулся на полку за оби, но обнаружил пояс в руках брата. – Поможешь с этим?.. – он взглядом показал на свой самый нелюбимый предмет традиционных одеяний.

Юдзо зажал улыбку и быстро, без лишних движений обернул длиннющий пояс вокруг талии Тора. Последним элементом стал аккуратный узел-бант на животе, завязанный на сей раз по всем правилам.

– Спасибо, – Тора пальцами проверил плотность обвязки. – Вообще, идеально!

Юдзо тихо рассмеялся. Тора изумленно посмотрел на брата.

– Ты так искренне радуешься житейским мелочам, – ответил Юдзо на его взгляд.

– Знаешь, сколько времени я обычно вожусь с этим? – Тора похлопал себя по талии на боках.

– Как-то раз зимой, – вдруг начал Юдзо, – в младшей школе. Я попытался надеть на Рикю шапку. Всё закончилось дракой.

– Почему? – искренне удивился Тора.

– Потому что никто никого к себе не подпускал. Если кому-то требовалась помощь, для него вызывали прислугу. А если прислуги не оказывалось рядом, то... просто наблюдали издали.

Тора нахмурился. Кабы он не был свидетелем последствий сражения в рёкане, он подумал бы, что Юдзо, обидчивый по натуре, сейчас преувеличивает. Но он своими глазами видел, что ни Рикю, ни Ичиро не делали попыток как-либо помочь обессиленному брату. Тогда Тора

списал их поведение на растерянность. Теперь вспомнил брезгливое выражение на лице Ичиро, когда тот вынужден был прикоснуться к пострадавшему. «Рику и Ичиро родились в мире обакэ среди мадзоку, – вспомнил Тора. – Видимо, какие-то предубеждения они впитали с духом матери. Друг для друга они полностью открыты. Но Юдзо всегда оставался для них чужаком».

– Даже мать, – тихо продолжал Юдзо, будто уловил нить размышлений Торы. – Я ведь многое помню из раннего детства. Она надевала на меня штанишки, улыбалась, но я чувствовал, что у нее всё переворачивается внутри от омерзения, когда она прикасается к моему телу. А ты сегодня ночью... Ты для меня... Даже собой согревал.

– Юдзо, – Тора обнял брата за плечи, развернул лицом на себя и испугался, определив, что тот на грани нервного срыва. – Держись, слышишь? У нас сегодня еще уйма дел. Ну, успокойся, пожалуйста.

– Позволишь «остыть об тебя»? – Юдзо попытался придать голосу шутливый тон.

– Мог бы и не спрашивать, – облегченно улыбнулся Тора и приткнул брата лбом к своему плечу.

Существенную разницу в росте пришлось компенсировать на татами – оба опустили на колени. Тора слушал срывавшееся дыхание брата и чувствовал, что стресс медленно затухает. Однако при этом он явственно ощущал своим кошачьим чутьем, как в недрах дома разгорался новый факел бурных эмоций. «Надеюсь, еще пара минут для Юдзо у меня есть», – успел подумать он и тут услышал топот в гостиной. Он оглянулся, увидел кольцо синих огоньков и в следующий миг наткнулся на ошарашенный взгляд Хирото.

Юдзо отшатнулся. Тора вскочил.

– Хи-тян! Барьеры еще не стабильны. Почему ты в истинной форме?

– Я... я... меня отправили, – Хирото перевел дух и выпалил. – В холле человек умирает, а близнецы его откачивают!

– О, нет, – выдохнул Юдзо.

– Они нормальные, без ушей! – крикнул Хирото вдогонку сорвавшемуся с места Торе.

– Сиди тут, – распорядился Юдзо младшему брату и побежал за старшим.

– Меня отправили Акияму искать! – Хирото выскочил в коридор.

Юдзо затормозил. Тора слышал за спиной возбужденные голоса братьев, но чем закончился спор, не узнал, ибо успел проскочить «перекресток» раньше.

За поворотом возле секретариата Тора наткнулся на служащего-человека.

– Тора-сан, Акияма-сан занят, а «скорую» необходимо вызвать прямо сейчас! – воскликнул тот.

Тора живо расшифровал запахи, витавшие в пространстве, и медленно выдохнул.

– Ничего страшного. Уже всё в порядке. Почти, – как мог спокойно сообщил он. – Не нужно никого вызывать.

Он шагом проследовал в фойе, оставив озадаченного клерка перед дверью секретариата, но по лестнице промчался бегом с кошачьей скоростью. Маракайто с графином в одной руке и стаканом другой бежал к месту происшествия со стороны служебных помещений.

– Тора! – позвал Като. – Он в себя приходит!

Тора, извинившись, раздвинул служащих, окружавших площадку реанимационных мероприятий.

На полу возле кресел лежал Одзаки-сан. Фума методично выполнял непрямой массаж сердца. Като стоял на коленях в изголовье пострадавшего – он был ответственным за искусственное дыхание. Но ни тот, ни другой не замечали, как тонкие белые молнии носятся вокруг них и вонзаются в человеческое тело.

Тора не рискнул вмешиваться в реанимационный процесс непосредственно, живо опустился на колени рядом и своими методами «прислушался» к человеку.

– Всё, стоп. Достаточно, – он сделал знак Фуме отодвинуться. – Сердечный ритм стабилен. Всё в норме. Теперь нужно обеспечить тепло и полный покой.

– Тора, точно всё нормально? – Като, не отрываясь, смотрел в бледное лицо пожилого педагога.

– Точно. С сердцем теперь навсегда всё будет нормально, – уверенно ответил Тора.

– У-уф, – Фума привалился спиной к креслам. – Значит, сейчас мы успели?

– Братцы, остыньте, – произнес Тора одними губами и так, чтобы не заметили люди.

Близнецы дружно вскинулись друг на друга, выдохнули – один: ксо, – другой: проклятье! – и отодвинулись подальше от лежавшего.

– Одзаки-сан? – Тора провел ладонью по покрытому испариной лбу.

Тот приоткрыл глаза.

– Тора-сан? Вы целы? С вами тоже... всё в порядке?

– Нам троим крупно повезло, – поспешно остановил его Тора. – Не волнуйтесь. Вам сейчас нужно хорошенько отдохнуть. Вас перенесут в отдельную комнату. Я попрошу, чтобы за вами присмотрели. Не нужно ли позвонить вашим домашним?

– Нет, спасибо, Тора-сан. Я один... – Одзаки поднял взгляд, всмотрелся в лицо собеседника, повернул голову в сторону близнецов и вдруг на глаза его навернулись слезы. – Хвала богам, вы не пострадали, мальчики.

Като и Фума дружно опустили носы. Тора покосился на них, но быстро убедился, что покраснели у близнецов не глаза, а уши. Он мимолетно усмехнулся. Совсем недавно Одзаки был для них занудным надсмотрщиком. И вот упала очередная придуманная маска, и разом всё изменилось.

Общение со следователем было коротким благодаря незаметной со стороны режиссуры Рику. Однако Тора так ловко разыграл шоковое состояние, что обманул даже брата. И только присутствие Юдзо остановило Рику от принятия экстренных мер по приведению «шокированного» в чувство.

Рику пришлось опять уехать, чтобы засвидетельствовать протокол в полицейском управлении, но он уверил, что это последние его дело на сегодня.

А Тора, чуть только полицейская машина выехала за ворота, отправился к Хирото. В комнатах младшего Накадзимы организовали временное пристанище для аякаси, обычно обитавших в саду. Мера была вынужденной, ибо после замечательного «огненного рыка» рухнула не только печать на волчьем логове, но и все барьеры вокруг поместья. Хирото с радостью принял всех гостей, но появление Торы обрадовало его до восторженного визга.

От младшего братишки Тора узнал короткую предысторию приключения в холле. Хирото видел, как Одзаки-сан подъехал на своей машине к подъезду особняка и как совершенно белый пошел в дом в обнимку с перемазанным грязью ученическим портфелем. Маленький кицунэ мигом уловил, что человек на грани обморока, но «решил не отвлекать взрослых и помочь самостоятельно». Хирото не сумел ни имитировать голосом, ни описать словесно, что именно «ненормального» услышал в сердцебиение пожилого воспитателя. И признался, что бегал перед ним в истинной форме, когда объяснял, что «с братьями всё в порядке». Видимо, как раз наличие ушей, хвоста и шерстки снизило коэффициент достоверности информации в глазах потрясенного педагога.

– Я ему раз пять сказал, что Като, Фума и ты живы и здоровы, – Хирото судорожно вздохнул. – А он мне этот портфель в руки дал, что-то пробормотал про бога и упал. Я его чуть-чуть поймать не успел. Но тут Маракайто прибежал, потом Като и Фума. Меня отправили за Акиямой. Я его не нашел и побежал к тебе.

– Хи-тян, ты и по холлу в таком виде бегал? – Тора слегка щелкнул пальцем по лисьему уху.

Оба уха тотчас прижались к вискам.

– Я огоньки-барьер вызвал. Думал, может невидимость получится.

– Замечательно, – вздохнул Тора. – Будем надеяться, люди решили, что ты готовишься к спектаклю.

– Я больше так не буду, нии-сан.

– Да уж, пожалуйста.

Тора поднялся с пола, где сидел вместе с братишкой.

– А ты куда? Вместо папы руководить? – любопытствовал Хирото.

– Нет. Папа – это папа. Вместо него никого руководить не будет, – Тора улыбнулся. – Пойду навещу Одзаки-сана. И Дэнбея.

Дэнбей пришел в себя незадолго до визита Торы, поэтому Торе удалось пообщаться с отважным инугами. Попутно он оценил работу аякаси-лекаря, но внес собственные коррективы – наложил на истинную форму раненого мощное заклинание восстановления, которому научился когда-то у своей двоюродной сестры. Однако на человеческое обличье заклинание не действовало в принципе, поэтому визуальное отсутствие глаза на человеческом лице было неизбежно.

В гостевых комнатах Тора обнаружил вездесущего Маракайто, среднюю дочь Акиямы и крепко спящего Одзаки-сана. Тануки попросила Тору выслушать ее и, получив разрешение, поведала, что пожилой преподаватель эпизодически видел ее истинный облик, хотя она оставалась в человеческом обличье, и что она не посмела запечатать его память, ибо увидела в его памяти гибель любимой жены и единственного сына. И добавила, что человек прочно связал эти воспоминания с тем, что предстало его взору сегодня на месте аварии.

– Тора-сама, – шепотом вмешался Маракайто. – Я с Одзаки-саном потом как-нибудь поговорю. Объясню, что сумею. Ведь в конце концов все будут видеть, правда?

Тора улыбнулся и кивнул.

На входе в «левое крыло», куда Тора отправился сразу после визита к Одзаки-сану, барьера не оказалось. Неподвижный аякаси висел на своем месте и тоскливо смотрел на грозди проводов, разложенные по полу коридора. Тора пошел к своим комнатам, с любопытством рассматривая раскатанные бухты электрического кабеля. Забеспокоился он, когда понял, что провода заворачивают как раз в его апартаменты. Рефлекторно накинув на себя ауру скрытности, он бесшумно приблизился к открытым дверям и с порога заглянул в гостиную.

На стремянке возле внешней стены стоял человек из числа обслуживающего персонала дома. Тут же находились тануки и паукообразный аякаси – оба в человеческом обличье. По репликам человека Тора понял, что это электрик, что он один «спец» на весь огромный дом, что помощники ему нужны только для того, чтобы подавать инструменты, что за семь лет его работы в поместье никогда не было такой масштабной аварии электросети, и что впредь он намерен лично проверять состояние проводки во всем доме, а не делить обязанности «с кем попало». Не прерывая профессиональных изысканий и многословных высказываний, электрик периодически гонял со своей головы «хорошую зверюшку» и, сдерживая раздражение, уговаривал ее «лететь к хозяину» или «подождать хозяина».

Тора обреченно посмотрел на электрика, на аякаси-связиста и подумал: «Интересно, каким стрессом огрело этого человека?»

– Тора-сама! – обрадовался тануки, как только заметил молодого господина.

Второй аякаси принялся взглядом и осторожными жестами показывать вверх, на Батто, опять оседлавшего голову электрика.

– Добрый день, молодой господин, – быстро и без специальных расшаркиваний объявил

электрик со стремянки. – Не могли бы вы забрать вашего домашнего зверька? Всего на тридцать минут. Я быстро здесь закончу.

– Да, конечно, – ответил Тора. – Батто, есть дело.

Аякаси мигом забыл про свою игрушку и на манер летучей мыши подлетел к хозяину.

Тора вслух похвалил «послушную зверюшку» и безмолвно надиктовал ему послание: «Тора – Маре: спрячь Батто в карман на час». Затем он прошел в кабинет, дабы забрать ноутбук, но ноутбука на месте не оказалось. Зато в воздухе присутствовал запах Юдзо.

Комнаты, где ночью разместили Юдзо, представляли собой зеркальную копию апартаментов Торы. Точно такую же планировку имели два жилых блока, расположенные напротив. Акияма походя объяснил, что раньше эти помещения предназначались для особых гостей, но теперь, когда глава Дома решил переселить в левое крыло всех своих сыновей пусть даже номинально, тут, на втором этаже, приготовили апартаменты для четверых старших. Като и Фуме надлежало переехать на первый этаж, чтобы поселиться по соседству с отцом и Хирото. Однако сейчас Тора обнаружил открытыми два помещения. Там, где ночевал Юдзо, сновали работники-аякаси в человеческом облике и, судя по грохотанию инструментов, готовились к масштабной работе. Из комнаты напротив раздавались голоса Като и Фумы. Закрытыми оставались апартаменты, формально отведенные Ичиро, но фактически занятые старшей парой близнецов, ибо Ичиро заявил, что не собирается постоянно жить под отцовской крышей, а в режиме «погостить» он не против делить ночлег с братом. Рику был того же мнения, а мнение отца в данном случае никто не спрашивал.

Тора заглянул в комнату Юдзо, убедился, что там находятся только рабочие, и пошел на голоса близнецов.

Като и Фума громко требовали от изможденного дворецкого заменить «европейские» кровати на одну большую традиционную «как у Торы». Дворецкий – это был помощник Акиямы, но в родственных связях многочисленного семейства тануки Тора еще не разобрался – молча выслушивал аргументы, кивал, но было видно, что сейчас, после всех свалившихся на Дом происшествий, замена кроватей – последнее, чего ему не хватало до погружения в полную прострацию.

Юдзо сидел на диване в гостиной, возле него лежал закрытый ноутбук, а в руках он вертел коробку для диска с пестрой открыткой вместо обложки. Тора заглянул в кабинет, куда успели принести второй письменный стол, посмотрел на брошенную в дверях спортивную сумку, набитую учебниками, и подошел к брату.

– Они сохранили, представляешь? – проговорил Юдзо, не глядя на Тору. – Я думал, наиграются, выбросят. А тут даже открытка.

– Они дорожат твоим подарком, – вполголоса заметил Тора.

– И тебе показали?

– Да.

Юдзо грустно усмехнулся.

– Теперь я жалею, что уничтожил свой первый альбом. Испугался насмешек. Уничтожил так, что никаких следов не осталось.

Тора узнал то самое абстрактное сожаление, которое почуял раньше.

– Кошки? – спросил он.

Юдзо вскинул голову.

– Откуда ты знаешь?

– Догадался.

– Читаешь мысли?

– Распознаю чувства.

Юдзо несколько недоверчиво оглядел брата и улыбнулся.

– Кот, – констатировал он и отвел взгляд. – В том альбоме было что-то вроде манги. Про

кошку и ее котёнка. Они снились мне с раннего детства. В самые мерзкие дни, когда кроме кошмаров ничего не ожидаешь, мне снилась дикая белая кошка. И белый котёнок. Он как будто рос вместе со мной. Я зарисовывал сны в стиле манги и мечтал однажды очутиться в той дружной счастливой семье... Лет десять назад сны прекратились.

Юдзо проследил за близнецами, выскочившими в коридор, и механически кивнул на пояснение Фумы с порога: мы тут на склад, в этом крыле.

– Мы с мамой ушли из мира обакэ десять человеческих лет назад, – будничным тоном сказал Тора и уселся на ковровое покрытие перед диваном.

Юдзо медленно перевел на него взгляд.

– Ты хочешь сказать, что я видел во сне тебя?

Тора неопределенно пожал плечами. Юдзо, не спуская с него глаз, быстро продолжил:

– Я помню все сны, но последний особенно явственно. Котёнок – уже взрослый кот – дрался с черной вороной возле бревенчатой хижины, которая ходила по лужайке на двух птичьих лапах.

Тора беззвучно посмеялся.

– Это была не ворона, а карасу тэнгу. И не дрались мы на самом деле. Карасу учил меня отбиваться от летучих аякаси. Столько шести мне из холки выдрал! А потом шутил, мол, на целое гнездо хватит.

Юдзо несколько секунд оторопело смотрел на Тору, затем откинулся на спинку дивана, закрыл ладонями лицо и обессиленно рассмеялся.

– Что я наделал! – простонал он сквозь смех.

– Ничего. Ты и без зарисовок всё помнишь.

Юдзо с силой провел ладонями по лицу. На лбу и щеках остались красные пятна.

– Помню. И как создавал трехмерные модели по своей детской графике. Как наблюдал за городскими кошками, чтобы сделать натуральную анимацию. Но это было потом. После того, как я попытался создать семью вдали от дома и как в одночасье рухнули все мои человеческие мечты. Помню, как жаждал прежних детских снов. Как нашел способ призывать видения. Но видел с тех пор только монстров, беды и крах.

– Возможные варианты ближайшего будущего, – перефразировал Тора. – Ты видел то, что можно обойти или изменить. Так устроены миражи – отражение вероятных событий людского мира через скрытые чувства, интуитивные знания и неосознанные эмоции людей.

– Неизменные события нельзя видеть заранее? – насторожился Юдзо.

– Через мир обакэ – нет. Других способов я не знаю.

– На закате в воскресенье всё будет на своих местах, – медленно проговорил Юдзо. – Значит, это лишь вариант.

– Давай сделаем так, чтобы этот вариант стал единственным, – предложил Тора.

Как и пообещал электрик, электричество в комнатах Торы было восстановлено всего за тридцать минут, однако к этому времени в гостиной Юдзо ремонтные работы были в самом разгаре, а Като и Фума заставили-таки дворецкого организовать перестановку мебели. Поэтому вся компания обосновалась в апартаментах Торы, и Маракайто по личной инициативе распорядился подать запоздалый обед. Тора, заручившись согласием братьев, позвал Хирото, а тот в свою очередь затащил за импровизированный обеденный стол инициативного распорядителя. Като и Фума, умяв свои порции салата, риса и рыбы, принялись сочинять названия нетипичному домашнему мероприятию и договорились до военно-полевого стана. Развеселившийся Хирото принялся требовать, чтобы участники выглядели соответственно названию, то есть чтобы Юдзо и Маракайто переоделись в традиционные костюмы. Юдзо спасло отсутствие необходимого размера, ибо одежда Торы и близнецов была ему коротка, а Маракайто, уже готовый бежать в свою комнату за

дедушкиным дзёэ, в дверях наткнулся на Рику в офисном костюме.

Рику медленно снял очки, окинул взглядом половые посиделки и остановил изумленный взор на Юдзо, на плечах которого куролесил Хирото с ушами и хвостом.

– Чего? – Хирото по-лисьи ошетинился. – Юдзо такой же крепкий, как и папа!

Рику рассмеялся и с удовольствием воспользовался приглашением братьев присоединиться к веселой трапезе.

– С минуты на минуту придет Ичиро, – сообщил Рику и пояснил. – Рванул за мной. Под предлогом проверить дорогу без пассажиров.

– Второй раз по одному сценарию они играть не будут, – уверенно ответил Тора.

– Очень надеюсь, что не будут играть вообще после той бучи, которую отец поднял в своих кругах.

Юдзо покосился на близнецов, на которых натравил разыгравшегося Хирото, убедился, что младший братишка завел обоих с пол-оборота и негромко спросил:

– Что там было про письмо?

– Емэйл, – поправил Рику. – Отправлен с мобильного в те минуты, когда полыхала разбитая машина. Отцу нагло сообщили, что «уменьшили число его наследников».

– Подручные оммёдзи, – нахмурился Тора. – Видели взрыв с дороги, но не знали, почему это произошло.

– Как «почему»? – удивился Юдзо. – Машина вылетела за пределы трассы, поэтому и загорелась.

Тора отрицательно качнул головой и взглядом показал на шутливую потасовку на диване и под ним.

– Это неизбежный сопутствующий эффект? – осведомился Рику.

– По неопытности. Теперь, когда определена истинная форма, управление энергетической составляющей Като и Фума освоят без проблем. Даже Ичиро быстро научился не громить интерьеры в момент материализации своего дао.

– Быстро? – Рику усмехнулся. – Тора, это твоя заслуга.

– Магию мадзоку я изучал в додзё вместе со всеми два дня назад, – возразил Тора.

Из коридора, где Маракайто шепотом раздавал указания прислуге, раздался громкий грубоватый комментарий на тему ремонтных работ, и торопливый голос Маракайто:

– Сюда, пожалуйста, Ичиро-сан.

– Вау! – дружно заорали близнецы. – Все в сборе!

– Папы не хватает! – крикнул Хирото из-под диванной подушки.

– Папа и вся команда скоро доползут, – объявил Ичиро с порога, оглядел гостиную и подытожил. – Уютненько устроились.

– Привет. Присоединяйся, – Тора показал на сдвинутые парой низкие столики.

– Ичиро! А почему ты папу не захватил? – опять подал голос Хирото.

– Папа сказал, что больше не сядет со мной в одну машину, если я за рулем, – рассмеялся Ичиро, устраиваясь в сэйдза возле Рику.

– Еще одна такая гонка, как вчера, и я скажу то же самое, – заметил ему Рику.

– А тебе-то чего? – искренне изумился Ичиро. – Ты регенерируешь быстрее меня, даже если кувырнемся.

Юдзо передернулся. Ичиро опять посмеялся и подмигнул старшему брату.

– С добрым утром.

Тора спрятал улыбку. Из недавних открытий следовал единственный верный вывод – ёкайскую сущность Юдзо до сих пор сдерживало только его собственное убеждение в отсутствии чудес в людском мире.

Прислуга в человеческом лице двух расторопных аякаси обеспечила смену подносов и блюд, Маракайто подкатил сервировочный столик с напитками и фруктами и опять скрылся в

тамбуре.

– Юдзо! Кинь мне яблоко, пожалуйста! – крикнул Хирото через полкомнаты.

– А ты огоньком его достань, – Като ткнул братишку в спину.

– Нельзя. Люди за стеной.

– Да ты просто не умеешь, – подзадорил его Фума.

Хирото поймал яблоко, но провокация близнецов сработала: он пристально посмотрел на избранную цель. Два синих огонька вспыхнули в корзине с минеральной водой и соками, и две банки взлетели под потолок. Хирото ойкнул и зажмурился, однако магия не рассеялась, а оставшиеся без присмотра огоньки принялись кружиться по комнате вместе с банками. Тора в прыжке поймал одну, вторую Ичиро отбил в руки Като, но при этом задел когтем тонкую жесть. В банке оказалась сладкая газировка, и шипящий пенный шлейф отметил траекторию полета.

– Эй! Это последняя не разгромленная комната! – возмутился Фума.

– Наша еще цела, – напомнил Ичиро.

Рику стряхнул с пиджака пенные капли и выразительно посмотрел на брата.

– Отец поступил мудро, не раскрыв нам нашу природу раньше, – заметил Юдзо.

– Согласен, – отозвался Рику.

– Как они проводку попортили? – любопытствовал Ичиро, наблюдая за близнецами, ловившими Хирото вокруг опрокинутого дивана.

– Прошли сквозь стену. Я застал их в гостиной с куском провода в зубах левой морды, – ответил Юдзо.

– Мы нечаянно! – крикнул Фума. – Мы в окно целились!

– Я вообще не помню, как его откусил! – подхватил Като.

– Ты его не откусил, а в пепел превратил, – Юдзо слегка повысил голос и добавил для изумленных Рику и Ичиро. – В зубах был фантом.

– Круто, – выговорил Ичиро.

– Като, Фума, а покажите свою истинную форму, – предложил Хирото, пойманный поперек живота.

– Не вздумайте! – Юдзо привстал.

– Ну мы же не дураки! – обиделись близнецы в один голос.

Хирото вывернулся, отбежал за спину Торы и громко объявил:

– А папе всё равно доложат, что вы наделали!

– И о том, как ты хвостом перед Одзаки махал, тоже доложат, – мигом нашелся Като.

– Он без сознания был, а я воздух намахивал!

– Да? А сколько людей в сознании было в холле, ты не посчитал? – поддержал атаку Фума.

– Я скажу, что сценку репетировал для школы! В костюме!

– Ага. Супер костюм – сам хвостом виляет!

– Като. Фума, – Тора выразительно посмотрел на обоих поочередно и продолжал для всех.

– Тут много чего натворили сгоряча. Инугами несли Дэнбея в истинной его форме из машины в казарму. Люди теперь недоумевают: откуда взялся такой огромный пес. Одзаки-сан стал видеть истинную форму под человеческим обликом после сильного стресса. Оказывается, он потерял жену и сына в похожей аварии много лет назад. Да еще и найденный портфель. Като, твой, кстати. Одзаки хранит дома такой же, принадлежавший сыну. И тот портфель он тоже подобрал на месте катастрофы.

– Моя ошибка, – сказал Рику. – Я не заметил, как он прошел за ограждение, и не успел вмешаться, когда полиция выпроводила его обратно на дорогу.

– Тора, с Одзаки всё в порядке? – осторожно спросил Като.

– Кроме того, что он стал всё видеть, – добавил Фума.

– Проблем с сердцем у него теперь никогда не будет после вашей первой помощи, – Тора

улыбнулся.

– А он с нами останется?

– Ему решать, – ответил Тора.

– У Дэнбея как дела? – вмешался Ичиро.

– Завтра утром будет в норме. Но без глаза в человеческой форме.

– Его ранил сикигами? – нахмурился Рику.

– Нет. Из машины вылетел неудачно, обернуться не успел, – ответил Тора и поспешил сменить тему. – Еще один фокус: электрик, который тут сейчас работает, прекрасно видел Батто, нашего с Марой связиста-аякаси. Принял его за домашнюю зверюшку.

– А этот с какого перепугу? – удивился Ичиро.

Тора пожал плечами.

– Не знаю. Может быть общая атмосфера повлияла.

– Администраторы на пункте видеоконтроля гоняли по залу головастика с глазами, – сообщил Юдзо.

– Почему раньше не сказал? – подскочил Тора.

– Забыл в суматохе. Эти головастики – подручные Киры?

– Да. Она мико.

Юдзо кивнул так, будто Тора лишь подтвердил его догадку, а Рику строго посмотрел на близнецов.

– Головастиков мы не выпускали! – заявили Като и Фума в один голос.

– А может они из электрических проводов выскочили? – встрял Хирото.

– Это сборщики сбежавшей информации, – пояснил Тора. – Электронные устройства, в частности мобильники, нельзя держать при себе, когда оборачиваешься в зооморфную форму.

– А мы откуда знали! – близнецы отчаянно посмотрели друг на друга.

– Так вот почему ты мобильник в портфеле носишь! – Ичиро хлопнул ладонью по колену.

– Итак, больше всего статей обвинения висит на Като и Фуме! – заявил Хирото менторским тоном и сделал движение, будто прикасается к душке очков на виске.

Подражание Рику было очевидными, и Тора слегка шлепнул младшего брата по основанию хвоста.

Хирото отскочил, споткнулся об столик, но разрушение остатков обеденной сервировки предотвратил Юдзо – подхватил неугомонного лисёнка на руки.

– Отец приехал. Идет прямо сюда, – сообщил Тора то, что уловил его непревзойденный слух.

Хирото вывернулся, рванул к выходу, но Ичиро ухватил его за хвост и распорядился:

– Утомись, мелкий!

– Я папу хочу встретить, пусти-и!

Бороться было бесполезно, однако Хирото изловчился царапнуть Ичиро коготками по руке, после чего оказался на его плечах в ориентации мехового воротника. Лисий огонь, суматошно призванный на помощь, поднял в воздух сервировочный столик и отдельно всю корзину с напитками. Юдзо успел приземлить столик вручную, но опрокинулась ваза со льдом, и кубики посыпались на Рику. В следующую секунду над ним закружился пар, пронзенный белыми молниями. Рику отшатнулся из-под наэлектризованного облака, причем весьма вовремя – облако превратилось в фейерверк горячих искрящихся брызг. Тора подхватил крутившуюся в воздухе корзину с бутылками и банками, но часть емкостей – к счастью, запечатанных – гулко посыпались на пол.

И под этот аккомпанемент в гостиную вошел Накадзима-старший.

Немая сцена была нарушена жалобным «ой» и глухим шлепком – Хирото шмякнулся на ковровое покрытие.

Глава семейства напряженно оглядел семерых сыновей, будто пересчитал по головам, опустил плечи и на выдохе произнес.

– Наконец-то все вместе.

Эпизод 21. Семейное совещание

Пояснения к эпизоду 21

С возвращением главы Дома переполох в поместье закончился. Барьеры были полностью восстановлены, охранники прекратили патрулирование территории и заняли свои обычные посты, люди и аякаси вернулись к привычному ритму работы. Разве что присутствие в доме всех молодых Накадзима внесло коррективы в работу прислуги и кухни. Тануки – горничные и камердинеры – сновали по второму этажу «левого крыла» между жилыми комнатами. Рабочие заканчивали латать стену в апартаментах Юдзо. Широкую рекреацию перед служебным кабинетом на входе отгородили от коридора ширмами и теперь оформляли в стиле камерного зала для встреч. Тора, помогавший близнецам с обустройством на новом месте, отметил про себя, что несмотря на возросший объем работ обслуживающий персонал пребывает в приподнятом настроении. Даже Акияма, обессиленный после восстановления внешних барьеров, и тот несколько раз заглянул на второй этаж – формально с целью проверки работы вверенных ему подчиненных, а фактически – Тора это отлично чувствовал – чтобы полюбоваться на объединившееся семейство своего хозяина.

В разгар перестановок в кабинет Като и Фумы зашла Наканиси Кира с плетеной коробкой в руке. Посмеялась над тщетными потугами Ичиро настроить доступ к внешней сети на ноутбуках близнецов под их диктовку, извлекла из коробки двух существ, похожих на маленьких ёжиков и вручила Като и Фуме.

– Гарантирую: гасят любой переизбыток энергии, – заявила она, пока близнецы, а также Тора и Юдзо разглядывали колдовских созданий. – Кроме того работают как зарядные устройства. Держите под руками. Можно в карманах. Люди их не увидят.

– Очень вовремя! – Ичиро громко встал со стула и показал близнецам на ноутбуки. – Гаситесь быстро и за пульта. А я посмотрю, как вы сделаете то, чем мне тут по ушам ездили.

Но Кира поднял руку в жесте, стоп – мол, еще не всё.

– Кто следующий будет оборачивать мобильник в личное измерение? – осведомилась она.

Тора улыбнулся. Остальные вопрос не поняли.

– Специально для оборотней-зооморфов с мобильниками в карманах, – перефразировала Кира и поставила коробку на край стола.

Тора невольно уставился на коробку, ибо это было самое настоящее лукошко, сплетенное из бересты. А Като, Фума, Ичиро и даже Юдзо дружно заглянули вовнутрь.

– Подарок с Родины передали, – шепотом пояснила Кира Торе, заметив его интерес к лукошку, а для всех в полный голос объявила раздачу новых мобильных.

– Я с хвостом не бегаяю! – Ичиро шарахнулся от корзинки, как от огня.

– Зато машину вы водите так, что того гляди клыки по асфальту придется собирать, – отрезала Кира, вручила ему новенький телефон и добавила. – Со старого можно звонить кому угодно и куда угодно, кроме родственников и домашних.

– А если попробую?

– Пожалуйста. Но старых номеров больше не существует в обычной сети. Усиление мер безопасности. Юдзо-сан, для вас. Условия те же.

– Это аякаси, – констатировал Юдзо, разглядывая полученный аппарат.

– Совершенно верно.

– Это аякаси? – изумился Ичиро и поковырял когтем то, что выглядело как разъем для зарядки.

«Разъем» в ответ тут же расширился на всю длину аппарата и щелкнул зубами.

– Ичиро! Тебе кусачки место напильника! – подскочил Като.

– Когти обкусывать! – расхохотался Фума.

– Я вам сейчас уши пооткусываю! – возмутился Ичиро, повторно раздражил своего аякаси и сунул мобильник к уху Като.

Посыпались искры.

– Перезарядки не боятся, – преспокойно пояснила Кира, в то время как Юдзо дернулся оттащить Ичиро, а Тора – гасить разряд своей шкурой. – Като-сан, у вас аппарат под левую руку, для Фумы-сана – обычный. Кладу оба на стол.

– Сп-спасибо! – откликнулся Фума, которого Ичиро безжалостно вжал в кресло коленом.

– Тора-сан, прошу, – не обращая ни малейшего внимания на потасовку, продолжала Кира.

– Где наш бесценный Малахит?

– Где-то, – стушевался Тора.

– А ваш Батто где?

– У него. Если срочно, я найду. Он, вроде, с Тоогой, – Тора поспешно убрал полученный мобильник под оби.

– Раз с Тоогой, то, очевидно, вы его встретите раньше, чем я, – Кира мило улыбнулась и отдала Торе мобильник для Маракайто.

– Кира-сан, а Рику? – крикнул Ичиро; теперь он сидел, вжатым в кресло, а Като и Фума исполняли роль пресс-папье.

– С Рику мы уже виделись у босса. Значит, здесь всё. Веселого вечера. Я предупрежу, чтобы вам заменили кресло.

– Зачем менять кресло? – удивился Фума.

Кира помахала рукой на прощание и чинной удалилась. Через пару секунд кресло, где близнецы и Ичиро бутузили друг друга, громким треском ответило на вопрос Фумы.

Глава семейства назначил сыновьям встречу в своем домашнем кабинете на девять вечера, но Тора встретился с отцом раньше – в бане, где отстирывался в специально для него приготовленном офуро. Кинуцэ не заметил старшего сына за ширмами, а на нюх присутствие не уловил. Зато Тора, чуть только потянул носом, обнаружил не только присутствие, но и ответ на вопрос, как отец и его верный друг Инукаи скрывались от человеческих глаз вчера, когда в зооморфной форме своим ходом мчались на деловую встречу в обход заблокированной трассы. «Прости, пап, но такой опыт я у тебя не перейму», – подумал Тора, с трудом выдохнув густой букет помоичных запахов, шлейфом тянувшихся за лисьей шерстью. Он поспешил закончить с мытьем, чтобы не привлекать внимание отца, но Маракайто слишком шумно готовил место для просушки, поэтому нечаянный секрет был раскрыт.

Тора пока стеснялся бытовых контактов с главой семейства. Разговор через ширму он поддержал, тем более при работающих фенах мало кто из прислуги мог расслышать голоса. Но Накадзима-старший заявил, что намерен составить компанию сыну в процессе просушки. И тут уже Тора невольно прижал уши, ибо понимал, как будет выглядеть со стороны разница между его и отцовской шерстью. Тем более его уже частично просушили, а отец даже не потрудился встряхнуться после ванны.

Антропоморфная фигура отца была идеальной. Однако мокрая лисья шерсть – весьма скромная даже в сухом виде – против густящего меха бакэнэко не выдерживала никакой критики. Кицунэ, впервые узревший старшего сына во всей его ёкайской красе, понял, почему хмыкает Тоога и прячет взгляд секретарь Маракайто, но в грязь лицом не ударил:

рассмеялся, ловко пошутил, собственноручно перенес скамейку и устроился рядом с сыном, демонстративно разложив мокрый бледно-золотистый хвост параллельно мощному пятнистому и уже просушенному. А Тора неожиданно для себя обнаружил, что скованности как ни бывало. Точно так же когда-то таинственный посетитель кафе разговорил его, тогда – официанта. «Почему же он со всей его непревзойденной харизмой не смог установить теплые отношения с сыновьям? – подумал Тора. – Ошибочное представление о человеческих взаимоотношениях между родителями и детьми? Или же он огулом полагался на инстинкт кровных уз как на гарант взаимопонимания? Но ведь очевидно, что в человеческом мире стайный инстинкт хэнгэ сам по себе работать не будет. Здесь мы живем в атмосфере людского социума».

– Знаешь, Тора, – заговорил Накадзима, изучая расписной потолок наигранно философским взглядом, – я сегодня обнаружил, что Юдзо выше меня. Он перестал сутулиться, и оказалось, что он выше.

– Внешне Юдзо очень похож на тебя, отец, – отозвался Тора, усилием воли выстроив фразу в стиле неформального общения.

Он понимал, что гораздо больше отца порадовало бы, если бы он сейчас сказал «папа». Но то, что легко звучало в разговорах с братьями, сейчас прилипло к языку и в речь не попало.

– Мы помирились, – произнес Накадзима так, будто боялся верить самому себе. – Девять лет холодной дистанции и нескончаемых конфликтов. И вдруг по-настоящему помирились. И я – кажется, впервые – увидел, как Юдзо улыбается. Он никогда не улыбался при мне. Представляешь?

– Даже ребенком?

– Да. Я изредка замечал его улыбку, когда он спал. Однажды погладил его по головке, а он проснулся и закатил истерику. Видимо, я помешал ему досмотреть какой-то приятный сон.

Тора грустно улыбнулся. Он-то хорошо знал теперь, какие сны видел брат.

– Знаешь, что он мне сегодня сказал? – продолжал глава семейства и внимательно посмотрел на старшего сына.

Тора кое-что действительно слышал из-за стены отцовских апартаментов, когда возвращался от Хирото. Отец произнес: «Я рад, что ты вернулся», – а Юдзо ответил: «Это не твоя заслуга». Но после паузы добавил: «Родителей не выбирают. Но если бы мне вдруг дали выбор, я всё равно выбрал бы тебя и семью, которую ты создал».

Но эту ли сцену имел в виду отец сейчас, когда задал вопрос, Тора не знал.

– Теряюсь в догадках, – отозвался он.

– Он сказал, что вы «вместе росли», – Накадзима обескураженно улыбнулся. – Ты и он. Якобы росли вместе. Признаться, я до сих пор в шоке. Я знаю, что у Юдзо никогда не было друзей. Когда в доме появился Ичиро, Рику переключился на младшего брата, а Юдзо начал страшно ревновать. В школе его не любили за то, что он вечно был недоволен всякими мелочами. Он часто фантазировал в одиночестве с карандашом в руках. Но что на него нашло сейчас?

– Он предложил, спросить у меня? – уточнил Тора.

– Сказал: Тора объяснит лучше. Это что-то из его «ясновидения»?

– Односторонний контакт с миром обакэ через сны. Ясновидение по сути то же самое.

Накадзима прикрыл глаза и вздохнул.

– Односторонний? – переспросил он. – Ты его не ощущал?

– Увы, нет. Бывает, что люди видят нас сквозь призму миров. Сильные личности способны говорить с обакэ. Практикующие оммё-до могут поработить аякаси, они, юреев. Истинные каннуси и мико общаются с ками и передают их голоса людям. Если бы Юдзо хотя бы раз обратился ко мне в своих снах, уверен, я бы услышал, даже будучи котёнком, ведь Юдзо мой единокровный брат. Но он просто наблюдал, не ведая, что заглядывает в мир обакэ.

Отец семейства надолго замолчал. Тора решил уже, что личный разговор окончен, тем более Тоога уже управился с бледно-золотистой шерстью и заканчивал расчесывание хвоста, а Маракайто устанавливал фен, чтобы досушить грудь и живот своего подопечного. Но вдруг Накадзима произнес:

– Снежный Барс отдал сердце своей семье.

Тора круто развернулся на отца, чуть не сбив плечом треножник с феном.

– К чему опять эти сказки? – тихо, дабы скрыть сердитые ноты в голосе, спросил он.

– Это не сказка, сынок. Это оригинальное прочтение древнего пророчества, – глава семейства обворожительно улыбнулся.

– Прочтение, это когда что-то где-то было записано. А легенда об Ирбисе родилась до того, как люди на Алтае научились писать.

Кицунэ поднял палец, увенчанный белым когтем, и хитро погрозил этим пальцем возмущенному сыну.

– Мне сегодня всё популярно объяснили. Со ссылкой на лингвистику, чего не сделала твоя мама. «Отдать сердце». Сначала это буквально поняли обакэ в тибетском ареале, затем в нашем, и так родилась сказка про поедание сердца ками ради получения некой силы и абстрактной власти, – Накадзима оглядел притихших аякаси, покосился на оцепеневшего Маракайто и с улыбкой пояснил. – «Отдать сердце» – это жить и работать в одном пространстве с единомышленниками, творить добро и создавать гармонию вместе с близкими и друзьями.

Маракайто понимающе закивал, но, заметив, что Тора насупился, попридержал комментарии при себе.

– Отец, я не реинкарнация забытого ками, – решительно заявил Тора. – Я Накадзима Тора, твой сын. И эти томоэ на моей шкуре только подтверждают мою родословную. И, кстати, «в оригинальном прочтении» легендарный Ирбис бегал по небу в солнечном ореоле и символизировал зимний солнцеворот.

Глава семейства с хитроющей миной на лице согласно склонил голову.

– Всё верно, Накадзима Тора. Ты мой сын и сын мудрейшей нэкоматы. Но ты не кицунэ. И даже не бакэнэко. Ты – Снежный Барс.

Было без пяти девять вечера, когда Тора в чистых хакама и кимоно, расшитом с претензией на парадность, вышел из домашней бани. Ему ничто не мешало сразу отправиться к отцу в кабинет, тем более голоса Като и Фумы раздавались как раз из рекреации перед отцовскими апартаментами. Но что-то повлекло Тору на второй этаж.

На площадке лестницы он столкнулся с Рику, тоже одетым в парадный традиционный костюм, и уловил из-за приоткрытой двери в коридор едкий запах строительных материалов.

– Пять минут, – предупредил Рику на ходу.

– К себе зайду. Что так воняет?

– Клей, кажется. У Юдзо в комнатах продохнуть не возможно. Не знаю, как он там будет спать.

Тора прошел мимо закрытых дверей первого блока жилых комнат, закрыв нос рукавом. Внутри отремонтированного помещения слышались шорохи и шипение, но он не стал выяснять, кто из аякаси и как занимается проветриванием. Зато уловил присутствие Юдзо в рекреации, оформленной теперь как зал для встреч.

Юдзо спал в кресле перед журнальным столиком. Одет он был в соответствии с «домашним дресс-кодом», как недавно обозвал традиционные одежды Ичиро, то есть был готов к сбору в отцовском кабинете. Но Тора, наклонившись над ним, уловил, что сон вызван не столько усталостью, сколько болезненной реакцией на отвратительный химический запах. И он, не раздумывая, применил от же прием, с помощью которого ночью избавил брата от

алкогольного дурмана. Юдзо во сне облегченно вздохнул. Тора улыбнулся, хотел, было, тронуть спящего за плечо, но тут на бледном лице брата отобразилась гримаса не то страха, не то отвращения, и под закрытыми веками началось активное движение глазных яблок. Он выдал стон и дернулся всем телом. Тора удержал его в кресле. Юдзо рефлекторно вцепился обеими руками в пятнистые предплечья и открыл глаза.

– Как крысы, – выговорил он и тяжело сглотнул.

– Хэнг? Оборотни? – Тора присел перед ним на корточки.

– Нет. Похожи на больших мокрых крыс. Их... туча!

– Где?

Юдзо зажмурился и низко опустил голову.

– Темно. Дождь... Их глаза горят синим... Нет! Это отражение, – Юдзо резко выпрямился.

– В их глазах отражается лисий огонь!

В домашний кабинет главы семейства Тора и Юдзо вошли последними и невольно замерли на пороге, увидав отца восседавшим на краю шикарного стола. Накадзима-старший лукаво усмехнулся, заметив замешательство старших сыновей, и сказал в сторону Ичиро, который, путаясь в огромных штанинах, пытался пристроиться на низком диване.

– Бесхвостым совсем необязательно было надевать хакама, – сообщил он, встал на пол и показал на неприметную дверь между книжными шкафами. – Но раз уж все решили приобщиться к традициям, перейдем в соответствующее помещение.

– Ну, папаша, – процедил Ичиро сквозь зубы.

– Пап, пап! – позвали близнецы в один голос, продолжил Фума: – сделай нам хвосты!

– Каким образом? Предлагается вас переродить? – рассмеялся отец семейства.

– Ну иллюзию хотя бы, – нашелся Като.

– Создавать иллюзии я вас научу, но не сию минуту, разумеется, – пообещал Накадзима и двумя легкими шлепками отправил обоих близнецов в помещение, примыкавшее к кабинету.

Юдзо умышленно пропустил вперед всех и, поравнявшись с отцом, тихо спросил:

– Могу я воспользоваться бумагой и карандашом?

– Пожалуйста, – Накадзима небрежно показал на свой стол.

Тора не обернулся, но кончик хвоста его изогнулся вверх, что означало повышенное напряжение. Отец знак заметил. Юдзо прошел мимо него, глядя в пол. Карандаш и листы отрывного блокнота были упрятаны в рукав кимоно.

Небольшая внутренняя комната без окон с раздвижными дверями вместо двух стен была подготовлена для шестерых гостей и хозяина.

– Я пригласил только вас, взрослых, – сообщил отец, опускаясь в сэйдза на [дзабутон](#) со спинкой и подлокотником.

Като и Фума быстро переглянулись, но радость по поводу первого своего участия в собрании «для взрослых» придержали при себе.

– Ичиро, Юдзо, – будничным тоном продолжал отец, – если вам удобнее сидеть в агура, пожалуйста. Мы все дома!

Ичиро фыркнул в сторону и уселся, скрестив ноги перед собой. Юдзо воспользовался разрешением, но с практической целью – сел так, чтобы локтем в широком рукаве прикрыть бумагу на колене и карандаш в руке.

– Мне бы очень хотелось здесь, прямо сейчас, – начал глава семейства, – объявить нашу окончательную победу над противником, который оказался не просто моим конкурентом в сфере бизнеса, а самым настоящим врагом нашей семьи. Однако, как всякий кицунэ, я осторожен. Потому повременю.

Он покосился на Юдзо, перевел взгляд налево – на Тору, – но не получил от них никаких дополнительных знаков и продолжил прежним тоном.

– Давайте прежде всего объединим нашу информацию о двух прошедших днях. Ичиро, твоя клыкастая ухмылка означает несогласие с предложением или твое мнение о моей осторожности?

Тора улыбнулся. Рику глянул на «клыкастого» брата и сокрушенно качнул головой. Като и Фума, почуяв, что ожидаемого всеми официоза не намечается, позволили себе короткий смешок. Накадзима-старший остался доволен общей реакцией.

– Там, где осторожность не мешает делу, я осторожен, – сообщил он. – А консолидация информации необходима сейчас, в спокойной обстановке, потому что за эмоциями мы могли что-то упустить. Но прежде всего хочу сказать вам, дорогие мои сыновья: спасибо. То, что мы сейчас здесь все вместе, целые и невредимые – заслуга ваша: всех и каждого.

Като и Фума опустили взгляды в пол.

– Мне очень жаль, – отец мельком глянул на обоих, – что не обошлось без фатальных потерь. Гибель Симады – это ужасная трагедия. Он был надежным товарищем, прекрасным водителем, чутким воспитателем и замечательным человеком. Като, Фума, и вашим другом, не так ли?

Близнецы кинули.

– Мне очень жаль, – повторил Накадзима. – Я позабочусь о его дочери и новорожденном внуке, однако я не в силах вернуть к жизни человека. Человеческие судьбы неприкосновенны для любого ёкая. Прошу вас, помните это всегда. И никогда не призывайте дух погибшего, даже если это был самый дорогой для вас человек. Пусть душа покоится в мире.

Он выдержал паузу, поглядывая на близнецов, и, когда убедился, что младшие из всех присутствующих мужественно держат себя в руках, продолжал.

– Гражданская панихида пройдет завтра в полдень. Однако в гробу будет иллюзия. Тело уже кремировано. Это сделано только ради того, чтобы наши недруги не смогли поработить дух погибшего.

Задвигались все, кроме Рику.

– Была попытка захвата на месте аварии, – пояснил он.

– И где тот, кто попробовал это сделать? – Ичиро развернулся на брата всем корпусом.

– Пока в ступоре, – Рику поднял взгляд на отца.

– Уже за решеткой, – сообщил Накадзима-старший. – К сожалению, он единственный, кого удалось арестовать на данный момент. Я перескажу события в хронологической последовательности, а от вас жду комментариев и вопросов.

Глава семейства кратко поведал сыновьям о борьбе за договор о поставках против конкурирующей корпорации. Вскользь упомянул, что пользу от заключения этого договора получили в первую очередь поставщики – небольшая русская фармацевтическая компания, под личиной которой работают для людей русские обакэ. А затем сообщил, что именно новые друзья, узнав о вчерашних ловушках и о сегодняшнем покушении на младших Накадзима, по своим каналам помогли быстро отыскать клуб «борцов с нечистью», который организовал человек, владеющий практическими навыками оммё-до.

– Человек? – переспросил Тора, воспользовавшись ранее заданной установкой задавать вопросы.

– Пока никто из нас не познакомился с ним лично, будем считать, что это человек, – ответил Накадзима-старший. – Однако и у меня, и у Инукаи, и у Киры, и у наших русских друзей имеются серьезные сомнения по поводу его родословной. Господин Ворукофу...

– Волков, – улыбнулся Тора.

– Ох, эти непривычные звуки в их речи, – Накадзима извинительно развел руками. – Кстати, господин Вол-ков хорошо знает тебя, Тора.

– Стас, что ли? – Тора от неожиданности приподнялся. – Станислав?

– Он представился именно так, – быстро ответил отец, а для остальных сыновей пояснил.

– Русский оками. Но мне поначалу казалось, что он медведь.

– Русские волки крупнее наших, – вставил Тора. – Что он сказал про оммёдзи?

– Он задал интересный вопрос из опыта прошлых встреч с колдуном, подозрительно похожим на нашего противника: где нынче те, кого мадзоку посчитали отбракованными?

– И еще дал понять, – встрял Ичиро, – что таких, как я, родители-немадзоку обычно к себе не забирают.

– А тебе, телохранитель, не следовало вслушиваться в разговоры, – назидательно заметил Накадзима-старший, но при этом хитро прищурился.

– И что, погордиться за «любящего отца», тоже не следовало? – Ичиро усмехнулся и добавил. – Про хоньё, кажется, говорили.

– Вспомнили классическую версию жизнеописания легендарного оммёдзи Абэ-но Сэймэя, – пояснил Накадзима. – Якобы, он был сыном человека и женщины-кицунэ. Но бессмысленно спорить о личности, на сегодняшний день не существующей ни среди людей, ни среди обакэ. Инукаи видел арестованного и определил, что духа хэнгэ возле него нет. Кроме того еще ранее мои осведомители подчеркивали, что конкуренты поддерживают связь с миром обакэ не с помощью аякаси, а как-то иначе.

– Удалось перекрыть их каналы? – задал вопрос Рику.

– Увы, нет. Но Вору... Хм. Вол-ков имеет прямую связь со своим ареалом и с наблюдателями в Пограничье. Информацию уже распространили. Идет работа над специальным заклинанием печати. У русских обакэ это называется... «акова».

– «Оковы», – поправил Тора.

– Следующий раз переводчиком я возьму тебя, – походя откликнулся Накадзима и возобновил свой рассказ.

Заявленная «хронологическая последовательность» соблюдалась вплоть до вчерашнего вечера. Затем заговорил Рику и «последовательность» опять завернула на 14:05 вчерашнего дня.

– Рику, – подал голос Като, когда тот сделал паузу в чеканке фактов по теме обрушения виадука. – А попроще можно?

Фума задал более конкретный вопрос:

– Сикигами рубанул опоры или их взрывом снесло?

– Установлено, что взрывчатка, следы которой обнаружили на месте происшествия, не могла вызвать столь масштабные разрушения, – повторил Рику.

– Короче, взрыв для отвода глаз, а поработал сикигами, – подытожил Ичиро.

– Официально, разумеется, такая версия не пройдет, – Рику оглядел собрание и задержал взгляд на Юдзо, занятом рисунком. – Но я готов констатировать еще один неприятный для нас факт: время акции было рассчитано так, чтобы машина отца оказалась под обломками. И машина оказалась бы там, если бы не звонок Юдзо.

В наступившей тишине хрустнул карандаш.

Накадзима-старший повернулся в сторону сына.

– Прости, что не перезвонил тебе.

– Я уже сказал: я всё понял и не в обиде, – отозвался Юдзо сжатым голосом.

– Чего ты там черкаешь? – Ичиро приподнялся со своего дзабутона. – Давай карандаш, заточу.

Юдзо поднял изумленный взгляд. Ичиро показал свои внушительные когти. Юдзо передал ему свой инструмент.

– Теперь сегодняшний день, – объявил Накадзима-старший.

Тора облегченно вздохнул: ночные события отец решил не выносить на всеобщее обсуждение, хотя наверняка знал от Акиямы, каким образом Тора рванул на звонок брата и в каком состоянии Юдзо привезли в поместье.

– Я разговаривал с Маракайто, – отец извинительно посмотрел на Тору. – И, честно говоря, не понял, из каких соображений ты послал его проверять почтовую корреспонденцию.

– Это я предположил, что иероглиф начертан в письме, – вставил Юдзо.

– И что про чистую бумагу? – уточнил отец.

– В единственном конверте, вызвавшем у Маракайто подозрения, лежал чистый лист.

– Юдзо, а тебе не показалось, – Накадзима задумчиво обвел взглядом потолок, – что Маракайто сам нечаянно очистил письмо?

– Не знаю, что мне показалось, – Юдзо взял у Ичиро заточенный карандаш, молча кивнул в знак благодарности, и вернулся к рисованию.

Отец слегка вытянул шею, но результат графических трудов сына не увидел.

– Это к разговору о планах, – обронил Юдзо, не оглядываясь.

– Отец, почему ты спросил про очищение? – вмешался Тора.

– Дело в том, что в последние две недели, как раз когда я и мой здешний партнер готовили договор, в дом на мое имя несколько раз приходили письма с чистыми листами бумаги в конвертах. Настолько чистыми, что мне не удалось уловить ни толики запаха того, кто прикасался к бумаге.

– Мара тогда работал курьером, – Тора выпрямился.

– Именно. Думаю, он, сам того не желая, вычищал черную ауру, ибо с первого же дня влюбился в этот дом. Но теперь мы не знаем, что нам хотели сказать.

– Гадости какие-нибудь, – вставил Като.

– Не сомневаюсь, что приятных слов там не было.

– Там вообще не было слов, – вдруг сказал Юдзо. – Они подсовывали сюда сикигами.

Образовалась неуютная пауза.

– Ай-да Маракайто! Какая силища! – воскликнул глава семейства.

– И такая же безалаберность, – вставил Рику. – Все улики подчистую можно было и не уничтожать.

– Я распоряжусь, чтобы завтра корреспонденцию сложили во дворе под специальным барьером, – сказал глава Дома. – Посмотрим, не объявятся ли наши непримиримые «борцы со злом». Тора, каково твое мнение о сикигами и его хозяине?

– Сикигами – мертвый *они*, дух которого поместили в до-мару, – заговорил Тора. – До-мару создан силами оммёдзи. Это сильная комбинированная магия. Возможно, с применением некромантии центральных ареалов.

– Значит, мадзоку? – нахмурился Накадзима-старший.

– Не буду утверждать. Про некромантов только слышал. И я не могу объяснить поспешное бегство противника при приближении Маракайто с его очистительным жезлом.

– Кроме Маракайто на шоссе помчалась волчица, – вставил Юдзо.

– Го-сан, стажер отряда охраны, в человеческом обличье она мужчина, – пояснил Тора для несведущих. – Она разнюхала машину и тех троих, кто в ней находился. Сора получил эту информацию. Стая местных оками патрулирует гору.

– Двадцать два года эти земли принадлежат нашей семье, – заговорил кицунэ. – Всё это время мы были в прекрасных отношениях с местными оками. Но только сейчас стая избрала члена семьи своим покровителем.

Он с гордостью посмотрел на старшего сына.

– Ничего удивительного после такого землетрясения! – высказался Фума за себя и близнеца.

– Я перестарался с атакой, – признался Тора.

– Зато всем показал, кто есть кто, – Ичиро подмигнул брату.

– Нет. Я лишь показал врагам козырную карту, – Тора покачал головой. – И это была ошибка.

– Оммёдзи сбежал от тебя, а не от Мары, – Юдзо наклонился вперед, чтобы видеть брата, ибо между ними сидел отец.

– Возможно. Но не сбежал – отступил.

Накадзима-старший многозначительно прищурился.

– Я организовал мнение в определенных кругах так, что теперь любые нападки на любого из нашей семьи грязным пятном лягут на репутацию большой популярной корпорации. По агентурным данным от услуг таинственных колдунов там уже отказались. Полчаса назад наши специалисты обработали сайт, на котором встречались члены клуба. Теперь вся информация отслеживается. На грандиозные открытия рассчитывать не приходится – интернет есть интернет. Но данные изучают заинтересованные лица у нас, в России и параллельно в мире обакэ. Есть версия, что наш сегодняшний противник и колдун, насаливший русскому и китайскому ареалам несколько лет назад, одно и то же лицо. Господин Вол-ков и его помощники вылетели на Родину досрочно как раз в связи с нашим вопросом. Известий от них я жду утром.

Юдзо и Тора опять переглянулись, и Юдзо положил на татами перед отцом свой рисунок – лупоглазое существо с внушительными зубами в грубой крысиной шкуре на двух ногах с очень длинными руками, похожими на крысиные хвосты.

– Это еще что такое? – кицунэ невольно поморщился.

– Не знакомо? – спросил Тора.

– К счастью, нет.

– К несчастью, – Юдзо отвернулся. – Значит, это из будущего.

– Когда? Где? – Накадзима-старший пересел так, чтобы оказаться в пол-оборота к сыну.

– Без понятия, – Юдзо судорожно провел ладонью по лбу и тихо добавил. – Но не сегодня. Сегодня небо ясное. А эти будут ночью под дождем.

– Дождь пойдет завтра к полудню, – вставил Тора.

Като и Фума дружно взялись за свои мобильники.

– В прогнозе – к вечеру, – Като управился с запросом первым.

– К полудню, к полудню, – отмахнулся кицунэ и демонстративно передернул ушами. – Собственному прогнозу нужно верить, а не интернету.

– Это крысы? – Рику подался вперед, чтобы разглядеть рисунок, но Юдзо сам подтолкнул к нему лист.

Глава семейства озадаченно почесал пальцем подбородок и покосился на Тору.

– Не видел таких никогда, – ответил тот на вопросительный взгляд.

– Опять сикигами, что ли? – Ичиро полюбовался на «портрет» отвратительного создания и передвинул лист дальше по кругу – близнецам.

– Фу-у, какая гадость, – протянул Фума; Като молча передернулся.

Тора забрал рисунок у близнецов и положил перед отцом.

– Я покажу это нашим друзьями здесь, в поместье, – сказал глава семейства. – Юдзо, не возражаешь?

– Не возражаю, разумеется. Скажи заодно, что этих тварей очень много.

– Колония, – подсказал Тора.

– Не стая? – нахмурился кицунэ.

– Это не хэнгэ, и даже не аякаси, – Тора внимательно смотрел на рисунок. – Может быть химеры или что-то вроде големов.

– Мы вновь вернулись к неким искусственным порождениям, то есть к оммёдзи, – подытожил Накадзима-старший. – Если он и есть старый знакомый наших русских компаньонов, то это фанатик из фанатиков без каких-либо зачатков морали, и он действительно не сбежал. А лишь отступил. Он знает, что Накадзима – это семейство хэнгэ-кицунэ, но до сегодняшнего дня он не знал о Торе. И до сих пор не знает о мадзоку, – отец

посмотрел на Рику и Ичиро.

– Если он сам мадзоку, то мог меня почуять, – Рику отвел взгляд.

– Каким образом? – удивился Накадзима.

– Я загнал в ступор его подручного, когда тот под видом журналиста пытался сфотографировать тело Симеды, – напомнил Рику и добавил, будто неохотно. – А вчера весь вечер я пользовался телепатией.

Ичиро кивнул в знак подтверждения.

– Опасно играем, мальчики, – заметил отец и повернулся к близнецам.

– Сикигами заметил рэйко-кицунэ, а значит и оммёдзи теперь о них знает, – сообщил Тора.

– Но мы же там ничего не делали, – возразил Като.

– А когда Симеду... – Фума осекся, но продолжил. – Сикигами рядом не было.

– Днище авто кто прожог? – напомнил Рику.

– Таким образом, единственный, кто остался в тени для нашего недруга, это Юдзо, – Накадзима скрестил руки на груди. – И есть шанс, что он не ведаёт о способностях Ичиро. Всех инугами, полагаю, уже пересчитали по головам, а силу наших тануки определили по качеству внешнего барьера. Деятельность Наканиси Киры как спеца по информационной безопасности на виду для любого, кто хоть что-то смыслит в этом деле. И очень неудачно засветился наш светоч Огава Маракайто – вчерашнее очищение дороги еще можно было списать на случайность, но сегодняшнее его выступление с жезлом, увы, нет.

Тора вздохнул. Юдзо отвернулся. Рику опустил голову. Ичиро принялся разглядывать свои когти. Като и Фума уставились в пол.

– Мальчики, не берите на свой счет, – отец улыбнулся. – Мы вместе, и это самое главное. Осталось два вопроса, по которым мне нужен ваш совет.

Все шестеро дружно вскинулись на отца.

– Во-первых, завтрашняя панихида, – Накадзима в свою очередь оглядел сыновей, выдержал паузу и подытожил. – Я вижу, все намерены ехать. Однако наш противник еще не обезврежен.

– Порублю всех этих зомби-крыс на фарш! – выплеснул Ичиро.

Отец поднял руку, мол, успокойся.

– Зомби-крысы назначены на ночь, – спокойно пояснил он. – Речь идет о слежке.

– Закрою нас аурой бакэнэко, – вставил Тора.

Рука отца в жесте «стоп» переориентировалась в его сторону.

– Мы не будем подавать виду, что предполагаем какую-то атаку. Поэтому ни кошачьей ауры, ни магических мечей, ни вообще каких-либо признаков особо внимания быть не должно.

– Выставляемся на витрину, – заметил Рику.

– Твои предложения?

– Задействую мою сыскную команду.

– Это люди, Рику, – Накадзима нахмурился. – Ты намерен рисковать людьми?

– Для них я пока еще человек, это во-первых. Во-вторых, мы работали и в более неудобных условиях.

– И сколько пуль при этом ты словил один за всех? – вырвалось у Ичиро.

Рику сердито глянул на него. Накадзима-старший вызывающе уперся рукой в колено.

– Это к делу не относится, отец, – заявил Рику.

– Хорошо, об этом потом. Но «потом» лишь потому, что теперь я знаю: такая мелочь как пули для тебя не проблема.

– Абсолютно не проблема.

– Действуй, как считаешь нужным, Рику. Но чтоб ни один человек не пострадал, – строго предупредил глава семейства.

Рику кивнул, как поклонился.

– Отец, что будем делать для людей, которые работают в доме? – спросил Тора.

– Это мой второй вопрос, – Накадзима подавил тяжелый вздох. – Завтра – суббота. График выходных дней для персонала скользящий, но я мог бы найти предлог, чтобы отправить на отдых большую часть. Однако таким образом люди останутся без какой-либо защиты. А со стороны «борцов с нечистью» возможны провокации.

– Сегодня люди уже видели и слышали много непривычного, – заговорил Юдзо. – Не проще ли, наконец, объяснить, где они работают и на кого работают?

– И обеспечить повальный шок? – усмехнулся Ичиро.

– Представьте физию нашего супер-интеллектуального повара, – вставил Фума.

– Когда он узнает, что пятнадцать лет занимался диетологией для кицунэ, – подхватил Като.

– Сотрудники пункта контроля не испугались аякаси, – обронил Юдзо.

– А садовник и его супруга, как мне рассказали, с большим удовольствием слушали песни наших карпов, – сообщил Накадзима-старший.

– Я слышал, как Маракайто инициировал разговор о чудесной атмосфере дома, – сказал Рику. – Ему вторили многие. Из числа давних сотрудников.

– Это была моя инициатива, – признался глава семейства. – Огава Маракайто с радостью согласился мне помочь. И попросил не прятать под барьер семейное святилище.

– То-то в парке весь вечер паломничество! – воскликнул близнецы; продолжил Като. – Он вчера и нас, и всех тануки туда привел. Когда ты на заседании был, пап.

– Чего еще за святилище? – удивился Ичиро.

– Ну ты, с луны упавший! – Фума с удовольствием отметил неосведомленность старшего брата.

– Вы сами лишь вчера о нем узнали, – Юдзо строго глянул на близнецов.

– Можно подумать, ты видел! – не сдался Като.

– Видел.

Отец изумленно посмотрел на Юдзо, комментарий не дождался и обернулся на Тору. Тот улыбнулся. Накадзима-старший выдохнул что-то вроде «ага» и выпрямился.

– Итак, кто за то, чтобы снять маски перед людьми, которые много лет работают в этом доме?

Като и Фума напряженно переглянулись, зеркально-симметрично почесали затылки и подняли руки – один левую, другой – правую.

– Я – за, – сказал Тора.

– Поддерживаю, – кивнул Юдзо.

– Ладно. Посмотрим, что получится! – Ичиро поднял руку.

– Отец, выступать будешь ты, – поднял руку Рику.

– Разумеется, выступать буду я, – Накадзима поднял обе руки. – Но в вашем присутствии.

– Пап, – неуверенно позвал Фума. – А нам что, обернуться можно будет?

Отец совершенно естественно вздрогнул.

– Ни в коем случае!

Строительный запах почти выветрился из отремонтированного помещения, но Тора позвал Юдзо к себе, чтобы обеспечить брату полноценный отдых в тишине и спокойствии кошачьей ауры. Юдзо понял подоплеку предложения и вскользь заметил, что в таком состоянии, как сейчас, он не увидит ни одного сна. Тора лишь пожал плечами и ответил: зато выспишься. Юдзо вырубился моментально, лишь опустив голову на подушку. Тора некоторое время прислушивался к его дыханию и сквозь темноту краем глаза наблюдал за выражением лица спящего, однако признаков ярких сновидений не заметил и, обернувшись в зооморфную

форму, уснул сам. Среди ночи он проснулся всего один раз, когда ему показалось, что он придавил брата лапой. Юдзо действительно спросонья прижался к торсу гигантского бакэнэко, но накрывшая его лапища неудобств ему не доставила. А возле опустевшей подушки Тора заметил маленькую белую лисичку. Лисичка глянула на огромного кота ярким желтым глазом и вновь свернулась уютным калачиком под своим фантомным хвостом.

Эпизод 22. Разгадать стратегию врага

Сквозь утреннюю дрему Тора слышал шаги и чувствовал, что в спальню просочился тусклый дневной свет. Вскнувший мобильник кто-то моментально заткнул, затем раздался приглушенный голос брата в дальнем конце гостиной: «Спит. Еще есть время, не нужно будить». Тора машинально протянул руку к своему аппарату, оставленному на полу, но мобильного не нащупал. Сел, сонно огляделся, обнаружил, что обернулся в антропоморфную форму спонтанно и, видимо, только под утро, и тут догадался поднять взгляд на часы. 10:07. Дрёма мигом улетучилась.

– Юдзо! – позвал он в приоткрытые сѐдзи.

– С добрым утром. Твой мобильник у меня, – Юдзо раздвинул двери и присел перед Торой. – Ты как?

– Выдыхая, – Тора смущенно улыбнулся. – А ты?

– Тоже. Мне показалось, или ты ночью был барсом?

– М?.. А, зооморфная форма. Я теперь чередую, чтобы оба тела чувствовать одинаково. Не помешал тебе оборотами?

– Шутишь? – Юдзо улыбнулся. – Не помню, когда я последний раз спал так крепко, как сегодня.

– Кто звонил?

– Маракайто. Дважды. Полчаса назад испугался, что проспал. Сейчас спрашивал, когда костюм принести.

Тора тяжело вздохнул – надевать траурные костюмы ему еще не приходилось.

– Это просто нужно один раз пережить, – Юдзо тронул его за плечо.

– Понимаю. Я знал Симаду всего неделю. Но всё равно...

– Я с ним не общался девять лет, а на днях позвонил. Представляешь, решил извиниться спустя девять лет. Я был не прав. Он знал, что станет предателем в моих глазах, но сделал это ради меня. Он обязан был сказать отцу, куда я уехал, потому что это нужно было мне. Он это понимал, а я нет.

Тора догадался, что Юдзо сейчас говорит о побеге из дома со своей невестой.

После короткой паузы Юдзо продолжил:

– Я давно осознал, что не прав. Но только теперь позвонил. А он, оказывается, не держал на меня ни зла, ни обиды. Обрадовался звонку. Почти час разговаривали. Он и про тебя много успел рассказать. А у меня хоть бы что-то шевельнулось. Ведь общался с ним в последний раз!

– Судьба человека неприкосновенна.

– Значит, это было неизбежно, – согласился Юдзо, глубоко вздохнул и внимательно посмотрел на Тору. – В человеческом виде физиономию будешь менять?

Тора откровенно удивился.

– Нет. А что?

– Тогда бриться пора, – Юдзо улыбнулся.

Тора приложил к щекам обе ладони и даже сквозь грубую кожу почувствовал жесткие щетинки, густо проросшие на лице.

- Белые? – осторожно спросил он; это было проще, чем вскакивать к зеркалу, висевшему в нише возле входа в душевую.
- С пятнами, как кошачьем лице.
- Ух ты, – теперь Тора вскочил.
- Я посмотрел, электробритвы у тебя тут нет, – сообщил Юдзо. – Станком пользоваться умеешь?
- Да я и бритвой не умею, – признался Тора, тревожно разглядывая себя в зеркало.
- Не велика наука. Покажу.

Траурная церемония проходила с соблюдением всех общепринятых норм в присутствии большого количества гостей – друзей покойного и его давно почившей супруги, хороших знакомых, коллег, соседей. Однако из близких присутствовала только дочь – молодая приятная женщина, очень похожая на отца. Во избежание непредвиденных случайностей глава Дома по настоянию Акиямы в последний момент распорядился не открывать гроб вообще и никаких магических иллюзий не демонстрировать. Дочь Симеды поставили в известность о необходимости срочной кремации еще вчера и позволили проститься с телом отца. Женщина восприняла туманные пояснения совершенно спокойно и сказала: «Отец верил в друзей, в семью и в свою работу. А я верю, что всё, сделанное для него теперь, к лучшему».

Глава Дома и его сыновья сидели в числе почетных гостей молчаливой сплоченной группой. Однако общий их настрой не соответствовал моменту. Тора всячески старался призвать в первые ряды мысли о погибшем, но мысли шныряли между фактами, всплывшими утром перед выездом на мероприятие, и к настоящему моменту возвращаться не желали. То же самое он ощущал и со стороны отца, и со стороны братьев. Только у Като и Фумы время от времени срывалось дыхание, когда взгляд одного из них касался большого фотопортрета с черной траурной лентой, установленного перед гробом, покрытым цветами.

Церемония закончилась под дождем, обещавшим растянуться на сутки. Охранники открыли зонты над отцом и сыновьями Накадзима, и так фактически отметили их в молчаливой колонне черных костюмов. Тора рефлекторно напрягся, Инукаи, шедший справа от босса, причину реакции бакэнэко понял, но секундной угрозы не было, поэтому специальных указаний охрана не получила. Водители из числа сотрудников Дома подали машины. Кто-то из инугами подогнал машину Ичиро. Рику оставил свой автомобиль в домашнем гараже, поэтому сейчас, распрощавшись с товарищем по сыскной работе, пошел к машине брата.

Тора умышленно замешкался. Ему сейчас самая статья была присоединиться к Рику и Ичиро, чтобы без помех внимательно рассмотреть цифровые фотографии находок, вызвавших внеплановую задержку выезда на церемонию. Но отец взглядом показал старшему сыну на свой лимузин, а специально для Юдзо кивнул на второй автомобиль. Юдзо взял за плечи Като и Фуму и повел обоих к машине, опередив охранника с зонтом.

Вдруг Тора почувствовал, что на близнецов кто-то обратил пристальное внимание. Он живо вышел из-под зонта, сделал знак своему номинальному телохранителю оставаться на месте и быстро огляделся. Инугами в оцеплении моментально наострились на потенциального злоумышленника, ибо теперь, после совместных тренировок, научились расшифровывать кошачьи сигналы. Оглянулся Юдзо. Застыл перед открытой дверцей машины Ичиро, не успевший сесть за руль. Накадзима-старший вопросительно посмотрел на Тору. Тот качнул головой, мол, пока ничего, и тут заметил на перекрестке пестрый зонтик, задранный так, что прикрывал лишь затылок и спину владелицы. А юная владелица, удерживая зонт подбородком и плечом, что-то торопливо разыскивала в сумочке.

«Тора, в чем дело?» – пробился в сознание «голос» Рику.

«Отбой. Одноклассница. По-моему, достает мобильник. Наверное, решила сфотографировать нас полным составом».

«Это же подружка старосты!» – встрял один из близнецов посредством контакта сознаний.

«Из школьного клуба журналистов как и ваш неприятель?» – осведомился Рику.

«Не. Она нормальная девчонка. Только деятельная не в меру».

«Не нужно ее задерживать, – предупредил Тора. – Рику, можешь аккуратненько сделать так, чтобы она мобильник уронила?.. Во, отлично. Като, Фума, в машину. Юдзо, отвернись от нее. Ичиро, убери клыки!»

Накадзима-старший с интересом наблюдал за круговым контактом сознаний, до сих пор считавшимся пригодным только для диалогов.

«Для меня указания будут?» – осведомился он, но его «голос» услышал только адресат, то есть Тора.

«Прости, отец», – Тора вернулся под зонт охранника.

«Прощать меня тебя не за что, – заметил глава семейства, усаживаясь на заднее сидение. – Но освоить ваш братский способ общения мне необходимо, хотя бы на сегодня».

«Это как-то само собой получается, – Тора пошел левой задней дверце шикарного авто. – Я даже не знаю, что это. То ли у Рику перехватили, то ли у Като и Фумы. Отец, мне обязательно ехать именно в этой машине?»

«Здесь тебе будет удобнее».

Тора послушно сел в лимузин.

Накадзима сделал знак Инукаи, занявшему переднее пассажирское сидение, не поднимать стеклянную перегородку между водительским местом и пассажирской секцией. Секретарь понимающе кивнул, а глава Дома обратился к шоферу.

– Ямато-кун, ты не передумал? Погода не радует, но это не отменяет выходные дни.

– Не передумал, босс, – с улыбкой ответил шофер. – Даже если мне уготована та же судьба, что и Симаде, я не убегу, кто бы такой «особенный» вам ни угрожал.

– Ну а если, – Накадзима сделал паузу, собираясь с духом. – Если я тебе скажу, что угрожают мне не люди, потому что я – не человек?

Шофер рассмеялся и обернулся к пассажирам.

– Босс, а я тщеславный. Я давно понял, что вожу ками, – заявил он.

Тора живо глянул на отца. Тот не удержал мимику, и челюсть его на несколько секунд осталась приоткрытой. Такое же огорошенное выражение застыло на лице Инукаи.

– Ты пошутил, Ямато-кун? – Накадзима быстро взял себя в руки.

– А вы, босс? – тем же неопределенным тоном откликнулся водитель.

Тора «присмотрелся» к человеку своими ёкайскими методами. Результаты агитационной работы Маракайто были заметны, но посеянные зерна легли в давно готовую для них почву.

«Я нанял Ямато, когда создал свою первую фирму, – беззвучно пояснил отец Торе. – Ему было чуть больше двадцати, я держал образ тридцатилетнего мужчины. С тех пор Ямато мой личный шофер. Лет десять назад он сказал мне: босс, вы как настоящий ками – с годами не стареете, а молодеете. Я стал подыгрывать старению на лице, но, кажется, ни Ямато, ни другие мои давние товарищи, это не заметили».

Тора хорошо помнил свое первое впечатление о странном господине, забредшем в кафе, и следующую встречу в офисе. Яркая седина – это было единственное, что заставляло думать о нем, как о человеке «в возрасте», сколько бы морщин он при этом себе не «пририсовал».

«Твой человеческий облик неизменен, отец, – ответил Тора. – А иллюзиями ты не обманешь тех, кто тебя хорошо знает».

«После того, как твоя мама популярно объяснила мне, зачем растила тебя с детского возраста в человеческом обличье, я понял, как устроена природа пришлых обакэ в людском мире. Тора, я вижу, ты сегодня впервые брился».

«Да, и..?» – насторожился Тора, ибо ощущение сожаления исходило от отца слишком явственно.

«Я опять опоздал. Хотел собственноручно приобщить тебя к ежеутреннему мужскому обряду».

«Прости, отец. Я не знал, что это так важно для тебя. Мне Юдзо помог сегодня утром».

«Юдзо? О, тогда не буду сожалеть. Он с детства стремился о ком-то заботиться, но от братьев получал в ответ лишь лавину презрения. А к Като, Фуме и Хирото я не подпустил его по собственной глупости...»

– Тора, Юдзо рассказал тебе, о чем мы с ним вчера договорились? – Накадзима перешел на устное общение.

– Нет.

– Странно. Мне показалось, вы вечером уединились, чтобы как раз это и обсудить.

– Мы вырубались сразу после ужина, – Тора виновато улыбнулся. – И всю ночь проспали, как два бревна.

Отец негромко рассмеялся.

– Рад, что вы хорошо отдохнули. Юдзо возвращается в Дом. Я предложил ему совместный проект с твоим участием на будущее по теме, которая тебе интересна. Он не раздумывая согласился. По специальности он не работал ни дня, хоть я его и заставил закончить университет, но за опытом дело не станет – натаסקаю за пару лет. Подробности обсудим потом. После того как решим нашу общую неприятную проблему зомби-крыс.

Инукаи через плечо покосился на босса. Тора тоже посмотрел на отца несколько озадаченно, ибо никто на данный момент не дал однозначную характеристику находке, сделанной командой Рику. И не было никакой уверенности в том, что «крысиный мор» на подземных станциях токийского метро, о котором стало известно утром, как-то связан с деятельностью оммёдзи и его подручных.

– Новые данные, босс? – спросил Инукаи.

– Моя интуиция. Рику только что передал в нашу сеть фотографии. Инукаи, выведи, пожалуйста, нам сюда монитор.

Тора вздрогнул, когда в широкое пространство между пассажирскими сидениями лимузина опустился плазменный экран вроде телевизионного.

– Здесь удобнее смотреть, чем с ноутбука и тем более с мобильного, – Накадзима выразительно прищурился и достал из специальной ниши аппарата пульт дистанционного управления.

Фотографии дохлых изуродованных крыс, сделанные в максимальном разрешении, к приятному времяпрепровождению не располагали. Но Тора предельно внимательно разглядывал все зафиксированные детали на каждом из трех десятков кадров.

– Что скажет кошачья экспертиза? – не дождавшись комментариев, спросил глава семейства.

– Это не естественный мор, – медленно произнес Тора. – И не результат травли. Есть ли какая-нибудь схема привязки инцидентов к местности?

– Инукаи? – позвал Накадзима.

– Три минуты, и будет сделано, – секретарь взялся за телефон.

А глава семейства внимательно посмотрел на старшего сына.

– Отец, я не знаю магию некромантов, – негромко ответил на его взгляд Тора. – Всё, что я могу констатировать по этим фото – неестественность гибели животных. Посмотри сам. У всех крыс абсолютно одинаковое оцепенение на мордах и неестественно выпученные глаза.

– Рику заметил только глаза, – вставил отец. – Инукаи, что там?

– Звонок. С запада.

– М? – кичунэ нахмурился. – Мне показалось, мы всё обсудили утром. Тора, готов

поработать переводчиком?

– Без проблем.

Отец кивнул и взял у секретаря телефон. Торе была выдана вторая трубка.

Взаимные приветствия на английском языке Тора переводить не стал, так как понял, что отец владеет английским в совершенстве. Затем Накадзима произнес: здесь рядом со мной мой сын. Уточнения, какой именно сын, не потребовались. Тора услышал несколько исключительно русских междометий, сказанных в сторону, и предложение по-английски перейти на «частный стиль». Кицунэ немедленно согласился и сообщил, что передает трубку сыну.

– Накадзима Тора, слушаю, – сиюсь скрывать волнение, сквозившее в голосе, объявил Тора по-русски.

– Ну что, котяра пятнистая, прибился к родному берегу? – раздался в ответ знакомый голос.

– Привет, Стас, – Тора закусил губу, дабы не сверкать счастливой физиономией.

– Сиять тебе не пересиять над страной восходящего солнца тысячу лет!

– Так это ты отца просветил по поводу?

– Дык, такой случай представился! Батяка твой, как заранее чуял, куда мосты наводить. Спасибо ему огромное передай. От всех нас, кто здесь, и кто по ту сторону.

– Отец, тебе передают «большое спасибо» за наведенные мосты дружбы, – сказал Тора по-японски.

– Ты там свободно говоришь, да? – уточнил собеседник. – Хорошо, что я на тебя попал. Тут головы ломали, как языковой барьер перескочить. Транслировать будут через меня. После на связь не выйдем до получения какого-то результата. Удачи тебе и всему семейству. Держим за вас кулаки.

Тора мигом сосредоточился. Речь шла о решении, принятом отцом сегодня рано утром: Накадзима-старший предложил выставить Дом на роль подсадной утки и тем самым обеспечить проведение операции по обезвреживанию опасного колдуна.

– Тридцать секунд. Шифрованный канал. Мотай на все усы, – закончил русский волк.

Глава клана назначил расширенное совещание в зале первого этажа «левого крыла». Тора успел лишь забежать к себе, чтобы переодеться. Однако не один он сменил костюм. Отец вышел к собравшимся в своем излюбленном синем кимоно и белых хакама. Близнецы напялили школьную форму, лишь бы не ходить в траурных одеяниях. Из тех же соображений переоделись Юдзо, Рику и Ичиро. Хирото пришел в сопровождении своей няни – старшей дочери Акиямы – и разместился у стены, где расселись приглашенные тануки.

Маракайто в старом дедушкином кагирину чувствовал себя неловко в одном ряду с подтянутыми инугами, но глава Дома специально пригласил его занять дзабутон позади Торы, то есть расположиться на такой же позиции, как Инукаи относительно своего господина.

Наканиси Кира пришла в своей обычной мужской офисной «тройке», но села в женской сэйдза рядом с капитаном Моритой и Дэнбеем.

Тоога, никогда доселе не участвовавший в подобных сборищах, пристроился возле выхода, но Акияма предложил ему разместиться подле себя.

Беспрецедентным новшеством в традиционном собрании стало появление двух человек из числа подчиненных Киры. Без какой-либо специфической реакции на многочисленные уши, хвосты и прочие элементы нечеловеческих обликов они молча установили на штатив большой плазменный монитор, разложили на татами ноутбуки и остались сидеть у стены в ожидании распоряжений.

– Позднее я приглашу сюда все сотрудников-людей, – спокойно сообщил глава Дома в

сторону оцепеневших от неожиданности представителей семейства тануки. – Сейчас я собрал всех вас здесь, чтобы мы вместе обсудили тактику предстоящей нам битвы. Нам доподлинно известно о готовящейся атаке на этот дом. Наш противник – некромант-полукровка, выходец из центрального ареала мира обакэ, прижившийся в человеческом мире. Его практические навыки оммё-до за последние годы возросли настолько, что угроза нависла над балансом бытия. Неуловимый для мира обакэ он уязвим здесь, среди людей. Поэтому сегодня утром я предложил нашим друзьям в Пограничье провести операцию по захвату негодяя на нашей территории. Наша задача в первую очередь обеспечить безопасность всех, кто живет и работает в этом доме. Оммёдзи начнет атаку сегодня по темноте. Его фанатичная цель – уничтожить всех нас, аякаси, живущих в человеческом мире. Ради достижения этой цели он готов на всё. Нам известно, что у него есть единомышленники и помощники среди людей и что по крайней мере трое таковых работают вместе с ним непосредственно. Одного из них удалось задержать вчера. При нем была фотокамера с магической печатью и заклинанием порабощения духа погибшего человека. Наши друзья-обакэ, уже имевшие дело с фанатиком-некромантом, поделились своей информацией: силы оммёдзи огромны, а методы комбинированной магии беспрецедентны, однако в этих методах есть одна безусловная уязвимость – он концентрирует свои силы внутри сикигами. И именно эту уязвимость планируется использовать сегодня. Нам передано заклинание портала, созданное магами нашего, китайского и русского ареалов при посредничестве команды западного Пограничья. Мы должны загнать сикигами в портал, где на их хозяина расставлены ловушки. Однако несколько часов назад появилась новая информация. И теперь мы не знаем доподлинно, какие именно сикигами будут призваны сегодня. Мертвые они в доспехах домару или что-то иное. Кира-сан, демонстрацию, пожалуйста.

Плазменная панель активизировалась, один из инженеров подал начальнице ноутбук, и на экране появилось увеличенное изображение существа, изображенного Юдзо и окрещенного Ичиро «зомби-крысой».

– Напомню: *это* никто не признал ни за аякаси, ни за животное, – продолжал Накадзима-старший. – Зато вот это уже понятнее, не так ли?

Кира невозмутимо перелистнула изображения, и на панели появились фотографиидохлых крыс. Все тануки дружно сморщили носы, а Тоога зажмурил все три глаза.

– Рику, пожалуйста, поясни, – предложил глава семейства.

– Фото реальных мертвых грызунов, – объявил Рику. – Сообщения о массовой гибели крыс появились в интернете сегодня утром с указанием разных станций Токийского метро. Мои люди проверили все сообщения. Результаты на экране.

– Тора, – отец передал слово другому сыну.

– Обратите внимание на неестественно одинаковые морды и глаза, – заговорил Тора, не глядя на экран. – Это не просто мор. Из этих животных вытянули души. Кира-сан, схему. Спасибо. На карте Токио отмечены все места, где замечена гибель животных. Если объединить точки...

На экране по команде Киры появились линии, сложившиеся в иероглиф.

– «Смерть», – вырвалось у Маракайто.

– Да. Именно так – «смерть», – подтвердил Тора. – Некромант с навыками оммёдзи. К счастью, сил у него хватило только на крыс.

– Ему нужна масса. Людские души не обеспечат ему такую массу, – вставил Юдзо.

Один из инженеров непроизвольно передернулся. Кира бросила на него строгий взгляд.

– Юдзо, как бы мне хотелось объявить твоё замечание шуткой, – вздохнул Накадзима-старший.

– Мне тоже. Но я не оптимист, – ответил Юдзо.

– Нужно взять его раньше, чем он вызовет своих сикигами! – вмешался Ичиро.

– В таком случае мы нападём на формально невинного человека, и он легко улизнет от правосудия. И здесь, и в мире обакэ, – возразил Накадзима. – Таким образом, всё наше опасное мероприятие потеряет смысл.

– Отец, – Като и Фума выпрямились.

– Слушаю.

– А может мы как-нибудь эту массу, – начал Фума.

– Подпалим или током огреем, – добавил Като.

– О ваших способностях уже известно, – напомнил Тора. – Значит, сикигами будут защищены от теплового воздействия.

– А массовость противника не позволит нам с тобой сыграть дуэтом в близости от поместья, – задумчиво произнес отец семейства.

Тора кивнул. Комбинированная атака против до-мару обсуждалась утром, когда Накадзима сообщил сыновьям о предстоящей операции. Тогда тактика, предложенная отцом, казалась оптимальной: разделение функций при создании «звуковых огней» не повлекло бы тотальные растраты сил, что пришлось испытать Торе в одиночку, и обеспечило бы доставку до-мару в портал по частям.

– Позвольте, босс, – Кира подалась вперед и, получив разрешение, сказала. – Крысы – разносчики заразы. Это свойство наверняка передано сикигами. Следовательно, ближний бой чреват большими потерями с нашей стороны. Какое-то количество миазм Маракайто-сан и я, безусловно, уничтожим. Однако, если речь идет о нескольких сотнях носителей, то возникнут объективные проблемы.

Кицунэ молча поднял руку, и на его ладони вспыхнуло синее пламя, обрамленное солнечным ореолом.

– Лисий огонь обладает очистительными свойствами, – сообщил он.

Хирото в своем углу насупился, поднял обе руки перед собой горстью и вызвал синий огонек.

– Хи-тян, это только защитный барьер, – предупредил его отец.

– Но ведь так я могу защищать людей, – заявил Хирото.

Няня-тануки шепотом напомнила подопечному, что высказываться на этом собрании он не имеет права, а затем извинительно поклонилась главе семейства. Тот повел рукой, мол, ничего страшного, но на младшего сына посмотрел строго.

– Накадзима-сама, позвольте, – заговорил капитан Морита. – Сикигами-крысы это всё равно крысы. Мы загоним их в портал, пока они не успели рассредоточиться по территории.

– Сикигами-крысы это сикигами, – осторожно подал голос Тоога. – Никуда они не побегут от вас, Морита-доно. И даже от бакэнэко не побегут. Они хозяину подчиняются.

– Минуту, – Рику поднял руку. – Как мы предполагаем момент призыва массы сикигами, если сикигами – крысы, а приближаться к поместью самолично для оммедзи самоубийство?

– О, точно! – встрял Ичиро. – Он же не знает, что его тут ловить собираются. А то я бы его на фарш порубил собственноручно.

– А мы бы поджарили, – не удержался от комментария Като.

– Кажется, здесь кто-то проголодался, – усмехнулся Накадзима-старший.

Шутка слегка разрядила обстановку, и Рику продолжил чуть менее жестким тоном.

– Никто в здравом уме не заставит крыс маршировать по дороге. Их отправят сюда, соблюдая секретность с учетом внешней охраны поместья.

– Канализация? – Накадзима-старший нахмурился и обернулся к тануки.

– Поместье соединено с канализационной системой ближайшего города, – сообщил один из них. – А внутренние очистительные системы контролируют наши сотрудники-аякаси.

– Планы или схемы имеются? – привстал капитан Морита.

– Только внутренние, – тануки осторожно покосился на Акияму.

– Все инженерно-строительные вопросы курировал господин Ёсикава, – заговорил Акияма. – С тех пор, как он вышел на пенсию, мы несколько раз обращались к нему за консультациями.

– Ёсикава, – Накадзима-старший обвел взглядом низкий потолок. – Он, можно сказать, строил этот дом с первого камня фундамента до последнего штриха дизайна. А после холил и лелеял на протяжении полутора десятков лет. Мне бы не хотелось втягивать в неприятности этого уважаемого пожилого человека.

– Накадзима-сама, я мог бы поговорить с ним по телефону по старой дружбе, – предложил Инукаи.

– Накадзима-сама, никто не знает коммуникационные системы лучше господина Ёсикавы, – поддержал Акияма.

– Без инженерных планов мы сутки будем вынюхивать связи с городской канализацией, – вставил капитан Морита.

– Инукаи, пожалуйста, поговори с Ёсикавой, – согласился глава Дома. – Если есть возможность передать сюда схемы, организуй безотлагательно.

– Водоснабжение, – вдруг произнес Юдзо.

– Что? – Накадзима тут же обернулся к сыну.

– Они сплошь мокрые. А дождь не настолько сильный, – медленно продолжал Юдзо, глядя в пол перед собой.

– Отец, схемы канализации и водоснабжения, – мигом сориентировался Тора. – Сделать водяной резервуар, смыть всю колонию разом, а ловушку поставить в отстойнике.

– Инукаи, звони немедленно, – распорядился Накадзима.

– Извините, – секретарь быстро встал и вышел в коридор.

– Накадзима-сама, – капитан Морита привстал. – Сколько у нас времени на подготовку?

– Юдзо? – отец обратился к сыну.

Тот покачал головой.

– Немного, – прикрыл глаза и добавил. – Очень мало.

Эпизод 23. Без масок и барьеров

Душещипательный момент «снятия масок» Тора успешно пропустил, ибо в это время в компании инугами вместе с Ичиро и Юдзо осматривал единственный канализационный отстойник, расположенный на территории отцовских владений. Поначалу Дэнбей был не в восторге от присутствия в команде двоих с ногами и руками, а Ичиро едко подшучивал над «неспортивным и брезгливым» Юдзо, полагая, что тот увязался за компанией, потому что «звериной маски не имеет». Тора вынужден был строго глянуть на инугами и рыкнуть в затылок брата, чтобы прекратить несвоевременные дебаты. Вскоре Дэнбей оценил пользу человеческих рук и ног, так как высота отстойника с позиции «на дне» оказалась больше, чем в прыжке мог взять среднестатистический пес-ёкай. Ичиро перестал зубоскалить после того, как его самого едва не вывернуло от обилия специфических запахов, а Юдзо преспокойно перенес и запахи, и грязь, да еще и собственноручно выволок из воды провалившегося по уши пса. Самая сложная работа досталась Торе – ему пришлось комбинировать магию, чтобы стереть все следы команды как вокруг коллектора, так и по пути к нему.

Отмывались исследователи в небольшой речке, протекавшей по западному склону горы недалеко от волчьего логова. Вожак стаи воспользовался присутствием господина и лично доложил ему результаты последнего часа наблюдений: волки заметили, как по дороге трижды проехала одна и та же машина. Вынюхать и рассмотреть пассажиров не удалось, а по описанию машина отличалась от той, которую засекли накануне, поэтому никто не стал

утверждать, что оммёдзи послал подручных изучать местность. Тора в свою очередь указал на канализацию как на тракт перемещения сикигами.

Ичиро и Юдзо держались поодаль, но их переговоры между собой Тора слышал краем уха. Ичиро опять принялся переспрашивать брата, не вообразил ли он обстановку, где видел «зомби-крыс», после того как побывал в коллекторе.

– Они попрут оттуда, – резко оборвал его Юдзо.

– Но там темно круглосуточно, – заметил Ичиро.

– Это меня и тревожит. Темно по-разному. Массу я видел в туннеле, ведущем в коллектор, и в ночной темноте под дождем. А крупный план – иначе. И в пустых глазах отражался синий огонь.

– Тора на своих огненных лапах в туннеле не развернется, – подсказал Ичиро. – Юдзо, ты видишь то, в чем сам в будущем участвуешь?

– Никогда не видел ничего такого, в чем бы участвовал сам. Обычно вижу сверху или со стороны.

– Жаль. А я уж хотел предложить тебе вызвать огонек, – беззлобно рассмеялся Ичиро.

Юдзо криво усмехнулся в ответ и покосился на свое левое плечо, где с утра обосновалась белая лисичка. Однако его фантомного спутника никто из домашних, кроме Торы, не видел.

Участники вылазки вернулись в поместье через задние ворота и первое, что обнаружили, было отсутствие барьеров. Пространство «внутреннего» парка отделяла от реального всего одна складка, прикрытая визуальной иллюзией. Инугами во главе с Дэнбеем не успели объявить собачью тревогу – Тора среагировал быстрее:

«Отбой. Это штатная ситуация», – предупредил он.

– Папа распорядился снять не только маски? – уточнил Ичиро.

«Держать иллюзию на порядок легче, чем контролировать барьер», – объяснил Тора.

– Куда ты? – спросил Юдзо, заметив, что гигантский пятнистый кот присматривается к крыше додзё.

«Пробежусь вокруг особняка, хочу изучить позиции без магических помех».

– Мы вроде бы решили, что вы с папой повесите портал над отстойником, – напомнил Ичиро.

«Повесим. Но особняк осматрю», – Тора по-кошачьи улыбнулся – изогнул свой огромный хвост в форму знака вопроса.

Результаты «снятия масок» Тора наблюдал из-за угла технического строения с тыльной стороны кухни. Два работника – человек и красный змей в частично антропоморфной форме – выносили ведра с пищевыми отходами в мусорные контейнеры. Молодой человек с врожденным дефектом лица, улыбаясь во все свой кривой рот, восторгался плавностью передвижения напарника, а змей пытался объяснить, что ему гораздо проще и удобнее ходить как нормальные люди на двух ногах.

Тора по-кошачьи тихо прокрался за подсобками, чтобы не попасться на глаза восторженному работнику кухни. Запрыгнул на крышу флигеля, внутри которого располагался пункт информационного контроля, оттуда переметнулся на крышу двухэтажного «правого крыла» и прошел по коньку, внимательно отмечая для себя дистанции до других высотных точек. Примерившись, он сиганул выше, на карниз центральной части особняка, возвышавшейся надо всеми строениями поместья. В длинном прыжке преодолел крутой скат, покрытый гладким кровельным материалом, добрался до фронтального конька и сверху вниз глянул на площадь перед крыльцом. На кольцевом заасфальтированном тракте для подъезда автомобилей стояла незнакомая малогабаритная машина, и пожилой, лет семидесяти пяти, человек, облокотившись на открытую водительскую дверцу, придиричиво

разглядывал фасад особняка. Охранник-инугами в человеческом обличье быстро, почти бегом, спешил к гостю со стороны ворот. С крыльца Тора уловил звук шагов встречающих, но тут пожилой гость поднял взгляд вверх.

С непростительным опозданием Тора сообразил, что самым наиглупейшим образом засветился перед неосведомленным человеком. В два прыжка очутившись за гаражами, гигантский бакэнэко замер и осторожно прислушался. Изумленные междометия гостя он расслышал, узнал во встречавшем отца, но его реплик не разобрал. Зато учуял присутствие Като и Фумы и отчетливо услышал за углом голос Одзаки-сана, который преподавательским тоном втолковывал слушателям основы физики электричества.

Оборачиваться в истинную форму сейчас, в холодной мокрой шкуре, означало немедленно промочить всю одежду, находившуюся пока в личном пространстве, поэтому Тора накинул на себя человеческий облик и в таком виде направился к братьям. Одзаки-сан оглянулся на звук шагов. Тора покосился на разложенные на скамейке провода, лампочки и батарейки, скользнул взглядом по озадаченным физиономиям Като и Фумы и поздоровался с педагогом:

– Добрый день, Одзаки-сан. Как вы себя чувствуете?

– Чувствую я себя заново родившимся, Тора-сан. Спасибо, – ответил пожилой человек, присмотрелся к Торе и улыбнулся.

– Ты чего в таком виде? – встрял Като.

– Папа велел сегодня всем ходить как есть, чтобы сил поднабраться, – доложил Фума.

– Тора-сан, я вижу, какой вы настоящий, – несколько смущенно сообщил Одзаки, решив, что Тора явился в человеческом обличье только для него.

– Одзаки-сан, а вы обе его формы видите? – полюбопытствовал Фума.

– Обе формы? – удивился педагог, но тут обратил внимание на волосы Торы. – Тора-сан, почему вы с мокрой головой?

Тора схватился за свою шевелюру и обнаружил, что мокрая шкура нашла, где проявиться и в этом обличье.

– Да это так. Издержки сыскных мероприятий, – отозвался он.

– Ты чего, купался, что ли? – изумился Като.

– Холодно же! – Фума передернулся.

– Пришлось отмываться, – признался Тора.

– А ну оборачивайся на четыре лапы! – распорядился Фума.

– Сейчас мы тебя просушим! – Като потер руки.

– Като-сан! Фума-сан! – почему-то испугался Одзаки. – Вы еще лампочку ни разу не включили. Не нужно ставить опыты на брате!

– Одзаки-сан! Мы всё уже поняли про разность потенциалов! – заявил Фума.

Тора вопросительно посмотрел на преподавателя.

– Я считаю, что энергия, которую вызывают юноши, может быть преобразована в электрическую, – ответил педагог на немой вопрос. – Им не хватает пока понимания процесса.

– Однажды они превратили в пепел стальную скобу толщиной с кулак, – предупредил Тора.

– Да-да, это лишь подтверждает мою гипотезу, – Одзаки кивнул так, что стало ясно: о своих сомнительных подвигах близнецы ему уже рассказали.

– Тора, ну обернись. Просушим! – Като от нетерпения дернул брата за рукав.

– Молодые господа! – преподаватель повысил голос.

– Мы ёкаи, – поправил Фума.

– Молодые ёкаи, не следует ставить неподготовленные эксперименты!

– Одзаки-сан, не беспокойтесь, я крепкий, – сказал Тора; перспектива избавиться от влаги на шкуре разбудила в нем потомственный авантюризм.

– Мы же эту... тепловую дугу или как ее, – заторопился Като.

– Правильно показали, – закончил Фума.

Тора отступил на шаг, живо огляделся, убедился, что наблюдают за ним только непосредственные собеседники и кто-то из инженеров Киры из-за жалюзи флигеля, то есть тоже осведомленный человек, и обернулся в зооморфную форму.

– Оу... – выдохнул Одзаки. – И это называли «кот»?

«Я уже готов согласиться, что в таком виде я ирбис», – посредством контакта сознаний выдал Тора, но не рассчитывая на понимание со стороны человека.

– Однозначно, вы снежный барс, Тора-сан, – ответил преподаватель.

«Вы слышите меня, Одзаки-сан?»

– Да, разумеется. Это тоже что-то необычное?

«В общем, да. В этой форме я общаюсь сознанием, а не словами».

– Я воспринимаю вас, будто слышу речь.

«Так же как и Маракайто. Но на восприятие пассажей сознания способны далеко не все даже из тех, кто нас видит».

– Эй, на старт! – объявил Като.

Тора обнаружил, что близнецы заняли позиции слева и справа от его пятнистых боков. В следующую секунду его окатило мощным жаром, заискрилась шерсть, в воздух поднялось облако пара, Одзаки-сан непроизвольно ахнул, а авторы эксперимента отскочили к хвосту брата и – Тора успел заслонить собой преподавателя – спонтанно обернулись в форму двуглавой черной лисицы.

Немую сцену нарушили из окна флигеля.

– Господа! Просил же вас – без наводок!

«Упс...» – обе призрачные черные головы опустились вниз в ориентации носами друг к другу.

Инженер, с трудом сдерживая праведный гнев, выскочил на высокое крыльцо.

– Одзаки-сан, пожалуйста, перенесите урок куда-нибудь подальше от серверной.

– Извините. Мы уже уходим, – спокойно пообещал преподаватель.

– Тора-сан! – продолжал инженер. – Размер этого бакэмоно окончательный или оно вырастит до ваших габаритов?

Тора посмотрел на рэйко-кинуцэ, обе головы которого находились на уровне нижней линии его груди, оглянулся на специалиста по видеоконтролю и беззвучно ответил.

«До моих – вряд ли, но лет через сто станет крупнее».

Тот не услышал.

– Тора-сан сказал, что эта форма его братьев увеличится в размерах через несколько десятков лет, – «перевел» Одзаки.

– Спасибо, порадовали, – инженер недобро глянул на призрачного двуглавого лиса. – За десять лет я что-нибудь придумаю для защиты видеокамер.

В процессе обратного оборота Тора прикрывал близнецов своим корпусом и так погасил часть энергии собственной шкурой, поэтому повторных наводок не состоялось.

– До такой лошади, как ты, мы расти не намерены, – заявил Фума, перестегивая пиджак на уцелевшие пуговицы.

– Но мы тебя просушили, – гордо напомнил Като, на ощупь разыскивая на себе пряжку ремня.

«Перегорела», – сообщил ему Тора.

Близнецы переглянулись.

– Хорошо, что «молнии» на брюках пластиковые, – высказался Фума.

В холле Тора наткнулся на отца.

– Почему я должен разыскивать тебя по всему поместью? – сердито осведомился глава семейства.

Он был на взводе, и Тора понимал, почему: роль «подсадной утки» оказалась стократ сложнее, чем предполагали изначально и здесь, и в мире обакэ.

– Прости меня, отец, – Тора слегка прижал уши.

– Что ты делал на крыше? – понизив голос до шепота, спросил кицунэ.

– Позиции выбирал.

– Тора, какие позиции? Мы не имеем права допустить сражения в доме!

Тора насупился. Выступать от имени Юдзо ему не хотелось, а брат, судя по всему, еще не поделился своими опасениями с отцом.

– Тора, что случилось? – строго спросил глава семейства.

– Мы были в коллекторе. Юдзо узнал место. Но это только одно место из двух.

Накадзима-старший напряженно вздохнул.

– Пойдем, я познакомлю тебя с господином Ёсикавой. Кстати, он уже тебя видел.

Тора с досадой прищелкнул языком.

– Его приезд сюда – сюрприз для всех, – продолжал отец менее жестким тоном. – Но такой уж человек Ёсикава-сан. Он понял больше, чем ему сказали по телефону. Этот особняк – его детище. И он намерен защищать его вместе с нами.

Накадзима направился вперед по коридору, нервно помахивая бледно-золотым хвостом.

Господин Ёсикава принадлежал к каторге тех людей, про которых говорят – человек-дело. Несмотря на преклонный возраст, его память оставалась безупречной. В проблеме он сориентировался моментально, так же быстро определил средства для решения, живо организовал демонстрацию на плазменном мониторе с собственного ноутбука и в два счета доказал несостоятельность основного плана, заключавшегося в «смывании» крыс посредством затопления коллектора. После чего представил собственный вариант защиты – указал, где и как следует перекрыть канализационные коммуникации, чтобы отрезать интервентам подземные пути к поместью. Нечеловеческий облик собеседников и магические способности исполнителей он воспринимал так, будто постановил для себя «это дано». Более того, включил это самое «дано» в процесс поиска решений, чем расширил спектр возможных вариантов на порядки. Не прошло и четверти часа, как тануки, ответственный за эксплуатацию здания, получил четкое руководство к действию и по указанию хозяина немедленно притупил к исполнению.

– Дом защитим, – подытожил престарелый инженер. – Теперь вопрос крыс и коллектора? Или же оставим крыс на кота и собак и займемся поиском «крысовода»?

Накадзима-старший быстро глянул на Тору и Рику поочередно. Тора показал на брата. Рiku кивнул.

– «Поиск крысовода», – объявил глава Дома.

Количество вариаций на роль стартовой точки атаки никого не порадовало. Критерий для вероятностного отбора выстроить тоже не удалось.

– Хорошо, зайдем с другого конца, – инженер неудовольительно поморщился. – Ваши волки-собаки могу вынюхать, как вы говорите, крыс во время их передвижения?

– Да, это мы можем, – ответил капитан Морита.

Ёсикава бросил на него оценивающий взгляд, ничего «собачьего» в капитане не заметил, но уверенно продолжил свою мысль.

– Тогда действуем так. Смотрите на экране. Это направление туннелей от развязки. Если вы мне по факту укажете, по какому из них двигаются грызуны, я скажу, из каких узлов «крысовод» мог начать атаку. Круг сузится. И тогда ваши, Рiku-сан, люди получают более

определенные координаты.

– Ёсикава-сан, – вмешался глава Дома, – в таком случае вам придется находиться здесь во время атаки.

– Накадзима-сан, – старик с улыбкой посмотрел на хозяина поместья, – помните, сколько лет гарантии на эту постройку я вам дал? И никакие колдуны с зомби-крысами не заставят меня отказаться от моих слов. А кроме того...

Центральная рама сёдзи резко отъехала аж до стены, и в зал ворвался Юдзо.

– Отец, где корреспонденция?

– Что? Ты..?

– Утренняя корреспонденция. Ты говорил, будет во дворе под барьером. Где она?

Тора вскочил. Приподнялся Рику. Накадзима-старший вопросительно посмотрел на Акияму.

– Всё сложили рядом с постом охраны, – ответил главный дворецкий.

– Там только две посылки. Письма где? В одном из них этот проклятый иероглиф! – выкрикнул Юдзо в полный голос.

– Юдзо? Который? – Тора очутился возле брата чуть ли ни одним прыжком.

– «Смерть».

– Сейчас разыщем, – пообещал Акияма.

– Нужно привлечь Маракайто, отец, – обернулся Тора.

– Да он уже весь секретариат перевернул! – Юдзо стукнул кулаком по раздвижной стене, от чего другая сёдзи поехала в сторону.

– Юдзо, найди это письмо, – распорядился отец. – Тора, останься здесь.

– Хорошо, – ответили оба в один голос.

Охранники в коридоре закрыли двери, Тора вернулся на свое место, а Накадзима-старший извинился перед гостем за поведение сына.

– У всех здесь нервы на пределе, – понимающе откликнулся престарелый инженер и задумчиво посмотрел на Тору. – Иероглиф, говорите? Крысы как бы упрятаны в иероглиф... Господа, круг можно частично сузить уже сейчас. Вот узлы, в которые теоретически может проникнуть посторонний человек. И, например, нарисовать этот самый иероглиф на стене туннеля. Ведь на полу они ничего не рисуют? Типа магических кругов или что там показывают в фильмах?

– Нам, к сожалению, не известно, как именно колдун строит свое заклинание, – ответил Тора.

– Ну а если всё-таки нужен пол, то тогда так, – господин Ёсикава быстро пощелкал мышью на своем ноутбуке, и на демонстрационном экране появилась схема с четырьмя ярко обозначенными точками на окраине города.

– Понятно. Начнем отсюда прямо сейчас, – невозмутимо произнес Рику и взялся за телефон.

Эпизод 24. Оммёдзи наносит первый удар

Тора попросил у отца разрешения покинуть зал, когда почувствовал, что этажом выше, в районе секретариата, эмоции накалились до предела. Подоспел он к моменту, когда обычно невозмутимый Акияма громко отчитывал своего подчиненного, а растерянный бухгалтер из человеческого штата сотрудников Дома делал попытки взять вину на себя. Оказалось, что тануки, начисто забыв про специальное указание хозяина касательно почтовой корреспонденции, огулом сняли все внутренние барьеры. Бухгалтер, он же клерк секретариата, не осведомленный об указании вообще, увидел возле ворот свалку почты, решил, что в суматохе утренних сборов на панихиду кто-то забыл принести корреспонденцию в секретариат, забрал сумму со счетами и письмами и доставил ее по назначению, то есть в дом. В одном из конвертов, не имевших персональной адресации, он обнаружил мелкие клочки бумаги. Зная о том, что в последнее время в дом приходили «пустые» письма, он подумал, что это очередная глупая шутка, и выбросил конверт и содержимое в урну для бумаг.

Тора живо пересчитал взглядом все урны в просторном кабинете. Бухгалтер это заметил и, запинаясь, сообщил, что вечерняя уборка здесь уже состоялась, а Огава-сан побежал на задний двор, куда выносили бытовой мусор.

– Кто здесь убирается? Человек или обакэ? – быстро спросил Тора.

– Простите? – окончательно растерялся клерк.

– Здесь и в центральной части дома убираются горничные-люди, – ответил Акияма и вполголоса скомандовал поджавшему хвост тануки разыскивать обрывки вместе с Маракайто.

– Стоп! – выкрикнул Тора. – До сих пор письмо было только в человеческих руках и пока ничего не произошло. Акияма-сан, срочно распорядитесь всем нашим обакэ не приближаться к мусорным контейнерам.

Акияма побледнел, поскольку его лицо было человеческим. У тануки с мордочкой вместо лица дыбом встала шерсть от затылка до переносицы.

– Что? – мрачно спросил Тора.

– Утилизацией занимаются только аякаси, – выговорил Акияма.

– Я сам, сам всё найду! – воскликнул бухгалтер.

Над головой Торы хлопнули крылья. Батто плюхнулся в шерсть между кошачьими ушами – это была его новая манера финишировать с донесениями – и отрапортовал: «Мара – Торе: беда, крысы, задний двор».

– Поздно, – бесстрастно сообщил Тора. – Поднимайте тревогу.

Бухгалтер – это был один из немногих молодых сотрудников Дома – увязался за Торой, когда тот мчался через всё «левое крыло» к выходу в парк. Перекресток он не заметил, ибо сейчас были сняты все барьеры, включая иллюзорные, сумел угнаться за ёкаем на лестнице, но дальше Тора намеревался перемещаться на лапах, а не на ногах. Увидав снежного барса в воздухе, бухгалтер на секунду оторопел, но в следующую замахал руками.

– Тора-сама! Не туда! Туда!

Тора немедленно сменил направление, отметив про себя, что в данном случае под «задним двором» подразумевалась небольшая площадь за баннным комплексом, там, где поместье граничило с волчьими владениями. А затем вспомнил, что говорили про эту площадь на «полевой» тренировке: в одноэтажном кирпичном здании, примыкавшем к забору, работали сортировщики бытовых отходов, там же находились прессовочные аппараты и печи для сжигания мелкого мусора.

Своего секретаря Тора увидал с крыши сэнто – общественной бани – возле настежь распахнутых ворот сортировочного цеха в центре свалки из мусорных контейнеров. На некоторых опрокинутых баках отпечатались неподвижные силуэты дохлых крыс.

«Отец! – что было сил «крикнул» Тора посредством контакта сознаний. – Очаг распространения крыс – утилизационный узел!»

– Тора-сама! Не приближайтесь! – завопил Маракайто, заметив синие огни в темнеющем небе. – Тут всё окутано сёки!

И кинулся в ворота. Тора опередил: сиганул прямо в цех одним кошачьим броском. Наэлектризованная силами Като и Фумы шерсть встала дыбом, посыпались искры, и таким образом гигантский кот, сам того не ожидая, очистил сортировочный цех по всей кубатуре.

– Тора-сама! Там Го-сан! – крикнул Маракайто, продолжая штурмовать завал из мусорных баков. – Она за братом бросилась!

Тора уже видел обоих. Очищенная от губительной магии черная шкура волчицы поблескивала в сумерках остаточными искрами. Конгломерат под ее торсом оставался черным, как сама тьма.

– Го-сан! Ро-сан! – Маракайто перевалился через последний ряд опрокинутых баков и бросился к волкам-полукровкам.

От прикосновения его рук Го вздрогнула и рефлекторно начала подниматься на лапы. Зашевелился и черный конгломерат. Тора хотел, было, подскочить, чтобы поднять второго хоньё, но вдруг понял, что на полу лишь куча праха.

Го по-волчьи взвыла, вырвалась из рук Маракайто и ткнулась носом в то, что так отчаянно закрывала своим телом.

«Вдохни мои силы, сестра, – едва различимо пронеслось в пространстве. – Передай донесение. Не плачь. Когда-нибудь вернусь в твоих детях...»

– Ро-сан! – ахнул Маракайто.

Тора видел, как очищенный дух погибшего волка обнял сестру-волчицу и растворился в ее ауре. Го пошатнулась. Маракайто схватил ее поперек торса в охапку, на коленях не устоял и шлепнулся на пол, повалив ее на себя.

– Тора-сама! Ро-сан здесь с крысами. Первым заметил крыс и один сражался, – задыхаясь от эмоций, сообщил он. – Го-сан почуяла. Я не догнал. Тут их столько было! Часть разбежались. Каких-то Го-сан побила. Сколько-то тут на меня. Я не знаю, что сделал. Пепел сыпался.

Тора молча шагнул к своему секретарю и оцепеневшей волчице, сдул с обоих пыль враждебных заклинаний и бережно укрыл своей аурой.

«Мара. Соберись. Сейчас ты – центральное звено обороны».

– Тора-сама. Они в доме, да?

«Пока нет. Я предупредил отца. А нам прежде всего нужно выяснить, что здесь произошло».

Грохот в воротах возвестил о приближении подкрепления.

– Господа аякаси, прошу вас! Не подходите туда! – раздался отчаянный голос бухгалтера. – Ичиро-доно, пожалуйста, остановитесь!

– Мне пофигу, я мадзоку! – гаркнул Ичиро во всю глотку.

«Не вздумай рубить баки! – предупредил его Тора и обратился к инугами. – Здесь зачищено. Задача: отыскать сбежавших крыс».

Старший группы тут же откликнулся: «Гав!»

– Го-сан, – тихонько позвал Маракайто. – Вы как? Встать можете?

Она пошатываясь поднялась на лапы.

«Тора-сама. Донесение с горы, – медленно, будто подбирая слова, начала оками. – Зона контроля – чисто. Машину видели на трассе еще четыре раза».

Тора обернулся в антропоморфную форму, дабы не смущать бухгалтера и рассеянного Маракайто звериным безмолвием, преградил брату дорогу вовнутрь сортировочного цеха и обратился к волчице-полукровке с просьбой пересказать происшедшие события. Та приняла человеческий облик – девушка в мужском костюме охранника, черноволосая, бледная, с горящими желтыми глазами. Мужественно сдерживая эмоции, она сообщила, что ее брат Ро выполнял плановый рейд связного, а сама она находилась в охране периметра поместья. Почувствовав, что брат в беде, она самовольно покинула пост, помчалась на помощь, избрав направление интуитивно, и по пути нагнала Огаву Маракайто. Цех был открыт, поэтому она кинулась вовнутрь сразу, и там увидела около десятка сикигами, точь-в-точь таких же, какие были изображены на рисунке, распространенном накануне. Ро был уже смертельно ранен, но продолжал сражаться. Го ввязалась в драку, добила какое-то количество крыс, а потом попыталась вытащить брата наружу. На этом ее воспоминания обрывались, и следующее, что запомнила ёкай-полукровка, были целебное дыхание бакэнэко и очистительная аура священника.

Она закончила, и к Торе подступил старший инугами в человеческом обличье.

– Все следы очищены. Вместе с миазмами и телами сикигами, – сообщил он и выразительно посмотрел на Маракайто.

– Я запомнила запах тварей на всю жизнь, – процедила Го сквозь зубы.

– Ты можешь передать след только волкам, – бесстрастно напомнил пес-ёкай.

Го опустила взгляд.

– А я сейчас вам образец обеспечу, – вдруг заявил Ичиро, играючи перекинул из руки в руку меч и взглядом показал на закрытую часть здания, где располагались прессы и печи.

Тора прислушался, но звуков не уловил.

– Не старайся, – негромко предупредил его брат. – Они не двигаются и не дышат, потому что мертвяки. Но я точно знаю, что там засели две штуки. Подстрахуй тут народ, достану.

Операция по захвату образцов длилась полторы минуты: Тора окружил здание барьером из лисьего огня, Ичиро вышиб ногой внутреннюю дверь между цехами, скрылся в помещении и через несколько секунд вернулся с брыкавшейся «зомби-крысой», нанизанной на когти левой руки. Инугами моментально разнюхали противника, Тора тоже намотал на усы всё, что было доступно его ёкайским органам чувств, и Ичиро поднес пленника к Маракайто. Существо зашипело и вдруг рассыпалось прахом. На асфальте остался лишь угольный силуэт дохлой городской крысы.

– Второго разнюхивать будете? – поинтересовался Ичиро, получил отрицательный ответ, понимающе кивнул и предупредил. – От двери отойдите.

Он вскинул правую руку на уровень плеча и в следующий миг в этой руке очутился меч дао с насаженным на клинок вторым интервентом, которого немедленно постигла та же участь, что и первого.

– Извините, – начал бухгалтер, до сих пор робко державшийся на почтительном расстоянии от ёкаев и священника. – Тора-сама, сейчас время работы утилизационного цеха. Здесь должны были находиться как минимум трое рабочих. Я не знаю, аякаси они или кто-то иной, но в трудовой ведомости обозначены трое поименно.

– Го-сан? – Тора оглянулся на стажера-волчицу.

– Я не чуяла здесь никого, кроме брата.

Маракайто отрицательно замотал головой, не дожидаясь вопроса.

– Тора-сама, прикажите отыскать? – выступил вперед старший инугами.

– Прежде всего передайте по отряду информацию о противнике.

– Тора-сама, но почему..? – начал, было, Маракайто.

– Потому что их больше нет. Катализатором пробуждения сикигами были жизни наших аякаси.

Тора отправил Го к жожаку оками с приказом выследить перемещение крыс под грунтом. Маракайто прихватил с собой бухгалтера и помчался в общежитие за своим жезлом. Ичиро посмеялся ему вслед, мол, вооружаться нужно было, как только объявили военное положение, однако шутка получилась искусственной – Ичиро не хуже других осознавал опасность, нависшую над Домом.

– Что делать будем? – тихо спросил он брата, наблюдая за псами-ёкаями, шнырявшими по площади в поисках следов разбежавшихся крыс.

– Отлавливать и бить, – отозвался Тора. – Здесь уничтожили десятка три. Сколько было всего, сказать не берусь, но это не та масса, которую видел Юдзо.

– Пробный камень в наш огород?

– Или хотят ослабить перед основным боем.

– А знаешь, как бы я сделал на их месте? Навел бы панику, а потом выпустил главные войска.

– Хорошая мысль, – Тора кивнул. – И с учетом прежних их провалов с проклятыми письмами – логично. Типа сработает – прекрасно, не сработает – обойдемся. Но кое-что мне не нравится. Эти зомби-крысы и до-мару вчера на дороге. Их создал не один и тот же оммёдзи.

– С чего ты взял?

– У каждого, кто владеет магией, есть свой... рисунок, что ли.

– Почерк?

– Вроде того. Иногда это называют «узор», но это не запах, не звук, не визуальный образ.

– Я понял. Пусть называется «узор». И ты считаешь, что узор здесь и узор вчера – разные?

– Да.

– А мы которого ловим? – нахмурился Ичиро.

– В этом-то и вопрос.

«Военное положение», упомянутое Ичиро, Тора увидел своими глазами, когда бежал в дом на зов отца. Шествие обакэ напоминало «Парад ста ёкаев», изображенный в классической графике. Все мелкие аякаси стягивались к особняку, где для них подготовили «осадный бункер». Даже муси – совершенно неинтеллектуальные крошечные обакэ вроде насекомых, и те покинули свои обжитые места. Тора, извинившись, перепрыгнул через взволнованную колонну, обогнул сад камней и невольно затормозил перед беспрецедентной картиной. В пруду по бедра в воде стоял престарелый садовник и вежливо приглашал в ведро поющих карпов. В двух таких же ведрах на берегу уже теснились другие певцы а-капеллы, а супруга садовника – она работала горничной с первого дня эксплуатации поместья – уговаривала испуганных водяных аякаси не волновать и обещала, что очень скоро все они вернутся в привычную им среду.

На парадном крыльце отца не оказалось, зато Тора услышал из холла, как шеф-повар, хорошо известный всему Дому своими способностями демагога, громко и обстоятельно излагает кому-то многословное заявление. В сжатой форме это прозвучало бы так: я не намерен сдавать мою кухню на растерзание крыс. Тора мельком глянул в холл и спонтанно улыбнулся. Шеф-повар – добротный немолодой господин, претендующий на звание атлета, – выступал перед охранником-инугами. Пес-ёкай размером с мощного сенбернара сидел перед ним и терпеливо выслушивал эмоциональный монолог. За спиной повара стояли работники кухни, не менее решительные, чем их начальник: крупная женщина лет тридцати – родная дочь шеф-повара – с большим половником в руках, помощник с дефектом лица, вооруженный внушительным резаком, красный хэби – оборотень-змея – с колотушкой для отбивки мяса, примотанной пластырем к хвосту, и полужидкий аякаси не имевший никаких

антропоморфных признаков в истинной форме, кроме условно человеческой маски там, где в принципе могло бы располагаться лицо.

Тора не стал дожидаться, чем закончится выступление шеф-повара, быстро окинул взглядом площадь перед особняком, заметил возле основных ворот отца, Юдзо и Инукаи и поспешил к ним. Но и на этой короткой дистанции он успел уловить на слух еще одну сценку из формировавшегося сценария обороны. Возле гаражей – звук шел оттуда – Като и Фума призывали Одзаки-сана укрыться в доме вместе с людьми и аякаси, на что Одзаки-сан безапелляционно ответил: «Уважаемые ёкаи, я вас слышу в любой обстановке, а эти господа вашу истинную форму воспринимают только визуально. Поэтому переводчиком для них буду я».

Тора коротким поклоном поприветствовал отца и задержал взгляд на возвышавшемся за его спиной Инукаи. Истинную форму отцовского секретаря он видел впервые и лишь теперь понял, почему Инукаи предпочитал человеческое обличье – двухметровый прямоходящий белый пес в кимоно смотрелся на фоне других хэнгэ несколько нелепо. Кроме того на его короткошерстном лбу и переносице красовался знак возрожденного – алая изогнутая линия, скрученная в спираль точно между бровями. Тора не знал, как началась история дружбы отца и его секретаря, но сейчас подумал, что возрождению погибшего пса-ёкая каким-то образом посодействовал именно Накадзима.

– Тора, с этого момента – от меня ни на шаг, – распорядился кицунэ.

– Это не основная атака, отец! – процедил Юдзо.

– Не нужно долбить меня очевидными фактами, – бросил в его сторону глава семейства, скользнул взглядом по лицу Торы и, смягчив тон, добавил. – Юдзо, я верю в твои видения. Сейчас для нас всех самое главное – доверять друг другу. Поэтому, пожалуйста, поверь и мне.

Из-за парковых деревьев, перемахнув через высокий кустарник, выскочил капитан Морита. В истинном облике он был немногим больше рядовых членов стаи, но красноватый ореол, пульсировавший над его собачьим телом указывал на немалые магические силы.

«Накадзима-сама! Крысы в сэнто. Около полусотни. Миазмам нет числа. Подойти не можем. Ичиро-сан сражается один».

– Тора, направь туда Маракайто, – распорядился глава Дома. – Морита-доно, сопровождайте Киру-сан.

«Отец, воздуховоды на первом этаже перекрыты. Часть крыс заблокирована. Но десяток тварей уже в коридоре!» – отобразился в сознании Торы «голос» Рику.

В этот же миг Тора как будто воочию увидел то, что происходило перед залом в «левом крыле», где по указанию главы Дома собрали тех, кто не способен был оказать физическое или магическое сопротивление интервентам.

Хирото, растолкав аякаси и людей, выскочил из-под барьера, окружавшего зал, и раскинул поперек коридора три ряда синих огней. Два сикигами рассыпались прахом, нарвавшись на магическое ограждение. Другие отступили и принялись размахивать гибкими руками, похожими на крысиные хвосты. В слепых глазах отражался синий лисий огонь. Во все стороны полетели мелкие, как песок, грязные частицы. Туча, похожая на облако пыли, тотчас собралась под потолком и ринулась на барьер маленького кицунэ. Хирото взвизгнул, его барьер на пару секунд превратился в стену пламени, часть ядовитых миазм сгинула в очистительной ауре, но силы юного ёкая закончились, и туча хлынула на него сверху. Однако на мгновение раньше женщина из человеческого штата прислуги, оттолкнув женщину-тануки, повалила лисёнка на пол и закрыла своим телом. Над ней пронесся багровый поток, в общих контурах которого угадывались абрисы адских гончих. Волна крови захлестнула пол, стены и потолок.

Стремительная череда событий, спонтанно оттранслированных Рику, оборвалась

громкими испуганными криками со стороны «левого крыла». Юдзо в этот момент находился уже на полпути к особняку, но следующая «фраза» брата сработала, как подножка.

«Зачистка завершена. С Хирото всё в порядке. Крики – нормальная человеческая реакция на вид большого объема крови. Здесь я закончу сам».

– Рику, – пробормотал Накадзима-старший вслух.

– Он регенерирует моментально, отец, – поспешно пояснил Тора.

Отголоски матерщины Ичиро он при этом постарался приглушить в своем сознании.

– Накадзима-сама? – Инукаи наклонился к господину.

– Оказывается, кровь наших мадзоку имеет очистительные свойства, – сохраняя внешнее спокойствие, пояснил ему глава Дома.

– Они – ваши сыновья, – заметил Инукаи и слегка растянул собачьи губы, изобразив улыбку.

– Тора, мне нужны твои могучие лапы, – вдруг заявил отец и, когда Тора обернулся ирбисом, продолжил. – Доставь меня на самую высокую позицию, которую знаешь. Инукаи, по моей команде.

– Слушаюсь, босс.

Тора решил последовать заданной установке – доверять, поэтому ничего уточнять не стал. Лишь предупредил, когда отец запрыгнул на его кошачью спину: «Держись крепко».

По коньку крыши Накадзима прошел не менее ловко, чем снежный барс, но, остановившись на краю, через плечо сказал сыну.

– Подстрахуй. И будь готов открывать портал.

«Рано портал, отец!» – вырвалось у Тора.

– Знаю. Но, надеюсь, мы очень скоро увидим главных действующих лиц этого спектакля.

Тора обернулся в антропоморфную форму и обхватил отца со спины за талию. Кицунэ кивнул и вскинул руки. Синее пламя с золотистым ореолом мгновенно окружило и его, и Тору, и начало расширяться. Метр. Два. Десять. Двадцать... Тора с ужасом наблюдал, как утекают силы отца по мере разрастания очистительного огненного «шатра» над особняком. Вдруг в один момент заклинание исчезло. Но холодный синий костер, сиявший в ночи солнечными всполохами, остался над поместьем, как гигантский волшебный остров в реальном пространстве.

– Отведи меня немного назад, – сжатым голосом попросил кицунэ.

Тора так и сделал, но дополнительно усадил отца на конек крыши и, пробив когтями кровлю, закрепился так, чтобы обеспечить жесткую страховку. Взгляд упал туда, где только что колдовал отец, и Тора понял, зачем он проделал этот опасный во всех отношениях трюк. Точная копия Накадзимы-старшего стояла на краю крыши, изливая в пространство иллюзорный синий огонь.

– Это Инукаи, – сообщил кицунэ. – Он хорошо знает все мои узоры, а силенок у него раз так в пять больше, чем у меня. Они поверят.

– Ты считаешь, крысиная атака сейчас призвана истощить наши силы? – спросил Тора.

– А ты как считаешь? – кицунэ прищурился на сына через плечо.

Тора неопределенно повел ушами.

– Кира зачаровала всех окрестных пернатых, – кицунэ подтянул одну ногу под себя и без зазрения совести привалился к груди сына, как к спинке кресла. – Теперь в лесу сотни камер видео наблюдения с сигнализацией. Скоро над горой начнется птичья какофония.

Тора прислушался, но вместо птичьей какофонии услышал перебранку возле гаражей. Голос электрика он уже знал, поэтому легко вычислил участников бурного спора: электрик и Одзаки-сан пререкались на тему практических и теоретических знаний физики электричества. Периодически реплики вставляли инженер из команды Киры и незнакомый Торе человек – автомеханик, судя по содержательной части высказываний.

Непосредственные субъекты спора – Като и Фума – в разговор специалистов не вступали, хотя обсуждалось создание электромагнитного заградительного барьера с использованием сил рэйко-кицунэ, каналов передачи видеоданных между камерами слежения, металлических конструкций ограды и автомобильной сигнализации в качестве сирены оповещения на случай, если крысы из отстойника доберутся до поместья.

– Тора, что тебе не нравится? – Накадзима оглянулся.

– Почерк не совпадает. Сегодняшних крыс и вчерашнего до-мару создавали разные оммёдзи.

– Вот как?

Теперь кицунэ пересел боком к сыну и для надежности зацепился собственными когтями за шов скользкого от дождевой влаги кровельного покрытия.

– Это на уровне ощущений, – добавил Тора, напряженно осматривая темный лес.

– Почему ты вспомнил про до-мару, Тора?

– Не знаю. Но если оммёдзи двое, например, учитель и ученик...

– То мы должны быть уверены, что гоним в ловушку учителя, – закончил фразу отец. – Кто из них подсунул нам крыс?

– Учитель, – не раздумывая, ответил Тора.

– Эти сикигами неприятны за счет количества и своих свойств, но отнюдь не сильные, – возразил Накадзима. – А твой вчерашний противник не только призвал мощного мертвого *они*, но и восстанавливал его по ходу сражения. Возможно, некромант все-таки почуял ловушку и послал сюда помощника.

Предупреждения о хитрости и изворотливости противника звучали и в утреннем телефонном разговоре, который отец в подробностях пересказал сыновьям перед выездом на панихиду, и потом, когда Тора общался по колдовскому зашифрованному каналу с полковником Ягой из Западного Пограничья.

– Бабушка сказала, что он всегда щупает дно, прежде чем забрасывать сети, – пробормотал Тора себе под нос. – Но дно он щупал вчера.

– Допустим, ты прав, – задумчиво отозвался отец и тут спохватился. – Что там про бабушку?

– Яга-тайсё. На заставе ее частенько зовут *бабушка Яга*.

– Древняя обакэ?

– По-моему, даже старше мамы. У нее много сестер в глубинах русского ареала, а одна преподает в главной академии центрального ареала. Но старейшина именно она – полковник Западного Пограничья.

Сообщения об успешной зачистке воздухопроводов и сэнто пришли одновременно: Рику отчитался телепатически, а Маракайто прислал Батто с донесением.

«Юдзо, – позвал Тора собственным методом и, когда брат откликнулся, спросил. – Как у тебя дела?»

«Ничего нового».

«Я делегировал тебе полномочия передавать приказы стае оками от моего имени, – сообщил Тора. – Чую, Го уже вернулась, значит, установка передана вожаку».

«Мог бы раньше предупредить, – «ворчливо» откликнулся Юдзо. – Го отчиталась мне, а я не понял, с какой стати. Сора сообщает: вокруг отстойника тишина, машина наматывает энный круг по трассе. Волки уверены, что от машины несет мертвяками».

«Юдзо, что бы ни случилось, волки должны отслеживать только подземные передвижения крыс. Напомни об этом Соре».

И тут над лесом раскатилось эхо отчаянного птичьего хора.

Кицунэ легко вскочил на ноги и бодро завилял хвостом. Тора рефлекторно ухватил его за этот хвост ради обеспечения страховки, а заодно чтобы остановить непрошеное опало

перед собственным носом.

– Тора, ставим портал, – азартно объявил отец, не обратив внимания на пикантную страховку.

– Подожди. Волки молчат.

Накадзима оглянулся на сына. Тора встал позади него на коньке крыши.

– Волки молчат, – повторил он. – Значит, в туннелях движения нет. Отстойник там, – он показал рукой направление. – Птицы начали орать оттуда, – рука описала широкую дугу и замерла там, где находился съезд с трассы на частное шоссе.

На карниз крыши запрыгнул Дэнбей.

«Накадзима-сама! Тора-сама! Чужая автомашина. Свернула с трассы. Двигается сюда!»

– Отец! – проорал Ичиро снизу. – Я протараню этого уроды!

Тора услышал, как брат побежал в гаражи.

«Ичиро, остановись!» – приказал Накадзима-старший.

Ответа не последовало.

– Он тебя не услышал, – быстро пояснил Тора.

Кицунэ плотно стиснул зубы.

«Отец, – «включился» Рику. – Звонок по моему каналу. Арестованный вчера журналист-самозванец найден в камере мертвым. Следов насильственной смерти нет».

«Рику, останови Ичиро!» – распорядился глава семейства.

Растянулись складки пространства. Тора рефлексивно ошетинился.

– Отец. До-мару. Кажется, три сразу.

– Да что б он сдох! – вырвалось у кицунэ.

В гараже резко взревел мотор, раздались металлический скрежет и звон разбитого стекла, и спортивный автомобиль Ичиро вылетел из-за угла особняка. Едва не перевернувшись на крутом вираже, он промчался по центральному газону, проигнорировав круговой подъезд, и ринулся за ворота.

«Отец, извини. Не успел», – предупредил Рику.

Тора поймал в своем сознании отголоски распоряжений, выданных отцом своему секретарю – глава Дома приказал защищать периметр поместья и обозначил противника так, как указал старший сын.

Эпизод 25. Всем миром

Торе было очень непросто устоять перед соблазном кинуться в бой прямо с «командного пункта», но отец жестко приказал ему оставаться рядом. А для убедительности ухватил за шкуру, благо мощная холка оказалась под рукой, так как после оборота в зооморфную форму Торе пришлось закрепиться на крутом скате в положении лежа, чтобы выполнить распоряжение буквально. Единственная польза от физического бездействия заключалась в том, что Тора получил возможность детально рассмотреть сикигами в реальном и магическом спектре.

Основным объектом изучения стал до-мару перед воротами. Электромагнитный барьер предотвратил его немедленное проникновение на территорию поместья, однако сикигами продолжал кидаться на невидимую стену с топором, от чего металлические украшения ограды раскалились до красна, а силы Като и Фумы таяли с каждой секундой. Маракайто бегал перед воротами и отчаянно размахивал обтрепанным жезлом – бумажные ленты в большинстве своем промокли и порвались. Люди и аякаси спешно раскатывали пожарные шланги – от гаражей и со стороны парка, от поливочной системы. Что именно придумали теоретики и практики физики электричества, Тора не понял, но, очевидно, ставка делалась на

большой объем воды. Касательно сикигами непосредственно Тора уверенно констатировал, что оммёдзи, призвавший крыс, и оммёдзи, управляющий до-мару – разные персоны, однако стиль магического «почерка» у них схожий.

Вторая зона боевых действий образовалась на дороге, но со своей позиции Тора видел лишь перепутанный клубок магических узоров. Рику сообщил, что Ичиро протаранил своим авто не машину оммёдзи, а непосредственно сикигами, и теперь сражается один с двумя до-мару, а сам он ведет к брату на помощь Дэнбей и его команду в обход – через коммуникационный узел водонапорной башни, указанный инженером Ёсикавой.

На дворе к этому моменту обстановка изменилась в пользу защитников – Като и Фума в облике призрачной двуглавой лисицы с многократно возросшими силами готовились к атаке в сопровождении водяных струй. Жезл в руках Маракайто каким-то образом вернулся к оригинальной форме, а каждый сидэ – бумажная ленточка – сиял беловатым светом. Тора поспешно тронул сознание Юдзо.

«Мне удалось накачать близняшек», – сообщил брат так, будто выдавливал слова сквозь бурное дыхание.

«Ты как? Где ты?»

«В гараже. Не волнуйся. Оклемаюсь».

Тора отметил про себя, что передача сил Като и Фуме ослабила донора, что было вполне логично, в отличие от вчерашней процедуры.

Внизу кто-то скомандовал – «в атаку!». Зашипели водяные струи, призрачная лисица кинулась на сикигами, а Накадзима-старший бросил вперед большой шар синего пламени. Входила ли поддержка атаки в его планы или он просто не удержался, глядя на отважных сыновей, Тора не понял и дернулся, чтобы вскочить.

– Не вмешивайся! – приказал ему отец. – Твое дело – главный узор портала.

«Отец, до-мару в портале нам не нужны!»

– Ты слышишь Ичиро?

«Нет».

– Он сказал: «Оммёдзи – зомби». Смотри внимательно. Уверен, ты увидишь, что почерк один и тот же.

«Почерк разный, отец! Даже если некромант и управляет до-мару через учеников или подручных, его силы здесь не сосредоточены. Мы запечатаем пустышку, если откроем портал сейчас!»

Грохот перед воротами возвестил о низложении противника. Инугами кинулись на опрокинутого великана. За ними бесстрашно побежали мужчины, вооруженные монтажками и арматурой. Кинущэ схватился за голову обеими руками.

«Против лома нет приёма», – вставил Тора.

– Я всегда говорил: люди не слабее нас, – пробормотал Накадзима, наблюдая, как два автомеханика, шофер и электрик, все в резиновых сапогах и перчатках, колошматят магические доспехи подручными инструментами.

«Пап! Мы его сделали!» – гордо раздалось в пространстве сознаний на два «голоса».

– Молодцы, – облегченно вздохнул кинущэ.

Тора видел, как Маракайто, схватив призрачного лиса за оба искрящихся хвоста, оттаскивает его назад, в ворота. К нему на помощь, бросив пожарный шланг, бежал Одзакисан. Фонари во дворе, доселе мерцавшие и трещащие на все лады и переливы, вспыхнули ярким светом. Издали доносился командный голос Киры, однако слов Тора не разобрал.

«Отец, Ичиро завалил одного до-мару, – доложил Рику. – Второго преследуют Дэнбей и его парни. Отступает к шоссе вслед за автомашиной. По данным инугами поблизости нет живых людей. Ичиро считает, что машину ведет зомби».

«Остановите его любой ценой!»

«Понял».

– Тора, портал!

«Отец, рано!»

Кицунэ и ирбис напряженно смотрели друг на друга.

Вдруг издалека донесся волчий вой.

Тора вскочил на конек крыши.

– С севера, – произнес Накадзима. – Тора, предупреди Рику!

Тора на сей раз поступил по-своему: позвал Юдзо, велел ему обеспечить контакт между Го и инженером Ёсикавой для определения направления туннелей и по итогам связаться с Рику.

Отец кивнул, мол, так вернее, и обернулся в зооморфную форму.

Тора медленно опустил взгляд, дабы убедиться в отсутствии иллюзорной подтасовки. Бедно-золотой лис сердито глянул вверх из-под огромных кошачьих лап.

«Давай без комментариев», – строго предупредил он.

«Хорошо», – охотно согласился Тора.

Под прикрытием кошачьей ауры скрытности гигантский ирбис, золотой кицунэ и десять самых опытных инугами под предводительством капитана Мориты подкрались к канализационному коллектору. Все псы были помечены магией вожака, что значительно увеличивало их сопротивление ядовитым миазмам и многократно поднимало уровень физических сил. Тора слышал про это заклинание в мире обакэ, а кроме того видел похожий элемент в компьютерных играх Като и Фумы. Название игрового заклинания – «Берсерк» – весьма точно отображало действия настоящего. Однако в отличие от программного «берсерка» магия инугами питалась жизненными силами зачарованного.

Волчья переключка приближалась по мере передвижения крыс по туннелю.

«Коллектор теперь тупик, – вспомнил Тора. – Все каналы в дом перекрыты, и единственный путь для крыс – колодец на поверхность. На дне начнется свалка. Выползая вверх они будут по стенам. А этого мы не предусмотрели», – отметил для себя Тора.

Отец либо уловил его мысль, либо его собственная текла в том же направлении.

«Нужно задержать здесь первых, пока подтягиваются последние. Я поставлю барьер, как только они начнут вылезать на поверхность, – предупредил он.

Тора молча согласился, однако видел, что отец опять надеется на везение, ибо было очевидно, что Морита и десять инугами, пусть даже усиленные магией, не справятся с несколькими сотнями ядовитых сикигами, пока другие сотни выползают из колодца.

Металлическая крышка коллектора задрожала под напором снизу и сдалась без сопротивления. Мерзкий дух сикигами-крыс хлынул из-под земли вместе с отвратительным запахом нечистот, и первопроходцы начали выпрыгивать на поверхность. Забетонированная площадка вокруг отстойника быстро наполнилась кишачей массой колдовских тварей.

Капитан Морита вслух по-собачьи скомандовал атаку. Почувств псов, крысы сделали попытку кинуться назад, в колодец. Однако рефлексы животных превалировали над магической установкой всего несколько секунд. Тора глазом моргнуть не успел, как все одиннадцать ёкаев-псов очутились под конгломератами грязных тварей.

«Отец, портал!» – Тора вспрыгнул в воздух и встал на складках пространства.

«Барьер...» – попытался возразить кицунэ.

«Отец, портал! – Тора нажал мыслью так, будто кричал вслух. – Я знаю как завлечь всех вовнутрь. Просто поверь мне!»

Он уже понял: в сложившейся ситуации другого решения нет. Оставалось лишь надеяться, что основное допущение окажется верным.

Накадзима-старший поверил. Вскочил на лисьих огнях вверх, занял свою позицию и раскинул базовый узор. Тора подхватил заклинание так, как его научили создатели ловушки,

и на фоне ночного неба начал формироваться черный вертикально ориентированный круг. Тропинку-лестницу Тора сбросил вниз по собственной инициативе и подскочил к отцу.

«Набрось на меня свой огонь!»

Кицунэ дрогнул.

«Тора, зачем? Что ты задумал?»

«Есть только один безопасный для всех способ загнать оммёдзи в портал, – зеленые глаза ирбиса сверкнули в ночи. – Накинь на меня свою солнечную ауру».

«Тора. Нет! Ты не выберешься оттуда!»

«Всё будет в порядке», – уверенно заявил Тора.

Кицунэ глянул вниз. Грязная масса текла из колодца наружу, как черная лава. Вспышки красноватого пламени – метки капитана Мориты – кое-где еще просматривались, но ущерб от атаки инугами был ничтожно мал, зато обратный грозил обернуться фатальными потерями.

«Папа, я должен это сделать. Я вернусь, обещаю», – Тора доверительно посмотрел на отца.

Тот медлил. И Тора с запозданием сообразил, что сейчас впервые спонтанно обратился к отцу по-домашнему – «папа».

Сомнения, страх, отчаяние, надежда – все смешалось в остановившемся взгляде желтых лисьих глаз. Однако Тора не сомневался, что глава клана примет решения в пользу дела, за которое люди и аякаси сражались сейчас всем миром в двух мирах.

Пятнистая шкура вспыхнула золотистым огнем. Свет сконцентрировался на кончиках шерстинок, и шерсть засияла ярким солнечным светом.

«Действуй, сынок, – беззвучный голос отца коснулся сознания Торы. – Действуй, и возвращайся во что бы то ни стало».

Снежный Барс согласно кивнул, издал призывный клич и помчался по воздуху на золотых огнях. Сделав круг над оцепеневшими сикигами, он бросил взгляд вниз, убедился, что внимание тварей, а значит и «крысовода», целиком и полностью приковано к нему, и по-кошачьи грациозно побежал по заранее созданным «ступенькам». Сопrotивляться силам магического тяготения в близости от портала было нелегко, но Тора делал вид, будто никаких изъянов в пространстве нет, а он – легендарный Ирбис – намерен своим священным светом стереть с лица земли полчища зловредных созданий.

Сикигами кинулись на него все разом. Торе показалось даже, что ради этого броска крысы собрались в нечто вроде акробатической пирамиды. Он для вида очистил первые ряды, но их место немедленно заняли следующие. Тогда он подпустил к себе противника, будто недооценил его силы, рассеял вторую волну атакующих и незаметно подставился под уцелевших. Изобразил попытку стряхнуть с себя крыс, отступил, нацеплял еще несколько десятков и отпрыгнул к самому portalу. Часть сикигами тотчас утянуло в ловушку, но Тора продолжал собирать противника вокруг себя. Объем ядовитой массы подступил к отметке «критическая». Очищать тех, кто висел на шкуре, Тора уже не успевал, а потому получил несколько болезненных ранений в области груди – сикигами норовили добраться до сердца. Не осталось никаких сомнений: допущение было верным – оммёдзи знал искривленное прочтение легенды. А потому его планы кардинально изменились. Теперь он вознамерился завладеть сердцем Снежного Барса.

Тора прыгнул в портал. Крысы немедленно повалили за ним. Пространство и время расступились, ворота мигом очутились на фантомной линии горизонта, но Тора продолжал отступать от человеческого мира до тех пор, пока не почувствовал энергию печати.

Магическое поле он представил для себя в форме паутины, а пойманных сикигами – в образе мух, запутавшихся в сети. Он рванулся прочь, дабы не попасться в ловушку самому. Силы иссякли в раз и, как ему показалось, полностью, но кто-то, державший одну из четырех опор печати, направил ему в помощь целительную энергию. Миазмы, осевшие на шкуре, тут же исчезли, затянулись раны от крысиных зубов, и Тора ощутил приток сил. Почерк

дружественного обая он не признал, а в добавок уловил обрывки заклинания в словесной форме на китайском языке.

Рывок наугад привел его к другой опоре, жесткой и холодной, где без слов и привычных мысленных пассажей ему «сказали»: «Твое место там, где лисы, меч и ножны». Потеряв ориентацию после неожиданного магического толчка, Тора закувыркался в пространстве без пространства, силясь сконцентрироваться на как-нибудь определенной мысли. Единственной определенной оказалась мысль, порожденная наставлением холодного незнакомца. «Мадзоку, – догадался Тора. – Меч и ножны. Ичиро и Рику!»

Образы братьев сработали как маяк в штормовой ночи. Тора кинулся туда, откуда веяло родным теплом, но обнаружил не ворота домой, а открытый портала, созданный хорошо знакомым колдовским почерком.

«Куда путь держишь, добрый молодец?» – четко прозвучало в ушах.

«Я домой, бабушка Яга», – кое-как сформулировал Тора.

А сам подумал, что «домой» он такими темпами попадет через пять-шесть человеческих лет, ибо любой, кто хоть однажды переходил из мира в мир, знал, что времени между мирами не существует, и только мадзоку и древние обая способный совместить слои пространства так, чтобы пересечь границу минута в минуту.

«Беги по мамкиной дорожке, батька встретит. Счастливого пути!» – донеслось из Западного Пограничья, и вместе с благословением, Тора получил дружеский шлепок.

Воодушевленный во всех смыслах, Тора помчался в указанном направлении. Откликнулся на приветствие стаи ямабуси-тэнгу, хороших приятелей матери, вдохнул сил из родного ареала и свернул на тропу, над которой витал незабываемый дух нэкоматы.

Пространственные слои, плотно склеенные семь дней назад, когда нэкомата возвращалась на Родину из людского мира, расплылись, и теперь опорные изгибы выглядели как льдины иссякавшего речного ледохода. Тора сиганул вперед, не раздумывая. Однако задуматься пришлось на втором десятке прыжков, когда материнский дух почти развеялся, силы иссякли, а конца тропинки не было и в помине. Он снизил темп перемещения, дабы экономить собственную энергию, но помутнела перспектива и начисто пропала путеводная ниточка. Очевидное – заблудился – Тора от себя отогнал, но все же оглянулся, чтобы оценить пути к отступлению. В принципе он мог вернуться в мир, где родился, отлежать там до полного восстановления сил, тем более опору печати, а значит и портал, держали друзья, которые с радостью приютили бы на своей горе сына нэкоматы. Однако...

«Сколько лет пройдет у людей прежде, чем я накоплю энергию и построю собственный мост? – подумал Тора. – Я обещал отцу вернуться. Ему передадут, что со мной все в порядке. А потом я вернусь. Но когда? Через пять, десять лет? Что папа успеет натворить за эти годы? А Хирото, Като и Фума, Ичиро, Рику? Юдзо».

Под шкурой пробежали холодные мурашки от мысли о том, что Юдзо вновь останется наедине со своими снами. Теперь они наверняка найдут способ общаться друг с другом между мирами. Может быть даже удастся говорить и с Маракайто. Но разве это заменит живой контакт, тепло соприкасающихся рук, взгляд, улыбку, дружные домашние вечера, совместные дела на благо отцовского клана и братское плечо в трудную минуту?

«Я обещал вернуться и вернусь сейчас же. Уж лучше отлежусь дома. По крайней мере так всем будет спокойнее», – постановил Тора и без оглядки ринулся вперед.

Он чувствовал, что где-то там, за изгибами пространств и ширмами миров, очертя голову мчится золотой кицунэ. Он даже как будто видел пару раз яркий шлейф золотого хвоста, рассекавший складки на незримом горизонте. Тора попробовал определить условное направление относительно фантомной траектории, но вместо воображаемой карты перед глазами поднялся мутный туман – признак тотальных растрат энергии.

Неожиданно в памяти всплыли собственные слова: «... в конце концов мы там классно

оттянулись...»

«Рёкан! – осенило Тору. – Мама уходила из пространственной точки, где расположен рёкан. Я уже прошел две трети пути. И теперь должен найти след по собственным ощущениям».

Он до мельчайших деталей восстановил образ потрепанного здания, затопленный онсэн, двор, где вместе с братьями сражался с духом горы. Но поперек всех картин ухнула одна, вроде бы бессмысленная: Юдзо как замороженный идет в направлении пространственных искажений, где земля и снег шевелятся, будто поверхность закипавшей в котле воды. То было место, где ушел под землю обакэ-страж, когда рёкан, закрытый барьером, находился в пространстве между мирами.

«Тора! Выбирайся оттуда! Умоляю! Скорее!»

Тора потряс головой. Голос брата бился в ушах вместе с отчаянной пульсацией собственной крови.

«Он видел тогда меня?» – Тора аж приостановился от неожиданности.

Остановка пагубно сказалась на самочувствии: лапы подогнулись от усталости, и сознание ухнуло в туман бессилия. В глазах поплыли обрывки кадров, похожих на съемку неисправной камерой. Автомобильный руль и приборная панель, засвеченная всеми цветами радуги. Белая лисичка в небе перед капотом. Синие размазанные огни под колесами белосеребристого автомобиля. Автомобиль мчится по воздуху, затем по своду железнодорожного туннеля вверх колесами...

В заложенных ушах гудели и шуршали знакомые голоса, и один относительно цельный диалог Тора сумел даже осознать. Голос Ичиро: «Встречный поезд! Газ в пол!», – Юдзо: «Успеем», – и после паузы вновь Ичиро: «А еще говорили, я вожу машину, как псих...»

«Бред», – одернул себя Тора и кинулся дальше, невзирая на слабость.

Через какое-то время он спохватился – куда несется, не чуя ни тропы, ни путеводной нити, ни вообще собственного тела?

«Папин авантюризм – это врожденное или заразное?» – мелькнуло в голове.

Стоило лишь подумать об отце, как сознание расшифровало едва различимый запах лисьей шкуры – мокрой, приправленной душиком болота и парами солянки. Вспомнилось: «...*батяка встретит*».

«Ему уже доложили, что я рванул домой», – весело подумал Тора, хотя радоваться было рано – предстояло построить портал.

Между складками пространства Тора протискивался так, будто вылезал из густой грязи. Попутно перед глазами вращались кадры бредового полета автомашины, последним из которых стал отчетливый короткий видеоряд, демонстрировавший поступательное исчезновение этой самой машины, начиная с крыши и бортов, заканчивая рулем в руках водителя. Тора узнал руки Юдзо – тонкие запястья, обильно покрытые черными волосками, длинные крепкие пальцы, завершенные узкими ухоженными ногтями. Показалось, что брат тянется к нему сквозь пространство. Тора бессознательно обернулся в антропоморфную форму, подался навстречу, и в этот момент был выдернут из реальной грязи за шкирку отцовской рукой.

Тора повис на плече отца, удержаться в вертикальном положении не сумел и завалился на бок. На фоне большой лужи, окруженной лентой с табличкой «опасная зона», мелькнули три мокрых лисьих хвоста.

– Пап. Я дома, – выговорил Тора.

Его тут же стиснули в объятиях, и он услышал, как колотится сердце отца под мокрой лисьей шкурой. Это было последнее, что зафиксировало сознание.

Эпизод 26. Накадзима и сыновья

Первое просветление состоялось в той же влажной атмосфере ночного леса, пропитанной в ближайшем пространстве несравненным духом мокрой псины, болотной гнилью и запахом солярки. Тора не определил, сколько времени пролежал у отца на руках, но время это подошло к концу, ибо топот бегущих Юдзо и Ичиро ощущался явно. Пошевелиться он не мог, и тем более не мог оказать сопротивление, когда его выдернули из отцовских объятий. Прикосновение губ брата к своим губам он не почувствовал – тело пребывало в состоянии онемения, – зато ощутил значительный приток сил и мигом вспомнил ассоциацию на десерт. Однако отказываться от трехкратной добавки не стал бы, даже если бы способен был двигаться. Какие-то комментарии со стороны Ичиро и отца прозвучали, но Тора не довел до ума смысл высказываний.

Второй раз Тора очнулся под аккомпанемент громкого спора на тему кто, кого и как будет транспортировать до шоссе. На сей раз он сумел не только ощутить, но и разглядеть окружающую действительность, и первое, что увидел, были маленькие белые лисы: одна свернулась клубком у него на груди, вторая – на голове Юдзо как меховая шапка. Взгляд скользнул по свежим доскам веранды и остановился на трех грязных, но уже просохших лисьих хвостах.

«Пап, поздравляю с повышением лисьего ранга», – мысленно, ибо на слова не было сил, «сказал» Тора.

Над ним немедленно склонились все трое – Юдзо, отец и сверху Ичиро.

– Помолчи. Пожалуйста, побереги силы! – дрогнувшим голосом произнес Накадзима-старший.

Его ладонь, скользнувшая по щеке, показалась Торе очень горячей. С небольшим опозданием он сообразил, что рука нормальная, зато его тело всё еще мертвенно холодное, что вызывает у отца и братьев вполне законный страх. Нужно было бы объяснить, что онемение – всего лишь реакция физической оболочки на энергетическое истощение, но Тора решил, что сейчас ему вряд ли поверят, взглядом согласился с требованием помолчать, закрыл глаза и опять вырубился.

От рёкана до шоссе Тора ехал на спине Ичиро, но этот процесс проходил для него в весьма туманном состоянии сознания. В том же состоянии он получил какое-то количество «донорских вливаний», понял, что давно и уютно пристроился рядом с Юдзо и что пространство вокруг похоже на салон микроавтобуса.

Проснувшись в третий раз уже с относительно стабильными самоощущениями, Тора определил, что лежит на заднем сидении микроавтобуса, завернутый в шерстяное одеяло, пропахшее казармой инугами. Юдзо своим торсом обеспечивает имитацию шезлонга, а его левая рука выполняет функции ремня безопасности. Напротив, на полу салона сидит Ичиро и, упершись вытянутой рукой в спинку сидения, работает фиксатором для ног лежащего. «Три часа от рёкана до поместья. Они же онемеют тут вместе со мной», – мелькнуло у Тора.

Машину тряхнуло на повороте. Обе страховки отработали идеально. А Тора про себя оценил скорость микроавтобуса и снизил временную оценку путешествия до двух часов.

Запах лисьей шкуры, окруженной парами бензина, качался над креслами впереди, слева по ходу движения. Тора прислушался, уловил дыхание отца, по ритму определил, что тот крепко спит, вспомнил про исчезнувший дух солярки и про то, что солярку принято смывать бензином, и догадался, что кто-то устроил папиной шкуре химчистку подручными средствами. Очевидно, шофер Ямато, ибо в салоне, кроме духа отца и братьев, витал только его человеческий запах. Риторический вопрос – где же отец умудрился так перемазаться? –

породил цепочку других: как долго кицунэ мчался своим ёкайским ходом до рёкана? – сколько времени он сам – Тора – провел в пространстве между мирами? – какой сейчас день? – который час?

Тора из-под приоткрытых век посмотрел на циферблат наручных часов, болтавшихся на левом запястье Юдзо. Зрение фокусировалось плохо, белый циферблат в обрамлении серебристого корпуса на белом фоне руки расплывался перед глазами, и расположение стрелок Тора не разглядел. Зато сумел рассмотреть «окошко» с календарной датой. От сердца отлегло: всё та же злополучная суббота.

Юдзо почувствовал неподвижное напряжение брата и аккуратно тронул правой ладонью его лоб под густой растрепанной чёлкой.

– Как он там? – шепотом спросил Ичиро.

– Теплый. Уже почти норма, – тоже шепотом сообщил Юдзо.

– Прибавь к норме пару градусов по кошачьей физиологии, – посоветовал Ичиро с облегченным вздохом.

Тора вознамерился дать пояснения к ёкайской физиологии относительно ёкайской энергетики, но вслух у него получилось лишь невнятное мычание. Юдзо наклонился к самому его лицу.

– Тора? Что?

«Который час?», – безмолвно спросил Тора, больше не рассчитывая на непослушный язык.

– Начало двенадцатого ночи. Минут через двадцать будем дома, – быстро ответил Юдзо.

Тора удовлетворенно кивнул, хотел, было, вновь погрузиться в сон, но тут под смыкающимися веками вспыхнул последний, зафиксированный сознанием кадр – лицо брата. Он вздрогнул и мигом очнулся. Юдзо поспешно отклонился так, чтобы не попадать в поле зрения кошачьих глаз, но Тора успел рассмотреть всё, что требовалось. То, что на веранде рёкана он принял за белую лисичку, пристроившуюся на голове брата, было собственными волосами Юдзо – густыми, волнистыми, отросшими до плеч и совершенно белыми. Тора медленно скосил взгляд на руку с часам. Белый фон под серебряным корпусом оказался густой порослью волосков человеческой фактуры, но тоже белых.

– Это ерунда, – обронил Юдзо, почувствовав, чего метаморфоза замечена.

– Ты... перецвел, – выговорил Тора вслух, но еле слышно.

– Поседел, – мрачно поправил Ичиро и, спохватившись, бодро добавил. – А вообще – заткнись, кошкак полудохлый, и отсыпайся.

– Перецвел, – упрямо повторил Тора.

Из микроавтобуса Тора вышел сам, но опираясь на плечи братьев. Вместе с отцом поприветствовал людей и аякаси, спешивших навстречу, и даже самостоятельно поднялся по лестнице на второй этаж. Но отец этот «подвиг» не оценил, нелестно высказался в кошачье ухо по теме выпендрежа и велел Ичиро, единственному, кто в тот момент уверенно держался на ногах, доставить старшего брата в его комнаты вручную. Что Ичиро с удовольствием и сделал, но уже без зрителей.

Сквозь сон Тора периодически и кратковременно ощущал реальную обстановку: кто-то дежурил возле его футона, что-то делали с его пропитанной грязью шерстью, каким-то образом его ухитрились накормить густым мясным бульоном. Ощущение времени отсутствовало начисто, но по этому поводу Тора не беспокоился – отец и братья могли навестить его в любой момент, а значит, не столь важно, сколько часов он проваляется в постели. Однако залеживаться он не собирался, а потому самонастройка на восстановление сил была задана жестко.

Наконец, подступило пробуждение. Тора, лежа на боку, по-кошачьи потянулся, уперся лапами в стену и обнаружил, что пребывает в зооморфной форме. Он сознательно выполнил обратную метаморфозу и потянулся второй раз из положения лежа на спине. В мышцах приятно защекотало, запах чистоты приласкал обонятельные рецепторы, ощущение уюта обволокло полусонное сознание, и просыпаться расхотелось. Тора позволил себе понежиться на чистых простынях. В антропоморфной форме он легко имитировал движения зооморфной, поэтому перетекание из одной кошачьей позы в другую стало чем-то вроде утренней разминки. Воспоминания о холодном оцепенении улетучились, все мышцы проснулись в нормальном тонусе, и вслед за ними полностью пробудились органы чувств.

Тора прислушался. Неподвижное присутствие рядом отца удивило, но тревоги не вызвало, ибо кицунэ пребывал в состоянии релаксации. Но не спал и даже не дремал, а взгляд его Тора явственно ощутил на себе. Принюхавшись, он определил дополнительно, что отец находится в спальне не менее получаса. Шевельнулось беспокойство: почему он здесь так долго и при этом ничего не предпринимает? Тора сквозь опущенные ресницы посмотрел на часы – электронная панель висела в нише большого стенного шкафа: «27 сентября, воскресенье, 13:56».

– Пап, – тихонько позвал он.

Ответа не последовало, и Тора подскочил.

Отец сидел на ковре возле стены в окружении трех пушистых хвостов и с отрешенной улыбкой на губах смотрел на сына.

– Пап, ты чего? – испугался Тора и, не обратив внимания на распахнутую юката, на четвереньках метнулся к отцу.

– Верно говорят: наблюдение за кошками успокаивает, – сообщил кицунэ, окинул взглядом пятнистый меховой торс сына и тепло посмотрел в его зеленые глаза.

Тора сел на коленях так, чтобы отец при желании мог дотянуться рукой до его поднятых торчком ушей. Но тот провел тыльной – лисьей – стороной своей ладони по человеческой щеке сына. От руки пахло мясным бульоном. Этому запаху было уже часов шесть, не меньше, но Тора теперь точно знал, кто участвовал в его кормлении.

– Стрессы по уикэндам, – задумчиво продолжал отец. – Важно, чтобы это не вошло в привычку. Сижу и размышляю о причинах и следствиях. На прошлой неделе я планировал слегка поугаждать вас, в результате напугался сам. Постфактум. А сегодня вы как будто в отместку сговорились пугать меня по очереди. Начал ты. Подхватил Юдзо. Потом поддали жару Като и Фума. Для разнообразия мне пришлось всерьез отругать Хирото. После я перетрусил за Рiku. И последний удар нанес мне Ичиро – полчаса назад ворвался в мою спальню с криком: «Папа, сделай что-нибудь, Рiku не просыпается».

Если бы в желтых прищуренных глазах кицунэ в этот момент не блеснули хитрые искорки, Тора среагировал бы на всё перечисленное самым что ни на есть серьезным образом.

– Тебе не страшно? – осведомился отец.

– Мне стало бы страшно, если бы ты не упомянул спальню, – Тора прищурился по-кошачьи.

– Спальню? – искренне изумился кицунэ.

– Угу. Ты все-таки выкроил себе время на отдых, а это означает, что обстановка в доме стабилизировалась.

Накадзима обессиленно рассмеялся.

– Наверное, я никогда не смогу предугадать ход твоих мыслей! – он еще раз оглядел сына с коленок до ушей. – Тора, скажи мне честно, ты с самого начала планировал этот сумасшедший бросок в портал в облике священного Ирбиса?

– Нет.

– Тора? – кицунэ нахмурился.

– Пап, нет, – повторил Тора. – И обманывать твое лисье чутье я не намерен.

– А Хирото устроил мне истерику: как ты посмел послать Тору на смерть.

– Надеюсь, ты хорошо ему всыпал за такие слова? – серьезно осведомился Тора.

– Да, – в тон ему ответил глава семейства. – И, надеюсь, он понял это правильно.

– Что с Моритой и его командой?

– К счастью, живы. Но все в лежку. Сёки так глубоко проникло в их тела, что я не смог очистить их своим огнем. Вовремя подоспел Маракайто. Кажется, его собственный ранг поднялся многократно за эту отчаянную ночь. Те, кто был рядом с ним во дворе, говорят, что он взывал к предкам-священникам, а Одзаки показалось, будто в момент чудесного восстановления жезла появился призрак старика-каннуса. Сам Маракайто ничего этого не запомнил.

– Где он? – Тора повел ушами и носом одновременно.

– Уложили здесь в кабинете. Он носился между тобой и Юдзо всю ночь, а утром просто рухнул на диван и уснул.

– Юдзо в порядке, – заметил Тора и непроизвольно оглянулся на стену, отделявшую его спальню от спальни в апартаментах брата. – Чем он тебя напугал?

– Не догадываешься? – кицунэ усмехнулся.

Тора нахмурился. Когда он сквозь пространство видел руки Юдзо в первый раз, волосы на предплечьях были черными. А «белую шапку» заметил уже на веранде рёкана, то есть спустя не менее часа. Отец не стал дожидаться ответа, и объяснил сам:

– Он поделился энергией с тобой, а после сделал вливание и мне. Не столь пикантно, но не менее впечатляюще. Его волосы поседели прямо у меня на глазах. Ичиро оттащил его от меня совершенно белого и едва живого, а у тебя начались судороги. В тот момент мне показалось, что еще минута, и я потеряю двух старших сыновей. Потом, когда ты успокоился, а Юдзо очнулся, Ичиро рассказал, каким образом они вдвоем добрались до рёкана меньше чем за час. Юдзо материализовал автомашину с синим огнем вместо колес. Ичиро утверждает, что это был призрак автомобиля, на котором их троих возили в школу. А я боюсь теперь, не побеспокоил ли Юдзо душу Симады.

– Нет. Здесь другое. Я никогда не слышал раньше о существовании цукумогами уничтоженных вещей. Но Юдзо призвал дух давно утилизированной автомашины, это факт, – сказал Тора.

– Ты видел? – изумился отец.

– Ну... типа да, – Тора опять посмотрел в сторону спальни, где проснулся Юдзо, и решил объяснить происшествие с цветом волос брата, пока мнение «поседел» не укрепилось окончательно. – Согласен, Юдзо отчаянно рисковал, когда огулом отдал тебе свою жизненную энергию. Тут уж как ни оправдывайся, а твои три хвоста против его вчерашней линьки делают уровень ваших сил несоразмерным.

– Ты сказал – линьки? – Накадзима подался к Торе всем корпусом.

– Он не поседел, пап. Он перелинял. Враз и окончательно. Не удивляюсь, что такая скорость процесса ослабила его вдвойне. Но восстановить энергию ему помогли с той стороны. Белая спиритическая лиса – дух предков. Она живет в ауре Юдзо. Мы увидели ее позавчера, но не исключая, что она сопровождает его с рождения.

– Дух предков в ауре... – механически повторил отец и вдруг спохватился. – Минутку, Тора. Несоразмерный уровень сил, ты сказал? Но если сравнивать твои силы и силы Юдзо, разница будет просто запредельной. И тем не менее этот его, с позволения сказать, «поцелуй» не ослабил его нисколько.

– Этот прием называется «живительное дыхание». Универсалов – единицы. Ну а... – Тора на секунду призадумался над формулировкой. – А индивидуальные вариации никто не

считал.

Отец выразительно посмотрел на межкомнатную стену, куда периодически косился Тора, и подытожил.

– По-моему, эта перегородка здесь явно лишняя. Но сейчас рекомендую воспользоваться штатной дверью, дабы не добавлять работ ремонтной бригаде.

Тора почувствовал, как Юдзо в своей комнате поднялся с futона и пошел к выходу. Накадзима-старший вопросительно кивнул сыну.

– Он в норме, – ответил Тора на безмолвный вопрос.

Кицунэ демонстративно повел ушами. Тора и сам хорошо слышал, как брат сначала не вписался между рам сёдзи своей спальни, потом споткнулся в тамбуре, после чего уронил одну из трех пластиковых бутылок с минеральной водой, которые прихватил с сервировочного столика в коридоре. В этом штормовом состоянии он и предстал перед отцом – белый от макушки до босых ступней, в черной кое-как запахнутой юката. Черные синяки под желтыми с вертикальным зрачком глазами и свалявшиеся кудри на висках сделали его лицо похожим на морду белого кицунэ с признаками антропоморфии.

– И это называется «норма»? – отец придал голосу сердитые тона, но тону не поверили ни Юдзо, ни тем более Тора.

Юдзо вяло кивнул вместо приветствия, обронил – держи, – и подал отцу одну из бутылок минералки. Вторую, не глядя на брата, подкинул точно ему в руки, шумно хлопнулся на ковер позади Торы и – Тора успел стряхнуть с плеч шелковую юката – прижался лбом к его шерсти между лопаток.

– В молодости я встречал одного кицунэ со свойством кюкецуки, – как бы между прочем заметил Накадзима-старший, неспешно отворачивая пластиковую пробку тремя когтями.

– За свойствами вампиров – туда, – Юдзо вяло показал своей бутылкой в направлении комнат Ичиро и Рику.

– Туда – успеется. Прежде объясни мне, пожалуйста, Юдзо, что ты сотворил с близнецами?

– С которыми?

Отец по-лисы фыркнул, на сей раз по-настоящему сердито. Тора насторожился и слегка пошевелил лопатками, чтобы шерстью пощекотать и тем самым взбодрить брата.

– Като и Фума устроили над ранеными инугами знатный фейерверк, – пояснил кицунэ. – Кира утверждает, что все, на кого попали искры и молнии, теперь регенерируют на порядок быстрее остальных. Но Като и Фума остались без сил и без своих замечательных рыжих челок.

– Я не учил их раздавать энергию, – Юдзо приподнял голову. – Где они?

– Отсыпаясь под присмотром своего наставника с тех пор как обесточили половину поместья.

– Восстановили силы от электрической сети? – Тора готов был рассмеяться.

– Представь себе – да. Вписались в технический прогресс людского мира, так сказать. Наш электрик уже обратился к Акияме с просьбой подыскать ему расторопного помощника.

– А что случилось с их челками? – Тора усилием прижал смех.

– Видимо, то же, что с волосами Юдзо. У обоих на головах теперь яркие серебряные гривы. Надеюсь, это можно будет как-то пригладить. Не хочу давать им в руки магию иллюзий сейчас, пока они учатся в школе.

– Но раз они перецвели, значит – повзрослели? – предположил Юдзо.

– Не значит, к сожалению. Здесь, в людском мире, на первом плане законы человеческой природы, а не инстинкты хэнгэ. Но с твоим повзрослением, Юдзо, я, так и быть, соглашусь.

– Спасибо, – Юдзо криво усмехнулся и принялся открывать минералку.

Отец отхлебнул воды из своей бутылки, искоса полюбовался на сыновей и остановил

взгляд на Торе, который сосредоточенно срезал когтем верхнюю часть пластикового сосуда, чтобы сделать себе стакан.

– Не желаешь похвастаться своими подвигами? – осведомился кицунэ.

– Какими подвигами? – искренне удивился Тора.

– Как ты выбрался из мира обакэ за столь короткий срок? – уточнил отец. – И не нужно делать вид, что не понимаешь, о чем я говорю. У тебя не было проводника, у тебя нет опыта самостоятельных путешествий между мирами. Ты мог застрять там на долгие годы! Как ты совместил пространства, чтобы вернуться час в час?

Юдзо за спиной Торы напряженно застыл.

– Просто хотел вернуться домой, и вернулся, – Тора пожал плечами, сделал несколько плотков из тщательно подготовленного «стакана» и пояснил. – Сначала мне китайцы помогли – очистили и подлечили. Потом мадзоку дали пинка в нужном направлении. Бабушка Яга объяснила, куда и как идти. Мамины друзья из нашего ареала открыли портал, чтобы я энергией запаса. Ну а дальше напрямиком.

– Но почему в рёкан? – с нетерпением спросил отец и глянул на Юдзо.

Тора живо разложил в уме известные ему факты в хронологической последовательности. В принципе русские обакэ могли оперативно сообщить о передвижении Снежного Барса своим товарищам в людском мире, и Стас Волков – дозвониться до Накадзимы в течении двадцати-тридцати минут после завершения печати. Однако теперь, после вопроса отца и его внимания к Юдзо в рамках этого вопроса, Тора понял, что навигацию встречавшим обеспечили не из Пограничья. Более того, сейчас, на фоне этого открытия, он иначе оценил реплику полковника Яги: «батька встретит» было подано как не просто вероятное, а безусловное событие. И указание мадзоку показалось теперь слишком уж определенным. Таким образом получалось, что золотой кицунэ помчался в рёкан раньше, чем Тора получил какие-либо ориентиры. А кроме того он вспомнил, как, подумав о братьях, ринулся на родной дух, а угодил к опорному portalу Пограничья.

– Ты у мадзоку был? – тихо спросил Тора через плечо.

В следующую секунду он понял, что предположение несостоятельное: Юдзо заглянул не к мадзоку, а к полковнику Яге. Но брат сам дал ответ:

– С матерью общался Рiku. Потребовал выполнить обязательство и исполнить желание отца вытащить Тору из портала. Я говорил только с твоим другом карасу тэнгу.

– Что? – выдавил Накадзима-старший. – Какой карасу тэнгу? Когда Рiku общался с матерью? Он сдал арестованного некроманта представителям мадзоку. Это было в пять утра! Юдзо, что это значит? Ты сказал мне, что Тора вернется во двор рёкана. Я тебе поверил безоговорочно и помчался прямо туда.

– Пап, погоди, – Тора придвинулся к отцу. – Я знал, что Юдзо видел, как я вылезу из следа горного обакэ. Поэтому я туда и...

– Ты знал?! – подскочил Юдзо.

– Ну да. Неделью назад, помнишь? Ты к воронке пошел, как сомнамбула.

Юдзо осел и медленно закрыл рукой лицо.

Накадзима-старший весьма натурально схватился за сердце.

Тора непонимающе смотрел то на отца, то на брата.

– Мальчики, признавайтесь, вы решили довести меня до инфаркта? – притворно слабым голосом осведомился кицунэ.

– Прекрати придуриваться, пап, – Юдзо нервно передернулся всем телом.

– Да что с вами такое? – удивился Тора. – Всё логично. Юдзо знал, где я финиширую, и чтобы сделать это вероятное событие событием реальным, предпринял соответствующие меры. Рiku, как я понимаю, вышел на телепатический контакт с ближайшим кровным родственником мадзоку, то есть с матерью. Пап, я видел тебя в слоях пространства. Значит,

мадзоку выполнила обязательства и даже поставила для тебя ворота в складках. А Юдзо обратился на заставу к тому, кого однажды видел вместе со мной, то есть к Карасу. Таким образом, Яга-тайсё узнала, где меня будут встречать, и подсказала мне оптимальный путь: по следу нэкоматы напрямик к отцу. След нэкоматы вел в пространственную точку рёкана, поскольку оттуда она ушла в мир обакэ. Портал для выхода я строил сам, и так оказался в воронке. Вот и всё.

Пауза растянулась надолго.

Первым нарушил молчание Юдзо.

– Какое счастье, что я не способен рассуждать так же логично, как ты.

– Это нормально, ведь ты интуитивист, – ответил ему Тора и обратился к отцу. – Пап, всё в порядке. Дело мы сделали. А вздрагивать от мыслей о вчерашних неприятностях бессмысленно.

– Тебя бы на мое место! – в сердцах высказался отец.

– Не, пап. У каждого из нас свое место, в этом и есть залог успеха общего дела, – парировал Тора и попросил. – Расскажи про Рику. Где его команда арестовала некроманта?

Накадзима-старший выпрямился, будто стряхнул с плеч тяжелый груз.

– Арестовали некроманта там, куда указал господин Ёсикава. Ему действительно нужен был пол для черчения кругов, – кицунэ усмехнулся. – Потеря магических сил вогнала его в глубокий ступор, поэтому сопротивления он не оказывал. Парни из сыскающей команды Рику нашли улики, указывавшие на непосредственную причастность арестованного к смерти двух человек, тела которых, обращенные в зомби, сгорели в автомашине.

– Сгорели? – удивился Тора.

– Адские гончие пробили бензобак, так объяснил Ичиро. Когда я помчался в рёкан, Рику был без сознания. Или мне показалось, что он без сознания, – кицунэ выразительно посмотрел на Юдзо.

– Контакт с матерью здесь не при чем. Это Ичиро выхлестал из него всю кровь, чтобы участвовать в поисках Торы, – быстро пояснил Юдзо.

– Какое откровение! – вздохнул отец семейства.

– Ты не знал, как Ичиро восстанавливает силы? – удивился Юдзо.

– Я не знал, насколько безрассудным бывает Рику. Я тут трясся за него, когда он уехал сдавать некроманта в руки мадзоку. А он, оказывается..!

Шум в коридоре заставил кицунэ умолкнуть.

– Легко на помине, – прижав улыбку, доложил Тора.

– Пап! – гаркнул Ичиро из гостиной. – Ты сказал, что он проснется через сорок минут, а прошло уже больше часа.

Юдзо поморщился.

– Но ведь проснулся. Зачем же теперь так орать? – вполголоса прокомментировал он.

«Юдзо, ты у Торы?» – безмолвный голос Рику отобразился в сознании и Торы, и непосредственного адресата.

«Рику, – позвал Тора. – Мы сидим у меня в спальне».

– Я тебе сказал, что все у кошака собрались! – крикнул Ичиро в коридор.

– Не все, – себе под нос сообщил Юдзо. – Все будут через две минуты.

Тора встал, походя кивнул вошедшему Ичиро, поднял с пола покрывало и накинул его на низкую, как жесткий матрас, широкую кровать.

Отец вальяжно прислонился к стене и обратил ожидающий взор на оставшуюся открытой дверь. Вошел Рику. Тора затылком почуял напряженную пантомиму между ним и отцом и решил разрядить обстановку.

– Лисы, меч и ножны, – в стиле «между прочем» сказал он.

– Ирбис, лисы и меч, – таким же тоном отозвался Рику.

– А просто по-человечески сказать «семья» они не могли? – скривился Юдзо.

– Они таких слов не знают, – объяснил Ичиро и ткнул Юдзо коленом в плечо. – Тебя к лисам причислили, просек?

– А были другие варианты? – Юдзо глянул на брата снизу вверх, встал и взялся наводить порядок в домашней одежде.

– Ни разу не слышал, чтобы кицунэ так запросто призывали цукумогами, да еще таких, у которых материальных вместилищ не существует, – заметил Накадзима-старший.

– Кицунэ и нэкоманта породили ирбиса – тоже из разряда «никто никогда не слышал», – заметил Тора.

– Тора? – Като и Фума осторожно заглянули в спальню.

– Пап, а как насчет ёкая, который лопаёт электричество? – почти серьезно осведомился Ичиро.

– Папа? Тора? – раздался из гостиной голос Хирото.

– Еще один потенциальный нарушитель стереотипов обакэ, – заметил Тора.

Отец беззвучно посмеялся, поднялся на ноги и тепло оглядел семерых сыновей.

– Для любого правила должны существовать исключения. За всю мою жизнь в человеческом мире я не уничтожил своими руками ни одного даже крошечного аякаси. И тем не менее, – он демонстративно повилял всеми тремя хвостами.

– Ух ты, пап! Сразу плюс два! – восхитились Като и Фума.

– Исключительность ко многому обязывает, – отозвался отец, весьма довольный произведенным впечатлением. – И какие раскрываются перспективы!

– Кажется, у папы зреет новый проект, – заметил Рикю в сторону Торы и Юдзо.

За настежь раздвинутыми сёдзи опять началось движение. Маракайто заглянул в спальню, увидал сборище и прошмыгнул мимо, в тамбур, где дожидались известий Одзаки-сан и Акияма. Из коридора доносился приглушенный голос Инукаи.

– Самый главный долгосрочный проект мы уже открыли, – объявил отец семейства, кивком показал на гостиную, где собирались люди и аякаси, и пояснил. – Считаю, что первый этап прошел успешно: барьеры сняты, маски сброшены, контакт установлен без эксцессов. Однако это пока лишь здесь, на нашем острове, в доме Накадзима. А теперь нам предстоит расширять географию!

<Конец первой части текстового сериала «Снежный Барс»>

Пояснительные заметки

Пояснения для всего текста

В Японии всегда называют/записывают сначала фамилию человека, а потом его личное имя.

В речи персонажей используются разнообразные именные суффиксы, принятые в японском языке по сей день. Здесь приводится краткий перечень:

-сан – нейтрально-уважительный суффикс, используется всюду. Считается, что ближайший аналог в русском языке – обращение по имени-отчеству. На основе этого факта автор взял на себя смелость применять суффикс «сан» в описательной части текста.

-сама – прибавляют к имени или фамилии непосредственного хозяина/босса в самом уважительном, предельно вежливом стиле общения, а также при обращении человека из низших слоев общества к уважаемому человеку из высших кругов.

Кроме того, суффикс «-сама» всегда сопровождает имя ками – божества.

В исключительных случаях суффикс прибавляют к имени очень уважаемого, почитаемого человека.

Прислуга в доме обращается к детям хозяина «вака-сама», что буквально означает «молодой господин». Здесь, в тексте новеллы, используется только русский аналог – «молодой господин», хотя для русского языка это обращение звучит непривычно.

-кун – именной суффикс, прибавляют к имени мальчика/юноши, реже – к имени мужчины, если он является младшим по возрасту и статусу, и очень редко к женскому имени. Обычно суффикс применяют при обращении старшего к младшему. Среди сверстников (например, школьников) «кун» используют те, кто состоят в теплых дружеских, но формальных отношениях.

-тян – уменьшительно-ласкательный именной суффикс, используется в общении девочек/девушек между собой и при обращении к ребенку. Отождествлять суффикс «тян» с русским уменьшительно-ласкательным суффиксом (например: Машенька, Ванечка) не совсем корректно из соображений частоты использования и обстановки, где применяется суффикс.

-сэнсэй – именной суффикс или самостоятельное неименное обращение к учителю, врачу, ученому.

-сэмпай – именной суффикс для обращения к старшему по возрасту или более опытному товарищу, обычно, к школьнику старшего класса; может быть использовано как самостоятельное неименное обращение.

-доно – используется при уважительном обращении к родственникам непосредственного господина, а также при обращении к офицеру, охраннику, в прежние времена – к воину. Кроме того суффикс «-доно» используют в официальных документах.

Отсутствие какого-либо именного суффикса допустимо при неформальном общении между очень близкими людьми, родственниками или хорошими друзьями.

[Вернуться к началу текста](#)

Пояснения к эпизоду 1

«Нэко-мими» – кошачьи ушки – неизменный атрибут популярного образа девочки-кошки в стиле кawaii – хорошенький, миленький. Иногда символизирует невинность.

Совершеннолетие для японцев наступает с достижением двадцати лет. До этого момента наряду с прочими ограничениями молодой японец не имеет права официально устраиваться на работу. Подростки, юноши и девушки, кто вынужден начинать трудовую деятельность раньше, работают по устному соглашению с работодателем. Интересный факт: по японскому законодательству молодые люди имеют право создать семью до совершеннолетия – юноши с 18-ти лет, девушки с 16-ти лет.

Система школьного образования в Японии разбита на три этапа. Обязательны для всех два первых: младшая школа – 6 лет (с 6-7 до 12-13 лет), средняя школа 3 года (с 12-13 до 15-16 лет). Старшая школа 3 года (с 15-16 до 18-19 лет) считается необязательной, однако преобладающее большинство японцев заканчивают старшую школу.

В наше время парадно-церемониальный традиционный костюм как правило состоит из кимоно, хакама и хаори. Мужское кимоно обычно темное, однотонное. Хакама – широкие, похожие на юбку штаны с жесткими складками, надеваются поверх кимоно и завязывают на поясе. Хаори – верхнее широкое, но короткое (до середины бедер) одеяние типа просторной куртки; в отличие от кимоно хаори не запахивается, а завязывается на груди с помощью толстой тесьмы. Обязательным элементом всех традиционных костюмов, включая женские,

является длинный матерчатый пояс – оби. А также таби – носки с выделенным большим пальцем, и дзори – сандалии, похожие на сланцы.

В японском языке существуют по меньшей мере четыре степени вежливости. Чем выше степень, тем больше словесных оборотов и специфических глагольных форм используется в речи. Однако нужно быть профессиональным лингвистом и знатоком японского, чтобы подобрать точные аналоги в современном русском языке и при этом не скатиться до абсурдного использования устаревших форм типа «о, достопочтенный господин, покорнейше прошу...» и т.д. и т.п. Поэтому здесь, в тексте новеллы, автор ограничивается описательными ремарками, когда требуется показать, в каком стиле общаются между собой герои.

[Вернуться к началу эпизода 1.](#)

Пояснения к эпизоду 2

В рёканах – традиционных японских гостиницах – существуют определенные нормы этикета. В частности, посетители должны носить легкие кимоно, которые называются юката. В современных рёканах в качестве гостиничной обуви допускается носить обычные тапочки-шлепанцы, но традиционно постояльцы ходят по помещениям в дзори – сандалиях, похожих на современные сланцы. Дзори надеваются, как правило, на таби – носки с отдельным большим пальцем. В номерах, где пол устелен татами, следует ходить босиком или в таби. В рёканах нет кроватей – постояльцы спят на футонах, специальных матрасах, которые раскладывают на татами. Обслуживающий персонал – преимущественно женщины – одевается в кимоно. Мужчины носят более простые кимоно в паре с хакама.

Тора – буквально «тигр» на японском языке. Существует мужское имя Тоору, однако это не словоформа от корня «тигр», а совершенно другой иероглиф.

Кицунэ – буквально «лис, лисица» на японском языке. Кицунэ – популярный персонаж японского фольклора, наделенный магическими свойствами. В современном искусстве образ лиса-оборотня активно эксплуатируется в литературе, графике, аниме и манге.

[Вернуться к началу эпизода 2.](#)

Пояснения к эпизоду 3

Ксо – буквально «дерьмо» – ругательство, соответствующее нашему «черт» как по степени грубости, так и по смысловому наполнению. Так же как мы, используя «черт», не задумываемся о первоначальном смысле слова, так и японцы, говоря «ксо», не воспринимают это как обозначение отходов организма.

Бакэмоно или обакэ – монстр, чудовище: обобщенное обозначение сверхъестественных существ в японском языке. Нэко – буквально «кошка, кот». Один из популярных персонажей фольклора – кошка-оборотень – называется «бакэнэко»: кошка-чудовище.

[Вернуться к началу эпизода 3.](#)

Пояснения к эпизоду 5

Поставить/снять печать или запечатать/распечатать – магическое действие, призванное сдержать/раскрыть силы волшебного субъекта или объекта.

Терминологические коллизии в обозначениях персонажей японского «демонического» пантеона.

Обакэ или **бакэмоно** – буквально: то, что меняется, по сути – любой монстр, сверхъестественное создание.

Аякаси и **ёкай** – разновидность обакэ. В современных японских фэнтези эти два понятия стали синонимами. В русском языке «аякаси» чаще всего переводят как «дух, призрак», однако буквальный перевод – «мистическое создание», а для обозначения призрака (в смысле – призрака погибшего человека) есть отдельный термин – **юрэй**.

Слово «ёкай» обычно переводят так, как стало принято в англоязычной среде – «демон», поскольку преобладающее большинство аниме и манги попадает к нам с английским текстовым переводом. Но следует помнить, что «демон» в европейском понимании и японский ёкай – существа абсолютно разных категорий. Русскому человеку не придет в голову обзвать демоном древнегреческого цербера или нашего Змея Горыныча. А эти мифические персонажи как раз-то имеют гораздо больше общего с ёкаями, чем абстрактные «демоны».

Здесь, в тексте новеллы, проблема коллизии имен решается, исходя из языкового принципа: аякаси – обобщенное именование телесных мистических существ, а ёкай – определенные аякаси: **хэнгэ** (оборотни) и персонализированные чудовища.

Мадзоку – буквально: «те, кто практикуют мадзюцу (магию)». В японских фэнтези встречается множество различных осовремененных колдунов и чудовищ с магическими свойствами, в том числе и таких, чьи образы взяты из европейской мистики и адаптированы для японского менталитета. Этих персонажей японцы называют мадзоку (маги), но в переводах на английский обычно фигурирует термин «демон», автоматически перекочевавший и к русским переводчикам.

Здесь, в этом тексте, термин «мадзоку» используется в смысле «владеющий магией», то есть «маг, колдун».

Ками – в синтоизме: духовная сущность, божество. Это может быть человек, животное, сверхъестественное существо, природные объекты (лес, поля, горы), обладающие исключительными качествами.

[\[Вернуться к тексту\]](#)

Цукумогами – разновидность аякаси: ожившие вещи и вещи, приобретшие душу и индивидуальность. По народным поверьям любая старая вещь – будь то игрушка, кухонная утварь, одежда и даже оружие – прослужившая более 100 лет, превращается в цукумогами. Цукумогами становятся также потерянные вещи, разыскивающие своего хозяина.

Оммёдзи – маг, колдун, практикующий **оммё-до** (буквально: «путь Инь-Ян») – традиционное японское оккультное учение, пришедшее в Японию из Китая в VI веке н.э и изначально ориентированное на гадания, в частности по «Книге перемен». В наше время оммёдзи приписывают способности изгонять или запечатывать злых духов, снимать/накладывать проклятия, а также управлять мистическими существами (обакэ). Такие обакэ называются **сикигами**.

По правилам транскрипции, принятым в английском языке, слово «оммёдзи» записывается как «ommuoji», что иногда провоцирует некорректное его написание кириллицей как «онмёджи» или «онмёдзи». Однако согласно системе транскрипции японских звуков, официально принятых в русских изданиях на сегодняшний день, звуковое сочетание, похожее на *-нм-*, явного аналога которому в русской фонетике нет, обозначается буквами «мм».

[Вернуться к началу эпизода 5.](#)

Пояснения к эпизоду 6

Обращения «нии-сан» – брат («нээ-сан» – сестра) часто можно услышать в разговорах родственников. Так обращаются к старшим по возрасту брату/сестре. Так же будет звучать обращение к деверю (к брату мужа), к невестке (к жене брата), к шурину (к брату жены). В неформальной обстановке ребенок может использовать обращение «нии-сан» или «нээ-сан» в адрес незнакомого подростка, юноши или девушки.

Старший брат/сестра обращается младшему «нии-тян»/«нээ-тян» («братик»/«сестренка»).

Эти же словоформы используются как именные суффиксы.

Кроме того «нии-сан»/«нээ-сан» применяется при неформальном общении между разновозрастными товарищами и даже между мало знакомыми людьми в случайной компании.

[Вернуться к началу эпизода 6.](#)

Пояснения к эпизоду 8

Тануки – енотовидные собаки, иногда отождествляемые с енотами, реже – с барсуками. Популярный в японской мифологии образ хитрого обманщика хэнгэ (оборотня), способного превращаться в человека. Считаются мастерами создавать иллюзии, как правило безобидные. В современной японской культуре в последние годы тануки уступили по популярности кицунэ (лисицам).

Инугами – собаки-оборотни. В Японии собакам поклонялись как защитникам и стражам, статуи собак ставили в воротах для защиты от злых духов. В легендах и сказках инугами приписывают такие положительные качества, как преданность, честность, физическая сила. Однако до хитрости и ума кицунэ и тануки псам-ёкаем далеко.

По народным поверьям японцев у кицунэ – лисиц-оборотней – бывает до девяти хвостов. Новых хвост отрастает каждые сто лет, в других вариантах – после большого количества побед в битвах и поединках. В фольклоре фигурируют кицунэ с тремя, пятью и девятью хвостами. Чем больше хвостов, тем больше у кицунэ магических сил и навыков. Самым могучим ёкаем-кицунэ считается тысячелетний Девятихвостый лис, который обычно изображался злобным, отрицательным персонажем. Однако в современных фэнтези золотой Тэнко Кицунэ – небесный лис с девятью хвостами – иногда выступает в положительной роли.

[Вернуться к началу эпизода 8](#)

Пояснения к эпизоду 10

Школьный учебный год в Японии начинается в первых числах апреля и состоит из трех триместров. Триместры разделены каникулами. Весной перед началом нового учебного года и зимой (приблизительно с 26 декабря по 7 января) – каникулы короткие. Летние каникулы длятся 30-40 дней, а следующий за ними триместр начинается в первых числах сентября. Интересно, что даже во время каникул ученики обязаны посещать дополнительные занятия вроде факультативов и школьные клубы (в нашем понимании – «кружки» и спортивные секции), которые также являются обязательными.

Система школьного образования разбита на три этапа. Обязательны для всех два первых: младшая школа – 6 лет (с 6-7 до 12-13 лет), средняя школа 3 года (с 12-13 до 15-16 лет). Старшая школа 3 года (с 15-16 до 18-19 лет) считается необязательной, однако преобладающее большинство японцев заканчивают старшую школу.

В отличие от наших школ, где кабинеты организованы по предметному принципу, в японских школах каждый класс занимается в одном, закрепленном за классом помещении. Исключения составляют уроки, требующие специфического оборудования, например, «Естествознание» (в этот предмет включены химия, физика, биология и ряд других дисциплин).

Нумерация классов начинается с единицы для каждого этапа обучения. Класс, а также закрепленная за ним классная комната, обозначаются номером и числовым индексом (например, «1-2», «3-1») или номером и латинской литерой (например, «1-D», «3-A»).

В большинстве японских школ парты для учащихся – индивидуальные, а не парные.

Верхнюю одежду, уличную обувь и мелкие вещи ученики оставляют в специальных персональных шкафчиках, установленных в фойе, коридорах или в отдельном помещении (в «раздевалке»). Там же хранят сменную обувь, спортивную форму, иногда – учебники и тетради.

Школьная форма в средней и старшей школе – это унифицированный гакуран для мальчиков и «матроска» для девочек. Гакуран – брюки и пиджак с воротом-стойкой – может быть черного, темно-синего, иногда коричневого цветов. Для «матроски» больше вариантов цветов и фасонов, но базовый стиль как правило единый – юбка-плессировка и блузка с матросским воротником.

Промежуточные тесты, равно как итоговые тесты, организованы по тому же принципу, что современные ЕГЭ – ученикам выдается бланк с вопросами и вариантами ответов, где следует отметить правильный ответ.

В японских школах принято писать карандашами.

[Вернуться к началу эпизода 10](#)

Пояснения к эпизоду 11

Бэнто – однопорционная компактная упаковка с едой, обычно в форме коробки с ячейками внутри. Как правило включает в себя рис, рыбу или мясо, различные овощи. Бэнто в качестве обеда популярно среди школьников. Бэнто изготавливают в домашних условиях или приобретают готовые в магазинах.

Школьное образование в Японии традиционно построено по принципу «повторение – мать учения», что со стороны воспринимается как долбежка и зазубривание. В классах, даже старшей школы, практикуется чтение вслух, повтор за учителем, поголовная демонстрация результатов домашней работы.

Список «Тридцать шесть бессмертных» составлен в средние века из имен величайших придворных поэтов того времени.

В Японии литературные, газетные и прочие тексты традиционно пишут столбцами справа налево. Соответственно, в книгах, журналах и тетрадях первой страницей является та, которая в нашем представлении – последняя. Написание иероглифов строго регламентировано – основное правило: иероглиф должен укладываться в квадратик. Поэтому в тетрадях и на бумаге для письма размечены не строки, а крупные клетки. Считается, что любой японец, закончивший старшую школу, обязан знать не менее 2000 иероглифов.

Западный Токио – это 26 городов и один сельский уезд, расположенные к западу от центрального Токио. В большинстве своем эти города представляют собой спальные районы для тех, кто работает в столице.

Центральный Токио состоит из 23-х отдельных административных единиц, именуемых «специальные районы». До 1943 года эти районы составляли непосредственно город Токио.

К сведению: существует понятие «столичный округ» или Большой Токио, в который входят «специальные районы», Западный Токио, а также близлежащие префектуры, в частности Тиба, Сайтама и Канагава.

[Вернуться к началу эпизода 11](#)

Пояснения к эпизоду 13

В японском языке существует традиционная форма приветствия на случай возвращения человека домой. Звучит фраза как «окаери» или более официальном стиле «окаеринасай», а переводится обычно как «Добро пожаловать». Прибывший, переступив порог дома, обязательно скажет «тадайма», что по смыслу означает «Я дома» или «Я вернулся». Часто «окаери» произносят, когда приветствуют коллегу, вернувшегося в офис после долгой отлучки. Ситуации, где используется «тадайма», также не ограничиваются возвращением в жилище непосредственно.

Для русского человека «Добро пожаловать» звучит несколько пафосно, поэтому в текстах и переводах применяют более простой словесный оборот: «С возвращением».

Обращение к отцу в японском языке имеет по крайней мере две формы – неформальную и формально-вежливую. В основе обеих – один и тот же иероглиф, который в русской транскрипции передается как «тити» и переводится «отец». В сочетании с префиксом «о-», обозначающим высшую степень уважения к персоне, и общепринятым суффиксом «сан» тот же иероглиф будет прочитан как «тоо». Таким образом, уважительное обращение к своему отцу, а также упоминание чужого отца – «отоосан». В неформальной обстановке, а также в разговоре о своем отце, японец произнесет «тити» (звучание, разумеется, будет несколько отличаться от нашего «ти»).

В тексте новеллы для обозначения неформального общения используется простое и понятное нам «папа», а для демонстрации вежливого стиля – «отец».

К сведению: тот же принцип действует для обращения к матери и упоминания матери (своей или чужой), но, разумеется, базовый иероглиф иной – «хаха» (в сочетании с префиксом и суффиксом – «окаасан»).

[Вернуться к началу эпизода 13](#)

Пояснения к эпизоду 21

Произношение иностранных названий, имен и фамилий в японском языке опирается на ряд фонетических правил, что делает результат отличным от оригинального звучания. В первую очередь это происходит потому, что в японском языке не существует закрытых слогов кроме тех, которые заканчиваются на «Н». Поэтому в любом иноязычном слове после последней согласной слога, отличной от «Н», японцы добавит короткое «у» или – реже – «о». Например, «Иванов» в японской речи прозвучит как «Иванову», а имя «Андрей» – «Андорей».

То же правило действует для слогов, где наличествуют два подряд согласных звука. Например, Москва прозвучит как «Мосукува» (в слове «су» – «у» очень короткое).

Другая особенность фонетики японского языка – отсутствие звука, совершенствующегося звуку «Л». Звуки «л» и «р» в той форме, как произносим мы, не существуют у японцев. В транскрипции, в том числе и в системе Поливанова, принято обозначать ближайший к «л» и «р» звук как «Р». Разумеется, любой японец способен так или иначе произнести «Л», если он говорит на иностранном языке. Так же как и мы кое-как выговариваем английское «th».

Однако следует помнить, что транскрипция – всего лишь обозначение, модель звучания. Здесь, в тексте новеллы, средствами русского языка описаны фонетические коллизии языка японского в части использования иностранных (а именно – русских) звуко сочетаний, и автор ни коим образом не пытается воссоздать японскую речь средствами кириллической транскрипции.

К сведению: в Японии существуют две слоговые азбуки «катакана» и «хирагана». Принцип их построения одинаковый: 7 базовых согласных (к, с, т, н, х, р) и 5 базовых гласных (а, и, у, э, о) образуют каны – слоги, обозначающиеся определенным знаком. Различие между азбуками состоит лишь в начертании знаков.

Катакана считается упрощенной азбукой, с нее начинается обучение детей чтению и письму, она используется в детских изданиях, а также для записи иностранных слов, названий, имен и фамилий.

Хирагана используется повсеместно наряду с иероглифами. Например, слово «отец» в уважительном стиле будет записано お父さん (отоосан): первый знак и два последних – каны азбуки хирагана «о», «са» и «н», знак, похожий на «Х» – иероглиф «тити», буквально «отец», который в сочетании с другими слогами читается как «тоо».

[Вернуться к началу эпизода 21](#)

Примечания

1. **Рёкан** – гостинца в традиционном японском стиле. [[Вернуться к тексту](#)]
2. **Хакама** – широкие штаны, похожие на юбку-брюки с жесткими складками спереди, элемент **традиционного японского костюма**, в состав которого входят также кимоно, оби (пояс), хаори (широкая короткая куртка), таби (носки с выделенным большим пальцем) и дзори (сандалии). [[Вернуться к тексту](#)]
3. **Сёдзи** – раздвижные двери/окна и межкомнатные перегородки; представляют собой деревянную раму, внутри которой натянута бумага (в современных условиях – полупрозрачный пластик, тонкое стекло). [[Вернуться к тексту](#)]
4. **Оби** – длинный матерчатый пояс, элемент традиционного японского костюма; оби обматывают вокруг талии в несколько витков и закрепляют на животе узлом в виде небольшого банта. [[Вернуться к тексту](#)]
5. **Дзори** – обувь в виде сандалий без каблука, похожа на современные сланцы; элемент традиционного костюма японцев. [[Вернуться в текст](#)]
6. **Таби** – носки, скроенные по типу тряпичных сапожек с отдельным большим пальцем, иногда с утолщенной матерчатой подошвой; элемент традиционного костюма японцев. [[Вернуться к тексту](#)]
7. **Юката** – буквально: одежда для ванной. Легкое кимоно без подкладки с короткими или укороченными рукавами, предназначенное для ношения в домашних условиях. Используется также в качестве одеяния для сна, в частности – в рёканах. В наши дни яркие праздничные юката традиционно надевают на фестивали люди всех возрастов. [[Вернуться к тексту](#)]
8. **Футон** – матрас, который раскладывают на татами – половом покрытии жилых комнат. [[Вернуться к тексту](#)]
9. **Онсэн** – горячие источники в Японии, а также сопутствующая им инфраструктура. [[Вернуться к тексту](#)]
10. **Фундоси** – мужское нижнее белье типа набедренной повязки. Фундоси подвязывают на теле; процесс облачения весьма нетривиален. [[Вернуться к тексту](#)]
11. **Сэйдза** – буквально «правильная посадка»: традиционная посадка японцев – человек сидит на пятках. Различаются мужская сэйдза – колени раздвинуты на ширину плеч, и женская – колени плотно сомкнуты. [[Вернуться к тексту](#)]
12. **Нэкомата** – в японском фольклоре бакэмоно (монстр), кошка с двумя хвостами. [[Вернуться к тексту](#)]
13. **Косплей** – от англ: *costume play* – «*костюмированная игра*») – молодежная самодеятельность в форме тематического маскарада. Современный косплей возник в Японии среди любителей аниме, видеоигр и популярных музыкальных шоу. Участники создают костюмы персонажей и разыгрывают всевозможные сценки. С начала 2000-х годов косплей стал популярен и в России. [[Вернуться к тексту](#)]
14. **Додзё** – зал для тренировок и состязаний по боевым искусствами, в частности – кэндо. [[Вернуться к тексту](#)]
15. **Хэнгэ** – в японской мифологии волшебное животное, обладающее антропоморфными чертами и/или способное превращаться в человека. Наиболее популярные хэнгэ: кичунэ (лисы), бакэнэко и нэкомата (кошки), тануки (енотовидные собаки, реже – еноты), оками (волки), инугами (собаки), каппа (лягушки-черепахи, иногда их ассоциируют с Водяными). [[Вернуться к тексту](#)]
16. **Оммёдзи** – маг, колдун, практикующий **оммё-до** (букв. «путь Инь-Ян») – традиционное японское оккультное учение, пришедшее в Японию из Китая и изначально ориентированное на гадания, в частности по «Книге перемен». В наше время оммёдзи приписывают способности изгонять злых духов, а также управлять мистическими существами – **сикигами**. По правилам транскрипции, принятым в английском языке, слово «оммёдзи» записывается как «omtuoji», что иногда вызывает некорректное его написание кириллицей как «онмёджи» или «онмёдзи». [[Вернуться к тексту](#)]

17. Мононокэ – разновидность обакэ, чудовище; мстительный призрак/дух (в т.ч дух злого человека), имеющий материальную оболочку (в отличие от **юрэя** – нематериального духа). В японском фольклоре мононокэ представлены агрессивными убийцами, цель которых отомстить живущим людям за свои беды. В современных фэнтези свойства мононокэ более разнообразны, но мстительность выделяется как основное качество персонажа. [\[Вернуться к тексту\]](#)

18. Они (ударение на первый слог «о») – в японской мифологии гигантский обакэ, великан-людоед, обычно злобный, ужасного вида – клыкастый, рогатый, с грубой кожей красного, синего или черного цвета. В некоторых легендах **они** представлены доброжелательными монстрами, защищающими людей. В переводах с японского **они** называют дьяволом, чертом или бесом. [\[Вернуться к тексту\]](#)

19. Хаси – палочки для еды, традиционный столовый прибор в Японии, равно как в Китае, Корее, Вьетнаме. [\[Вернуться к тексту\]](#)

20. Гэта – деревянные сандалии в форме скамеечек, одинаковые для обеих ног. Крепятся на ноге ремешком между большим и вторым пальцами ноги. [\[Вернуться к тексту\]](#)

21. Дзиндзя – синтоистское святилище, храм, где, согласно верованиям, обитает ками – божество. Служители дзиндзя называются **каннуси**. Считается, что в стародавние времена каннуси обладали магическими силами и общались с ками. На территории Японии около ста тысяч дзиндзя – от крупных, таких как святилище Идзумо, включенное в национальное наследие Японии, до крошечных храмиков, установленных на обочинах дорог или на деревенских подворьях. [\[Вернуться к тексту\]](#)

22. Мико – служительница дзиндзя, священница. Она является помощницей каннуси (служителя дзиндзя), участвует в праздничных ритуалах, свадебных обрядах. По традиции мико могут стать только незамужние девушки. В легендах и мифах японцев мико приписываются свойства волшебниц или жриц: мико слышат ками, передают слова ками людям, занимаются целительством и гаданиями. Традиционная одежда мико – белое кимоно и красные хакама. Образ мико часто фигурирует в современных японских фэнтези. [\[Вернуться к тексту\]](#)

23. Миазмы – от др.-греч «заражение, скверна». Этот устаревший медицинский термин используют для перевода понятия «сёки». В японских фэнтези словом сёки обозначают вредоносный след заклинания, магическое «загрязнение», губительную ауру злобного бакэмоно – всё то, что губит, ослабляет, вызывает болезни. [\[Вернуться к тексту\]](#)

24. Эбоси – головной убор в виде высокой шапки. Элемент традиционного одеяния придворных императорского двора, а в наши дни – священников синтоистских святилищ (каннуси). [\[Вернуться к тексту\]](#)

25. Торияма Сэкиэн (1712-1788) – японский художник, график, иллюстратор; знаток национального фольклора. Автор иллюстрированного справочника «Ночной парад ста ёкаев» и ряда других на тему японской «демонологии». [\[Вернуться к тексту\]](#)

26. Тэнгу – персонаж японской мифологии: могучий мужчина с красным лицом и уродливым длинным носом, иногда изображается с крыльями. По народным поверьям тэнгу живут в горах, охраняют леса, сторонятся людей, подшучивают над путниками и лесорубами. В некоторых легендах тэнгу представлены как мастера холодного оружия, советчики и учителя доблестных воинов. **Карасу тэнгу** (или котэнгу) – младшие тэнгу, похожие на воронов существа, как правило злобные, мстительные. Иногда представлены воронами-оборотнями. **Ямабуси тэнгу** – это «белые» тэнгу, обретшие способность превращаться в людей. Часто превращаются в странствующих монахов-ямабуси, становятся защитниками людей. [\[Вернуться к тексту\]](#)

27. Дзёэ – длинная белая рубаха, используется служителями святилищ дзиндзя во время проведения ритуалов. Дзёэ в комплекте с **кагирину** – верхней просторной одеждой типа длинного кимоно – и шапкой **эбоси** составляет официальный костюм священника (каннуси), однако костюм не является ритуальной одеждой. Это всего лишь традиционное одеяние, которое носили при императорском дворе. [\[Вернуться к тексту с упоминанием дзёэ\]](#) [\[Вернуться к тексту с упоминанием «кагирину»\]](#)

28. Дзабутон – плоская подушка для сидения, при наличии спинки и приставного подлокотника дзабутон похож на легкое кресло без ножек. Используется для сидения на полу в позах **сэйдза** и **агура** (скрестив ноги перед собой). [\[Вернуться к тексту\]](#)

Несколько слов об авторе

Ирина Валерьевна Фронкина до 2009 года публиковалась под литературным именем Ирина Крупеникова. Все ранее изданные произведения размещены на личном сайте в интернете по адресу <http://rena.pp.ru> . Адрес электронной почты ifron1205@yandex.ru